

Росашков, I.

СОЧИНЕНІЯ
ИВАНА ПОСОШКОВА.

ИЗДАНЫ,

НА ИЖДВЕНІИ МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ,

МИХАЙЛОМЪ ПОГОДИНЫМЪ,

ПРОФЕССОРОМЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

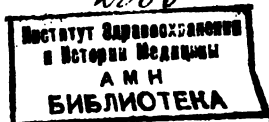
Много Нѣмцы насъ ушлѣ науками, а наши
острою по благодати Божіей, не хуже ихъ,
а они ругаютъ насъ напрасно. (Слова Посош-
кова изъ донесенія Болрину Головину).

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1842.

Кр 2883

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ законенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Февраля
6 дня 1842 года.**

Ценсоръ П. Корсаковъ.

**По опредѣленію Императорскаго Общества Исторіи и Древностей,
учрежденнаго при Московскомъ Университетѣ. 1842 года Мая 31.**

Членъ Комитета С. Шевыревъ.

HN525

P62

КНИГА

О

СКУДОСТИ И О БОГАТСТВѢ,

ОГДЕ ЕСТЬ ИЗЪЯСНЕНІЕ,

ОТЪ ЧЕГО ПРИКЛЮЧАЕТСЯ СКУДОСТЬ, И ОТЪ ЧЕГО

ГОВОРЯТОМЪ БОГАТСТВО УМНОЖАЕТСЯ.

Иди пѣсти по уму...
Ардъ орда обманъ паетъ иждѣ орда ина
Паръ хдѣе ваиръ павѣтъ добрихъ иди мѣтѣ Ароръ
Иди пѣсти по уму...
Паръ хдѣе ваиръ павѣтъ добрихъ иди мѣтѣ Ароръ
Иди пѣсти по уму...
Паръ хдѣе ваиръ павѣтъ добрихъ иди мѣтѣ Ароръ

Ардъ невожикине ирешенке ваянъ гдѣ новоро
Ардъ по хтраволю Гдѣ бѣте невожикине по нефе
Ардъ по хтраволю Гдѣ бѣте невожикине по нефе
Ардъ по хтраволю Гдѣ бѣте невожикине по нефе
Ардъ по хтраволю Гдѣ бѣте невожикине по нефе

вѣла смѣсленко Гдѣ мой право Гдѣтѣ
вѣла смѣсленко Гдѣ мой право Гдѣтѣ
вѣла смѣсленко Гдѣ мой право Гдѣтѣ
вѣла смѣсленко Гдѣ мой право Гдѣтѣ
вѣла смѣсленко Гдѣ мой право Гдѣтѣ

Дієміній діхлорид (хлорид) діє як сильна кислота, і він діє як сильна кислота (діє як сильна кислота). Більш ніж сім років тому, і він діє як сильна кислота, і він діє як сильна кислота. Він діє як сильна кислота, і він діє як сильна кислота. Він діє як сильна кислота, і він діє як сильна кислота.

Однак є ще потягся єси, і від помолоти і він діє як сильна кислота, і він діє як сильна кислота. Він діє як сильна кислота, і він діє як сильна кислота. Він діє як сильна кислота, і він діє як сильна кислота.

Писавши у добрій нурчанин
(її погрозділа протязань).

Іванів пошукаць.

Писавши іще пошукаць іще (її)
понофа пана поносити,

їще погрозділа неозначені і (ї)
мні пещі прощенія протить.

Іванів пошукаць іще (її)
понофа пана поносити,

їще погрозділа неозначені і (ї)
мні пещі прощенія протить.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Крестьянинъ Иванъ Посошковъ, жившій въ царствованіе Императора Петра Великаго, извѣстенъ былъ въ нашей Литтературѣ по тремъ краткимъ своимъ сочиненіямъ, или лучше запискамъ: 1, *О ратномъ поведеніи*, представленная Боярину Головину; 2, *О духовныхъ дѣлахъ*, Митрополиту Стефану Рязанскому; 3, *Наставленіе сыну*, отправленному въ путешествіе. Первая и третья напечатаны были вмѣстѣ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Г. Розановымъ, подъ заглавіемъ: *Россіянинъ прошедшаго вѣка*; а вторая К. Θ. Калайдовичемъ въ Русскихъ Достопамятностяхъ, въ 1814 году.

Новиковъ въ Словарѣ Русскихъ писателей (1783) собщилъ извѣстіе, (повторенное Митрополитомъ Евгеніемъ), что Иванъ Посошковъ написалъ книгу *О скудости и богатствѣ*.

Счастливыи случай доставилъ мнѣ въ руки эту книгу въ числѣ прочихъ, купленныхъ Г. Θ. Большаковымъ на аукціонѣ въ Петербургѣ, въ 1840 году, послѣ покойнаго И. И. Лаптева, извѣстнаго собирателя отечественныхъ древностей.

Подъ заглавіемъ, которое общаетъ читателямъ не болѣе какого нибудь нравственнаго разсужденія, сочи-

VIII

неніе Посошкова заключаетъ въ себѣ, какъ увидѣлъ я съ первыхъ страницъ, полное изслѣдованіе о состояніи Россіи во время Петра I, — и радость моя не имѣла границъ. Чѣмъ далѣе я читалъ, тѣмъ болѣе удостовѣрялся, что не было ни одного государственнаго вопроса, до котораго бы Посошковъ не коснулся, о которомъ бы не думалъ, и не дошелъ до положительнаго мнѣнія. Многія важныя политическія мѣры, которыми прославилось царствованіе Екатерины II и Александра I, были предлагаемы уже Посошковымъ. Скажу болѣе: тѣ великіе вопросы, кои занимаютъ теперѣ Правительство, судя по разнымъ его дѣйствіямъ, на примѣръ о кодификаціи, о размежеваніи, объ отношеніи крестьянъ къ помѣщикамъ, были за сто лѣтъ предметомъ размышленій великаго Русскаго Политика-самоучки; инныя предоставляются еще будущему времени, какъ-то обезпеченіе Духовенства, торговля обществами и проч.; съ другой стороны многія злоупотребленія, кои старается искоренить благодѣтельное Правительство, предупреждались его мѣрами, на примѣръ чрезполосность. Родясь лѣтъ за пятьдесятъ до Политической Экономіи въ Европѣ, Посошковъ постигалъ живо ея правила и училъ своихъ соотечественниковъ, только не отвлеченными положеніями системы, а по дѣйствительнымъ явленіямъ жизни.

Нечего говорить, что нѣкоторыя другія мѣры Посошкова, на примѣръ о почтахъ, пыткахъ, казняхъ, и проч. въ теченіи времени обветшали, сдѣлались неудобными, вслѣдствіе измѣнившихся отношеній Россіи

внѣшнихъ и внутреннихъ, распространѣнія ея предѣловъ и вступленія въ систему Европейскихъ Государствъ, — и теперь имѣютъ только значеніе историческихъ достопамятностей.

Почитаю себя счастливымъ, что могу, при содѣйствіи просвѣщеннаго Начальства, издать вполне этотъ драгоценный историческій памятникъ, высокое произведеніе здраваго Русскаго смысла.

Долгомъ поставляю принести усердную благодарность и Императорскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое приняло на свой счетъ издержки изданія. Принеся уже столько пользы отечественной Исторіи изданіемъ Свода Арцыбышева, Лѣтописей Псковской и Супрасльской, дѣль по Мѣстничеству и многихъ важныхъ разсужденій, оно пріобрѣтаетъ теперь новое право на общую признательность любителей Исторіи.

Къ сочиненію О скудости и богатствѣ, я разсудилъ заблаго присоединить и прочія записки Посошкова, изъ коихъ двѣ сдѣлались уже библиографическими рѣдкостями, дабы въ этомъ изданіи публика имѣла вполне всѣ доселѣ извѣстныя сочиненія Посошкова.

Прежде нежели предложу ихъ читателямъ, считаю нужнымъ, основываясь на нихъ, представить краткое изслѣдованіе объ жизни сочинителя.

Х

Посошковъ происходилъ изъ крестьянъ.

Въ донесеніи своемъ Боярину Головину, (о которомъ ниже) онъ говоритъ: «истинно не лгу, что отъ самаго желанія сердечнаго писалъ сіе, а не отъ достовѣрства; понеже земледѣлецъ есмь, а не воинъ.» и пр. (см. ниже с. 288).

Подъ донесеніемъ, которое было подано Митрополиту Стефану Яворскому послѣ 1705 г., и дошло до насъ въ подлинникъ, Посошковъ подписался: «убогій мірянинъ, села Покровскаго крестьянинъ Иванъ Посошковъ.» (с. 315).

Въ концъ этого посланія онъ говоритъ также: «ей неученый есмь человекъ; къ сему же еще и земледѣлецъ есмь.» (с. 315)

Когда Посошковъ родился и когда умеръ?

На этотъ вопросъ можно отвѣчать приблизительно, принимая въ помощь для соображеній годъ 1708, когда сынъ его отправленъ былъ въпутешествіе (с. 295): сыну вѣроятно было тогда около 20 лѣтъ, по крайней мѣрѣ не болѣе (с. 295), слѣдовательно онъ родился около 1690 года, слѣдовательно Посошкову отцу должно быть тогда не менѣе 20 лѣтъ, слѣдовательно онъ родился около 1670, и никакъ не послѣ, а можетъ быть ранѣе. Съ этимъ числомъ сходятся хорошо и прочія: въ 1701 году Посошковъ могъ, имѣя 30 лѣтъ отъ роду, представлять свое донесеніе Головину, а въ 1724 г. написать сочиненіе О скудости и богатствѣ, имѣя отъ роду около 55 или 60 лѣтъ, если онъ женился 30, и родился въ 1665 году. Умеръ же онъ послѣ

1724 года, въ которомъ былъ еще въ полной силѣ души и тѣла.

Гдѣ онъ жилъ?

О селѣ Покровскомъ, котораго крестьяниномъ онъ называетъ себя въ 1703 году, нельзя сказать ничего достовѣрнаго, но въ послѣднее время, то есть около 1724 года, когда Посошковъ писалъ книгу О скудости и богатствѣ, онъ жилъ безъ сомнѣнія около Новгорода, куда часто ѣздилъ, какъ видно изъ книги, близъ посада Устрики, который встрѣчается у него еще чаще. Это селеніе находится на озерѣ Ильмень, въ 20 верстахъ отъ Старой Русы, и 100 отъ Новгорода, что случилось мнѣ узнать во время послѣдней поѣздки въ Петербургъ, отъ Новгородскихъ крестьянъ.

Вотъ еще одно собственное имя, служащее указаніемъ его мѣстопребыванія: «въ прошломъ 719 году ѣдучи къ себѣ на заводъ,» говоритъ Посошковъ, «на Держковомъ волоку» (с. 163) и проч. Держковъ волокъ въ 60 верстахъ отъ Боровичей къ сѣверу, какъ я слышалъ отъ нихъ же.

До 1700 года Посошковъ подавалъ какой-то проэктъ финансовый, о денежномъ дѣлѣ, о коемъ упоминается въ донесеніи боярину Головину (см. ниже с. 282).

Въ 1700 году, какъ видно оттуда же, Посошковъ представлялся въ Преображенскомъ, на Сержантскомъ дворѣ, Императору Петру I, который «изъ своихъ царскихъ устъ изрекъ (ему), чтобъ сдѣлать рогатки огнестрѣльные въ три ряда» (с. 268), и проч.

Въ 1701 году Посошковъ написалъ предложеніе Боярину Федору Алексѣевичу Головину о *ратномъ поведеніи*.

ХII

Неизвестно, какой успѣхъ имѣло это предложеніе. Вероятно никакого, ибо онъ многія изъ своихъ мыслей повторяетъ опять въ книгѣ О скудости и богатствѣ. Еслибъ оно имѣло успѣхъ, то Посошковъ не преминулъ бы упомянуть тамъ, къ чему имѣлъ много поводовъ. Молчаніе его убѣждаетъ въ противномъ.

Изъ этого донесенія видно также, что рогатки, заказанной ему И. Петромъ I онъ не представлялъ еще тогда Государю, ибо говоритъ въ донесеніи: «я буде доволишь тотъ образчикъ объявить.» (с. 268), и проч.

Однакожъ Посошковъ сдѣлался известнымъ, и въ 1708 году сынъ его посланъ былъ въ чужіе края для ученія, по повелѣнію Императора Петра I, (с. 293).

Въ десятихъ годахъ Посошковъ написалъ *отеческое заповѣдательное поученіе*, изъ котораго видно, что онъ имѣлъ уже тогда порядочное состояніе, и могъ давать сыну по 100 ефимковъ, или гульденовъ по 150 Голландскихъ, что составляло около тысячи рублей тогдашнихъ. (с. 299).

Въ время сочиненія О скудости и богатствѣ, т. е. въ 1724 году Посошковъ имѣлъ уже самъ крестьянъ, или по крайней мѣрѣ заводъ* съ приписанными людьми** и землею.***

* «Въ прошломъ 719 г. здучи къ себѣ на заводъ. (с. 163)

** «У меня человекъ пять шесть сбѣжало прошлаго 722 года.» (с. 96)
«Мой человекъ поймался за лошадь мою (въ военномъ обозѣ), то лошадь у него отяали, да его же Капитанъ Мавринъ выскѣкъ боготы.» (с. 44)

*** «Кто есмь я, да и за мною съ полтора четвертей есть, а платежу моего гать съ нихъ Великому Государю ни малаго.» (с. 203)

Въ 1719 году онъ подавалъ еще просьбу Князю Дмитрію Михайловичу Голицыну о позволеніи построить заводъ винокуренный, и взять водку на подрядъ, но получилъ отказъ, и былъ даже посаженъ въ тюрьму, что и выставляетъ примѣромъ произвольныхъ наказаній со стороны судей. (с. 48).

Посошковъ нашель еще гдѣ-то свру, и по причинѣ крайней нужды правительства сообщилъ о своемъ открытіи Князю Борису Алексѣевичу, который обѣщалъ наградить его за эту Государственную услугу такъ, чтобы ни дѣтямъ его, или внучатамъ прожить не довелось, но далъ только 50 рублей, чѣмъ Посошковъ очень обижался (с. 153).

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько открытій, не принесшихъ ему однако же никакой пользы: «И у меня вымысловъ пять-шесть было нажиточныхъ, а покормиться мнѣ не дали, и всѣ мои вымыслы пропали ни за что.» (с. 142).

По всѣмъ симъ показаніямъ мы видимъ, что въ послѣдніе годы Посошковъ имѣлъ порядочное состояніе, пріобрѣтенное безъ сомнѣнія трудами и оборотами.

Въ этомъ-то смыслѣ и говорить онъ о себѣ въ одномъ мѣстѣ: «и я еще и не весьма послѣдній человекъ, а суда не испыталъ, какой же сыщеть судъ кто мизирнѣ меня?» (с. 35). А въ другомъ, что въ селѣ Устрикѣ попы, *поопасясь* его, отслужили двѣ обѣдни на святой недѣль *вместо* одной, какъ это у нихъ бывало прежде (с. 27).

Впрочемъ онъ не пользовался никогда особенного

XIV

значительностію, и подвергался очень часто всякимъ оскорбленіямъ, хотъ и называетъ себя не послѣднимъ челоуѣкомъ. Мы видѣли, что Князь Голицынъ сажалъ его подъ караулъ (с. 48).

Въ 1721 году Капитанъ Невельской опечатавъ было все его имѣніе, и выгналъ его съ квартиры въ Новгородъ, по той только причинѣ, какъ говорить онъ, что его хозяинъ «приличился въ свидѣтельствѣ» грозился выбросить все животы на улицу, а жену, которая поупрямилась было оставить домъ, грозился «выволочь за косу.» «Жена моя» говоритъ Посошковъ, «убоявся увѣчья и такого великаго безчества, по чужимъ дворамъ больше двухъ недѣль скиталась.» Воевода Князь Юрій Яковлевичъ Хилковъ едва упросилъ Капитана снять печать и свести караулъ.

Вотъ еще подобный случай:

721 года Полковникъ Дмитрій Ларіоновъ сынъ Порецкой, говоритъ Посошковъ, «будучи въ Новгородъ въ канцеляріи провинціального суда, бранилъ меня скверною бранью, и называлъ воромъ, и похвалялся посадить меня на шпагу. И за что посадить хотѣлъ, вины своей не малыя не знаю. И то руганіе мнѣ отъ него было и шпагою похвальныя слова при судейскомъ столѣ, а судей въ то время уже не было, токмо былъ тутъ нотаріусъ, Романъ Семеновъ; и то мнѣ руганіе и похвальныя его слова отъ нотаріусъ и приказные подъячіе и дворяне многіе слышали, и я наутро принесъ судіямъ челобитную, что въ брани и въ похвальныхъ словахъ его полковника допросить, и онъ

Порецкой въ допросъ не пошелъ. Я де судимъ въ военной коллегіи, а у насъ де въ Новгородъ отвѣчать не буду (с. 35).»

Эта незначительность видна изъ того, что онъ не могъ дойти до Кабинетъ-секретаря Г. Макарова съ однимъ своимъ предложеніемъ. «Въ 718 году написалъ я доношеніе Е. И. В. о новоначинающихся деньгахъ... И для подавія приходилъ я къ Господину Алексію Васильевичу Макарову, и за жестокими караульщиками не могъ получить, еже бы то доношеніе его милости вручить, и поѣхалъ онъ къ лекарственнымъ водамъ. И тако то доношеніе мое и осталось у меня, и я послѣди того времени отдалъ курьеру (?) Егору Сергѣеву, который въ домъ его Алексія Васильевича пребываетъ, и просилъ его, дабы по времени вручилъ ему; и вручилъ ли онъ то мое доношеніе ему Алексію Васильевичу или нѣтъ, прото то не вѣмъ, или самъ прочелъ не вѣмъ (с. 251).»

Курьеръ Макарова былъ вождельнымъ Меценатомъ для нашего политика!

Замѣчательно, что сына своего онъ готовилъ въ духовное званіе, и даже думалъ, что тотъ могъ бы сдѣлаться Архіереемъ (с. 19). Что могло побудить его къ избранію такого рода жизни для сына? Думалъ ли онъ указать сыну путь, гдѣ тотъ наиболѣе могъ принести пользы отечеству?

Сочиненіемъ книги О скудости и богатствѣ Посошковъ занимался три года «утаенно отъ зрѣнія людскаго,» и кончилъ его, какъ видно изъ окончательнаго обра-

XVI

щенія къ Императору Петру I, Февраля 24, 1724 года (с. 259).

Почему далъ ему такое частное названіе, не соответствующее общему содержанию? Можетъ быть для того, чтобъ съ перваго раза возбудить любопытство и привлечь вниманіе Государя, какъ къ предмету самому важному и нужному въ государственномъ управленіи, преимущественно же при обстоятельствахъ того времени.

Неизвѣстно, какой успѣхъ имѣло оно. Нельзя даже сказать навѣрное, нашелъ ли Посошковъ случай представить его Государю, или оно осталось также у него въ рукахъ, какъ и предложеніе Кабинетъ-Секретарю Макарову, до котораго онъ не могъ дойти «за многими караульщиками.»

Припомню, что сочиненіе написано 24 Февраля 1724 года, слѣдовательно только за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Императора Петра I.

Посошковъ написалъ еще нѣсколько разсужденій, о коихъ упоминается въ этихъ, но онѣ видно пропали, или скрываются въ какихъ нибудь книгохранилищахъ и сборникахъ. Вотъ ихъ заглавія или предметы: 1, денежное письмо, (с. 282) 2 отеческое наставленіе сыну, кажется между прочихъ о обязанностяхъ Духовенства, (с. 18) 3 о винной продажѣ и питейномъ сборѣ, 4 донесеніе о новыхъ деньгахъ, 1719 года (с. 256).

Примѣтно вообще, что онъ любилъ писать, и при всякомъ случаѣ или поводѣ никакъ не могъ удержаться, чтобъ не предложить своихъ мыслей, съ которыми обращался вездѣ: къ Митрополиту Стефану Яворско-

му, къ Боярину Головину, къ Кабинет-Секретарю Макарову, и наконецъ къ самому Императору Петру I,— и кажется по большей части безъ успѣха. *

Въ этомъ заключаются всѣ извѣстія о жизни Посошкова, важныя и неважныя, кои собрать можно изъ его сочиненій. Развѣ прибавить, что Посошкову случилось быть, неизвѣстно по какимъ дѣламъ, во многихъ странахъ Россіи. Мы замѣтили уже, что онъ ѣздилъ часто въ Новѣгородъ, (с. 70, 92, 116, 201, и проч.) Видно также, что онъ бывалъ въ Пензѣ (58), Мценскѣ, Черни, (177), Алексинѣ (с. 901) на Ладожскомъ озерѣ (210), въ Москвѣ, (29) въ Петербургѣ (с. 41, 211), былъ кажется иногда употребляемъ правительствомъ, (с. 34), напри- мѣръ при отысканіи мастеровъ для чеканенія денегъ, (с. 215) для дѣланія пороха, (153) и пр., и находился въ различныхъ сношеніяхъ со многими извѣстными лицами его времени: Княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, Княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, Львомъ Кириловичемъ Нарышкинымъ, Княземъ Юрьемъ Ярославскимъ Хилковымъ, Господиномъ Корчминымъ, кромѣ Боярина Ѳедора Алексѣевича Головина.

Семейство его составляли: жсна, единственный сынъ Николай и нѣсколько родственниковъ.

* Страшенъ мнѣ сей глаголь, что дерзнулъ о такомъ дѣлѣ великомъ писать, но презрѣнная моя горячесть понудила мнѣ на сіе дѣло: Богъ бо мнѣ свидѣтель, что не ради какого поискашя или прибытка желаю себѣ, *цѣлѣю* только сама ради любви, юже имѣю къ Е. И. В., ибо я отъ юности своея бѣхъ таковъ, и *лучши ми каковую либо пакость на себѣ понести, нежели видѣть что не полезно умолати* (с. 215).

XVIII

Впрочемъ лучшая біографія Посошкова есть его сочиненія. Тамъ онъ весь съ своими понятіями, мыслями, чувствованіями. Читая его, видишь во всякой страницѣ, что онъ былъ напитанъ страхомъ Божиимъ, и преданъ отъ всей души Христіанской Религіи; признавалъ человеческое достоинство, любилъ всѣхъ людей, и заботился объ ихъ счастіи не только въ сей жизни, но и будущей; уважалъ книжное ученіе, то есть просвѣщеніе, образованіе, и почиталъ оное главнымъ условіемъ всѣхъ гражданскихъ успѣховъ; пламенно любилъ отечество, былъ преданъ неограниченно и безусловно Верховной власти въ лицѣ Государя, зналъ, понималъ всѣ способности Русскаго человѣка, и терпѣть не могъ, или покрайней мѣрѣ не имѣлъ никакой довѣренности къ иностранцамъ.

Замѣтимъ еще остроуміе и пронию, Русскія свойства, кои часто проглядываютъ у него въ сочиненіи, не смотря на важность предмета, и наконецъ, при всей скромности, самолюбіе, которое обещало ему счастіе и благоденствіе Россіи, въ случаѣ, еслибъ принята была «его девятирица »

Касательно образованія, онъ говоритъ о себѣ: «азъ весьма мизирень и ученію школьному неискусень, и како по надлежащему достоить писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самой простецъ есмь.»

Это повторено и во многихъ другихъ мѣстахъ. Впрочемъ онъ былъ свѣдущъ въ книгахъ Священнаго Писанія, и вообще слишкомъ любознательнъ, такъ что

не оставляя без вниманія и разсужденія ни одного предмета, который ему представлялся.

Касательно ученой части его сочиненій, предоставляю подать голосъ Профессорамъ Политической Экономіи и Юриспруденціи. Пусть они по безпристрастномъ разсмотрѣніи назначать ему принадлежащее мѣсто въ Исторіи своихъ наукъ, и воздадутъ подобающую честь.

Объ изложеніи. Главное раздѣленіе въ книгѣ О скудости и богатствѣ на девять главъ сдѣлано очень основательно, и обнимаетъ всѣ части государственнаго управленія: 1 о Духовенствѣ, 2 о военныхъ дѣлахъ, 3 о правосудіи, 4 о купечествѣ, 5 о художествахъ, (о промышленности мануфактурной), 6 о разбойникахъ, (объ уголовномъ дѣлѣ), 7 о крестьянствѣ, 8 о дворянствѣ и землѣ, 9 о царскомъ интересѣ. Но въ каждой главѣ порознь мысли иногда слѣдуютъ не въ строгомъ порядкѣ, и встрѣчаются часто повторенія *.

Къ чести его сказать должно только то, что языкъ его, не смотря на пеструю смѣсь церковнаго съ простонароднымъ, подъ преимуществомъ перваго, очень ясенъ, и не найдется никакого простолюдина, совершенно необразованнаго, который не повялъ бы Посошкова отъ слова до слова, не смотря часто на трудность предмета, равно какъ и нѣтъ у него ни одного положенія, которое нужно бы

* Желающіе прочесть краткое извлеченіе изъ его сочиненія, со всѣми главными мыслями, въ порядкѣ, можетъ быть болѣе естественномъ, благоволятъ обратиться къ 3 N Москвитянина на сей 1812 годъ.

XX

дополнять или пояснять. Онъ сказалъ все, что хотѣлъ. Важное и рѣдкое достоинство для законодателей.

Теперь отдамъ отчетъ объ изданіи и спискахъ, мною употребленныхъ.

Сочиненіе О скудости и богатствѣ издано по двумъ спискамъ: первый достался мнѣ послѣ Г. Лаптева, какъ сказалъ я выше; второй получилъ отъ П. М. Строева. Оба списка довольно хороши, особенно второй, и современные, или по крайней мѣрѣ близки къ подлиннику, какъ читатели могутъ судить изъ прилагаемыхъ снимковъ; почти совершенно сходны между собою, и легко могли быть исправлены въ нужныхъ, весьма немногихъ случаяхъ, посредствомъ сравненій. Нѣсколько важныхъ разнорѣчій отмѣчены въ примѣчаніяхъ. Мѣсть или словъ пять-шесть осталось непонятными.

Правописаніе употребилъ я нынѣшнее, кромѣ случаевъ, дающихъ поводъ судить о произношеніи или нарѣчій.

Мой списокъ писанъ въ четвертку, однимъ почеркомъ и состоитъ изъ 243 четвертокъ. (См. снимокъ 1).

Списокъ Строевскій писанъ въ поллисть тремя почерками, и состоитъ изъ 134 поллистовъ. Этотъ списокъ приготовлялся видно къ спѣху всѣми тремя писцами въ одно время потетрадкамъ малымъ отъ двухъ до трехъ листовъ. (См. снимокъ 2).

Наставленіе о ратномъ поведеніи напечаталъ я съ своего прекраснаго и безъ сомнѣнія современнаго

списка, въ осьмушку (50 осьмушекъ) (см. снимокъ 4), сличеннаго съ Розановскимъ изданіемъ.

Отеческое поученіе напечатано съ Розановскаго изданія, а списка нѣтъ ни одного.

Донесеніе Митрополиту Стефану Яворскому съ изданія Калайдовича, который печаталъ съ подлинника, хранящагося въ библіотекѣ Синодальной типографіи (см. снимокъ N 3). Немогу не замѣтить что рука Посошкова (N 5) очень похожа на руку, кою написано Донесеніе, мнѣ принадлежащее, (N 4), такъ что едва ли Донесеніе не есть собственноручное?

Въ заключеніе я долженъ упомянуть здѣсь о сомнѣніяхъ, кои возбудило сочиненіе Посошкова, даже до своего обнаруживанія. Разнеслись слухи, что оно принадлежитъ не крестьянину Ивану Посошкову, но Князю Борису Алексѣевичу Голицыну, Болрину Головину, какому-то Новгородскому дворянину; наконецъ, что оно явилось только въ царствованіе Императрицы Екатерины II, въ эпоху созванія его Депутатовъ.

По моему мнѣнію въ этомъ дѣлѣ *всего важнѣе сочиненіе, само по себѣ, кѣмъ бы ни было написано, а вопросъ о сочинителѣ есть вопросъ любопытный, но гораздо менѣе важный.*

Впрочемъ я не знаю, на чемъ основываются разнесшіеся слухи, и потому не могу судить, что въ нихъ есть достовѣрнаго. На вопросъ мой о доказательствахъ, предложенный чрезъ Москвитянина, никто не пред-

XXII

ставилъ отвѣта. Въ ожиданіи его я могу сказать, что сочиненіе рѣшительно противорѣчитъ упомянутымъ слухамъ, и что предъявители сомнѣній видно его не читали. Вотъ доказательства.

1. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ не можетъ быть сочинителемъ, ибо сочинитель жалуется на этого Боярина въ одномъ мѣстѣ за то, что сей послѣдній именно обѣщаль наградить его щедро за открытіе сыры, и не наградилъ.

Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ былъ человекомъ самымъ приближеннымъ къ Императору Петру I, спасалъ его въ Преображенскомъ, руководилъ всеми первыми его дѣйствіями, и едва ли имѣлъ нужду скрывать свое имя предъ бывшимъ своимъ воспитанникомъ. Подъ сочиненіемъ подписанъ 1724 годъ, въ немъ говорится объ указахъ и мѣрахъ 1718 и 1719 годовъ, когда Князя Бориса Алексѣевича не было въ живыхъ (+1713).

2. Боярину Θεодору Алексѣевичу Головину не могло оно принадлежать, ибо ему представлено Посошковымъ другое сочиненіе, уже прежде извѣстное, которое повторено съ прибавленіемъ и исправленіемъ въ этомъ.

3. Дворяниномъ вообще, Новгородскимъ или какимъ бы то нибыло, сочиненіе не могло быть написано, ибо проникнуто все плебейскимъ духомъ, противъ притѣсненій и злоупотребленій дворянскихъ того времени. Сочинитель слишкомъ коротко знакомъ съ простонароднымъ бытомъ, и судя по всемъ признакамъ принадлежалъ къ низшему сословію.

4. Не можетъ быть, чтобъ сочиненіе явилось только при И. Екатеринѣ, потому что всѣ три рукописи, у меня хранящіяся, писаны прежде ея царствованія, какъ читатели увидятъ изъ приложенныхъ снимковъ. Представленіе же о ратномъ поведеніи, гдѣ большая часть чиселъ означена даже Славянскими буквами, принадлежитъ по почерку, безъ сомнѣнія, къ началу царствованія Петра I.

Сомнѣніе наводятъ еще нѣсколько иностранныхъ словъ, разсыянныхъ въ сочиненіи, напр. аристократъ, демократъ, компанія. Отвѣчаю: нѣтъ между ними ни одного, которое бы не встрѣчалось въ печатныхъ книгахъ, при Петрѣ I изданныхъ, или объ которыхъ Посошковъ не могъ бы слышать отъ своего сына, путешествовавшаго по Европѣ.

Другіе удивляются силѣ сужденій, обширности взгляда, и заключаютъ, что сочиненіе не могло принадлежать простолюдину. На это отвѣчаю, что при Петрѣ I различіе между образованіемъ бояръ и простолюдиновъ не было такъ разительно, какъ нынѣ, ибо происходило изъ одного и того же источника.

Читая сочиненіе, видишь, что сочинитель былъ человѣкъ грамотный, обладавшій яснымъ взглядомъ на вещи, познаніемъ дѣла, къ нему близкаго, Русскимъ толкомъ въ сильной степени, умомъ творческимъ—это явленіе важное, рѣдкое, удивительное, но естественное и возможное между простолюдинами, какъ и между дворянами, какъ въ древнее, такъ и въ новое время.

Надѣюсь, что читатели согласятся со мною про-

XXIV

читаю книгу и изслѣдованіе объ жизни Посошкова, и видѣвъ тамъ, сколько лицъ извѣстныхъ сочинитель выставляетъ въ сношеніяхъ между собою, слишкомъ опредѣленныхъ.

Однимъ словомъ, я не вижу никакой причины, до предъявленія сильныхъ доказательствъ, въ угодность произвольнымъ догадкамъ, отнимать сочиненія у сочинителя, который подъ ними подписался, и невольно при семъ случаѣ вспоминаю стихи Поэта:

*«О люди жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человекъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйной въкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньи
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье.»*

Михаилъ Погодинъ.

1842.

Мая 30.

КНИГА

О СКУДОСТИ И О БОГАТСТВѢ,

СІК ВСТЬ ИЗЪЯВЛЕНІЕ,

**ОТЪ ЧЕГО ПРИКЛЮЧАЕТСЯ НАПРАСНАЯ СКУДОСТЬ, И
ОТЪ ЧЕГО ГОВОРЯТОН БОГАТСТВО УМНОЖАЕТСЯ.**

Азь, мизирный Его Императорскаго Величества рабичищъ, мнѣніе свое сицево предлагаю о собраніи Царскихъ сокровищъ, сице, еже вѣрнымъ Его Величества рабомъ тако подобаетъ пешися, ежебы елико о собраніи казны старатися толико, но ежебы и собранное туне не погибало, и нетокмо собраннаго, но и несобраннаго прилежно смотрѣти, дабы даромъ ничто нигдѣ не лежало и не погибало.

Подобне и о всенародномъ обогащеніи подобаетъ пешися безъ уятія усердія, дабы и они даромъ и напрасно ничего не тратили, но жили бы отъ пьянственнаго питья повоздержнѣе, а во одеждахъ не весьма тщеславно, но посредственно; чтобы отъ излишняго украшенія своего, наипаче же женъ своихъ и дѣтей своихъ, въ скудость не приходили, но вси бы по мѣрности своей въ приличномъ богатствѣ разширялись.

Понеже не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежащія казны много, ниже то царствен-

ное богатство, еже синклитъ Царскаго Величества въ златотканныхъ одеждахъ ходить; но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствами, а не внѣшними одеждами или позументнымъ украшеніемъ: ибо украшеніемъ одеждъ не мы богатимся, но тѣ государства богатятся, изъ коихъ тѣ украшенія привозятъ къ намъ, а насъ во имѣніи тѣми украшеніями истончиваютъ. Паче же вещественнаго богатства надлежитъ всемъ намъ обще пещися о невещественномъ богатствѣ, то есть, о истинной правдѣ; правдѣ * — отецъ Богъ, и правда велими богатство и славу умножаетъ, и отъ смерти избавляетъ; а неправдѣ отецъ діаволь, и неправда не токмо вновь богатитъ, но и древнее богатство оттончиваетъ, и въ нищету приводитъ, и смерть наводитъ.

Самъ бо Господь Богъ рекъ: *Ищите прежде царства Божія и правды Его*; и прирече глаголя: *яко вся приложатся вамъ*, то есть, богатство и слава. (Мате. гл. 6, ст. 33). И по такому словеси Господню подобаетъ намъ паче всего пещися о снисканіи правды; а егда правда въ насъ утвердится, и твердо вкоренится, то не можно царству нашему Россійскому не богатиться и славою не возвыситься. То бо есть самое царства украшеніе и прославленіе и честное богатство, аще правда, яко въ великихъ лицахъ, тако и въ мизирныхъ, она насадится и твердо вкоренится; и вси, яко богати, тако и убози, между собою любовію илутъ жить, то всякихъ чиновъ люди по своему бытію въ богатствѣ довольни будутъ. Понеже правда никого обидитъ не пускаетъ, а любовь принудитъ другъ другу въ нуждахъ помогати; и тако вси обогатятся, а царскія сокровища со излишествомъ

* Въ подд. правда, въ спискѣ Стр. это слово пропущено.

наполнятся; и аще и поборъ какой прибавочной случится, то, не морщася, платить будутъ. И аще Великій нашъ Монархъ Петръ Алексѣевичъ, по данной ему отъ Бога благодати и по самодержавной своей власти, вся нижеписанная моего мнѣнія предложенія въ бытіе произвести повелитъ, то я чаю, и безъ прибавочныхъ поборовъ прензлице царская сокровища наполнятся. И тако на Бога надежду имамъ еже и настоящихъ прежнихъ со крестьянъ поборовъ убудеть.

По моему мнѣнію сіе дѣло невеликое и весьма нетрудное, еже царская сокровища наполнитъ богатствомъ, за еже Царь, яко Богъ, еже восхощетъ во области своей можетъ сотворить: но то великое многотрудное есть дѣло, еже бы народъ весь обогатить; понеже безъ насажденія правды, и безъ истребленія обидниковъ, и воровъ, и разбойниковъ, и всякихъ разныхъ явныхъ и потаенныхъ грабителей, никоими мѣрами народу совершенно обогатится не возможно.

Первѣеже предложимъ расположеніе о духовномъ правленіи, потомъ о воинскомъ и о прочихъ мірскихъ дѣлахъ, и о здоровомъ и гобзовитомъ и постоянномъ собраніи интереса Его Императорскаго Величества.

1. Священство столпъ и утвержденіе всему благочестію и всему человѣческому спасенію; ибо безъ него никаковыми мѣрами до царства небеснаго никакому человѣку дойти невозможно. Они наши пастыри, они и отцы, они и вожди, — а въ книжномъ ученіи и разумѣніи не весьма довольни; и сего не вѣмъ, чего ради тако дѣется, токмо мню, аще и страшно ми изрещи, дабы архіерейская клятва на мя не пала, а наипаче не вѣмъ, како ми восписати, понеже азъ признаваю, еже отъ оплошки архіерейскія тако чинится: понеже полагаются на служебниковъ своихъ въ по-

★

ставленіи поповствѣмъ; ти бо примуть отъ новоставленника дары, и затвердятъ ему во псалтыри псалмы два-три, и передъ Архіереемъ заставятъ то тверженное читати, а той ставленникъ ясно и внятно и поспѣшно пробѣжить, и Архіерей, того не вѣдая ухищреннаго подлога, посвящаютъ во пресвитеры, и отъ такова порядка у иныхъ грамота и плоха. А по моему мнѣнію, ащебы кой ставленникъ и въ школьѣ учился, обаче надлежитъ его испытати, каковъ онъ въ разумъ и во всякомъ разсужденіи, да тогда уже его посвящать бы. А буде которой и грамматикѣ учился, а смыслу и разсужденія нѣсть въ немъ, и таковыхъ во пресвитеры посвящать, мнѣ ся мнитъ, отнюдъ не надлежитъ. Паче ученія надлежитъ во пресвитерахъ искать умнаго разсудительства, чтобы онъ могъ пастыремъ быть словесныхъ овецъ: аще бы попы, яко градскіе, тако и сельскіе, были разумительны, то никоими дѣлы раскольникомъ въ простомъ народѣ множитислѣ было невозможно, и нимало возникнуть былобъ имъ некако; и о семъ речется въ настоящей главѣ.

2. Военной людъ — стѣна и твердое забрало царству, а командиры ихъ и судіи военнаго правленія не имуть попеченія о нихъ, чтобы они ни голодни, ни холодни были, но всѣмъ бы довольны; зѣлобо о нихъ слышно, что отъ недостатку великую нужду подѣмлютъ; ибо инымъ солдатамъ на мѣсяць и по десяти алтынъ не приходитъ, то чѣмъ ему прожить, гдѣ ему взять шуба или рукавицы и инья потребности, такожде и харча на что ему купить? и въ такой скудости живучи, какъ ему и не своровать, и какъ ему изъ службы не збѣжать? нужда не токмо къ бѣжанію принудитъ, но измѣнить готовъ будетъ; а измѣня и ратникомъ на своихъ будетъ. О солдатахъ и о драгу-

нѣхъ надлежитъ весьма великое попеченіе имѣть, и пишно того смотрити, дабы они пищею и одеждою были не скудны, а егда тѣмъ будутъ довольны, то они и въ службѣ будутъ исправнѣе; и сего ради, яко главныхъ полковъ, такъ и послѣднихъ и нововыбранныхъ полковъ, вси не были бы не голодни, ни холодни.

А и сіе едва право ли учинено по нѣмецкомуль артикулу, или нашихъ камандировъ вымыселъ, еже солдату или драгуну мундиръ дадутъ, а послѣди за весь тотъ мундиръ изъ жалованья и вычтутъ, и того ради вычету инымъ солдатамъ и по десяти алтынъ на мѣсяцъ не приходится, и мню я, что Его Императорскому Величеству не весьма извѣстно, и о всемъ пространнѣе речется въ настоящей главѣ о воинствѣ.

3. Древній Россійскихъ людей обычай былъ, еже въ приказахъ имѣть челобитчиковъ множество, и такъ бывало ихъ много, что иногда никими дѣлы до судьи дойти худосильному не мочи; къ томужъ, насажаютъ колодниковъ множество, а рѣшенія имъ не чинятъ, да, перековавъ, распустятъ по улицамъ милостыни просить; и тѣмъ они Россійское царство безчестятъ, что ни въ коемъ государствѣ толикаго числа колодниковъ не сыщется, сколько у насъ; и сіе чинится ни отъ чего иного, токмо отъ нерадѣнья судейскаго, и о семъ пространнѣе речется во главѣ судейства.

4. Купечество у насъ въ Россіи чинится весьма неправо: другъ друга обманываютъ и другъ друга обидятъ, товары худые закрашиваютъ добрыми, и вмѣсто добрыхъ продаютъ худые, а цѣну берутъ непрямую; и между собою союзства нималаго не имѣютъ, другъ друга ѣдятъ, и тако вси погибаютъ, а въ зарубешныхъ торгахъ компанства между собою не имѣютъ, и у иноземцевъ товары покупаютъ безъ согласія своего товарищества.

А торгъ дѣло великое! Надобно судьямъ всѣмъ объ нихъ попеченіе имѣть неоскудное; понеже купечествомъ всякое царство богатится, а безъ купечества никакое и даже малое государство быть не можетъ; и того ради подѣ великимъ охраненіемъ блюсти ихъ надлежитъ, и отъ обидъ ихъ оберегати, дабы они ни отъ кого обидимы не были, и во убожествѣ не входили, и Его Императорскому Величеству приплодъ бы несли со усердіемъ; и о семъ пространнѣе речется въ настоящей главѣ.

5. И въ художественныхъ мастерствахъ весьма дѣтся у насъ въ Россіи неисправно; въ началѣ, егда кой челоуѣкъ отдается въ наученіе къ мастеру, и поставить срокъ, къ которому ему выучиться, и еще мастеръ не скроется и научить его скоро, то онъ не доживъ срока и станеть прочь отбиваться, и отшеть, станеть дѣлать собою; и еще хуже мастераго станеть дѣлать, то онъ цѣны сбавить, да и мастерство все погубить. И за такимъ порядкомъ въ Россіи у насъ и нѣтъ самого добраго мастерства; и о художествѣ пространнѣе речется въ настоящей главѣ.

6. Разбойниковъ у насъ въ Россіи, паче иныхъ государствъ, множество; ибо не токмо по десяти или двадцати челоуѣкъ, но бываетъ по сту и по двѣсти челоуѣкъ въ артели и больше, (и еще ихъ весьма не истребити, то царству нашему Россійскому ни конми дѣлы обогатится не возможно). А вся сія чинятся отъ неправаго судейства; ибо егда какова вора или разбойника приведутъ, то еще и попытають его, да посадятъ въ тюрьму, да кормятъ его лѣтъ десять или больше; а въ такое протяженіе времени многіе уходили, а ушеть пуще стараго воровали, а иныхъ разбойниковъ судьи, вмѣсто смерти, паки отпускали на

старые их промыслы, и на то надѣясь, безбоязненно воровали и о истребленіи ихъ въ настоящей главѣ речется.

7. Надлежитъ же и о крестьянствѣ вспомануть, чтобъ и ихъ отъ разоренія и обидъ поохранить, и въ лѣнностяхъ пребывать имъ не попускать, дабы отъ лѣнности во всеконечную скудость не приходили; аще бо кои крестьяне живутъ и въ хлѣбныхъ мѣстахъ, обаче и тѣ бы зимою даромъ не лежали, но трудились бы, овые въ лѣсахъ, овые же въ домовыхъ рукодѣльяхъ, и инии же въ подводахъ съѣздили, а лежа, своего припасеннаго хлѣба, не потрудився, не ѣлибъ, и дней бы своихъ даромъ не теряли; а у коней крестьянъ лошадей добрыхъ нѣтъ, и въ подводы наняться не начемъ, тѣ шлибъ въ людскія работы, и работали бы изъ найму или изъ хлѣба, а даромъ бы не жили; и о семъ пространнѣе въ настоящей главѣ речется.

8. Дворяне при животь своемъ и по смерти сродниковъ своихъ земли дѣлятъ на малые разные жеребьи, одну пустошь раздѣляютъ частей на десять и больше, и въ томъ лице ссора, да бѣда, да смертное убійство, и такое обыкновеніе весьма нездорово.

А и сіе не токмо не право, но и весьма гнило, еже землямъ достовѣрнаго измѣренія и межъ не сдѣлано, и колико ея подъ рукою Монарха нашего есть, а платежа съ нее и малаго нѣтъ. Дворяне покупаютъ пустошей, да въ наймы отдаютъ, и многія деньги на каждой годъ кортомы съ нея берутъ, а Великому Государю ни по деньгъ на годъ не платятъ; и о семъ о всемъ пространнѣе въ настоящей главѣ речется.

9. Россійское Царство на пространнѣйшемъ мѣстѣ стоитъ, и многонародно оно есть, а собраніе казны

въ царскія сокровища вѣсьма негобовито собирается; ибо въ военное время не достаетъ того собранія на военные расходу; а пространства земли въ немъ толико, еже и исчислити невозможно, а вѣтъ съ нея ни малаго особливаго собранія. Аще бы съ нея учиненъ платежь по ней самой малой, чтобъ лице никто на ней даромъ не жилъ, то и одного землянаго платежа миллионное собраніе бы было, и было бы оно недвижимо; земля самый гобзовитый данникъ ему Великому нашему Монарху была бы, и никогда измѣны бы ему не было. И аще прямо вся собранія исправятся, и собиратели будутъ прямо собирать, то тако мочно нашему Великому Государю довольну казною быть и безъ знаметныхъ (?) поборовъ, еже на каждый годъ миллиона по два-три за всякими расходу въ царскихъ сокровищахъ и оставатися будетъ; и о семъ въ настоящей главѣ царскаго интереса речется.

Во изъявленіи моемъ семъ предложилъ девять главъ, а вся сія девятица главъ состояются къ насажденію правды, неправды же и всякаго воровства ко истребленію; и аще на всю сію девятицу съ высоты Богъ милостивно призреть, а съ низоты Императора нашего Великаго изволеніе всеусердное произыдетъ; то не токмо единая царская сокровища со излишествомъ наполнятся, но и весь народъ обогатится, и вражды многія прекратятся; и егда сія девятица оснуется и твердо укоренится, то, яко рѣка, тещи имать повсягодно, неумолчно и неизмѣнно.

ГЛАВА I.

О ДУХОВНОСТИ.

Въ духовномъ чину еще будутъ люди неученые, и въ писаніи неискусные, и вѣры христіанскія всесовершеннаго основанія невѣдущіе, и воли Божіей неразумѣющіи, ктому же еще будутъ пьяницы и многа всякаго безумія и безчинства наполнены, то благочестивая наша христіанская вѣра вся исказится и весьма испразнится, и вмѣсто древняго, единогогласнаго благочестія, вси разыдутся въ разногласные расколы и во инныя еретическія вѣры.

Отъ пресвитерскаго небреженія уже много нашего Россійскаго народа въ погибельныя ереси уклонилось; большая бо часть склонилась въ погибельный путь, въ древнемъ же благочестіи уже малая часть остается; ибо въ великомъ Новѣгородѣ едва и сотая часть обрящется ли древняго благочестія держащихся.

А пресвитеровъ еще и много во градѣ, обаче не пекутся о томъ, еже бы отъ таковыя погибели ихъ отвратити и на правый путь направить; но есть еще и такіе пресвитеры, что и потакають имъ, и того ради церкви всѣ уже запусътили, и такъ было до ны-

ншняго 723 года въ церквахъ пусто, что и въ недѣльный день чловѣкъ двухъ-трехъ настоящихъ прихожанъ не обрѣталоя. А нынѣ Архіерейскимъ указомъ, слава Богу, мало по малу начинаютъ ходить ко святой церкви. Гдѣ бывало чловѣка по два-три въ церкви, а нынѣ и десятка по два-три бываетъ по воскреснымъ днямъ, а въ большіе праздники бываетъ и больше, и то страха ради, а не ради истиннаго обращенія. И впредь аще подкрѣпленія не будетъ, то вси по прежнему ходить по церквамъ не будутъ; вельми бо въ нихъ вкоренилась раскольническая ересь.

А вся сія гибель чинится отъ пресвитеровъ: ибо не токмо отъ люторскія или отъ Римскія ереси, но отъ самого дурацкаго раскола не знаютъ чѣмъ оправити себя, а ихъ бы обличить, и научить, какъ имъ жить, и отъ пропасти адскія како имъ избыть, но и запретить крѣпко не разумьютъ, или не смѣютъ, или на певли склоняются, и небрегутъ о смѣ.

Не постави, Господи Боже мой, сего моего словесе во осужденіе, еже дерзнулъ поносительно на пастырей своихъ писати; самъ въсь, ни предъ Богомъ, ни предъ Царемъ, ни предъ простымъ народомъ чѣмъ исправенъ; но токто едино отъ мнѣнія моего припало желаніе, да негли изъ сего моего изъявленія Богъ израститъ нѣкое исправленіе.

Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что и Татаркѣ противъ ея заданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ, что же можетъ рещи сельской попъ, иже и вѣры христіанскія, на чѣмъ основана, не вѣдаеть.

И ради таковыя священнической неисправности надлежитъ о священницѣхъ великое попеченіе приложити, дабы пресвитеры были всему благочестію опора,

и отъ ересей забрало, и отъ адскихъ волковъ оборона, и людей Божіихъ отвлачилибъ отъ погибельныхъ вратъ.

И ради такового исправленія пресвитеру подобаетъ, подобно Апостоламъ Христовымъ, чтобъ они ни о здравіи своемъ, ни о богатствѣ, ни о пищѣ своей тако не пеклися, како о спасеніи душъ человѣческихъ, понеже Богъ всѣхъ погибшихъ възъщеть на нихъ.

И ради такового исправленія мнѣ ся мнить Его Императорскому Величеству надлежитъ постаратися о грамматикѣ, чтобъ принудить ее выправить добрымъ расположеніемъ и самымъ добрымъ истолкованіемъ, и тако дробно разобрать, чтобъ всякія скритности ясно откровенны были, и чтобъ и безъ учителя можно познать всякіе надежи и склоненія, и тако, исправя оную, напечатать бы ихъ тысячь пять-шесть, или и десятокъ.

Нынѣ есть напечатано въ Москвѣ тысячь пять-шесть грамматикъ, да Богъ вѣсть какія; на печатномъ дворѣ командиры напечатали ее толь просто, что безъ учителя и орфографіи не можно растолковать и научиться, чтобъ по ней правописаніе разумѣть. Къ томужь еще и бумагу положили въ нихъ самую плохую, коя ни куда, кромѣ черныхъ писемъ по нуждѣ, что развѣ на такой бумагѣ календари печатать, потому что они на одинъ только годъ печатаются, а грамматика — дѣло высокое и прочное: и того ради и печатать ее надлежитъ на самой доброй бумагѣ, чтобы она прочна была.

И во всѣхъ епархіяхъ построить бы школы пространныя, и въ тѣ школы собрать всѣхъ поповыхъ и дьяконовыхъ и дьячковыхъ и пономарскихъ дѣтей, отъ градскихъ и отъ уѣздныхъ, отъ десяти-лѣтнихъ

даже до двадцати-пяти лѣтнихъ; и буде которые отцы добромъ ихъ въ школы отпустить не похотятъ, то брать бы ихъ и неволею, и учить грамматикъ и всякаго книжнаго разума.

И положить о семъ недвижимый предѣлъ: буде кой человекъ школьнаго ученія не принесъ, и грамматическаго разумнiя не научился, таковыхъ бы отнюдь во пресвитеры и діаконы не посвящати: то кіи причетники церковные пожелаютъ пресвитерства, то будутъ и тридцати-лѣтние въ школы и безъ понужденія прихода учиться и ученіемъ своимъ будутъ поспѣшать. И таковыя люди годы въ два-три научиться могутъ; понеже себя ради будутъ поспѣшати и со охотою учиться имутъ. И который изъ нихъ ученіе грамматическое твердо приметъ, а лѣтами своими еще младъ, то таковыхъ надлежитъ и риторикъ поучить, или и философiи; и ти не токмо во пресвитерскій санъ, но и во Архіерейство будутъ годны и учителями могутъ застати.

И таковымъ способомъ вся Россія можетъ умудрится не весьма многими лѣты; и сіе преславное дѣло трудно токмо начати, да основати, а тамо будетъ оно уже и само правится; понеже ученіе грамматическое и прочихъ наукъ умнымъ и острымъ людямъ вельми охотно и любезно бываетъ.

Аще сіе утвердится, еже во пресвитерство неучившихся въ школахъ не посвящати, то не мочно будетъ того миновати, еже бы желающему пресвитерства не поучиться въ школь, то я чаю, что другъ друга будутъ ученіемъ своимъ и предваряти.

А аще и въ монастыряхъ, во архимандриты и во игумены, не бывшихъ въ школьномъ ученіи не посвя-

щати же, то многіе и иноки будутъ грамматическаго ученія касатися, и всякому книжному разумѣнію внимати; а въ возрастъ сущимъ паче грамматическаго ученія потребно книжное разумѣніе, и того ради вельми потребно и инокамъ до школы ходити. и тамо отъ духовнаго учителя учиться и вразумлятися всякому благочестію и страху Божію, и священная писанія толковати, и всякому доброму нраву навикати и въ доспытацяхъ подтверждатися.

А егда грамматики и всякаго благоразумія научатся и книгъ Божественнаго писанія начтутся, то не то что раскольнику, но и Лютору и Римлянину, могутъ отпоръ дати и уста ихъ заградити: понеже всѣ они отъ истиннаго христіанства совратились, и бродять вси, яко козлята, по непроходимымъ дебрямъ и по неудобнымъ возшествія стреминамъ, и тако въ далекіи пути зашли, что и возвратитися къ прежнему благочестію не могутъ. И егда священничестіи дѣти и прочіе церковники научатся грамматическаго ученія, и книжнаго разумѣнія навикнутъ всесовершенно, то и о паствѣ своей прилежнѣе будутъ пенсися, дабы адскіе волки не распудили ихъ.

А нынѣ истинно таковыхъ пресвитеровъ много, что не то, чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что то есть реченіе вѣра, и не до сего ста, но есть таковыя, что и церковныя службы, како прямо отправити, не знаютъ; да и знать не по чему; печатнаго двора справшики отъ многаго питья и отъ роскошнаго житія утѣли, и не хошутъ яснаго изъясненія о всякомъ церковномъ служеніи напечатать, чтобы всякой могъ разумѣти, какъ что отправляти. Но токмо той пресвитеръ мало-мало и можетъ прямо от-

правляти, кой довольное время побудеть въ городѣ при соборѣ, или при разумномъ пресвитерѣ въ подначальствѣ, тотъ то лише можетъ по надлежащему службу церковную отправить; а буде кой подначальномъ не много побылъ, то ничего по книгамъ отправить не можетъ.

А по прямому дѣлу надлежало было о всякомъ служеніи навпечатать въ тѣхъ же служебныхъ книгахъ ясно, дабы и простолюдинъ могъ разумѣти, какъ что отправить. А нынѣ многіе на угадъ отправляютъ, какъ кому прихвѣлятся. И сіе стало не весьма добро, что такъ дѣется; того ради и во градѣхъ въ церквахъ многое несогласіе бываетъ, а о сельскихъ и дивить вѣчего.

И ради совершеннаго въ церквахъ служенія и исправленія о всякой службѣ надлежитъ въ тѣхъ же служебныхъ книгахъ навпечатать мѣлкою печатью толковое расположеніе, какъ коя служба или дѣйство какое начать, и какъ отправить и совершить. И еще обо всемъ будетъ ясно навпечатано, то во всѣхъ церквахъ не токмо въ градскихъ однихъ, но и въ засельскихъ всякое служеніе отправлятися имать согласно.

И ради всесовершеннаго исправленія не можно пробыть еже бѣ не навпечатать тонкаго расположенія о всякомъ священнодѣйствіи, а въ состроенныхъ школы послать учителей инокческаго чина и мірскаго, кои грамматическаго ученія искусны и другихъ учительныхъ книгъ, кѣмъ книжнаго разумѣнія искусны и церковнаго круга навѣчны, и кѣмъ въ Божественномъ писаніи учинятся знающіе, еже непоемныя реченія могли разсуждати.

И грамматическіе бы учителя учили своего ученія грамматическаго до объѣда, или рещи, до полудни; а

съ полудни бы тѣ другіе учителя, иже Божественнаго писанія искусни, учили бы ихъ страху Божию и книжному чтенію и церковному обхожденію, паче же того, какъ Бога знать, и какъ его почитать, и какъ къ нему молитвы своя приносить, и Божественная литургія съ каковымъ страхомъ служить, и въ дѣйствіяхъ тоя святыя литургіи какъ къ Богу умъ свой возводити, и дѣтей своихъ духовныхъ пасти, чтобы отъ паствы ихъ адскіе волки не расхитили, и сверхъ того ученія давалибъ имъ книги читать духовныя и гражданскія и бытєйскія. И того ради надлежитъ Библии напечатать не малое число, и во всѣ школы книгъ по пяти-шести разослать; такожъ маргаритовъ, соборниковъ учительныхъ, евангеліевъ толковыхъ и апостольскихъ бесѣдъ, четыхъ-миней, а ради церковнаго служенія мѣсячныя миней и прочихъ, кїи въ церковномъ служеніи употребляются, дабы въ школь будучи научилися прежде прїятія священства всего церковнаго служенія и управленія здраваго. И ради утвержденія въ вѣрѣ, и ради охраненія отъ люторскія и кальвинскія и отъ прочихъ иконоборцевъ напечатать книгъ колико надлежитъ *Камень Вѣры*, иже блаженной памяти Преосвященный Рязанскій Митрополитъ Стефанъ Яворскій сочинилъ, и книгъ по пяти-шти въ школу отослать; и чтобъ тотъ многоцѣнный камень желающіе пресвитерства затвердили его на память, чтобы о всякомъ отвѣтъ помнѣть изустъ сказать. Такожде и иноки, желающіе во благочестіи жить, а негли случится коему во Архіереяхъ быть, и въ томъ санѣ будучи весьма паче пресвитерскаго той святой Камень во устѣхъ имѣти, чтобы тымъ камнемъ могли изоустно еретическія челюсти сокрушати.

Радиже обличенія раскольника книгу Розыскъ и Зеркало очевидное, иже раскольникъ словіе об-

личаютъ, и всю ихъ неправость ясно показываютъ, па-
че же книгу, названную Пращею, дабы изъ той праци
каменіемъ духовнымъ испущеннымъ далече ихъ про-
гнати и безъ вѣсти ихъ сотворити, дабы они во дворъ
овецъ стада Христова не вѣзли, и Христовыхъ овецъ
не вреждали бы; и тыхъ книгъ Розыска и Праци
и Зерцало, буде будетъ принято къ печати книгъ, по
пяти-шти въ школу разослать же.

А не худо бы и на иныя еретическія вѣры, на Рим-
лянскую, на Унеатскую, на Армянскую, и на древнія
ереси, яко на Аріанскую, на Несторіеву, на Аполлина-
ріеву, на Евтихіеву, на Севирову и на прочія, кін
уже истребишася, напечатать изъявленія, дабы наши
пастыри вси та лукаваго діавола стрѣлы разумѣли и
возразить ихъ чѣмъ знали. И аще пресвитеры будутъ
всѣхъ вѣръ еретическихъ силу знати, и будутъ разу-
мѣть, чѣмъ ихъ обличить, и чѣмъ себя отъ нихъ о-
градить, то свое стадо могутъ отъ ихъ волковъ *
адскихъ охранить.

А буде кой пресвитеръ еретическихъ вѣръ въ ко-
нецъ знати не будетъ, то уличити ему ихъ ереси не-
возможно; того ради и св. Апостолъ Павелъ написалъ:
еже подобаетъ въ насъ ересемъ быти; явѣ есть, яко то-
го ради написалъ, дабы мы вѣдая ихъ ереси, могли
ихъ уличать, и ихъ же оружіемъ самихъ ихъ побѣж-
дати, и зная ихъ ереси, могли бы мы отъ нихъ о-
стеречи себя.

И всѣ школьники читали бы книги неспѣшно, но съ
самымъ вниманіемъ, дабы чтемое могъ разумѣти и
памятовати, и кой ученикъ невнятно будетъ читати,
то той учитель, кой ко чтенію и вразумленію книж-
ному приставленъ, непрестанно ихъ понуждалъ и вра-

* Въ Стр. спискъ полковъ.

зумлялъ, какъ имъ разумѣтельно читать, и, чего не знаютъ, толковалъ бы имъ, и кой книги кто читаетъ, отъ тѣхъ бы книгъ спрашивалъ ихъ по одинакому, * и внималъ бы, каково кто понятно сказываетъ, и той учитель въ памяту книгу записывалъ, кто каковъ есть.

И буде кой ничего сказать не помнитъ, и тому бы чинилъ наказаніе, и вельзь бы ему въ другой разъ прочести; и буде въ другой разъ прочтетъ, а что читалъ, не помнитъ, то явъ есть, сже тотъ во пресвитерство не будетъ годенъ. А кѣи внятно и памятно будутъ читать, тѣмъ надлежитъ давать читать книги церковнаго круга, мѣсячныя Миней и Трїоди и Осьмогласники, и протчія иже во святей церковной службѣ управляются, а чаю, не худо бы и лѣтописныхъ книгъ давать имъ почитать, чтобы обо всемъ знали, что доселъ бывало.

И тыи школьники по чтеніи книжномъ подь вечеръ, по часу-мѣста, учились бы писать, чтобы всѣ школьники читать и писать добръ умѣли скорописью и уставомъ.

А въ день недѣльный вельзи бы имъ чинить между собою доспытацїи отъ священныхъ писаній, а учителя оба бы слушали и внимали, кто каковъ въ разумѣ и въ разумѣніи Святаго Писанія, и каково кто разсуждаетъ, все бы то впредь для памяти записывали, а и того смотрѣли бы, кто къ какому дѣлу склоненъ, къ духовному ли или къ свѣтскому.

И буде кой ученикъ склоненъ къ духовности и писанія святая разсуждаетъ здраво, то тѣхъ бы отличали во особливость, и давать имъ книги читать о чинѣ священства, и учить ихъ уже прилежнѣе, какъ имъ стадо

* Въ Стр. по одинакамъ.

Христовыхъ овецъ пасты, и какъ имъ духовныхъ дѣтей въ паствь своей блюсти.

И аще книга Отческаго завѣщанія принята и печатана будетъ, юже азъ сыну своему Николаю сочинилъ, то надлежитъ готовящемуся во пресвитерство и ее читать; понеже тамо положено отчасти, какъ пресвитеру духовенство свое вести, и не токмо единому пресвитеру, но како и простому монаху жить, и какъ въ Архимандритахъ будучи, какъ братія пасты, и какъ себя вести, и что подобаетъ и Архіерею творити, и каковымъ способомъ раскольниковъ истребляти, и какъ и миряномъ душеполезно жити, и какъ и дѣтей своихъ малыхъ учити, дабы отцу не на пагубу они были, и какъ между собою любовь хранить, и какъ правду творити, и какъ Бога любить, и какъ молитвы свои къ нему приносить, и какъ Ему угождати; вся суть тамо изъявлена, по елику Богъ даровалъ ми разумѣти.

И егда куды потребуютъ пресвитера, то изъ тихъ бы учениковъ отсылать во пресвитерство не по отечеству, ни по богатству, ниже по прошенію прихожанъ, но по разуму и по истинному священства достоинству, и достоинство бы того школьника подписывались оба тыи учителя, еже онъ годенъ во пресвитерской санъ.

И послать ко всѣмъ Архіереямъ, чтобы ни единого ставленника безъ свидѣтельства учительскаго во пресвитерство не посвящали. Прежнее архіерейское слушаніе ставленичье вельми ми не понравилось; понеже архіерейскіе служителие у новоставленниковъ приѣмлютъ дары, и принявъ дары, дадутъ ему затвердить по Псалтири нѣкоторые псалмы, и заложа дадутъ при Архіерей тому ставленнику прочести. Архіерей, видя твердо и разумно читающа Псалтирь, возмнитъ, яко

бы и по всякомъ чтеніи таковъ, благословить его въ пресвитерство. И тако ть служителие Архіереевъ своихъ въ порокъ приводятъ. И я сына своего въ семь поостерегъ, написалъ ему въ томъ же своемъ завѣщаніи, аще случится ему быть во архіерействѣ, чтобы онъ въ слушаніи ставлениковъ на служителейъ своихъ не покладывался, но самъ бы всякаго своего ставленника свидѣтельствовалъ, и книгу не Псалтырь, но давалъ бы незнаемыя книги читать, а потомъ бы и на словахъ его спросилъ; и на разглагольныхъ рѣчахъ всячески познать мочно, каковъ кто смысленъ или несмысленъ.

Въ Новѣгородѣ видалъ я прошлаго 720 года новоставленника такова въ діаконствѣ на литоргіи, не могъ единныя страницы во Евангеліи прочести, ежебы разовъ пяти-шести не помѣшались. Служилъ онъ въ подначальствѣ въ соборъ Николая Чудотворца, иже на дворищи; и такъ онъ и отпущенъ во свояси.

А иноковъ, кѣи возжелаютъ архимандричества, то тыхъ Архіерею наипаче надлежитъ на словахъ дробно распрашивать, како онъ Божественная писанія разсуждаетъ, и како онъ общую братію намѣрился пасти, дабы ему предъ Богомъ ставъ, рещи: Се азъ и дѣти, ихъ же далъ еси; или токмо единого себя хочеть Богу представить. И аще хочеть токмо единого себя спасти, то такового не подобаетъ во Архимандриты поставляти; понеже Архимандриту не токмо о инокахъ, но и о мірскихъ жителяхъ попеченіе имѣти и на спасеніе наставляти надлежитъ. И того за хотящимъ архимандритства сморрѣти, не лакомъ ли ко имѣнію, и не падокъ ли къ питью, и не склоненъ ли къ блуду, чтобы будучи во архимандритствѣ, не нанесъ бы на тотъ свой чинъ пороку; и того ради надлежитъ первѣ освидѣ-

тельствовать братією, въ коемъ монастырѣ онъ жилъ, а потомъ и мірскихъ людей надлежитъ спросить, кѣмъ при томъ монастырѣ живутъ; аще отъ всѣхъ будетъ похваленъ, то, буде въ писаніи доволенъ, надлежитъ возвести въ таковой чинъ.

Да въ Завѣщаніи своемъ написалъ я сыну своему, чтобы новоставленнаго пресвитера, несовершенно научившася всякаго священнодѣйствія, изъ подъ начала отнюдь бы не отпускать, дабы на Архіерея пореченія какова за неисправность его не понести.

Въ томъ моемъ Завѣщаніи написалъ всякое пресвитерское дѣло какъ что ему управлять, и какъ дѣтей своихъ духовныхъ исповѣдывать, и какъ богатыхъ и убогихъ пасти; елико ми Богъ вразумилъ, вся написалъ. И того ради мнится мнѣ вельми ко исправленію священническаго бытія то Завѣщаніе потребно будетъ.

И аще коея церкви поповъ сынъ возжелаетъ отцу своему наследникомъ быти, а по свидѣтельству учителей своихъ явится къ тому чину негоденъ, то аще и заручная объ немъ челобитная будетъ, отказать ему; но таковыхъ ко гражданству отсылать. А кѣмъ ко обученію непоемны, а во нравъ добры, и страхъ Божій въ себѣ имутъ, то тѣхъ поставлять въ церковной причетъ въ дьячки и въ пономари. А кой изъ нихъ будетъ понарочитѣе, того мочно въ діаконство вчинить. А въ пресвитерство отсылать самыхъ достаточныхъ, и въ писаніи разсудительныхъ, и во нравъ кроткихъ, чтобъ онъ былъ свѣтъ міру, а не тьма. И таковыхъ достойныхъ священства, аще и пономарскіе дѣти или крестьянскіе, отсылать во пресвитерство къ церквамъ, а не по отчеству, ни по заступѣ. А буде кой и разуменъ на всякое разсужденіе, а нравомъ неключимъ, и таковыхъ не токмо въ

пресвитеры, но и въ причётъ церковной отнюдь не отсылать, но таковыхъ развѣ отсылать къ приказнымъ дѣламъ, или камо ни есть, кромѣ священства и причта церковнаго.

А который и весьма добръ, да пить будетъ любить, то и таковыхъ во священный чинъ отнюдь не отсылать же; понеже пьянство великъ порокъ пресвитеру наносить. И причетникамъ не весьма оно добро. И не токмо новоставленныхъ пресвитеровъ, но и старыхъ, кои уже и состарьлись въ пресвитерьхъ, вредяетъ оно. И того ради надлежитъ предѣль учинить сицевый: аще кой пресвитеръ, напившись до пьяна по улицѣ ходя, или гдѣ и сидя, будетъ кричать нелѣпостно и бранно, и сквернословити или драться съ кѣмъ, или пѣсни пѣть, то таковыхъ имать, и въ архіерейской приказъ отводить, и за такое нелѣпотство ихъ наказывать удрученіемъ въ архіерейскихъ и монастырскихъ работахъ, и сверхъ удрученія обложеніемъ штрафа или отгятіемъ священнодѣйствія, или какъ о томъ уложено будетъ отъ Архіереевъ, дабы пресвитеры и діаконъ чрезмѣрно до пьяна не напивались. А буде каковымъ случаемъ и напьется до пьяна, то шель бы во утишное мѣсто и выспался, а народу бы себя отнюдь не открывалъ, что онъ пьянъ. А буде кой попь или діаконъ, паче же аще инокъ, пойдетъ пить на кабакъ или въ корчму, то таковыхъ надлежитъ наказать сугубо, дабы на духовной чинъ пороку не наносили.

И аще священный чинъ отъ таковыхъ неключимствъ исправится, то яко новый свѣтъ въ Россіи возсіетъ. И тако ихъ надлежитъ изучити, чтобы во время исповѣдыванія дѣтей своихъ духовныхъ паче всего научали о Богопочтеніи и о благовѣріи, како твердо въ

немъ стояти, дабы ни на каковы блази Люторскія и Римлянскія не слонялися, и съ раскольниками бы никакова разглагольства не знаючи не разговаривали; и на той же исповѣди учили бы, какъ молитвы свои къ Богу возсылати съ Богомысліемъ, и како святыя иконы почитати, и каковая честь имъ отдавати, и како духовный чинъ почитати, и какъ за Царя и за вся Христіаны Бога молити, како обходиться въ міръ со клеветы своими и съ сосѣдми, и въ каковомъ наказаніи дѣтей своихъ родныхъ рогити, и какъ ихъ страху Божию учти, чтобъ родивъ дѣтей плотию, отъ Бога вложенную душу вѣчно не погубити, и каковымъ имъ къ сродникамъ и чужероднымъ любительнымъ быти, и чтобъ никому зла никакова не дѣлати; понеже вси мы по Христу братія есмь.

И о семь всѣхъ бы своихъ дѣтей духовныхъ увѣщавали, чтобы они дѣтей своихъ юныхъ, не токмо градскіе, но и поселяне учили бы грамотъ, и всякому бы благонравію научали, а по улицамъ играть и безъ дѣла шататься не попускали съ великимъ и твердымъ запрещеніемъ; чтобы то ихъ наказаніе въ дѣтяхъ духовныхъ незабвенно было, но вси бы отцы и матери дѣтей своихъ въ страхъ Божіи возвращали, и о семь на всякой исповѣди подтверждали бы, что бы имъ незабвенно было.

И аще тако въ духовности будетъ строиться, то во всемъ народѣ свѣтъ возсіяетъ благоразумія; понеже вси людіе отъ такова отцовъ своихъ духовныхъ твердаго и прилежнаго попеченія яко отъ сна возбудятся, ибо вси стали бы прямо разумѣти, какъ Бога знати, и какъ его молити, и какъ угодниковъ Божіихъ почитати, и како въ помощь себѣ призывать, и како все свое житіе христіанское вести.

Тако бо пастыремъ духовнымъ надобно о паствѣ своей пещися, дабы вси праведно жили, и не токмо чтобы чужое похищати, но и не желалибѣ чужаго ничего; и аще и на пути кто что обрѣщетъ лежащее, искаль бы обронившаго, или во устроенное мѣсто относили; и чего себѣ не хошуть, тогобы отнюдь никому иному не токмо творили, но и не желали бы. И тако живуще вси, и въ мѣрскомъ житіи будучи, не далече бы отъ царства Божія были.

И аще уставлено будетъ, еже попомъ сельскимъ и причетникамъ ихъ пашни по прежнему не пахать и сѣна не косить, но пещися имъ токмо о церковной службѣ, да о паствѣ духовной, а вмѣсто пашни давать имъ,—дворянамъ и хрестьяномъ, кои у нихъ въ приходѣ,—отъ своего приплоду десятая доля, то пресвитерамъ въ той же исповѣди и дѣтей своихъ духовныхъ твердо подтверждати, чтобы неизменно отъ всякаго приплоду, колико себѣ отложить на пищу, то безъ утайки и безъ жалвнїя отдѣляли бы десятую долю какъ изъ хлѣба, такъ изъ мяса и изъ винъ * и съ прочаго харчу, и отсылали бы къ церкви на пищу пресвитерамъ съ причетники и нищимъ, кои при церквахъ живутъ.

А колико отдѣлять хлѣба или скота или инаго чего на продажу, то изъ того бы отдѣляли Великому Государю на пошлину такуюжъ десятину. И отцамъ духовнымъ твердо дѣтямъ своимъ духовнымъ заказывать, чтобы отнюдь ничего не таили: и буде правдою будутъ яко Богу, тако и Царю отдѣлять десятину, то Богъ ихъ благословитъ всякимъ изобиліемъ; понеже уровнятся они древнимъ законникамъ, иже отъ всего своего притяжанія давали десятину.

О семъ я неизвѣстенъ, какъ дѣется въ прочихъ земляхъ, чѣмъ питаются сельскіе попы, а о семъ весь-

* Въ Стр. вмѣсто изъ винъ—изъ *лицъ*.

ма извѣстенъ, что у насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою, и ни чѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ неотмѣнны; мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ. И отъ такова ихъ земледѣлія многіе Христіане помираютъ не токмо сподобившись пріятія тѣла Христова, но и покаянія лишаются, и умираютъ яко скотъ. И сіе, како бы поисправити, не вѣмъ: жалованья Государева имъ нѣтъ, отъ міру никакого подаянія имъ нѣтъ же, и чѣмъ имъ питатися, Богъ вѣсть. А я мнѣніе свое предлагаю сицевое: аще возможно учинить тако, чтобы прихожанъ всѣхъ у всякія церкви одесятствовать, чтобъ отъ всякія своей пищи отдѣляли церковникамъ десятину или дватцатину, какъ о семъ Царское и Архіерейское произыдетъ изволеніе, тобы такимъ порядкомъ были сыты и безъ пашни. А и правильно имъ безъ пашни быть: понеже они слуги суть Божіи, и подобаесть имъ по Господню словеси питатися отъ церкви, а не отъ земледѣлія.

А аще пресвитеру земля пахать, то церкви святей будетъ солгать, и паства своя истерять. Пресвитеру не токмо земля пахать, но и торгомъ ему никаковымъ не подобаесть торговать, и мастерства ему художественнаго дѣлать не надлежитъ, дабы и отъ того помѣшательства церковной службѣ и паствѣ духовной не чинилось; понеже они отъ мірскаго житія отдѣльны суть на службу Божію, и того ради о ничесомъ иномъ кромѣ службы церковныя и паствы духовныя пешися имъ не подобаесть.

А и питатися имъ по повелѣнію Божію надлежитъ отъ церкви, а не отъ работы, и не отъ рукотѣлія своего; и егда службы церковныя, ни потребности не случится, тобы забавлялися чтеніемъ книгъ Боже-

ственного писанія, илибы что полезное писали, ко спасенію человѣческому или ко украшенію церковному. Самъ бо Господь Богъ въ самомъ началѣ священства, егда изведе Израиля изъ земли Египетскія и введъ въ Обѣтованную землю, всѣмъ Израильтянамъ землю по жребьямъ ихъ повелѣлъ давать, а Іереямъ и служителемъ церковнымъ не повелѣлъ земли давати. * Явъ есть, дабы прилежны были церковному служенію, и повелѣлъ имъ питатися отъ церкви, а не отъ земледѣльства. Кольми же паче въ новой благодати подобаеъ о служеніи церковномъ пецися пресвитерамъ, понеже и души человѣческія имъ быша вручены.

А у насъ сельскіе попы обременены земледѣльствомъ, и того ради не тако пекутся о служеніи церковномъ, яко о пашнѣ своей, а паства душевная уже въ сторонѣ стала быть, и того ради многое множество Христіанъ православныхъ умираеъ безъ покаянія и безъ причащенія тѣла Христова; сельскіе бо пресвитеры самыя люди простые: взростеъ онъ въ деревнѣ, деревенскія дѣла и смышляеъ. А что Богъ възыщетеъ всякія погибшія души на нихъ, того не смышляютъ, и коль у Бога душа человѣческа велика, ничего того не знаютъ.

И аще сія моя изреченія вознепщуетъ кто, яко бы азъ написалъ сіе на осужденіе и на поруганіе пресвитерамъ, и о семъ Богъ есть свидѣтель, что не руганія ради написалъ сія, но ради исправленія; и самъ не безъ страха, что въ такое дѣло великое вступилъ; обаче буди Божія воля: Онъ вся вѣсть, чесо ради тако дерзнухъ.

И аще Великій нашъ Монархъ благоволитъ по Господню повелѣнію пресвитеровъ отъ земледѣльных работъ освободити; то надлежитъ указомъ Его Импе-

* Последняго предложенія въ спискѣ Строева нѣтъ.

раторскаго Величества опредѣлити, чтобы какъ помѣщики, такъ и крестьяне ихъ, и дворцовыхъ волостей, и архіерейскіе и монастырскіе, всѣ отъ приплоду своего хлѣбнаго, который ему надлежитъ на пищу себѣ употребити, и отъ того хлѣба отдѣлялибъ десятую часть, и давали пресвитерамъ съ причетники во время молоченья съ гумна своего; и во вся дни живота своего такъ бы творили неизмѣнно, дабы благословилъ ихъ Богъ, и всего бы у нихъ усугубилъ. И аще сіе дѣло сперва повидится и тяжеловато, а егда обыкнуть, и Божіе благословеніе въ нихъ почіеть, и нивы у нихъ будутъ готовы, * то всю ту тягость забудутъ, что того десятиннаго хлѣба отдѣлено пресвитеромъ съ причетники. И что того хлѣба за расходомъ останется, и тотъ хлѣбъ употреблять нищимъ и странникамъ на пропитаніе.

А ради нищихъ больныхъ яко въ городѣхъ, такъ и въ селѣхъ и на погостѣхъ построить больницы и богадѣльни по приходѣ смотря, и питать ихъ тѣмъ остальнымъ хлѣбомъ, какъ о томъ изволеніе Царское состоится.

А которыми землями владѣли и пахали попъ съ причетники, и тѣ земли, мнится мнѣ, еже бы ихъ отдать въ наймы, и тѣми деньгами строить церковное строеніе и нищимъ больницы.

А кой хлѣбъ надлежитъ продать помѣщику или крестьянину, и съ того хлѣба отдѣлялибъ такожде десятую часть Великому Государю на пошлину; такожде и отъ скота, который опредѣленъ будетъ продать, то и съ тоя цѣны такожде отдѣлять десятую часть въ пошлину; а кую скотину употребить кто себѣ на пищу, то и съ тое скотины отдѣлить десятую долю въ церковь на пищу служителямъ церковнымъ и въ богадѣльни; такожде и въ меду, и въ ма-

* У Стр. *говозиты*.

слѣ, и рыбѣ, и въ яицахъ, и во всякихъ прибыткахъ, отъ всего неизмѣнно про себя употребляемъ * отдѣлять къ церкви десятая доля, а отъ продажнаго отдѣлять Великому Государю въ пошлину десятая же часть.

И тако творя, уподобимся мы древнимъ благочестивымъ законникамъ, ибо будемъ, яко Богу, тако и Царю, отъ всякаго приплода давать десятину, и тѣмъ подающимъ пресвитеры и съ причетники безъ земледѣльства довольны всякою пищею будутъ. А отъ подаянія молебнаго и иныхъ потребъ будутъ пресвитеры и со причетники своими дома своя и одежды строить.

И аще тако устроится, то могутъ пресвитеры и повседневно утреннія и литургіи служить, и на всякую потребу всегда будутъ готовы; и тако творя, пресвитеры будутъ всесовершенные слуги Божіи, и за Царя и за вся люди богомольцы.

А нынѣ вси сельстѣи попы, аще у коея церкви по па и два-три, то мало церковной службы у нихъ бывасть. Въ Новгородскомъ уездѣ, въ Устрицкомъ погостѣ случилось мнѣ быть: у тоя церкви три по па, да дяконъ, а на Святую Пасху только по два дни литургія была, а тутошніе жители сказывали, что больше одной обѣдни на Святой Недѣль прежде сего не бывало, то де тебя поопасись, что двѣ обѣдни были; и жилъ я ту недѣлю, ничимъ ни отмѣнну отъ простыхъ недѣль: ни обѣдень, ни вечерень, ни утреннихъ не было.

А у коихъ церквей по одному попу, то, чаю, и во весь годъ обѣдень десятка другаго не отслужить; понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть.

* Вѣроятно ошибка въ обонхъ спискахъ, вмѣсто *употребляемо*.

И ради земледѣльства поповскаго стоятъ Божіи церкви яко пустыя храмины безъ славословія Божія, а православные Христіане за ихъ земледѣльствомъ умирають ничѣмъ же отмѣнно отъ скота. И сельскіе пресвитеры ничѣмъ не отмѣнны отъ простыхъ мужиковъ: мужикъ за соху, и попъ за соху, и въ праздничной день, гдѣ было идти въ церковь на славословіе Божіе, а попъ съ мужиками пойдетъ овины сушить; и гдѣ было объдно служить, а попъ съ причетники хлѣбъ молотить,—и въ таковыхъ суетахъ живуще не токмо стадо Христово пасти, но и себя не упасти.

А аще по вышсозначенному о нихъ устроить Богъ, то во святыхъ церквахъ всегда служба будетъ, и пещица будутъ о паствѣ словесныхъ овецъ, а уже не о пашнѣ. Отслужи церковную службу, книги бы читали, и по домамъ дѣтей своихъ духовныхъ ходили и смотрѣли, какъ они живутъ, исправно ли въ его приказаніи, и не погрѣшились ли въ чемъ. И тако на всякой мѣсяцъ всякаго своего сына посѣщаль бы и подкрѣпляль ихъ, чтобы памятовали то, чему его на исповѣди училъ, и, что ему приказалъ, незабытно бы исправляль. И въ тѣхъ посѣщеніяхъ отнюдь бы ничему не касался, и вина бы не пилъ, что онъ ради надзиранія духовныя паствы ходить, а не ради потребности, и чтобы пресвитеры уподобились святымъ Апостоломъ: ту не бы ихъ посѣщали и на спасеніе наставляли.

А кому дастъ Богъ смыслъ въ книжномъ писаніи, то между дѣль книги бы пѣвчія писали и охочимъ людемъ продавали; а егда съ потребою куда позовутъ, то всякое свое дѣло бросивъ, шель бы съ посѣщеніемъ дабы исправить та нужда, понюже требуютъ его. И тако творя, вси бы сельскіе попы были пастырьми

совершенными, и въ крестьянскомъ житіи свѣтъ бы возсіялъ.

А нынѣшняя паства вельми, вельми неисправна, и сего вельми опасно есть, чтобъ Богъ не взыскалъ на главныхъ пастырей, понеже кін пресвитеры и во градъ живутъ, и тѣи не весьма знаютъ, въ чемъ грѣхъ, или въ чемъ спасеніе, и того ради прихожанъ своихъ къ покаянію не принуждаютъ, и какъ кому жить душеспасительно, не наставляютъ; и отъ того многіе люди въ невѣденіи своемъ погибають.

Я истинно таковыхъ стариковъ много и при Москвѣ видалъ, что лѣтъ подъ шестьдесятъ и больше житія своего имѣють, а у отцовъ духовныхъ на исповѣди не бывали, не ради раскольниковъ, но ради непонужденія пресвитерскаго. Такой у нихъ обычай былъ, что не состарѣвся, деревенскіе мужики на исповѣдь не хаживали. И тако иніи и не доживъ до старости и умирали; а сіе чинилось не отъ чего инаго, токмо отъ нерадѣнія пресвитерскаго. И о такомъ нашемъ неисправномъ житіи помыслить ужасно! И вся сія Царскимъ изволеніемъ и Синодскимъ радѣніемъ исправитися могутъ.

А нерадѣть о томъ великомъ и страшномъ дѣлѣ вельми яко Царю, тако и Архіереомъ опасно есть; ибо чрезъ уста Святаго пророка Іезекіиля: «Тако духъ Святый возгремъ, еже хошетъ Богъ всѣхъ погибшихъ душъ человѣческихъ взыскати отъ руки господствующихъ имн.» (Іезекіиля гл. 33).

И сего ради ужасно такова грома, отъ Бога изшедшаго: и яко духовнымъ властѣмъ, тако и мірскимъ надлежитъ великое попеченіе приложить, дабы та неисправность исправить, и отъ тогобы избыти, нежебы не взыскалъ Богъ погибающихъ душъ на правителяхъ господствующихъ ими.

И мое мнѣніе тако мысли моеи касается, яко вся наша погибель и спасеніе залежитъ во пресвитерахъ: аще они будутъ несмысленни, то и люди паствы его будутъ несмысленни, а аще пресвитеры будутъ благоразумни и святы, то и люди паствы его вси будутъ разумительны, и святости близко: ихъ бо наставленіемъ всякаго благоразумія могутъ наполнитися, и въ Христіанствѣ прямо и твердо стояти. И души своя отъ вѣчной погибели соблюдати. И за твердымъ ихъ наставленіемъ вси благодатию Божіею приближатся къ царствію небесному.

И егда пресвитеры во ученіи своемъ исправятся и всякаго благонравія навикнутъ, тогда и одежда имъ прежняя своя гнусная и многошвейная годствуетъ измѣнити; и не токмо градскіе, но и сельскіе попы, и дьяконы не токмо гнусныя и раздранныя носили, но и сѣрмяжныя бы сѣрыхъ и бѣлыхъ суконъ некрашенныхъ отнюдь не носилибъ, но носилибъ рясы широкоорукавыя и длинныя. И буде кому сукна нѣмецкаго купить не въ мочь, то дѣлалибъ изъ яренку; а буде и того не въ мочь, тобы сѣрмяжныя сукна бѣлыя красили въ вишневою или въ лазоревую краску. А въ непотребномъ одѣяніи пресвитерамъ и діаконамъ отнюдь ходить не подобаеть; понеже они слуги суть Божіи, и предстоять у престола Божія жертвы приносяще за Царя и за вся Христіаны.

И за ихъ близость къ Богу самъ Господь Богъ еще и въ ветхозаконой церкви не токмо священникомъ, но и служителемъ церковнымъ, повелѣлъ въ чистыхъ одеждахъ служити. Колями же паче подобаеть въ новой благодати священному чину чистоту во всемъ имѣть, яко въ тѣлѣ, тако и въ душѣ, подобно и во одеждѣ, и во всякомъ своемъ и житейскомъ исправленіи, чтобы они яко жи-

тіємъ своимъ, тако и одеждою были отъ простолюдиновъ отъмѣнными; не одною верхнею одеждою, но и нижнею и всѣмъ своимъ уборомъ: шапка бы была съ бобромъ или съ лисицею круглая, саногибъ были низкіе, переды круглые, а лаптей бы отнюдь ни въ каковыхъ мѣстахъ не носили. И съ запрещеніемъ отъсѣщи сіе, ежебы отнюдь къ престолу Божію въ лаптяхъ не приступали; сіи бо не токмо чинъ свой, но и Божіей чести уятіе творять. Ради бо чести Божіей повельно пресвитерамъ у престола Божія служить во украшенныхъ ризахъ, и по тому уставу иной пресвитеръ во время служенія своего возложить на ся одежду златотканную, а на ногахъ лапти растоптанные, и во всякомъ калѣ обваленные, а кафтанъ нижній весь гнусень. И на такое пресвитерское убраніе зря, кто не удивится, что злато мѣшають съ блатомъ. И Царево дѣло надлежитъ вести честно, а Божіе наипаче.

Пресвитеру подобаеть быть всегда трезву и слово ко всякому челоѣку имѣть умиленное, взоръ кроткій, ступаніе ногъ тихое, и къ людемъ, кѣмъ имъ словеса не полезна, отнюдь бы тихихъ не говорили, но что на пользу, тобъ только и говорили. А тако творя подобни будутъ Апостоламъ Христовымъ, и за такое ихъ житіе вси люди будутъ ихъ почитать, и, что уложено будетъ имъ на пропитаніе давать, то съ радостію будутъ имъ давать.

А о семъ Его Императорское Величество соизволить таколи, како я мнѣніе свое изъявилъ, или кто инъ иначе примыслить, тако да будетъ. Аминь.

ГЛАВА II.

О ВОИНСКИХЪ ДѢЛАХЪ.

Въ военномъ дѣлѣ еще людѣ будутъ военнаго артикула не весьма навывкли, и въ ружьѣ силы неразумьющи, къ тому же еще и стрѣлять цѣльно неумьющи, то весьма таковыя въ военномъ дѣлѣ будутъ неспоры и неспрiателю нестрашны; а еще же къ тому и пищею будутъ неизобильны, то и напаче плоха будеть у таковыхъ служба. Есть слухъ, что инымъ солдатамъ и по десяти алтынъ денежнаго жалованья не приходится на мѣсяць, а о таковой ихъ скудости, чаю, что никто Великому Государю не донесеть, но чаю, доносятъ, будто бы вси сыты и всѣмъ довольны. Годовъ тому съ шесть или съ семь назадъ на Вышнемъ Волочкѣ новобранному солдату за вычетомъ досталось на мѣсяць двѣ гривны, и онъ принявъ деньги, вынялъ ножъ, да брюхо у себя и порѣзалъ. И сіе явѣ есть, еже не отъ радости тако онъ учинилъ, что и животъ свой ему не смиллся. И о таковой причинѣ командиры ихъ, чаю, что никогда Его Царскому Величеству прямо о томъ не донесуть, что онъ отъ великія своея скудости въ жаловань такъ надъ собою учинилъ.

И отъ такова порядка и отъ безкормицы служба вельми неспора; потому что голодной идучи и за солому защемляется, * а не то что сму неприятеля гнать и черезъ колоды и черезъ ручьи скакать: голодный человекъ подобенъ осиновому листу, и отъ малаго вѣтра шатается; у голоднаго и работа худа, а не то что служба.

А истинно слыхалъ я отъ солдатъ и такую рѣчь, что ради смерти своей; и отъ таковыхъ какая спорина въ службѣ, что не желаетъ неприятеля убить, но желаетъ самъ убиенъ быти; дабы ему вмѣсто здѣшнихъ нужды тамо какое либо упокоеніе за принятіе смерти своей пріяти.

А аще всѣмъ довольны и военному дѣлу научены будутъ добръ, а дана имъ будетъ воля и потачка яко рядовымъ, тако и офицеромъ ихъ, то паки дѣло военное неспоро у нихъ будетъ; ибо аще что и во арміи не по нраву имъ будетъ, то пакости оныхъ ** опасно: самовольство никогда добра не дѣлаетъ, кромѣ пакости.

И при квартирахъ солдаты и драгуны такъ не-смирно стоятъ, и обиды страшныя чинять, что и изчислить ихъ не можно; а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинять: дрова жгутъ нагло, а буде дровъ не достанетъ, то и надобно лѣсъ рубить; а буде кто станеть говорить, что де вамъ по указу Великаго Государя вельно дрова свои жечь, то жестокае будутъ чинить; и того ради многіе и домамъ своимъ не рады, а во обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ: военный судъ аще и жестоко учиненъ, да и жестоко доступать его; понеже далеко онъ отъ простыхъ людей: не токмо простолюдинъ доступить по

* У Стр. защемляется.

** У Стр. отъ нихъ. Впрочемъ здѣсь должна быть ошибка въ обонихъ спискахъ.

нему, но и военный человекъ не на равнаго себя нескоро судъ сыщеть.

Въ прошломъ 721 году присланъ былъ въ Новгородъ Преображенскаго полку офицеръ капитанъ Иванъ Моисеевъ, сынъ Невельской, для розыску во взятыхъ лудинахъ, которые присланы были изъ Москвы въ Новгородъ на продажу, и къ тому камочному дѣлу приличился Новгородецъ, посадскій человекъ Петръ Терентьевъ, токмо во одномъ свидѣтельствѣ, а я и ничему неприличенъ; а тотъ Невельской взялъ его Петра на постоялой свой дворъ, а держалъ подъ карауломъ больше двухъ недѣль. И аще до него Петра дѣла нѣтъ, а онъ прислалъ писаря своего съ солдатами, и животы его Петровы запечатаны, а меня изъ задней горницы выбили, и жена моя стала говорить: покажи де указъ, почему ты насъ изъ хоромъ выживаешь вонъ, и животы наши печатаешь; и ее солдаты сильно выгнали вонъ изъ горницы, и стали и изъ двора вонъ выбивать, и мы поупрямились, не пошли вонъ. И онъ Невельской прислалъ съ такими грозами: буде вы изъ двора вонъ не выидете, то-де прѣйду самъ, и совсѣмъ де вымечу на улицу, а жену де твою за косы выволоку вонъ. И жена моя убоюся увѣчья и такого великаго безчества, по чужимъ дворамъ больше дву недѣль скиталась; а я на томъ Петровомъ дворѣ по приказу воеводы Князя Юрія Яковлевича Хилкова жилъ.

И того Капитана Невельскаго называютъ добрымъ и разумнымъ человекомъ, а такія обиды чинилъ; и Петръ побывалъ у него съ гостинцемъ, то онъ его животы отпечаталъ, а моихъ не распечаталъ: знатное дѣло, что и съ меня хотѣлось нѣчто сорвать, и едва упросилъ его Воевода Князь Юрья Яковлевичъ, что приказалъ распечатать и карауль свестъ.

И тогожь 721 года Полковникъ Дмитрій Ларіоновъ, сынъ Порецкой, будучи въ Новѣгородѣ въ канцеляріи провинціального суда, бранилъ меня скверною бранью, и называлъ воромъ, и похвалялся посадить меня на шпагу; а за что посадить хотѣлъ, винъ своя ни малья не знаю. И то руганіе мнѣ отъ него было и шпагою похвальныя слова при судейскомъ столѣ, а судей въ то время уже не было, только былъ тутъ Нотаріусъ Романъ Семеновъ; и то мнѣ руганіе и похвальныя его слова онъ Нотаріусъ и приказные подъячіе и дворяне многіе слышали, и я наутро принесъ судьямъ челобитную, чтобъ въ брани и въ похвальныхъ словахъ его Полковника допросить; и онъ Порецкой въ допросъ не пошелъ: я де судимъ въ военной коллегіи, а у васъ въ Новѣгородѣ отвѣчать не буду.

И я, аще не весьма послѣдній человекъ, а суда не сыскалъ. Какъ же сыщеть судъ кто мизирнѣ меня? Только что о обидахъ своихъ жалуйся на служивой чинъ Богу.

А аще учиненъ будетъ судъ равный, каковъ простолюдину, таковъ и безъ понаровки и офицеру; то и нехотя всѣ приткостъ свою отложить, и будутъ ко всякому чину склонны, и не токмо на квартирахъ, но и на пути по прежнему никого обидить не будутъ.

И аще служивые вси яко рядовые солдаты и драгуны Его Императорскаго Величества указу послушны не будутъ, и обижать перестанутъ, и начнутъ со всеми чины въ любви быть, — такожде, аще и офицеры ихъ въ таковое же послушаніе внидутъ, и со всеми чинами въ любви будутъ, — и къ тому еще у всѣхъ полковъ пѣхотныхъ военной артикулъ гораздо будетъ твердъ, еже ни отъ какого замѣшанія непріятельскаго имъ не смѣшались, — то на бою будутъ яко каменная стѣна.

*

А будеже въ ружьѣ будутъ силу знать, и у фузеѣ огнивы будутъ имѣть огнистыя и кремни приправныя, чтобъ осьчки никогда не было, и фузея каковы чисты свону, * пачежь того внутри, и къ струнѣ внутрь приправленной; ** то такое ружье вельми надежно, и къ стрѣлянью цѣльно, и въ ратоборствѣ споро; а къ тому, аще и стрѣлять будутъ не по прежнему на вѣтеръ, но въ самое дѣло, чтобъ ни пуля, ни порохъ даромъ не пропадалъ, и аще толь твердо научатся съ руки стрѣлять, чтобъ никакого бѣгуна скачущаго на конѣ не упустили, — то такковыя солдаты, на бою неприятель вельми будутъ страшны, не токмо на сухонутномъ бою, но и на водяномъ будутъ страшны.

И ради морскаго бою вельми учить молодыхъ солдатъ, чтобъ они навькли съ руки въ цѣль бить безъ погрѣшенія, чтобъ и на малыхъ шлюбкахъ влучи могли и во время волненія въ цѣль безъ погрѣшенія убивать; и аще тако затвердятъ, то самая честная морская битва будетъ, и чаю, что и на весь свѣтъ славнобъ и ужасна была.

Къ томужь, аще и рукобитное ружье будетъ имѣть самое острое, то и въ такомъ ружьѣ спорыня будетъ немалая; понеже острое ружье хотя чуть коснется кишкамъ и прочимъ внутреннимъ, то той чело-вѣкъ живъ быти уже не можетъ, и никто излечить его не можетъ; а съ пустымъ ружьемъ аще и сквозь утробу чело-вѣчью проколетъ, то та рана залечить можно: потому что она кишокъ не повредитъ; а самое острое ружье — смертная язва.

И таковымъ солдатамъ, мнится мнѣ, не худо бы предъ рядовымъ солдатамъ и жалованья прибавить: рядовому солдату въ годъ жалованья 16 рублевъ, а темъ,

* У Стр. свону.

** У Стр. приправныя.

которые будутъ изъ фузей съ руки въ 20-ти саженьяхъ по шапкъ бить безъ погрѣшенія, то таковымъ, видится, можно дать и по 20 рублей на годъ, дабы, на то смотря, и иные острились на такоежъ умѣніе. А буде въ таковой же мѣрѣ будутъ по цѣли подвижной убивать безъ погрѣшенія, и таковымъ, видится, можно и по 25 рубл. на годъ дать; понеже таковой солдатъ заслужить за два или за три человека неумбующихъ.

И на сухопутномъ бою, на сходѣ съ непріателемъ, аще таковыхъ солдатъ тысяча человекъ выстрѣлятъ, то на худой конецъ повалилибъ непріятельскихъ людей сотъ пять-шесть; то каковъ бы ни былъ непріятель жестокъ, умякнулъ бы, и нехотя рожу свою отворотилъ бы назадъ. Я чаю, что другаго запалу не стали бы дожидатися, стали бы смекать, какъ бы на бѣгу уйтить.

Есть слово похвальное про Финны, что де такъ крѣпко на бою стоять, что убьютъ де человека, а другой на его мѣсто и станеть; и то не дивно, буде убьютъ у ста человекъ одного или двухъ человекъ, то плохо * заступать, а будеже у ста человекъ да убьютъ пятьдесятъ или шестьдесятъ человекъ; то я не знаю, какъ бы и тѣ славные Финны могли заступить. А будеже на побѣгъ не пойдутъ, но стануть на мѣстѣ томъ укрѣплятися, и дождутся другаго запалу, то и побѣжати будетъ некому, но вси тутъ уснутъ.

Я сего не могу знать, что то за повычай древній солдатской, что только одно ладять, чтобы всѣмъ вдругъ выстрѣлить будто изъ одной пищали: и такая стрельба угодна при потѣхѣ или при банкетѣ веселостномъ, а при банкетѣ кровавомъ тотъ артикулъ не годится; тамъ не игрушку надобно дѣлать, а самое дѣло, чтобъ даромъ пороха не жечь и свинцу на вѣтеръ не метать, но весь тотъ припасъ шель бы въ

* Такъ въ обоихъ спискахъ. Не ошибка ли вмѣсто *можно*?

дѣло, почто сошлись. Я много слыхалъ отъ иноземцевъ военныхъ похвалы такой, такъ де жестоко билися, что во огнѣ де стояли часовъ съ шесть, и никто де никого съ мѣста сбить не могли. И сія похвала немецкая — у нихъ бы она и была; а намъ дай Боже ту похвалу нажить: съ Русскими де людьми биться нельзя; ежели де единожды вышालять, то де большую половину повалять. И такая битва не въ шесть часовъ, но въ одну минуту.

И если Богъ изволить тако Русскимъ нашимъ солдатамъ научится, что ни одинъ бы пули даромъ не терялъ, и таковыхъ солдатъ если тысячь десятокъ набрать, то я знаю, что и съ двадцатью тысячами не пошелъ бы никто на битву съ ними: отъ Русскаго солдата будто отъ лютаго звѣря всякой бы непріятель бѣжалъ безъ оглядки.

Подъ Азовымъ на Швартовъ полкъ набѣжали Татары, и солдаты, по приказу своего полковника, понѣмецки всѣ однимъ разомъ выпалили, и всѣмъ полкомъ неубили и десяти челоловѣкъ, и тѣ Татарове увидѣли, что почали ружья заправлять, вскочили варагъ, ружья имъ заправлять не дали, и всѣхъ, что овецъ погнали въ свою землю и съ полковникомъ. А еслибы не на вѣтеръ стрѣляли, да половина бы выстрѣлила, а другая бѣ въ запасъ была, тобы не погнали что овецъ. А ащебы всѣ умѣли цѣльно стрѣляти, то и на худой конецъ ста два-три убилибъ, то и Татарове не смѣлибъ толь смѣло на цѣлой полкъ навалиться; а еслибъ сотъ пять-шесть у нихъ убили, тобы они къ чорту забѣжали, что и сыскать бы ихъ негдѣ было. Татарове смѣлы, пока большаго урону нѣтъ; а егда сотню другую человѣкъ потеряють, то и они щекую свою отворачиваютъ: любятъ они даромъ взять.

Быль я еще въ молодыхъ лѣтѣхъ на Пензѣ, и та-

мошніе жители, служивые люди, усмотрѣли во мнѣ, что я гораздо цѣльно стрѣляю, то, истинно не лгу, что говорили мнѣ: останься де ты здѣсь въ лѣто, то де мы Татаръ не будемъ бояться; и я сталъ говорить, еже одному мнѣ съ ними нечего дѣлать. И они мнѣ сказали; видимъ де мы, что ты скорѣ стрѣлять и пульей даромъ не теряешь, а Татары де напорчиво напираютъ, что мы не умѣемъ никого изъ нихъ убить, а тебя де видимъ, что ты и по лицу убиваешь, а отъ нихъ де выѣзжаютъ нартики и сажень въ десяти разъ ѣзжаютъ, а мы де устава пищали, да стоимъ передъ ними, а ты де хотябъ одного изъ нихъ убилъ, то бы они уже не стали такъ наѣзжать, а еслибы де человекъ дву-трехъ убилъ, то бы де и всѣ исчезли.

И по такому примѣру аще бы Богъ изволилъ таковыхъ бойцевъ тысячъ десятокъ-другой набрать, то вѣдаю я, что сталибъ всѣ непріатели трусить; а если же къ таковымъ бойцамъ да соорудить рогатки огнестрѣльныя съ запальными пищальми; то изъ таковыхъ пищалей встрѣтилъ бы непріателя сажень во стѣ, и пока къ сраженію сходятся, а у нихъ бы начальныхъ людей, кои предъ полкомъ выступаютъ, поубавилъ бы; а егда саженьхъ въ 30 будутъ, то бы встрѣтилъ ихъ рогаточною стрѣльбою; а кои у рогаточной стрѣльбы останутся, то тѣхъ бы тѣ солдаты изъ своихъ фузей подхватили, и отъ той стрѣльбы, кои остальцы будутъ, то бы ихъ ручнымъ боемъ прокололи; а буде устремится на побѣгъ, то конные, такіе жъ огнестрѣльные драгуны, проводили бы ихъ до упокоенія вѣчнаго.

И къ таковой бы огнестрѣльной пѣхотѣ да устроить конныхъ бойцевъ хотя одну тысячу человекъ таковыхъ, чтобы, на конѣ скачучи или рысью бѣгучи, стрѣлять могли по цѣли впредъ себя, и на обѣ сто-

роны и назадъ себя; то таковая и одна тысяча замѣнить у дѣла паче десяти тысячъ, а дѣло бы у нихъ споряя и двадцати тысячъ было; потому что противъ таковыхъ бойцевъ, я невѣмъ, кто бы могъ устояти, и чтобы по прежнему во огни цѣлой день стояти, но и въ четверть часа скучать; яко то могу разумѣти, что и двухъ запаловъ не вытерпятъ, но все остальцы будутъ смекать, какъ бы голова своя унести.

И аще бы Богъ помогъ таковыхъ воиновъ набрать тысячъ пять-шесть, то непочтобъ пятьдесятъ тысячъ войска коннаго держати и кормить напрасно. И аще, какъ пѣхота, такъ и конница, не будутъ даромъ пульей терять, то отъ таковыхъ бойцовъ непріятелю трудно будетъ и на убѣгъ бѣжать, а и догонять таковыхъ бойцовъ непріятель не посмѣетъ.

И таковымъ воинамъ подобаеть и ружье самое доброе и цѣльное имѣть, и имѣть бы конный воинъ ружья при себѣ, фузею да пару пистолетовъ длинныхъ, да коротышковъ карманныхъ пару же, да копейцо при сѣдлѣ самое острое имѣть подъ ногою ратовище аршина въ три или въ полчетверта.

И таковымъ воинамъ подобаеть одежда носить красная; понеже они огнистые люди, яко огонь малой многія дресва пожигаеть, тако и сіи. Аще на пространномъ и свободномъ мѣстѣ, то и мальми людьми, аще Богъ помощь свою имъ пошметъ, могутъ многихъ поразити.

И таковы бойцы при свободныхъ мѣстѣхъ десятио тысящами заслужилибъ за пятьдесятъ тысячъ, и аще и не таковы будутъ умѣтельны стрѣлять, ежели бы ни одной пули даромъ не потерять.

Обаче надобно служивой людъ беречи, чтобы имъ нужда ни хлѣбная, ни одежная некасалася. Зело отъ нихъ слышно, еже къ нимъ на мѣсяць и по десяти алтынъ не приходить; то чѣмъ ему пронииматися, гдѣ ему взять

шуба и инья потребности, и харчу на что ему купить? и въ таковой скудости будучи, какъ ему не своровать и какъ ему изъ службы не бѣжать? нужда пригонитъ къ побѣгу, а иной и измѣнить будетъ готовъ.

О солдатѣхъ и о драгунѣхъ надлежитъ великое попеченіе имѣти, и тщательно того смотрѣти и при квартирахъ, чтобы они ни пищею, ни одеждою не скудны были, а при арміи и наипаче подобаеъ ихъ довольствовати, чтобы они радуящеся служили. И егда всѣмъ будутъ довольны, то служба ихъ будетъ исправнѣе яко въ главныхъ полкахъ, тако и въ послѣднихъ и въ новобранныхъ. Аще будутъ вси пищею и одеждою довольны, то вси, радуясь, будутъ служить. А сіе мнится мнѣ, не весьма прямо учинено, аще съ нѣмецкаго переводу взято, еже мундиръ солдату или драгуну дать, а послѣди за весь тотъ мундиръ изъ жалованья мѣсячнаго и вычестъ. И отъ таковыхъ вычетовъ какъ солдатамъ въ нуждѣ не быть; жалованья ему на мѣсяць учинено только тридцать алтынъ, а за вычетомъ только дается ему десять алтынъ или меньше; и изъ таковаго малаго жалованья чѣмъ ему шуба и шапка, и рукавицы, и чулки или онучи купить? И мнѣ мнится и вычеты отставить, и по гривнѣ на мѣсяць денегъ надлежитъ прибавить, чтобы имъ было исправить свои нужды. Мнѣ мнится, аще вычеты оставлены будутъ, то гораздо радостнѣе и радѣтельнѣе будутъ служить.

Я истинно видѣлъ: въ Санктпетербургѣ солдатъ купилъ мяса на послѣдней недѣлѣ Рождественскаго мясоѣда, и говоритъ: хотя бы де для заговенія оскоромишься, и сіе не самая ли нужда, что во весь мясоѣдѣль сухой хлѣбъ. И буде и въ службѣ будучи при арміи такую же нужду принимаютъ, то трудна ихъ служба.

Я мню: аще бы пищею и одеждою довольни были; то чю. что и служба у нихъ вдвое споря была. А егда голодень и холодень, и ходить скорчася; то онъ какой воинъ, что служба воесть?

А буде кой солдатъ или драгунъ и отъ довольной сытости да станетъ плутать, изъ службы сбѣжить; то поймавъ его распросить, отъ чего онъ бѣжалъ? И буде нехотя служить, то учинить ему смертная казнь, или вмѣсто смертныя казни наложить ему на лбу херъ или иной какой знакъ, чтобы онъ всякому знатенъ былъ, что онъ бѣглецъ; то уже тотъ впредь не побѣжить, потому что за такимъ знакомъ никто его на дворъ не пустить, и ни къ какой его работѣ нигдѣ не примутъ, и гдѣ кто его не увидитъ, аще не при полкѣ, то поймать его можетъ, и связавъ, отослать къ суду; а судъ ему уже смертенъ.

А буде же пойманный солдатъ скажетъ, что бѣжалъ онъ отъ обиды офицера своего, то надлежитъ разыскать; и буде обида будетъ явна, то надлежитъ дать кара офицеру, а солдата отъ хера свободить; многіе бо солдаты и драгуны на офицеровъ своихъ жалуются, что великія имъ обиды чинять, а управы на нихъ не сыщутъ.

И ради общежительства любовнаго аще Великій нашъ Монархъ повелитъ судъ устроить единъ, каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому челоуьку, убогому и богатому, таковъ и солдату, такожь и офицеру, ничимъ же отмѣненъ, и полковнику и генералу, — и чтобъ и судъ учинить близостной, чтобъ всякому и низкочинному челоуьку легко бы его достигать, како на простолюдина, тако и на служиваго, — то по такому уставу не то что офицеровъ, солдатъ избивать, но и земледѣльцовъ не будутъ обидить. Аще увидятъ прямой правый судъ, то вси прежнюю свою гордость

и азарничесто и обиды всѣ отложить, и будутъ со всѣми чинами любовно обходиться, и на квартирахъ будутъ стоять смирно, и чего имъ не указано, не стануть того дѣять, и указы Его Императорскаго Величества не стануть ничтожить; ибо тебѣ люди, да вси измѣнятся. И за то всякому чину будутъ милы, и въ квартирномъ стояніи вси будутъ имъ рады, яко свойственникамъ. Сей же судъ, мнѣ мнится, не весьма правъ, еже простолюдину о обидѣ своей на солдата у солдатажъ милости просить, а на офицера у офицеражъ. Старая пословица есть: еже воронъ ворону глаза не выклюнетъ! Сіе бо есть явное дѣло, что солдатъ на солдата никогда не почнетъ, а офицеры и давно не промѣняють своего брата и на солдата, а не то что на простолюдина; всегда бо свой своему по неволю другъ, и нельзя имъ другъ другу и не нарывать: потому нынѣ тотъ виненъ, а на иной день будетъ и онъ виненъ. И потому не можно имъ праваго суда на своего брата изнести. А аще судъ будетъ по нынѣшнему и разный, служивымъ особливый, а прочимъ чинамъ особливыежъ, да будутъ единой главной конторѣ подсудны и во всемъ послушными, то можетъ правда установитися.

Обаче ради нелицепріятнаго суда надлежитъ судьямъ быть особливымъ, кромѣ солдатъ и офицеровъ; чтобъ уже былъ судъ всѣмъ безъ понаровки; и судьямъ страшной, жестокой указъ предложить, дабы никакому лицу ни понаровки, ни посяжки не чинили, а неправедно, ни самага земледѣльца безвинно осудить, или и челобитной у него не принять, не смѣли. Прежній судъ у солдатъ тако былъ: буде солдаты кого убьютъ или ограбятъ, то онижъ будутъ и правы; а кого били или и грабили, то тогожъ и виноватымъ дѣлали. И хотя кто солдата поймаеть, то

и самъ не радъ будетъ; ибо аще и съ поличнымъ приведетъ съ нимъ, то поймшій же битъ будетъ. Мой человекъ поймался за лошадь мою: ту лошадь у него отняли, да егожь капитанъ Мавринъ высъкъ батоги: для чего де ты обозъ останавливаешь, тыбъ за лошадью шель въ Санктпетербургъ: тамъ бы де и судъ на него дали. И тотъ судъ далекъ сталь и трудень: лошадь дана 4 рубля, а послать туда битъ челомъ, то больше того еще приложить; и та лошадь бьма у подводчика, а не у солдата, только подъ обиходомъ офицерскимъ, а и тутъ суда не сыскалъ.

А и сіе изложеніе, мно я, что не весьма здраво изложено еже и служивому на служиваго битъ челомъ служивымъ же офицерамъ: и буде на равнаго себъ бьеть челомъ, то всячески дадутъ судъ; а будешь на офицера, то и мыслить нечего, что суда не сыщешь; какъ ни есть, а изволочать. Буде кто не вельми докучливъ, то его минами (?) проволочать; а буде кто докучливо станеть битъ челомъ, того посылками удручатъ, что не радъ будетъ и челобитью своему.

И то стало быть худой судъ; и того ради надлежитъ всячески потщатися о правомъ судъ, дабы никто къ Богу не въздыхалъ, и на судью пореченія никакого бы не наносилъ, и чтобъ Богу никто не жаловался, но всякомубъ человеку винъ рѣшеніебъ чинить на землѣ, а до небснаго суда и не допустить бы. И аще судъ у насъ въ Россіи устроится праведный, и приступъ къ нему будетъ близостный и нетрудный, то никто никого суду Божию предавати не будетъ, но кійждо по винъ своей и судъ и награжденіе прииметъ на земли.

ГЛАВА III.

О ПРАВОСУДИИ.

Богъ правда: правду Онъ и любить. Аще кто восхощетъ Богу угодить, то подобаетъ ему во всякомъ дѣлѣ правда творити; наипаче бо всѣхъ чиновъ надлежить судьямъ правда хранить не токмо въ однихъ дѣлахъ, но и въ словахъ лживо ничего не говорить, но что прилично къ правдѣ, то и говорить, а лживыхъ словъ судья никогда не говорилъ бы.

Понеже судья судить именовъ царскимъ, а судъ именуется Божій; того ради всяческой судья подобаетъ ни о чемъ тако не старатися, яко о правдѣ, дабы ни Бога, ни Царя, не прогнѣвати.

Буде судья судъ повѣдаетъ неправый, то у Царя пріиметь временную казнь, а отъ Богу вѣчную, не токмо на тѣлѣ, но и на душѣ казнь вѣчную понесеть.

А буде судья повѣдаетъ судъ самый правдивый и велицепріятный по самой истинѣ яко на богатаго, тако на самага убогаго и безславнаго, то отъ Царя будетъ ему честь и слава, а отъ Бога милость и царство небесное.

Судія бо аще будеть дѣлать неправду, то ни постъ, ни молитва его не поможетъ ему, понеже уподобится лживому діаволу.

А буде же будеть дѣлать прямую правду, то подобень будеть Богу; понеже Богъ самая правда. И аще судья не погрѣшитъ въ судѣ, то паче поста и молитвы поможетъ ему правосудіе его: писано бо есть, яко правда избавляетъ отъ смерти.

Судьѣ не подобаетъ ни о чемъ у Бога милости просити токмо о томъ, дабы Богъ ему открылъ, како между людьми Божиими судъ правдивъ судити, дабы отъ недознанія своего праваго не обвинить, а виноватаго не оправити.

Мой умъ не постигаетъ сего, како бы прямое правосудіе устроить; но елико ми Богъ даруетъ, готовъ, написавъ предложить, токмо не безъ страха есмь о семъ, еже азъ весьма мизиренъ и ученію школьному неискусенъ, и како по надлежащему достоинъ писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самый простецъ есмь, но токмо возложився на Его Божию волю, дерзнулъ мнѣніе свое изъяснити простотнымъ письмомъ.

Первое мнѣніе свое о судьѣиствѣ предлагаю сицевое: егда кто отъ Его Императорскаго Величества опредѣленъ будетъ ко управленію судному, то подобаетъ ему умолить пресвитера, дабы Господу Богу всенощное пѣніе отпразднать, и литургію и молебное пѣніе Богу Отцу нашему небесномубъ воспѣть, и въ томъ моленіи просилъ бы объ откровеніи въ дѣлахъ у Господа Бога со слезами, ежебы Богъ подалъ ему познавати правость и виновность во всякомъ дѣлѣ; и во всемъ томъ правленіи надлежитъ всего себя вручить Богу, и ежебы онъ не допустилъ до какого либо искушенія, и чтобъ отъ неправости какой не впасти бы въ каковыя напасти. А не худо бы и на всякой день, воз-

ставъ отъ ложа своего, тотъ (?) новосочиненный Богу Отцу нашему небесному канонъ прочитывати съ богомыслиемъ, дабы дѣла его судныя строились по волю Его Божіей, и не допустилъ бы Богъ до какова либо искушенія, и избавилъ отъ всякаго лукаваго дѣла.

И положить себѣ надлежитъ уставъ недвижимый такой, ежебы, вшедъ въ канцелярію и сѣдши на мѣсто, первѣе: повелѣлъ бы колодниковъ, что ихъ есть, поставить предъ себя на лицо, и спросилъ бы всѣхъ порознь, кто въ чемъ сидитъ, и у коего подъячего дѣло его, то справиться съ дѣломъ; а буде дѣло до коего невеликое, то тогобъ часа и рѣшить его; а буде коего дѣло рѣшить того часа не возможно, то вельмъ бы того свободить на поруки, или на росписку, или за пристава, и положилъ бы срокъ, когда коему явиться. А что ежедневно являться, то самое бездѣлье, излишня волокита: сталъ бы онъ на положенной срокъ. А въ приказѣ бы кромѣ разыскныхъ дѣлъ отнюдь бы никого не было, и до коего сроку кто будетъ освобоженъ, то судьбъ написалъ въ памятную свою книжку, чтобы того числа рѣшить его. И тотъ срокъ судѣ вельми надлежитъ памятовать, чтобы на себя пороку не навести.

И тако на всякой день судѣ годствуетъ колодниковъ пересматривать, чтобы не былъ кто напрасно посаженъ. Издревль много того было, что и кого подъячій посадить, безъ судейскаго вѣдома, а иногю и приставъ посадить, и безъ вины просидитъ много времени. И аще кой судѣ сего смотреть не будетъ, то възыщется на немъ вина въ главной канторѣ, коя на управу неправымъ судьямъ учинена будетъ.

А древняго у судей обыкновенія такого не было, ежебы колодниковъ самому судѣ пересматривати, и дѣла ихъ безъ докуки разсматривати; только одни

подьячіе перекликають и то того ради, что всь лицьль, а не ради рьшенія; и того ради много и безвинно сидять, и помирають голодомъ.

Въ прошломъ 707 году при моемъ виденьѣ привелъ въ Преображенское слуга боярской дѣловаго человека за то, что онъ сказалъ за собою слово Государево, и Князь Ѳеодоръ Юрьевичъ спросилъ у него о словѣ, и онъ сказалъ: я де желаю Великому Государю служить въ солдатѣхъ, а помѣщикъ де велѣлъ меня за то сковать, и я де того ради и сказалъ за собою слово Государево. И Князь Ѳеодоръ Юрьевичъ и отослалъ его въ солдатство; а которой человекъ его привелъ, посаженъ былъ въ острогъ, и сидѣлъ тотъ приведець недѣль съ пятнадцать съ великаго поста до Петрова дни. И то пришелъ ихъ стряпчій, да вынялъ на росписку. А по правому разсужденію не довелось было и одинаго дня его держать, а и росписки было брать не для чего: все сіе затѣйки приказныхъ людей, а людемъ Божиимъ такимъ задержаніемъ и напрасными росписками чинять великой убытокъ.

До кого дѣла нѣтъ, непочто того роспискою вязать. Тако и по всѣмъ приказамъ чинять.

Въ прошломъ 719 году сыщикъ Ислѣнтьевъ въ Устрикѣ у таможеннаго цѣловальника взялъ съ работы двухъ человекъ плотниковъ за то, что у нихъ паспортовъ не было, и отослалъ ихъ въ Новгородъ, и Новгородъ судья Иванъ Мякнинъ кинулъ ихъ въ тюрьму, и одинъ товарищъ, годъ пересидя, умеръ, а другой два года сидѣлъ, да едва едва на росписку свободилъ. И тако многое множество безъ разсмотрѣнія судейскаго людей Божіихъ погибаетъ.

На что бодряе и разумнѣе господина Князь Дмитрія Михайловича Голицына! Въ прошломъ 719 году подаль я ему челобитную, чтобъ мнѣ заводъ построить вино-

курной и водку взять на подрядъ; и не вѣдомо чего ради велѣлъ меня за караулъ посадить; и я сидѣлъ цѣлую недѣлю, и стало мнѣ скучно быть, что сижу долго, а за что сижу, не знаю. Въ самое заговѣнье Госпожинское велѣлъ я уряднику доложить о себѣ; и онъ Князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ: давноль де онъ подъ карауломъ сидитъ? урядникъ сказалъ: уже де цѣлую недѣлю сидитъ; и тотъ часъ и велѣлъ меня выпустить. И я, кажется, и не послѣдній челоувѣкъ; и онъ Князь Дмитрій Михайловичъ меня знаетъ; а просидѣлъ цѣлую недѣлю ни за что. Кольми же паче коего мизирнаго посадятъ, да и забудутъ. И тако многое множество безвинно сидятъ и помираютъ безвременно! А по мѣлкимъ городамъ многіе и дворяне приводятъ людей своихъ и крестьянъ, и отдаютъ подъ караулъ.

И того ради какъ по приказомъ, такъ и по городамъ, надобно имѣть росписи, что есть колодниковъ, и чтобы безъ записки въ роспись никакого бы колодника ни въ приказѣ, ни въ тюремѣ не держали; а буде въ пересмотрѣ явится кто въ роспись не вписанъ, то кто его посадилъ безъ записки, надлежитъ жестоко наказать, дабы впередъ такъ не дѣлали. А и старыхъ колодниковъ буде по вся дни пересматривать судья за многодлѣемъ не управится, то не отложно пересматривать понедѣльно, а наипаче по понедѣльникамъ. А приказныхъ сидѣльцовъ въ приказѣ и пересматривати; а тюремныхъ сидѣльцовъ, въ тюрьму прѣвхавъ, и пересматривати накрѣпко: нѣтъ ли какого незаписнаго колодника или нѣтъ ли уходца изъ записныхъ?

Я истинно удивляюсь, что то у судей за нравъ, что въ тюрьму посада, держать лѣтъ по пяти-шти и больше!

Если бы судья и воеводы новоприводныхъ колодниковъ ежедневно пересматривали, то бы сего уже не было, и никому бы безвинно посадить и подъ каруломъ держать было никакъ.

А и дѣламъ всѣмъ, по моему мнѣнію, надлежитъ всякому судья учинить росписи же, и ту роспись по вся дни прочитать, и подъячихъ понуждать, чтобъ отъ челобитчиковъ доуки не ждали, но тобы и помнили, чтобъ дѣло не лежало безъ дѣланія, и готовили бы къ слушанію. И егда кое дѣло къ слушанію готово, то судья съ товарищи слушать не дожидаясь отъ истца или отвѣтника доуки о вершенъ.

Судья надобно помнить то, чтобы даромъ и единого дни не пропустить, чтобъ дѣла какого изъ той росписи не вершити, и слушавъ, чинить рѣшеніе немедленно, дабы люди Божіи во излишнихъ волокитахъ напрасно не мучились.

А и дѣла къ слушанію готовить, по мнѣнію моему, надлежитъ сице: который подъячій изъ коего дѣла дѣмалъ выписку, тотъ бы и подписалъ подъ тою выпиской: я (имркъ) выписку, сію дѣмалъ, и истецъ по сему и по сему правъ; а буде истецъ виненъ, а отвѣтникъ правъ, то такожде именно подписать, почему онъ правъ и почему другой виноватъ.

И судьямъ то дѣло выслушавъ высмотрѣть хорошенько правды и неправды, и ради лучшаго разумнія сдѣлать изъ дѣла выметку коротенькую, и росписать именно правости и виновности, и высмотря ту выметку и посмотреть подъяческаго оговору, кого онъ править. И буде подъяческій оговоръ съ судейскимъ сходенъ, то и ладно такъ; а буде у подъячего оговоръ сдѣланъ разумнѣе и правильнѣе, то такого подъячего надобно побергать. А буде дѣлъ пять-

шесть или десятокъ сдѣлаеть, и оговоры его правды, то надлежитъ его и честию повесить.

А буде же подъячій сдѣлаеть вопреки правды, то учинить ему наказаніе неоскудное; а буде же дѣлалъ такой приговоръ по пристрастію, то лютъ, лютъ, наказать и жалованье убавить; а буде же въ другой рядъ такожде неправо подпишетъ, то уже и казни подпадетъ.

И егда кто богатый или самый убогій челобитную о обидѣ своей или и въ каковомъ ни есть случаѣ подасть, то, по моему мнѣнію простотному, надлежитъ ее судѣ принять, и замѣтить число подачи, а къ запискѣ ее въ протоколъ не отдавать, и самому судѣ вычести ее со вниманіемъ и чтобъ чтенное памятовать. И высмотря челобитную втонкость, взять того челобитчика въ особое мѣсто, и спросить его сице: «Друже! подалъ ты челобитную о обидѣ своей, праволь ты на него бьешь челомъ?» И аще онъ речеть самую правдою, то надлежитъ ему молвить: «Господа ради самъ ся осмотри ты, чтобы тебѣ не впасти въ напасть и въ великой убытокъ, паче же убытку въ грѣхъ не впади; чтобы тебѣ во второе Христово пришествіе праведнымъ Его судомъ осуждену не быть,» и сказать: «мы судимъ овогда право, овогда же и неправо; понеже мы не сердцевъдцы, а тамо не нашъ гнилой судъ будетъ, но самый чистый и здравый, и всякая ложь и правда будетъ явна, и не токмо большія дѣла, но и самая малая крупина будетъ обнажена, понеже самъ сердцевъдецъ Богъ имать судити. Святый Апостоль Павелъ глаголетъ: яко страшно етъ впасти въ руку Бога жива (ко Евреемъ гл. 9, ст. 31); и сего ради ты, друже мой, самъ въ себя помысли, дабы тебѣ не впасти въ Божій судъ. Вельми надобно Божія суда страшитися; понеже Богъ ни на

*

каковыя лица не смотритъ, но на самое дѣло; и аще ты сего челоуѣка изубытчишь напрасно, и на нашемъ судѣ аще и правъ будешь, а тамо оправданіе наше будетъ тебѣ въ большее осужденіе, буде напрасно его изубытчишь, а и насъ на грѣхъ приведешь. И аще ты самъ предъ нимъ чѣмъ виненъ, а надвѣясь на свою мочь потолочишь его, то уже самое горшее осужденіе примешь. И аще тогда и каятиса будешь, да ничего себѣ не поможешь; и того ради нынѣ осмотришь, дабы тебѣ въ вѣчную погибель не вринутиса. Кто предъ Богомъ не грѣшенъ, и кто передъ Царемъ не виненъ! Такжеде и между собою како бы въ чемъ не поссоритиса, Господа ради не входи въ большую ссору, не приложи бользни къ бользни, и суперника своего не вводи въ большой убытокъ. Если ты и правъ будешь, то не безъ убытку тебѣ будетъ; а если же да неправъ будешь, то его изубытчишь, а себя и нанпаче въ великую напастъ ввалишь: понеже всѣ убытки его, что онъ ни скажетъ, безсрочно доправлено на тебѣ будетъ, да въ казну заплатишь пошлины, а приказнымъ людемъ дашь заработныя деньги. Пойди себѣ съ добрыми людьми подумай, и какъ ни есть, хотя на себя поступа, а лучше помирись, а челоуѣкитную его у себя поблюди, дондеже о миру договоръ учинять.»

И потомъ отвѣтника велѣтъ сыскать. И егда отвѣтникъ приведенъ будетъ, то такжеде на словахъ его пораспросить: чѣмъ онъ виненъ, и спросить его за вѣрою, чтобы онъ сказалъ всю правду, какъ что было, и за что у нихъ стало.

И буде онъ тебѣ повинитиса, то ты для памяти вину его у себя записать, и за повиновеніе надлежитъ надъ нимъ милость показать, како бы ихъ смирить, а до большихъ бы убытковъ не допустить. А аще повинитиса

въ малой винѣ и о прочемъ скажетъ съ клятвою, что написалъ на него излишнее, то уже судьѣ надлежитъ болѣе пораздробить истца на словахъ, и поискать правды всякими примѣрами. И буде отвѣтчикъ прямо сказалъ, то въ истцѣ * можно поклепной искъ познать.

А буде отвѣтчикъ за такимъ великимъ притужаніемъ вины своей ничего не скажетъ, и клятвою закрѣпить, что онъ не знаетъ, не вѣдаетъ, напаль де на него челобитчикъ напрасно, и то что онъ нискажетъ, записать, и всячески на словахъ его пороздробить, какъ кого на тотъ часъ Богъ вразумить.

А аще кто умно будетъ разговаривать, то на тонкостныхъ словахъ можно познать, правдуль сперва сказалъ или неправду; и буде признается въ немъ вина, то надлежитъ его и наипаче принудить съ великимъ притужаніемъ, чтобъ онъ помилловалъ себя и помирился.

А буде признана будетъ истцова неправда, что ищетъ онъ нападкомъ, то надлежитъ его понуждать къ миру, чтобы онъ ни отвѣтчика, ни себя въ убытокъ бы не валилъ, а вражду свою порвалибъ безъ допросовъ, чтобы имъ обоимъ убытку напраснаго не было.

А буде же истецъ или отвѣтчикъ будетъ гордо говорить, и на миръ идти не похочетъ, и таковому сказать: «добро то буде ты правъ будешь, а буде же явишися виненъ, то тогда ни малыя милости отъ насъ не получишь. Однако же аще ты и весьма правъ, а лучше безъ большихъ убытковъ помириться, потому что и худой миръ лучше добрыя брани, а живите себѣ въ любви: вѣдаешь ли ты о семь, что идѣже любовь, ту и Богъ; а идѣже вражда, тамъ діаволъ; и дать имъ сроку дни на три или на четыре. И аще во всемъ помирятся,* то пришли бы они оба предъ судію и

* Такъ у Стр., а въ моемъ спискѣ кажется опшибочка *выше*.

объявили бы о мирѣ своемъ, и тотъ ихъ миръ записать въ книгу, на то устроенную, и записать именно, о чемъ у нихъ было дѣло подлинникомъ, а не перечнемъ, и къ той запискѣ приложили бы руки, а челобитную подрать и отдать челобитчику; и мировыя пошлины взять съ нихъ по указу; и въ мировой книгѣ подъ запискою ихъ и подъ взятіемъ пошлинъ закрепили бы самъ судья или воевода.

А еще кои соперники въ мирѣ не пойдутъ, то чинить имъ допросъ по указу передъ судьей, и кто кого чѣмъ будетъ уличать, надлежитъ судѣ слушать и внимать, и на словахъ обонхъ ихъ надобно судѣ поводить, и искать въ нихъ правды, и на многихъ и тонкостныхъ словахъ означится правда и неправда.

И буде одинъ изъ нихъ силенъ и честенъ и словесенъ, а другой бѣденъ или не бѣденъ, да безсловесенъ, къ тому же еще и мало смыслящъ, то судѣ надобно на сильное лицо не стыдяся возстати, еще во убогомъ или и неубогомъ, да безсловесномъ истцѣ или ответчикѣ назначится правость; а который многословіемъ своимъ не дастъ ему въ словахъ выправиться, то всячески, ради любви Божіа, помощи подобаетъ безсловесному и сильному не давать его безсловеснаго избидѣти; понеже судъ именуется Божій, то тако надлежитъ и чинить, чтобы судъ былъ подобенъ Божію суду, нелицепріятенъ.

И чтобы на судѣ и на допросѣхъ были истцы и ответчики сами, а не наемные ябедники; понеже ябедники ябедничествомъ и многословіемъ и самую правду заминаютъ и праваго виннымъ поставляютъ, а виноватаго правымъ, и такъ правду заминаютъ, что и судьи словъ ихъ разобрать не могутъ; и кой не ябедникъ, а ябедникъ буде мѣшать ему не •будеть, то онъ больше правду будетъ говорить, а будежъ и мол-

вить какое слово неправое, то онъ и сомнется. И того ради не у ябедника скорая виновность и правость познать можно. И того ради супернику не надобно давать словъ его заминать; а и подъячому, кой записываетъ, торопить его, ни спорить, ничего не надобно: какъ онъ знаетъ, такъ пусть и выправляется, только бы лишь постороннихъ и къ тому дѣлу неприличныхъ словъ не говорилъ бы

И егда будутъ въ допросахъ, и станутъ на одной ставкѣ другъ друга уличать, то судья при семъ надобно держать ту записку, которая записана въ контрорь въ первыхъ ихъ разговорахъ, и смотреть прилежно, не будетъ ли истецъ или отвѣтчикъ съ первыми своими словами разбиваться. Буде станетъ говорить не такъ какъ на одинъ сказалъ, то во измѣнныхъ словахъ паче первого надлежитъ въ словахъ раздробить, чтобы дощупаться самыя правды. И аще безсловеснаго явятся слова съ первыми сходны, а умнаго словесника явятся рознь; то велчески надобно безсловесному помогати, и сильному не дать его тѣснить и обиду чинить.

А буде во время допроса подойдетъ кто съ стороны, и станетъ къ какихъ либо словахъ учить, то того учителя надлежитъ взять подъ караулъ; и буде безхитростно поучилъ, то штрафомъ его обложить; а буде нарочно, на то уготовавшись, пришелъ, то и розыску подлежитъ.

И того ради во всякой канцелярїи надлежитъ сдѣлать особные чуланцы, чтобъ во время допроса никто посторонній тутъ не былъ, а и судья бы никто не мѣшалъ.

И за обидимаго и самому судья надлежитъ быть стряпчимъ, обиднику же быть жестокимъ судїею и немилостивымъ. Такъ надобно здраво судить, чтобъ аще и самый свойственникъ ближней подъ судъ при-

личится, а по дѣлу виненъ будетъ, то отноудь не надлежитъ его щадить, чтобы во второе свое пришествіе Госноудь Богъ не сталъ пересуживати, и за неправый судъ не быть осуждену самому судъ на вѣчное мученіе.

И у коихъ суперниковъ учинится какая ссылка общая или необщая, то паче судныя записки прилежно и разсмотрительно надлежитъ въ нихъ поискать прямыя правды; потому что ни въ чемъ таковыя лжи не обрѣтается, колико въ свидѣтельствѣ.

А что въ проклятыхъ повальныхъ обыскахъ, то самъ сатана сидитъ, а Божія правды ни слѣда нѣтъ: всѣхъ свидѣтелей пишутъ заочно; а и попы и дьяконы не видятъ тѣхъ людей, на коихъ кто послался, и на словахъ не слыша, да руки къ обыскамъ прикладываютъ.

И ради истребленія таковыя лбедническія неправды надлежитъ первѣе по обыкновенію приказному взять у нихъ сказки за руками, и чтобы подъячіе ихъ въ словахъ не разбивали и не научали бы, какъ лучше сказать, но дали бы имъ въ словахъ волю, и что ни скажутъ, добро или худо, сходно или несходно, такъ бы и писали, и чтобы къ тѣмъ сказкамъ приложили они руки, а дьякъ или секретарь закрѣпилъ бы тогожь часа, дабы послѣди нельзя имъ переменить тѣхъ сказокъ. А буде кой скажетъ: за мною де тѣжь рѣчи, то такъ и записать, что сказалъ тѣжь рѣчи и за мною, кои первой третій скажетъ.

А кто послался на повальный обыскъ, то по прежнему взять у нихъ свидѣтельство за тамошними руками. И егда тѣ обыски приняты будутъ въ приказъ, то надлежитъ велѣть имъ привести изъ тѣхъ свидѣтелей человекъ двухъ или трехъ изъ разныхъ деревень, а буде большой сыскъ, со всякаго десятка по человеку достовѣрнаго свидѣтельства.

И егда свидѣтели явятся въ канцелярію и судѣ, тѣ обыски принявъ и высмотря ихъ, взять изъ тѣхъ свидѣтелей одного въ контору, и поставя его предъ образъ Божій и рещи: «ты, другъ мой, написанъ свидѣтелемъ, и скажи ты мнѣ такъ, какъ тебѣ на второмъ Христовѣ пришествіи стать, и не моги ты ни единого лживаго слова сказать: аще неправду скажешь, то себя погубишь; и ты самъ себя побереги, не моги ты ни убавишь, ни прибавишь, какъ что видѣлъ, такъ и сказывай. Я тебѣ сказываю, что если ты мнѣ солжешь и скажешь по дружбѣ или изо мзды неправду, то кто тебя принудилъ солгать виновенъ будетъ платежу, а тебѣ за неправое твое свидѣтельство по новоизложенному Его Императорскаго Величества указу отсѣчь голову; и ради незабытныя памяти и инымъ свидѣтелемъ на показаніе голову твою возложить на колъ, и поставятъ ее при входѣ въ канцелярію, дабы всѣми всегда зримо была, и колико лжесвидѣтелей ни явится, всѣхъ рядомъ головы на колъ тыкать, а пожитки всѣ ихъ взяты будутъ на Великаго Государя, а жены и дѣти будутъ отданы въ вѣчную работу. И того ради самъ ты себя и дѣтей своихъ побереги: буде ты подъячему сказалъ и ложно, то ты теперь исправься и скажи мнѣ самую правду, какъ ты что видѣлъ или слышалъ отъ кого, или только отъ кого слышалъ, кто на тебя послался; а буде нынѣ прямую правду мнѣ скажешь, то себя избавишь ты отъ смерти, а что подъячему ложно сказалъ, въ томъ прощень будешь.»

И аще кто скажетъ предъ судьею прямо, что онъ по наученію того суперника, кой на него слался, сказалъ ложно; то та вина раздѣлить на двое: половину тому лжесвидѣтелю, а другую учителю, и учинить имъ наказаніе равное, и по жестокомъ наказаніи запятнать

ихъ на лицѣ и на рукѣ лжесвидѣтельнымъ пятномъ; и буде впредь въ такомъ же ложномъ свидѣтельствѣ явится, то безотложно чинить казнь смертную.

И кто въ какомъ дѣлѣ ни принесетъ повинную, то таковыхъ отъ наказанія жестокаго чинить облегченіе, и на такія дѣла и книгу имѣть особливую, чтобъ кромѣ повинныхъ иныхъ никакихъ дѣлъ не писать, что можно было бы безъ замедленія сыскать хотя въ десять лѣтъ. А буде кто въ такой же винѣ явится впредь, то чинить ему указъ уложенный.

А будеже предъ судьей въ конторѣ не повинится и въ словахъ своихъ станетъ мяться, то таковаго надобно съ великимъ притужаніемъ напорно всякими об-
разы разными допрашивать: давно ли то было, и товарищи его, кои въ росписи написаны, всѣ ли тутъ были, и прежде ли его они пришли или послѣ, или всѣ они вмѣстѣ пришли, и откуда пришли, и гдѣ они сошлись, и отъ чего у нихъ сталося, и какъ кончилось, и о коемъ часѣ дни или ночи и въ какой хороминѣ или на дворѣ или въ иномъ какомъ мѣстѣ, и буде въ хоромяхъ, то въ коемъ мѣстѣ, въ переднемъ ли углу или у дверей или у печи или за столомъ, и сидячи или стоя, и раномъ или поздно, и на дворѣ ведрено ли въ то время или ненастливо было, и послѣ того случая какъ разошлись, и кто изъ нихъ прежде пошелъ отъ него, или кто остался, или всѣ вмѣстѣ пошли, и колико ихъ было, и всѣхъ ли онъ знаетъ или никого не знаетъ?

И какъ кого Богъ вразумить, надлежитъ въ самую тонкость свидѣтелей допрашивать и всѣ тѣ дробныя рѣчи записывать именно, какъ кто о чемъ ни скажетъ; потому что въ свидѣтельствѣ безъ мѣры много ложныхъ свидѣтелей бываетъ, а на тонкостныхъ вопросахъ мудро ему ложь свою укрыть будетъ, и до-

проси, отвести его въ особое мѣсто, чтобы онъ ни съ кѣмъ никакого слова не промолвилъ.

И потомъ, другаго свидѣтеля взявъ, допросить, и у того допросу никто бы постороній не былъ, но токмо подъячій одинъ кой будетъ записывать; и буде грамоты кто умѣеть, то руку бы приложилъ; а буде кой не умѣеть, то печать бы свою приложилъ, чтобъ послѣди спорить не сталъ.

А буде какимъ случаемъ тотъ допрашиваемый свидѣтель промолвить съ товарищами слово какое, коли подтвърдительное, то надлежитъ распросить его уже и въ застѣнкѣ: чего ради такую рѣчь имъ промолвилъ?

И колико ихъ свидѣтелей ни будетъ, всѣхъ допрашивать таковымъ же образомъ; а буде не всѣ свидѣтели придуть, то никого изъ нихъ не допрашивать, пока всѣ на лицо не будутъ.

А по такому тонкостному допросу вся будетъ правда и неправость явна. И будебъ кои свидѣтели былибъ ложные, то какъ бы они ни ухищряли, а въ таковыхъ допросѣхъ утаить будетъ не можно: при Даниилѣ Пророцѣ и два свидѣтеля не могли своей лжи сокрыть, и за то оба смерти преданы. А если гдѣ случится свидѣтелей пять-шесть; то хотя бы они всѣ цѣлый годъ твердили какъ имъ сказать, то не могутъ неправого свидѣтельства сочинить, но всѣхъ ихъ ковь явѣнь будетъ.

А буде же въ свидѣльствѣ случится токмо одинъ человекъ, то такожде надлежитъ его сперва, по приказному обыкновенію, подъячему допросить, потомъ по вышешписанномужъ изъявленію взять его въ контору, и распросить его такимъ же тонкостнымъ допросомъ или и вѣще того, какъ на тотъ часъ Богъ вразумитъ судію; понеже въ одномъ свидѣтель много-

трудно прямую правду сыскать. Обаче, допрося его, отдать подъ карауль, и ввести въ контору того, кого оправить, и распросить его именно противъ свидѣтельскаго порядка безъ уятія дробныхъ вопрошеній, но и еще приложить тонкостнѣйшихъ допрошеній, дабы и въ одномъ свидѣтель можно бы правду и неправду сыскать, и просить его о томъ свидѣтелей: прежде ли суперника его пришелъ къ нему или послѣ, и пришелъ, въ коемъ онъ мѣстѣ сѣлъ или стоялъ, и отъ него вмѣстѣ ли съ тѣмъ суперникомъ пошелъ вонъ, или прежде или послѣ?

И буде тотъ истецъ и отвѣтчикъ въ вопросѣхъ своихъ размолвится; то паки взять того свидѣтеля и объявить ему размовку, и пристрастить его гораздо, чтобы онъ сказалъ самую правду безъ пытки. И буде повинится, чтобъ онъ наученъ на такое ложное свидѣтельство, то по вышеписанному жъ вину разложить на обоихъ, кто его научалъ и на него, послушника жи.

А буде тѣми допросами разнять не мочно, то привести въ контору того, кого свидѣтель винить. А буде тотъ суперникъ видя себѣ обличеніе прямое, повинится, то и конецъ дѣлу; и буде же не повинится и скажетъ съ клятвою, что свидѣтель на него свидѣтельствуется ложно, и ради изысканія правды и его спросить тѣмъ же порядкомъ вдробь, какъ они въ то время случились съ суперникомъ онымъ, и свидѣтель тотъ, какъ тутъ прилучился быть, при немъ ли пришелъ, или до него тутъ былъ, и чтобъ сказалъ всему тому дѣлу начало и конецъ, и всему тому дѣлу весь порядокъ, какъ что было.

А буде съ третьимъ у него будетъ различіе въ порядкѣ того случая, то паки взять въ контору свидѣтеля, и примѣняясь къ различнымъ словамъ, спросить его обо всемъ снова инымъ уже порядкомъ; и буде

сомнется въ словахъ своихъ, и явится въ порядкѣ томъ разность, то немедля и въ застынокъ, и спросить уже и съ пристрастіемъ и съ розыску. Если явится, что онъ на лжи свидѣтельствовалъ по дружбѣ или по свойству, а не изъ найму, то мнится мнѣ, мочно ему отъ смерти быть и свободну, а наказаніе весьма жестокое и чинить, какъ о томъ уложено будетъ; а знакъ не токмо на рукѣ, но и на лицѣ положить такое, чтобъ онъ всѣмъ людемъ знатенъ былъ, что онъ лжесвидѣтель, и никтобъ ему не вѣрилъ.

И ради таковыхъ допросовъ изыскательныхъ надлежитъ судѣ пріѣзжать по обѣдѣ, чтобъ допрашивать всякими разными порядками не торопясь, не такъ допрашивать какъ сѣмо написано, но смотря по дѣлу и по случаю, и на самое дѣло зря, а не наизусть; ибо дѣла не видѣвъ, не можно о всемъ вполности написать; сѣмо означено токмо для примѣру, какимъ порядкомъ что чинить. И къ тому примѣняясь, надлежитъ у Бога милости просить всякому судѣ, чтобъ вразумилъ его, какъ ему правда сыскать, и какъ неправда познать; и во время допроса не надлежитъ въ судейскую палату излишнихъ людей пускать, чтобы въ допросѣхъ помѣшательства никакого не чинили. И егда истцовы и отвѣтчиковы и свидѣтелей допросы кончатся, и правда вся означится, то немедленно надлежитъ и вершить его, чтобы, за тѣмъ дѣломъ волочась, люди Божіи не разорились, и напрасно не убытчились. Буде же кои люди повинны будутъ смерти, то и ихъ держать долго не надлежитъ: токмо для покаянія недѣлю мѣста или дней десять, дабы въ тые дни постился и молился, и въ грѣхахъ своихъ каялся.

А буде кои люди явятся богохульцы, иже тѣло Христово и животворящую Его кровь въ скверну вмѣняютъ, и ругающеса мерзостію запусенія нари-

цаютъ, то такому не надлежитъ живу быти ни сутокъ, но изъ застѣнка вышедъ, вершитъ его; потому что таковыхъ самъ Богъ еще при Моисеѣ повелѣлъ предавать смерти.

(Осмотришь, старичокъ, и эту рѣчь вельми! нѣсть грѣхъ, побѣждающъ Божию челолюбю!) *

А буде кто изъ таковыхъ хульниковъ проситъся будутъ на покаяніе, вѣритъ тому не подобаетъ; понеже нѣсть таковымъ покаянія; самъ бо Царь Богъ усты своими рекъ: (Матѣ. гл. 12, ст. 31, 32) Аще кто Духа святаго восхулитъ, не отпустится ему той грѣхъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. А тыи богохульницы явно Духа Святаго восхулиша, иже дѣйства Духа Святаго хулятъ, и силу Его Божественную снижаютъ и отъемлютъ, якобы нынѣ Духъ Святыи ни накакая церковная дѣйствія не сходитъ и не дѣйствуетъ.

Вси бо богохульцы послѣдуютъ діаволу; како діаволь что ни речеть, то все ложь; ничимъ же разни и богохульцы: что не скажутъ, то все ложь; какъ законы ихъ ложны, такъ и слова ихъ всѣ лживы.

И буде вступятъ за нихъ духовнаго чина или мірскаго, и будутъ просить, чтобы изъ таковыхъ богохульцовъ отъ смерти свободить, и буде поручатся въ томъ, что они совершенно каются, и хотятъ къ православной древней вѣрѣ приступити, неложно то въ поручной записи написать именно, что впредь ему богохульникомъ не быть и людей Божіихъ изъ древней вѣры въ новыя свои разновѣрія не привлачить, но и старыхъ своихъ товарищей, отпадшихъ отъ благочестія обращать на истинную христіанскую древною вѣру, и аще кого увѣщаетъ, на покаяніе приводилъ бы въ приказъ къ запискѣ. А буде обращать отъ своего

* Этихъ словъ у Стр. нѣтъ. Не принадлежать ли они переписчику въ моемъ спискѣ?

заблужденія не будетъ, то онъ лестно покался; и за то поручиковъ его оштрафовать надлежить, а его въ вѣчное заточеніе отослать или уже повершить его.

А буде же кто по покаянiи своемъ будетъ учить своему зловрiю, то уже отнюдь сроку ему не давать его жестокой смерти, а поручниковъ его оштрафовать съ наказаніемъ.

А разбойниковъ, мнится мнѣ, больше трехъ пытокъ не для чего пытатъ, дабы во многихъ пыткахъ не продолжилось ихъ сидѣнье. Вора и разбойника отнюдь держать долго не надобно: что долъ онъ сидеть, то болъ отъ него пакости. И каковой воръ въ первомъ и въ послѣднемъ застѣнкѣ говорить согласно, то и приведъ его къ плахъ, паки спросить: правдуль на нихъ сказалъ? И буде и при самой смерти то же скажетъ, то его вершпть, а по оговорныхъ людсй послать, и какъ прилично будетъ, такъ и розыскивать и послѣди его.

Аще такой краткостной судъ будетъ ворами и разбойникамъ, то имъ страшнѣе жестокихъ смертей будетъ; понеже кой разбойникъ ни попадется, то уже взвороту ему не будетъ, и по прежнему долго жить не станеть; что попалъ, то и пропалъ. А долгое сидѣніе великая быма имъ потачка; а и каторга имъ не великая угроза: потому что и изъ каторги уходятъ. А аще въ недѣлю конецъ будетъ, то всякой воръ и разбойникъ страшень будетъ.

И егда приведутъ какого вора, а тутъ есть какой воръ давной сидѣлецъ, то новоприведеннаго отнюдь къ нему сажать не надобно не распрося, но посадить его особливо, чтобъ ни съ кѣмъ онъ не видѣлся, а послѣ и распросу не весьма спускать надобно; потому что многіе съ приводу всю правду сказываютъ и въ убойствѣ винятъ, а егда старые колод-

ники подкрѣпять, то уже и станеть себя стоваривать, и со огня ужъ не будетъ виниться; и тако иные на свободу выходить.

А буде воры оговорятъ въ товариществѣ своихъ жителей домовыхъ, то въ домѣхъ ихъ во всѣхъ клѣткахъ переискать накрѣпко, нѣтъ ли какого платья или иной какой рухляди, коя ему не свойственна.

И буде у кого явится приличнѣ къ воровству, то и безъ свидѣтельства будетъ онъ явленъ; а буде никакой прилички не сыщется, то сосѣдей всѣхъ допросить накрѣпко: вѣдаютъ ли за нимъ какое воровство, и чтобы сказали безъ утайки; и сказать тѣмъ сосѣдямъ именно: буде въ воровствѣ вѣдаеть, а не скажетъ, а послѣди явится, что вѣдали, — какова смерть вору, такова и вамъ будетъ.

И аще и ничего сосѣди ближніе не скажутъ, обаче спросить и дальнихъ; и буде и дальные сосѣди скажутъ, что онъ доброй человекъ, то положи на рукъ его такой знакъ, что былъ онъ въ оговорѣ и отпущенъ на свободу. А буде предъ иные воры оговаривать его будутъ, то надлежитъ уже и его пытатъ.

А буде, посланный по воровъ учинить ворами какую понаровку, и понаровка его будетъ явна, точию * достоинъ будетъ и смерти.

Мнѣ мнится: если бы новоприводныхъ воровъ послѣ приказнаго распросу не медля ни часа и въ застѣнокъ бы, чтобы онъ не надумался, то онъ оторопѣеть и скажетъ правдивѣе; а егда надумается, то уже прямой правды не скажетъ. И аще кой воръ въ приказномъ распросѣ винился, а съ пытки станеть запыраться, то надлежитъ его жестокими муками мучить, чтобы онъ сказалъ, кто его научилъ себя стоваривати; и егда скажетъ научившаго его, то взявъ того

* У Стр. то чаю.

учителя, жесточайшими пытками пытаться, чтобы онъ сказалъ то, чего ради онъ училъ сговаривать съ себя, и учинить ему наказаніе жесточайшее.

А которымъ вора́мъ надлежитъ животь дать, тѣхъ просто отнюдь не отпускать, а учиня наказаніе, уставленное на обѣихъ рукахъ и на лицѣ положить клейма, чтобъ онъ былъ всѣмъ людемъ явенъ, въ какой винѣ былъ; и буде впредь хотя мало приличится къ такомуужь дѣлу, то уже конецъ известной.

И о семъ судьямъ вельми надлежитъ пещися, чтобы въ тюрьмахъ колодниковъ не много было; то бы добро, ежебы и единого узника не было: худа судьямъ похвала, что колодниковъ много держать, но та самая честная похвала, чтобъ ни одного не было.

То судья́ прямая честь, ежебы не токмо колодниковъ, но и челобитчиковъ въ канцеляріяхъ не много шталось. Я не знаю, что въ семъ за краса, еже такъ въ канцелярію челобитчиковъ натѣснится, что до судьи и дойти не мочи.

То бы добро, ежебы предъ судьейю чело́вѣка два-три или пять-шесть стояло, и то, конь дѣло есть, а кому дѣла нѣтъ, тобы поклонъ отдавъ, да и шелъ бы вонъ, а челобитчикомъ бы не мѣшалъ, такожде и судья въ разсужденіи препоны бы не дѣлалъ.

По моему мнѣнію надлежитъ такъ судьямъ учинить, чтобы не то, что предъ ними, но и въ подъяческихъ столахъ, никто бы безъ дѣла не штался.

И подъячимъ всѣмъ надлежитъ приказать съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, чтобы челобитчиковъ отнюдь долго не волочили; и о семъ всякой судья за подъячими смотрѣлъ бы прилежно, чтобы они безъ подлиннаго повелѣнія ничего бы не дѣлали. И буде кому надлежитъ выписка, или и иное какое дѣло дѣлать, то всякой бы подъячій своему дѣлу срокъ положилъ,

и челобитчику велѣлъ на положенной срокъ приходить къ себѣ; а до срока отнюдь бы въ приказѣ не шатался; и для вѣрности давалъ бы подъячій челобитчикомъ росписные ярлыки, и въ тѣхъ ярлыкахъ писалъ бы именно, къ коему числу то его дѣло онъ изготовить. И буде на тотъ срокъ онъ не сдѣлаеть, и челобитчикъ придетъ передъ судію съ срочнымъ ярлыкомъ, и по тому ярлыку судѣ надлежитъ призывать подъячаго, и спросить, чего ради онъ того дѣла по слову своему не сдѣлалъ? И буде какое принесеть о себѣ оправданіе явное и приличное, а не самовольное медленіе. и тому надлежитъ дать сроку; и буде и къ тому сроку не сдѣлаеть, то уже надлежитъ дать ему наказаніе и со штрафомъ.

И аще въ коей канцеляріи тако устроено будетъ, то въ томъ приказѣ никогда людей много шататься не будетъ. А челобитчики вмѣсто излишнія волокиты будутъ управлятися; купецкіе люди — купечествомъ, а мастеровые — за рукодѣлемъ своимъ; и отъ того въ народѣ пополненіе будетъ.

А гостинцовъ у истцовъ и у отвѣтчиковъ отнюдь принимать не надлежитъ; понеже мзда заслѣпляетъ и мудрому очи. Уже бо кто у кого приметъ подарки, тѣ всячески ему будетъ пособствовать, а на другаго посягать; и то дѣло уже никогда право и здраво разсуждено не будетъ, но всячески будетъ на одну сторону криво. И того ради отнюдь почетки ни малыя судѣ принимать не годствуеть, дабы въ неправомъ разсужденіи предъ Богомъ и Царемъ не согрѣшить.

А кто предъ судьею придетъ и будетъ стоять молча, и таковаго человѣка надлежитъ судѣ спросить тихимъ гласомъ: какого ради дѣла стоитъ? И егда скажетъ онъ о дѣлѣ своемъ, то надлежитъ дѣло его паче докучливаго управить, потому что многіе лю-

ди бываютъ самыя смиренныя и застынчивыя; и аще самая крайняя * нужда, помощника ему нѣтъ, а самъ подокучить не смѣетъ; и того ради всячески ему помогати. И буде есть ево правость, то и наипаче подати ему руку помощи; понеже, таковыхъ безсловесныхъ многословныя ябедники вельми избегаютъ, и многорѣчию своимъ и правду ихъ заминаютъ. А буде кто бѣдной человекъ, и на пути кого либо побьетъ челомъ о обидѣ своей, а дѣло его невеликое, вагою ниже рубля; то, буде мочно, то тутъ бы его и рѣшилъ, а въ приказъ бы не волочилъ его.

Въ канцеляріи жъ егда случится дѣлъ каковыхъ слушать, то надлежитъ слушать не одними ушами, но и самымъ умомъ; такожде и товарищи бы все слушали съ прилежнымъ вниманіемъ, и во время слушанія ни съ каковымъ дѣломъ побочнымъ не надлежитъ пропускать къ себѣ, и ни съ кѣмъ ни о чемъ не разговаривать; дабы отъ неприлежнаго вниманія ума судейскаго не отводили. Такъ надобно разсмотрительно судить, чтобы никакой судья послѣди того вершенія не могъ перевершить; наипачежъ того годствуетъ страшиться, дабы Богъ того суда пересуживать не сталъ, и за неправое сужденіе не отослалъ бы въ вѣчное мученіе.

И егда все то дѣло прочтутъ, то главному судѣ никакой сторону оговаривать не надобно, но токмо еже и вразумѣлъ, то держать въ мысли своей; и егда товарищи мнѣнія свои подпишутъ, то, высмотря ихъ мнѣнія, и свое объявить; и аще мнѣнія ихъ съ его мнѣніемъ согласны, то прочесть подъяческіе оговоры, и буде и подъяческіе оговоры сходнымъ жъ, то нечего много и разсуждать, но такъ его и вершить.

А буде же въ оговорѣхъ чьихъ разнь лвится, то

* У Стр. *кровнал.*

надлежитъ наипаче потолковати, и хотя и въ другой разъ прочесть, и разногласіе разобрать не торопясь; и кой приговоръ правѣ явится, то, высмотри, гораздо, вершить.

И въ вершеніи первѣе бы подъячіе приговоръ закрѣпили, а потомъ товарищи судейскіе, а послѣди всѣхъ главный бы судья закрѣпилъ, чтобы уже ни прибавить, ни убавить было невозможно. А буде кое дѣло спорно и къ разсужденію не поемно, то надлежитъ подлинное дѣло отдать въ другой столъ, который на то устроенъ, и подъячіе въ немъ сидѣли бы самые свидѣтельствованные и ко всякимъ дѣламъ разумительные; и велѣть ему сдѣлать изъ подлиннаго дѣла выметку, и по выметкѣ разобрать, сдѣлать выписка полная, а другал перечневая, и подъ выпискою подписать ему свое мнѣніе; и еще и по той выпискѣ разобрать будетъ не мочно, то еще и отречено въ древнихъ указѣхъ, еже по окончаніи суда въ пополненіе ни челобитенъ, ни доношеній принимать не вѣльно, а мнѣ ся мнѣть, не то что челобитенъ не принимать, но и неволєю брать у нихъ изъяснительныя сказки, дабы незатѣнно мочно рѣшить ихъ дѣло, или пополнительныя челобитныя, или и снова судъ дать, дабы можно безъ погрѣшенія его вершить.

А буде кой подъячій подпишетъ мнѣніе свое неправо: станетъ праваго винить, а виноватаго править, или какую фальшу сочинять, правому ль къ винѣ или винному къ правости, то надлежитъ тонкостнѣе у него высросить, и съ товарищи своими прилежно разсмотреть и выразумѣть. И буде означится его неправость и коварство, то такового надлежитъ и въ застѣнкѣ распросить, чего ради такъ онъ дѣлалъ. А буде же объявилъ онъ самую правду, то надлежитъ его жалованье прибавить, и честию его при иныхъ повы-

силь; понеже, чего судьи разобрать не могли, а онъ разобралъ, и ясно показалъ самую правду.

А буде кой истецъ или отвѣтчикъ станеть судейское вершеніе спорить, а оправданія себѣ не сыщеть, то на немъ за неправой споръ пошлины и проѣсти вдвое доправить; а буде послѣ втораго вершенія станеть спорить, то взять уже на немъ пошлинь и проѣсть вчетверо, а судьямъ доправить съ него безчестье.

Я по своему мнѣнію судное дѣло и управленіе вельми поставляю высоко паче всѣхъ художествъ, на свѣтъ сущихъ. И того ради никакому челоувѣку, не токмо малосмысленному, но и самому разумному не подобаетъ судейства или начальства искать, но всячески отъ него отрицатися; понеже весьма тяжелоносно оно.

Не велико, кажется, что изъ города въ уѣзды посылають солдатъ по дворянъ и по иныхъ всякихъ чиновъ людей, и дѣла прямаго аще и на алтынъ нѣтъ, а по кого пошлютъ, то самое легкое дѣло, что рубли два-три убытку сдѣлають, а иному рублевъ и десять учинять убытку, и тѣмъ людей Божіихъ весьма убытчатъ.

Хотя малая какая справка приказная, то не хотять подождать до инаго времени, но какъ сдумають, такъ и посылають безсрочно; и того отнюдь не чинять, чтобъ послать о томъ, еже взять писменное вѣденіе, или о чемъ надлежитъ взять на письмѣ отповѣдь; но только то у приказныхъ людей вытвержено, что поволоки со всякою отповѣдью въ городъ. И аще кто живеть отъ города въ верстахъ во стѣ-другомъ, то и путь рубли по два-три убытку будетъ; а въ распутную пору, то будетъ рублевъ и пять-шесть истраты. А кто соть въ пяти-шти случится, то и съ десятью рублями врядъ изпяться. А приказные люди людскихъ убытковъ не изчисляють: они только свою тягость

изчисляють, а людская—ни вочто. А если въ дѣловую пору пришлютъ, то и безъ хлѣба сдѣлають; и отъ таковыхъ посылокъ вельми много людей пакости чинится, а судьи о семъ попеченія нималаго не имѣють, чтобъ имъ людей Государевыхъ въ чемъ поберець, и до убытка какого не допустить.

А кто хочетъ прямо Его Императорскому Величеству poradьтъ, то людей его паче себя надлежить беречь, чтобъ въ убожество не приходили, и того ради ни малаго бы убытку имъ не чинили. Всякому судью надобно недреманно смотрѣть за всѣми неперестанно; то и смекать, какъ бы правду прямую учинить, и чтобъ никого не озлобить и не разорить. Истинно не имѣють нималаго попеченія, чтобы въ чемъ людей отъ убытку поберець!

А и сіе здраволы господа судьи разсуждаютъ, еже изъ-за Санктпетербурга изъ губернской канцеляріи годы по три и по четыре присылки были жестокия по Новгородскихъ служителей, кои были въ бурмистрахъ и въ цѣловальникахъ у денежныхъ сборовъ, чтобы ѣхать по отчетъ; и ѣздили года по три и почетыре и больше. А прѣхавъ, да тамъ поживуть недѣль десятковъ, и денегъ десятка по два-три всякой изсорить, да и назадъ. И кои лѣтъ пять-шесть ѣздили, то я вѣдаю, что рублевъ по сотницѣ проѣздили кромѣ гостинцевъ. А съ гостинцами будетъ и по другому сту. И отъ того людямъ чинится великое разореніе и народное оскуденіе. Буде считать, то не почто откладывать изъ году въ годъ; а буде не считать, то волочить не почто.

А начто бы того лучше: въ коемъ городѣ кто служилъ, то тамъ бы ихъ и считать, и считать бы не десять лѣтъ спустя, но принявъ казну, да приходныя и расходныя книги, да и считали бы туточные судьи

безотложно, тобы всякому служителю легко было служить, и отсчитаться не трудно, потому что всякое дѣло изъ памяти еще не вышло. А десять лѣтъ спустя, я не знаю, какой счетъ прямой будетъ? только приказнымъ людямъ покормки; а въ скоромъ отчетъ и разоренія бы не было служителемъ, и отслужив, всякой бы за свой промыселъ принялся, и отъ такова управленія никогда бы во всеконечное убожество купеческіе люди не приходили бы.

Въ Нѣмецкихъ земляхъ вельми людей берегутъ, а наипаче купецкихъ людей; и того ради у нихъ купеческіе люди и богаты зело. А наши судьи нимамо людей не берегутъ, и тѣмъ небереженіемъ все царство въ скудость приводятъ; ибо въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство то богато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то царству тому не можно слыть богатому. Я сего не могу не знать, что то у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочать, только прочать имѣніе себѣ, и то на часть, а государству такъ они прочать, что ни за что многія тысячи рублей теряютъ. Бude по какой причинѣ возьмутъ пожитки чьи на Государя, то взявъ властно что въ огонь бросятъ; ибо взявъ ихъ, положить въ палату, да держать въ заперти годъ или больше, да стануть цѣнить; то коя шуба соболья была рублей сотъ въ пять, ажно вынуть — гной одинъ, что и пяти рублей не стоитъ. И если бы о семь предѣль положить сицевый: аще у кого подъ судомъ тако учинять, то сгноенные пожитки доправить на тѣхъ начальникахъ, кои то учинять, то стали бы беречь и нѣхотл. Такова ради ихъ управленія тѣ пожитки съ сего свѣта губятъ, напрасно, въ невозвратную погибель. А надобно судьямъ вельми сего смотреть, чтобы ничто, ничье, нигдѣ, даромъ не пропадало; понеже все, что есть въ

народъ богатства — богатство царственное; подобны и оскудныя народное оскуденіе царственное. *

И и сего не могу разумѣть, чего ради бурмистровъ и иныхъ сборщиковъ весьма требуютъ, и не дочеты безвременно правятъ? Буде какой челоувѣкъ какимъ недоразумѣніемъ нѣсколько казны утратить, или и на свою потребу взявъ, и у отчету въ платежъ не доставитъ, то мнѣ мнится, надлежитъ у него взять сказки, какъ онъ тѣ деньги заплатитъ. И буде скажетъ, что вскорѣ заплатитъ, то и добро такъ; а буде скажетъ въ годъ или въ два или въ три, то безвременно разорить его не надобно, но взять на немъ на тѣ деньги по указу процентъ.

И отъ того Великому Государю пополненіе интереса, а люди будутъ цѣлы, и промысловъ своихъ не отбудутъ; а безвременные правяжи яко на крестьянъ, тако и купечеству, явное разореніе, царству — истощеніе, а не собраніе.

Царская собранія не истощатся, аще и не круто будутъ собратися, всячески свое мѣсто наполнять, а крутое собраніе не собраніе, но разореніе. И буде на комъ и недочетъ какой явится, то только для извѣстія надлежитъ писать въ Коллегію, чтобъ тамъ явно было, на комъ что останется недостаточныя казны. И отъ такого порядка казнь Великаго Государя будетъ великое пополненіе и царственное украшеніе; понеже никто разорень не будегъ, и въ нищету пригнанъ не будетъ же, и домъ его цѣль будетъ. А по прежнему уставу за недоимку дворъ и пожитки отберуть, да оцѣнивъ вполъ или въ треть или въ десятую долю, да и продадутъ; и тако совсѣмъ его разорять.

А по новому, состоявшемуся Его Императорскаго Величества указу, на тѣ доимочныя деньги на всякой

* Последняго предложенія въ си. Стр. вѣтъ.

годъ на сто рублевъ придетъ прибыли по десяти рублевъ. И тако казна Великаго Государя будетъ цѣла и съ приплодомъ, а люди будутъ все цѣлы и ничѣмъ невредимы.

И кои люди держать на откупу кабаки или что и иное, и еще и срокъ пройдетъ платежу, то не по него, ни по поручниковъ посылать отнюдь не надобно, потому что въ томъ излишнемъ задержаніи умножаться будетъ царской интересъ. А посылками судьи промышленникамъ чинять великіе убытки, а Царскому Величеству не прибыль чинять, но токмо препятіе Его Величеству интересу.

Сего судьямъ прилежно надлежитъ смотрѣть, буде дѣло важное и вельми нужное; а буде и важное, да къ скорости не нужное, то мочно ему и посрочить. Во всякомъ дѣлѣ надобно смекать, чтобы Ему Великому Государю прибытокъ былъ, а напраснобъ ничего не пропадало.

А буде кто похочетъ коликаго числа на промыслъ денегъ, то потребованію надлежитъ изъ казны дать; только того смотрѣть, чтобы можно ему вѣрить, и на такую дачу учинить особливую книгу.

А у крѣпостныхъ дѣлъ на иманцовъ изъ Царской казны денегъ, или какихъ товаровъ, или въ подрядныхъ дѣлахъ, по моему мнѣнію, отнюдь имать не надлежитъ, но во устроенной на то книгѣ иманцу росписатися, а подъ его рукою подписались бы поручники и свидѣтели по обычаю. А ежели Царю брать на своихъ природныхъ рабовъ записи, вельми неслично, и чести Царской не прилично. Писать надлежитъ народу между собою; того ради буде противъ записи кто не устоитъ, то по записамъ другъ на друга быють челомъ, и ищутъ судомъ.

И Царю неслично на людяхъ своихъ судомъ искать;

но аще кто виненъ будетъ, то вся можетъ имѣнія его взять. а не токмо имѣнія, но и смерть и животъ въ руцѣ его есть. И того ради отнюдь не надлежитъ Царю людей своихъ записями крѣпостными крѣпить: только бы онъ руку приложилъ, то и крѣпость на него.

И аще у кого имѣнья будетъ изъ казны рублевъ тысячь на десять или и на сто тысячь, то надлежитъ во устроенной на то книгѣ расписаться, и буде онъ человекъ не весьма полной, то и поручники тутъ же бы подписались, а свидѣтелямъ подписываться не надобно для того, что судья закрѣпить. И аще тако устроено будетъ, то въ имань великое поспышеніе имать быти; ибо коего дня понадобится, того дня и совершится.

А и въ купеческомъ дѣлѣ не весьма потребно во имань товаровъ писать у крѣпостныхъ дѣлѣ крѣпости; понеже въ писаніи крѣпостей великое чинится замедленіе. На что того лучше, что не токмо у иноземцевъ Христіанскія вѣры, но и у бусурманъ, въ Турской землѣ, не то что во стѣ рублехъ, но и въ десяти тысячахъ и вѣще не пишутъ записей по нашему на цѣлыхъ листахъ, но токмо распишется иманецъ, да тому и вѣрять, и вмѣсто нашего листа напишетъ строки двѣ или три. А у насъ, пока не правда не искоренится, то для вѣрности надлежитъ подѣ иманцовою рукою поручникамъ подписываться и со свидѣтелями, то и межъ купечествомъ единодневная бы сдѣлка была, и купечеству великая бы способность сталабыть. А у крѣпостныхъ дѣлѣ чинится великая волокита, и торгу остановка, и излишняя трата.

Мнѣся мнить: паче всякаго дѣла надлежитъ стараться о правомъ судѣ, и аще правосудіе у насъ устанется, то всѣ люди будутъ бояться неправды: всему добру основаніе — нелицепріятный судъ! тогда и собраніе Царскія казны будетъ сугубо.

И того ради надлежитъ сочинить правосудную книгу съ подлиннымъ разсужденіемъ на всякія дѣла. А буде не сочинить на рѣшеніе всякихъ дѣлъ новаго изложенія, то и правому суду быть невозможно, понеже у всякаго судьи свой умъ; и какъ кому понравится, то такъ и судить. А надобно такъ его усудить, чтобъ и не весьма смысленный судья могъ право судить.

И правосуднаго ради уставу надлежитъ древняго суда уложеніе и новоустановленныя гражданскія и военныя, печатныя и письменныя, новостоявшіяся и древнія указныя статьи, собрать, и по приказамъ изъ прежнихъ, вершенныхъ дѣлъ, выписать такіе приговоры, на которыя дѣла ни въ Уложенъ ни въ новоуказныхъ статьяхъ рѣшенія не положено. И къ таковымъ вершеніямъ примѣняясь надлежитъ учинить пункты новыя, дабы впредь такія дѣла не наизусть вершить, и въ Сенатѣбы не вносить, но на всякія дѣла были указныя статьи ясныя съ совершеннымъ расположеніемъ. И къ тѣмъ Русскимъ разсужденіямъ прежнимъ и нынѣшнимъ приложить изъ Нѣмецкихъ судебниковъ, и кои статьи изъ иноземныхъ уставовъ будутъ къ нашему правленію пригодны, то тѣ статьи взять, и присовокупить къ нашему судебнику. И лучшаго ради исправленія надлежитъ и Турецкой судебникъ перевести на Славинской языкъ, и прочіе ихъ судебныя и гражданскаго устава порядки управительныя переписать, и кои сличны намъ, тобы тые и отъ нихъ принять; слышно бо о нихъ, яко всякому правленію расположено у нихъ ясно и праведно паче Нѣмецкаго правленія. И того ради и дѣла у нихъ скоро и право рѣшать, и бумаги, по нашему, много не тратять, а и хлѣба напрасно не теряють, а наипаче купечество праведно хранить.

И къ сочиненію тоя судебныя книги избрать чловѣка два или три изъ духовнаго чина самыхъ разумныхъ и ученыхъ людей, и въ Божественномъ писаніи искусныхъ, и отъ гражданства, кѣи въ судебныхъ и воинныхъ правительныхъ дѣлахъ искусны, и высокаго чина, кои негорды и ко всякимъ дѣламъ нисходительны, и отъ иныхъ чиновъ, кои невысокоумны, и отъ приказныхъ людей, кои въ дѣлахъ разумны, и отъ дворянства, кѣи разумны и правдолюбны, и отъ купечества, кѣи во всякихъ дѣлахъ перебылибъ, кѣи и отъ солдатъ смышлены, и въ службахъ и въ нуждахъ натерлися и правдолюбивые, изъ людей боярскихъ, кѣи за дѣлы ходять, и изъ фискаловъ. А мнится мнѣ: не худо бы выбрать изъ крестьянъ, кои въ старостахъ и въ сотскихъ бывали, и во всякихъ нуждахъ перебывалибъ, и въ разумъ смысленные. Я видалъ, что и въ Мордвѣ разумные люди есть, то како во крестьянехъ не быть людемъ разумнымъ?

И написавъ тыи новосочиненные пункты всемъ народомъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ, дабы въ томъ изложеніи какъ высокороднымъ, такъ и нискороднымъ, и какъ богатымъ, такъ и убогимъ, и какъ высокочинцамъ, такъ и низкочинцамъ, и самымъ земледѣльцамъ, обиды бы и утѣсенія отъ недознанія коегождо ихъ бытія въ томъ новоисправленномъ изложеніи не было.

И написавъ совершеннымъ общесовѣтіемъ, предложить Его Императорскому Величеству, да разсмотритъ его умная острота. И кѣи статьи Его Величеству угодны, то тѣ тако да и будутъ; а кѣи не потребны, тыи да извергнутся, или исправить по пристоинству надлежащему. И сіе мое реченіе многіе вознепщуютъ, яко бы азъ Его Императорскаго Величества самодержавную власть народосовѣтіемъ снижаю;

азъ не снижаю Его Величества самодержавія, но ради самыя истинныя правды, дабы всякой человекъ осмотрѣлъ въ своей бытности, нѣтъ ли кому въ тѣхъ новоизложенныхъ статьяхъ каковыя не потребныя противности, иже правости противна. И аще кто узритъ какую неправостную статью, тобы безъ всякаго сомнѣнія написалъ, что въ ней неправость, и ничего не опасаяся, подалъ бы ко исправленію той книги; понеже всякъ рану свою въ себя лучше чувствуетъ, нежели во иномъ комъ. И того ради надобно всякимъ людямъ (въ ?) свои бытности выстеречи, дондеже книга не совершится; а егда она совершится, то уже никто не можетъ помочи; того бо ради и дана свобода, дабы послѣди не жаловались на сочинителей той новосочиненныя книги. Того то ради надлежитъ ю вольнымъ голосомъ освидѣтельствовать, дабы всякая статья ни отъ кого порочена не была, но всякъ бы себя выстерегъ, и чтобы впредъ никому спорить было не мочно, но въ вѣки вѣковъ было бы непорушимо оно.

Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ разсмотрительно состроить, чтобы оно ни отъ какого чина незыблемо было. И того ради безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы невозможно; понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, кому-ждо по силѣ его: овому далъ много, овомужъ менѣе. Обаче нѣсть такого человека, ему же бы не далъ Богъ ничего; и что далъ Богъ знать малосмысленному, того не далъ знать многосмысленному; и того ради и самому премудрому человеку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ возноситься; и малосмысленныхъ ничтожить не надлежитъ, коихъ въ совѣтъ призывать надобно; понеже малосмысленными людьми многаци Богъ въ-

щаеть, и того ради наипаче ничтожить ихъ душевредно есть; и того ради во установленіи правосудія велими пристойно изслѣдовать многонароднымъ совѣтомъ.

И аще и съ самымъ многотруднымъ многосовѣтїемъ учинена она будетъ, вскорѣ печатать ихъ не надлежитъ, но первѣе попробить на дѣлахъ; и буде никакой вредности въ правленіи томъ не будетъ, то быть ему тако; а буде въ какой статьѣ явится нѣкая неисправность, то о ней надлежитъ поразсудить и поправить ея; и того ради не худо бы года два-три посудить по письменнымъ или по печатнымъ маленькимъ тетрадкамъ. И донележе тоя новосочиненная книга строится, многія бы статьи и опробились.

И аще и иное какое дѣло съ таковымъ смиренїемъ снисходительнымъ будетъ строиться, то самъ Богъ при таковомъ дѣлѣ имать быти, и помощь свою ко исправленію подасть; понеже всегда Богъ со смиренными пребываетъ, и отъ гордыхъ и высокоумныхъ отвращается. А правосудное дѣло самое святое и богоугодное; и того ради всячески надлежитъ подцатися, дабы судъ Царевъ былъ яко Божїй; Богъ бо всѣмъ намъ судья есть праведный, и на судъ Его нѣсть лицепрїятїя; тако и на Царевъ судъ не треба быть лицепрїятїю. Богъ есть правосуденъ; того ради и въ челоуцѣхъ требуетъ праваго суда. И азъ о правосудїи тако мню, еже Царю не тако полезень постъ и молитва, яко правосудїе.

И аще Его Императорское Величество укажетъ правосудное изложенїе, избравъ изъ стараго уложенїя и изъ иныхъ многихъ примѣровъ, сочинить новое, и странное по своему природному глубокомуумію, и по данной ему отъ Бога благодати, благоволить и моего малосмыслїя объявленная дѣла разсмотрити, и аще

кии угодны явятся пріятны будутъ, то* по пробѣ еще оно за многія дикія дѣла не вредно будетъ, то напечатать ихъ великое множество, дабы не токмо въ городѣхъ, но и въ селѣхъ безъ того бы судебника не былобъ, чтобы всякъ его читалъ и волю Его Императорскаго Величества вѣдалъ, и ничего бы противно Его Величества волѣ не дѣлалъ, и отъ всякихъ неправыхъ дѣлъ отдаллся бы. И впреди тоя книги надлежитъ сдѣлать всѣмъ дѣламъ изъясненіе, и разобрать ихъ по азбукъ и по чину дѣлъ различныхъ, чтобы всякой человекъ безъ труда на всякое дѣло указъ и совершенное рѣшеніе могъ во едину минуту обрѣсти.

И еще суду и всякому правленію, како его правити, совершеннаго основанія письменнаго не учинить, и въ томъ правленіи самыя неподвижныя твердости не устроить, то колико о правомъ судѣ не старатися, а правосудія прямаго уставити будетъ не возможно.

А и основаніе положи, мнится мнѣ, надлежитъ утвердить его жестокимъ указомъ и недвижимымъ. Аще кто великородный или и худородный высшаго суда, или и нижняго въ коемъ городѣ или уѣздѣ главный комиссаръ, или подчиненный, или иной какой правитель или и посыльщикъ, наипаче же аще сыщикъ или фискаль, не противъ того новаго изложенія станутъ что чинить своимъ вымысломъ, и хотъ малую статью нарушить, то казнить его неотложно, какъ о томъ уложено будетъ. И ради самыя твердости надлежитъ судьямъ и просьбы ни отъ каковыхъ лицъ не принимать, дабы правосудію нималаго нарушенія не было. И аще кто и вельми заслужилъ, и вознадѣясь на заслуги, да по прежнему обыкновенію учинить какую обиду, аще и самому мизирному человеку, то и тому былъ бы судъ неотмѣненъ и за вину чи-

* То у Стр. вѣтъ; впрочемъ это мѣсто по обонимъ спискамъ не ясно.

нить указъ неизмѣнный по изложенію, чему онъ подпадетъ, а заслузь его въ зачисленіе вины его не зачислять, чтобъ тотъ правосудный уставъ нерушимъ былъ.

А еще кой чловѣкъ нехитростной винъ какой подпадетъ, и отъ надлежащаго наказанія и отъ казни еще надлежитъ послабить ему, то такому на руку положить знакъ; да еще паки въ таковой же винѣ явится, то уже безъ всякаго милосердія учинить ему указъ надлежащій неизмѣнно.

И еще въ таковой твердости неподвижно правосудіе годовъ пять-шесть постоитъ неизмѣнно безъ нарушенія, то всь, яко малочницы и худородные, тако и великочинцы и великородные и заслуженные люди будутъ страшны, и не токмо по прежнему обиды чинить, но и неправдъ будетъ остерегаться, и со вслкимъ тщаніемъ будутъ дѣлать правду.

И ради самыя твердости въ судахъ и во всякомъ правленіи, чтобъ отъ правосудія ни много, ни мало судьи не колебались, надлежитъ учинить особливую канцелярію, въ которой бы правитель былъ самый ближній и вѣрный Царю. Еже бы онъ былъ око Цареву, вѣрное око, иже бы надъ всеми судьями и правителями былъ влщій, и за всякими бы правительскими смотрѣлъ властительно, и никогдѣ онъ кромѣ Бога, да Его Императорскаго Величества не боялся.

А къ той канцеляріи приходъ бы былъ самый свободной, а самъ бы тотъ правитель былъ низокъ, и ко всякимъ бы людемъ былъ низходителенъ, и не тяжель бы онъ былъ; еще и не по вся дни, обаче, улуча время, по коллегіямъ ходилъ бы и смотритъ, каково кто дѣло свое управляетъ, и нѣтъ ли каковыя въ дѣлахъ несправности, и нѣтъ ли какихъ жалобщиковъ.

Такожде, обходя судебныя мѣста, и челобитчиковъ бы спрашивалъ, не чинятъ ли кому какова нападка

и излишней волокиты, и не осудилиль кого не противъ даннаго имъ изложенія, и не взялъ ли кой судья или подъячій излишняго взятка?

И у всѣхъ коллегій и канцелярій прибить печатные листы со объявленіемъ такимъ: буде судья или подъячій какую учинить въ дѣлѣ неправду, то приходиши бы въ ту канцелярію, то всякому лицу тамъ будетъ управа.

Такожде, буде кто изъ сильныхъ лицъ избидить кого убогаго, или судья гражданскій, или военный офицеръ чѣмъ солдата или драгуна избидить, а онъ суда на него не сыщеть, то тутъ бы избиденный искалъ обороны.

А буде кой судья или комиссаръ или фискаль неправду какую сдѣлаеть, какую гибель Царской казнѣ похищеніемъ или небреженіемъ, и аще кто о томъ подлинно увѣдомится, то доносилибъ въ той канцеляріи не обинуясь, и никого не опасаясь, потому аще и на господина своего, или на командира, аще и сильнаго, уже выдачи изъ той надзирательной канцеляріи не будетъ, только бы вѣрно доношеніе было, и доносили бы не догадками своими или мнѣніемъ своимъ, не усмотря самое дѣло; и за такое доношеніе доносители великимъ жалованьемъ пожалованы будутъ.

А судьямъ и всѣмъ приказнымъ людямъ Государево жалованье денежное и хлѣбное надлежитъ отставить, чтобы въ томъ жалованьѣ казна Великаго Государя напрасно не тратилась. Я чаю, что судьямъ и приказнымъ людямъ на всякой годъ тысячъ десятка по два-три исходитъ, а пропадаетъ оно даромъ, ни за одну деньгу гинеть; потому что они не много дѣлають даромъ, а аще бы и даромъ дѣлали, то что Великому Государю прибыли?

Мнѣ мнится лучше учинить пропитанія ради глав-

нымъ судьямъ и приказнымъ людямъ учинить окладъ съ дѣлъ, почему съ какого дѣла брать за работу; и уложить именно почему брать съ рубля на виноватомъ, и почему съ рубля имать съ праваго, и почему брать съ рубля въ пріемъ денегъ въ казну, и почему съ раздачи жалованной, и почему съ купецкихъ и подрядныхъ дѣлъ, и почему съ каковыя выписки, или съ указа какого, или съ грамоты, или съ памяти. И такъ надобно усудить, чтобъ ни самаго малаго дѣла не обойтись, чтобы никакого дѣла даромъ не дѣлали, и бралибъ самое праведное по расположенію. И по таковому нововозложенному уставу давать вси будутъ охотно, а приказные люди будутъ дѣла дѣлать, охотнѣе и волочить уже не будутъ; потому что буде сдѣлають во уреченное время, то приметь себя мзду противъ указа полную, а буде по уреченному числу не сдѣласть, то возьметъ половину, а буде же гораздо заволочить, то и всяя своя лишится мзды. И того ради всякой подъячій будетъ съ попеченіемъ дѣлать, а челобитчикамъ будетъ вельми полезно.

И тако надобно расположить, чтобы отъ рублеваго дѣла даже до многотысячнаго всякимъ разнымъ дѣламъ учинить указъ определенный, и чтобы всякой человекъ по своей работѣ плату бралъ, а сверхъ указнаго числа отнюдь бы ни единыя деньги не брали.

А буде кто сверхъ указнаго числа лишку хотя малое число что возьметъ, то взять на немъ штрафу за всякую излишнюю копейку по рублю. А кто и дастъ сверхъ указнаго числа излишныя, то и на немъ по рублю же за излишнюю копейку имать штрафу.

И аще тако устроится, то въ приказной работѣ никому обиды не будетъ, яко истцу, тако и отвѣтчику, и всякому челобитчику вѣстно будетъ, что отъ чего кому дать. И такого ради устава и волочить никому дѣлу чинить не будутъ; но всякой для себя по-

сгвнать будетъ. Обаче ради лучшаго исправленія надлежить расположеніе учинить и дѣламъ всякимъ: буде кто одноденное дѣло проволочить три дни, то дать ему противу указныя дачи половину; а буде же одноденное дѣло проволочить недѣлю, то лишень будетъ всего своего взятія за трудъ; а буде проволочить двѣ недѣли, то чинить ему наказаніе неотложное; а о большихъ дѣлахъ, котораго не мочно меньше недѣли сдѣлать, а онъ проволочить двѣ недѣли, то также дать ему половину; а буде проволочить недѣли четыре, то лишень будетъ всего своего труда; а буде проволочить недѣль шесть, то нещадно бить его батоги. И всякимъ дѣламъ чинить расчисленіе по величеству дѣла и по количеству дней; и ради достовѣрнаго свидѣтельства брать челобитчикамъ у подъячихъ ярлыки, записавъ, въ коемъ числѣ взялъ отъ протокола челобитную или иное что, и къ коему числу общался сдѣлать; и буде къ тому сроку не сдѣлаеть, то по тому указъ учинить; и буде къ сроку тому сдѣлалъ, то взять ему за работу сполна; а буде за срокъ проволочилъ толикоежъ число, то взять половину; а буде за срокъ вдвое того проволочилъ, то ему ничего за работу не давать, а за вящшую волокиту и наказаніе чинить неотложное.

О семъ всѣмъ судьямъ и приказнымъ людямъ задать страхъ великой и жестокой, чтобы никто сверхъ указнаго числа ни отъ какого дѣла сверхъ работныхъ указныхъ денегъ никакихъ гостинцевъ не принималъ бы.

А аще запрещенія о излишнемъ иманіи и даваніи не учинить, то указнаго числа взятіе ни во что имъ будетъ, и будутъ брать паче прежняго, также какъ нынѣ у крѣпостныхъ дѣлъ за гривенное дѣло берутъ по полтинѣ и больше.

*

И того ради у крѣпостныхъ дѣлъ надлежитъ учинить такоежъ расположеніе, почему съ каковыя крѣпости брать за работу, а въ казну съ крѣпостей брать только пошлыны, а письменныя деньги отставить, а брать по указу писцу и надсмотрщику за свои труды самимъ, почему кому надлежитъ. И буде тогожъ дни напишетъ, коего взялъ, то взять ему полную плату, а буде въ двои сутки напишетъ, то взять половину, а буде въ трои сутки напишетъ, то уже не брать за работу ничего, а отдать тѣ крѣпости безъ платы; а буде кто въ трои сутки написавъ, да возьметъ за работу, аще и не сполна, взять на немъ штрафъ сторично. *

И писать бы не токмо крѣпостныя, но и приказныя всякія письма, писали бы строкъ по пятидесяти и больше на страницѣ. Сіе вельми дивно, что во всемъ свѣтѣ пишуть мѣлкимъ письмомъ, а на насъ всѣ окрестныя государства бумаги напасти не могутъ. И аще зрится дѣло сіе невелико, что бумаги беречь, а по моему мнѣнію оно не весьма мало; потому что отъ крупнаго письма и отъ небреженія рублей тысячъ по десятку ни за одну деньгу изъ царства пропадаетъ. У Нѣмецъ, аще она и дома дѣлается, а и жители тамошніе богатѣе насъ, обаче бумагу вельми берегутъ; они не токмо бумаги, но и всякой вещи берегутъ; и того ради они и богаты, что умѣютъ бережно жить.

А мы пока сами ся не осмотримъ, и всякія вещи не токмо изъ иваго царства принесенныя, но аще и домашнія вещи беречь не станемъ, то никогда богаты не будемъ.

И ради подкрѣпленія отъ излишнихъ дачъ приказнымъ людямъ и о излишнихъ тратахъ пиція бумаги, напечатать листы, и у всѣхъ коллегій и у кан-

* У Стр. *вторичной*.

целярїй тѣ листы прибить, дабы всѣ люди прочитали, и никакихъ бы излишнихъ тратъ ни себѣ, ни людямъ не дѣлали. Пчела-муха весьма не велика, и собираетъ она медъ не корчагами, но самыми малыми крупицами; обаче множество ихъ собираютъ многія тысячи пудъ; тако и собраніе богатства царственнаго: аще вси люди будутъ жить бережно, и ничего напрасно тратить не будутъ, но всякія вещи будутъ отъ погибели хранить, то тое царство можетъ весьма обогатиться.

А буде кто покусится взять излишнее въ другой рядъ, то и штрафъ на немъ взять сугубый: за рубль по 200 руб., наказаніе на козль, а за третью вину либо смерть, либо въ вѣчную работу къ рудокопнымъ дѣламъ.

А аще кой судья и не по взятку, но по дружбѣ или по чьей просьбѣ учинить не по новоизложенному уставу, то безъ всякаго милосердія учинить ему опредѣленный указъ, какъ о томъ уложено будетъ.

А аще кто изъ-за взятка нарушитъ тотъ новоизданный уставъ, то мнится мнѣ, надлежитъ и домъ его совсѣмъ разорить, и на нѣсколько лѣтъ сотворить его пустъ, и прибить на томъ домъ письмо со изложеніемъ вины: еже за нарушеніе правосуднаго изложенія господину того дома учиненъ указъ, а домъ его оставленъ пустъ, и живущаго въ немъ нѣсть, но токмо мышеве и нетопыри да вогнѣжаются въ немъ. И такое штрафованіе будетъ въ роды родовъ памятно.

А аще судей малыхъ и великихъ не казнить, и великими штрафы ихъ не штрафовать, то и правое изложеніе учиня правды и праваго суда уставить будетъ не возможно.

А аще ради установленія правды правителей судебныхныхъ и много надеть, быть уже такъ. А безъ урону, я не чаю, установится правдъ, а прямо рещи—и невозможно правому суду установится, аще сто другое

судей не падеть: понеже у насъ въ Руси неправда вельми застарѣла.

А не такимъ страхомъ не чаю я того злаго коренія истребить: аще бо коя и земля вельми задернеетъ, и дондеже того тернія огнемъ не выжгутъ, то не можно на ней пшеницы съяти: тако и въ народъ злую застарѣлость зломъ надлежитъ и истребляти. А аще не тако, то, по моему мнѣнію, не токмо въ судѣхъ, но и во всякомъ правленіи правды не будетъ.

И аще великородныхъ судей поберець отъ жестокихъ казней, то лучше изъ начала ради уставленія правды въ судьи посадить изъ низкихъ чиновъ, а паче изъ приказныхъ людей, кои въ дѣлахъ искусны и страхъ Божій въ себѣ имутъ. И съ ними посадить, гдѣ пристойно, и изъ военнаго чина, кіи отъ службы отставлены, и изъ купечества, въ которыхъ острота умная есть. И за таковыхъ низкородныхъ, аще кто и согрѣшитъ, стоять за нихъ и упрашивать никто не будетъ, да и сами они паче высокородныхъ бояться будутъ. А высокородные на уложенные уставы мало смотрять; но какъ кто восхоцетъ, такъ и дѣлать будетъ по своей природной пыхѣ.

И тѣмъ низкороднымъ судьямъ надлежитъ дать такое величество, чтобы они никакихъ лицъ не боялись, кромѣ Бога да Царя, и дѣлабъ всѣ свои дѣлали по новосочиненному Его Императорскаго Величества указу неизмѣнно, и отъ своего ума не мудрствовали бы, и ни на едину черту сверхъ указу не прибавляли бы и не убавляли. И аще что потребное усмотритъ кто, то доносилибъ до Царскаго Величества, донележе то новое изложеніе еще не напечатано.

А буде изъ приказныхъ людей въ судьи выбрать некого, то бы изъ дворянъ мѣлкихъ, кои остроумны и въ дѣлахъ искусны, и боящіяся Бога. А за на-

рушеніе новоизложеннаго указа извѣстная и неотложная имъ смерть объявить, дабы они судили, а о смерти своей помнили.

И таковымъ порядкомъ еще Богъ на ны призреть и помощь свою низпошлетъ, то мочно правосудію устроится и у насъ въ Россіи. Намъ сіе вельми зазорно: не точію у иноземцевъ, свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинять праведень; а у насъ вѣра святая, благочестивая, и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуды не годная, и какіе указы Его Императорскаго Величества ни состоятся, вси ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаеть.

И донележе прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится, и всесовершенно не укоренится оно, то никакими мѣрами отъ обидъ богатымъ намъ быть, яко и въ прочихъ земляхъ, невозможно, такожде и славы добрыя намъ не нажить; понеже всѣ пакости и непостоянство въ насъ чинится отъ неправаго суда и отъ нездраваго разсужденія, и отъ неразсмотрительнаго правленія и разбоевъ. И инаго воровства много чинится, и всякія многія обиды содѣваются въ людехъ ни отъ чего инаго, токмо отъ неправаго суда; и крестьяне, оставя свои дома, бѣгутъ отъ неправды, и Россійская земля во многихъ мѣстахъ запустѣла, и все отъ неправды, и отъ нездраваго и отъ неправаго разсужденія. И какія гибели ничинятся, а все отъ неправды!

И самыя правды и праваго и здраваго разсужденія ни милостію, ни жесточію, ни измѣнными судьями, ни иными каковыми вымысли, мнѣ мнитса, учинить не возможно, аще прежде не сочинить всякимъ великимъ и малымъ дѣламъ расположенія недвижимаго сочиненіемъ особливымъ, понеже древніе уставы всѣ обветшали, и отъ неправыхъ судей всѣ исказились.

И аще Богъ на дѣло сіе милостивно призреть, и помощь свою святую низпослетъ, и что ни случится въ міръ дѣлъ, на вся тая аще изложатся рѣшенія подлинная, новоисправная, и коемуждо дѣлу собственное рѣшеніе, то и немудрый судья можетъ здраво судити; а безъ основательнаго изложенія ничему полезному и къ правдѣ склонному быть не возможно.

Яко бо зданія высокаго безъ твердаго основанія не утвердити, тако и правды совершенныя безъ основательнаго изложенія никоими мѣрами уставити не возможно; понеже въ насъ неправда вельми твердо вкоренилась: кто съ кого сможетъ, тотъ того и давитъ; а кои люди ядовитые, то маломочныхъ вконецъ разоряютъ; а судьи сильниковъ * и ябедниковъ аще и видятъ, что напрасно нападаютъ, а воспретить не смѣютъ.

Того ради вельми трудно правду установить, и не токмо всѣмъ правда творити, но чаю, что изложеніе правое трудно сочиняти: понеже сильные люди, кіи обыкли обижать, не возложатъ на себя сила, но всячески будутъ препинати, дабы не весьма имъ отъ праваго суда потиснутымъ быти; и того ради всячески будутъ тщатися, дабы имъ, по прежнему, мочно было убогихъ и маломочныхъ обижать и разорять.

И аще препинатели правосудію явятся прежде начинанія правосуднаго, то всячески надлежитъ ихъ отсѣкати, дабы начинанію правды препинанія нималаго не чинили.

А ради свершенныя правды ни коими дѣлы древнихъ уставовъ не измѣня самого правосудія насадить и утвердити не возможно: въ правителяхъ бо вельми трудна вещь, ежебы ихъ отъ неправды отвратити, и правда въ нихъ насадити; понеже неправда въ нихъ вельми вкоренилась и застарѣла, и отъ мала даже до

* У Стр. *сильни ковъ*.

велика всѣ стали быть поползновенны: овые ко взятокъ, овые же, боящися сильныхъ лицъ, и ниже боящися Бога и бѣдниковъ, * а ини того бояся, да еще впредь приметь той власть таковуужь, какову онъ иметь, и чтобы тогда такожде послабилъ. И того ради всякія дѣла Государевы и неспоры, и сыски неправы, и указы Его Императорскаго Величества не дѣйствительны: ибо вси правители дворянскаго чина своей братьи знатнымъ наровять, а власть имуть и дрезновеніе токмо надъ самыми маломочными людьми, а нарочитымъ дворяномъ не смѣють и слова воспретительнаго изрещи, но какъ кому что угодно, такъ то и чинять; и за тѣмъ всякія дѣла и неисправны суть.

Се бо колико послано указовъ во всѣ города о недоросляхъ и молодыхъ дворянскихъ дѣтяхъ; и аще коего дворянина и на имя указано выслать, то и того нескоро высылають, но, по старому уложенію, дождався третьяго указу, и буде ничѣмъ отбить не могутъ, то уже вышлютъ. И въ такомъ ослушаніи и указовъ Царскаго Величества въ презрѣніи, иные дворяне уже состарѣлись въ деревняхъ живучи, а на службѣ одною ногою не бывали.

И мнѣ мнится сіе вельми странно, что Царскому указу ослушну быть, и въ Уложеніи напечатано, что третьяго указа дожидатися. И сіе учинено самая потачка плутамъ и Царскаго Величества презирателемъ. И отнынѣ надлежитъ такъ учинить: буде по первому указу зазывному не побѣдетъ кто, то другая позывка чинить со штрафомъ; колико иску, толико и штрафу взять на немъ; а челобитчику съ другой позывки числить проѣсть ** по указу.

* У Стр. лицъ, и ниже боящися бѣдниковъ.

** У Стр. этого слова вѣтъ.

А буде по кого посланъ будетъ съ указомъ Его Императорскаго Величества солдатъ или иной какой посыльщикъ, а онъ укроется, или отобьется, съ или дороги уйдетъ, то и по первой посылкѣ винить и штрафовать, и истцу проѣсти числить съ того времени, и искъ вестъ безъ суда, и безъ очныя ставки доправить, то отъ таковаго указа и отъ перваго ноги задрожать и опрOMETRY побѣжить къ отвѣту; и попрежнему не стануть третьей присылки ждать.

Тѣмъ прежнимъ указомъ такъ дворяны избалованы: въ Устрицкомъ стану есть дворянинъ Федоръ Макеевъ, сынъ Пустошкинъ, уже состарѣлся, а на службѣ ни на какой и одною ногою не бывалъ; и какія послылки жестокія по него ни бывали, никто взять его не могъ: овыхъ дарами угобзить, а кого дарами угобзить не можетъ, то притворить себѣ тяжкую болѣзнь, или возложить на себя юродство и въ озерѣ по бородѣ попустить (?). И за такимъ его пронырствомъ инѣи и съ дороги отпускали; а егда изъ глазъ у посыльщиковъ выѣдетъ, то юродство свое отложить, и домой прѣхавъ, яко левъ рыкаетъ. И еще и никаковыя службы Великому Государю кромѣ огурства (?) не показалъ, а сосѣды всѣ его болтятся; дѣтей у него четыре сына выращены, и меньшому его есть лѣтъ семнадцать, а по 719 годъ никто ихъ въ службу выслать не могъ, а въ томъ 719 голу, не вѣмъ, по какому случаю, двухъ его сыновъ записали въ службу. Обаче всѣ записные и незаписные большую половину дома живутъ; а какимъ способомъ живутъ, то я не могу сказать.

И не сей токмо Пустошкинъ, но многое множество дворянъ вѣки свои проживаютъ: въ Алексинскомъ уѣздѣ видѣлъ я такого дворянина, именемъ Ивана Васильева сына Золотарева. Дома сосѣдямъ своимъ страшень яко левъ, а на службѣ хуже козы. Въ Крым-

скомъ походѣ не могъ онъ отбыть, чтобъ нейтить на службу, то онъ послалъ вмѣсто себя убогаго дворянина, прозваніемъ Темирязева, и далъ ему лошадь да челоуѣка своего; то онъ его именемъ и былъ на службѣ, а самъ онъ дома былъ, и по деревнямъ шеестерикомъ разъѣзжалъ, и сосѣдей своихъ разорялъ.

И сему я вельми удивляюсь, какъ они такъ дѣлаютъ: знатное дѣло, что въ полкахъ воеводы и полковники скупы съ нихъ берутъ, да мирволятъ имъ.

И не токмо городовые дворяне, но кои и по Москвѣ служатъ, и называются царедворцами, а и тѣ множайше Великому Государю лгутъ: егда нарядъ имъ бываетъ на службу, то инѣ напишутся въ сыскъ за бѣглыми солдатами, и взявъ указъ и заѣдетъ въ свои вотчины, да тамъ и пробудеть военную пору; а инѣ напишутся въ выимщики, по дворамъ вино корчемное вынимать, и ко инымъ всякимъ дѣламъ бездѣльнымъ добившись, да тако и проживали военную пору.

А и нынѣ, если посмотрѣть: многое множество у дѣлъ такихъ брызгалъ, что могъ бы онъ одинъ пятерыхъ неприятелей гнать, а онъ добившись къ какому дѣлу наживочному, да живетъ себѣ, да наживаетъ пожитки, ибо овые добившись въ комиссары и въ четверщики и въ подкомиссарья и въ судьи и во инѣя управления, и живутъ въ покоѣ да богатятся; а убогіе дворяне служатъ, и съ службы мало съѣзжаютъ; инѣ лѣтъ по двадцати и по тридцати служатъ; а богатые лѣтъ пять или шесть послужать, да и промышляютъ, какъ бы отъ службы отбыть да добитися къ дѣламъ; и добившись къ дѣламъ, вѣкъ свой и проживаютъ.

Яко же видѣть: Сергѣй Степановъ сынъ Унковской лѣтъ всего съ пять служилъ, да добился къ дѣламъ, и лѣтъ съ пятнадцать живетъ у дѣлъ; а нынѣ живеть онъ въ Устрикѣ комиссаромъ, да наживаетъ. А

нынѣ ему врядь быть лѣтъ сорокъ, и такой волють, еще бы въ лучшую службу и въ великанахъ бы могъ служить, тако бы онъ не вышелъ указныя мѣры; и знатное дѣло, что отставленъ онъ не съ большимъ 20-ти лѣтъ отъ службы. И посему откуду не посмотришь, нѣтъ у Великаго Государя прямыхъ радателей; но всѣ судьи криво ѣдутъ: кому было служить, тѣхъ отставляють, а кто не можетъ служить, заставляють. Въ Новгородѣ у сѣдальнаго дѣла представленъ командиромъ Иванъ Ивановъ сынъ Ушаковъ. И я его засталъ въ 710-мъ году у того дѣла лѣтъ не съ большимъ двадцать былъ; и нынѣ не съ большимъ ему тридцать лѣтъ, а службу едва и знаетъ ли, что она? А и дядя его Иванъ Наумовъ сынъ Ушаковъ у дѣлъ больше десяти лѣтъ, а такой человекъ и отнынѣ лѣтъ десятокъ и больше могъ бы служить. И тако, вси, кои богатые, отъ служебъ лыняютъ, а бѣдные и старые служатъ; а солдаты * и сытые, хотя и молоды, да служить не хотятъ. Ивана Артемьева, сына Мусина Пушкина, дѣти Марка да Григорій, написаны въ Преображенской полкъ въ солдаты, и едва на службѣ и бывали ли, а отпущены ужъ къ дѣламъ, а молоды же: не съ большимъ по двадцати лѣтъ; и тако годъ за годъ, да и весь свой вѣкъ проживуть.

И я о семъ мню, что Ему Великому Государю о семъ не весьма извѣстно; но дѣлають все правители, что здоровыхъ молодиковъ отпускають, и аще и съ докладу отпускають, да докладываютъ непрямо, но притомъ ** доложить, только слово у него Великаго Государя изъ устъ вытянуть, да и дѣлають, что хотять; и, чаю, запишуть въ указъ, якобы по имянному Его Императорскаго Величества указу отпущенъ онъ

* Слова *солдаты* у Стр. вѣтъ, и кажется вървѣе.

** У Стр *пришло.мь.* (?)

или посланъ къ такому-то дѣлу. И гдѣ было отъ такихъ молодиковъ службъ быть, а они, забывъ въ городъ, живутъ себѣ да прохлаждаются, и не то, что службы, но чаю, и караулу мало знаютъ, и живутъ у дѣлъ вмѣсто военнаго дѣла, учатся, какъ наживать, да вѣкъ свой безъ службы провожать; а о томъ ни они, ниже тѣ правители, кои ихъ отпустили, ни мало не пекутся, чтобъ они навикали воинскому дѣлу, какъ непріятелей побѣждать; научать тому, какъ бы имъ наживать и службы отлынять. А прежде сихъ времянь многіе дворяне, на службѣ не бывъ, да добились къ дѣламъ, и живутъ у наживочныхъ дѣлъ. Якоже видѣть: въ Устрицкомъ стану есть дворяне два брата, Романъ да Сергѣй Ивановы, дѣти Чоголковы. Сказываютъ про нихъ, что нигдѣ на службѣ не бывали, а какимъ-то случаемъ добились въ судьи, и одинъ сидѣлъ на Устюжнѣ Желѣзной судьейю годы съ три и больше, а другой братъ сидѣлъ на Вышнемъ Волочкѣ, и сказывали о себѣ высоко, будто они по имянному Его Императорскаго Величества указу въ судьи пожалованы. И того ради всякъ ихъ боялся, и на кого ни нападутъ, всякъ имъ уступалъ, и передъ ними не смѣли никто и слова молвить. А съ нынѣшняго Московскаго смотру невѣсь зачѣмъ судейство ихъ позамялось: писали они съ Москвы о себѣ, будто по прежнему судьями имъ быть, обаче то ихъ намѣреніе не состоялось: знатное дѣло, что не могли перелѣзть. И я сему не могу вѣры нять, чтобъ такихъ здоровяковъ, и въ службѣ не бывавшихъ, Великій Государь въ судьи пожаловалъ. Видимъ мы всѣ, что Его Величество даромъ никого не жалуетъ, а жалуетъ за службу да за выслугу. А они такіе здоровяки, что на службѣ заслужили бы человѣкъ за десять; потому что они люди бога-

тые, и моглибъ около себя держать и немущихъ дворянъ. Отъ сего бо служба не весьма спора, что здоровые и богатые и въ самыхъ совершеннымъ мужества лѣтахъ дома живутъ, а убогіе и хворые на службѣ служатъ, а отъ маломочнаго и голоднаго и служба плоха.

Сему я вельми удивляюсь, что какъ Монархъ нашъ старается, и страсть даетъ безъ пощады великую, а немутся; ибо многое множество здоровыхъ молодыхъ подъ прикрытіемъ; правители хранятъ овыхъ защищеніемъ своимъ, овыхъ же и при себѣ держаніемъ, якобы споможенія ради дѣлъ царственныхъ, а самую вещь, како бы какое время прошло безъ службы. А иные и въ службу записаны, а какимъ-то промысломъ прѣхавъ въ дома свои живутъ.

И сего ради мнится мнѣ: не худо бо всѣмъ людямъ указъ Великаго Государя сказать, чтобъ у прѣзжаго съ службы или отъ каково дѣла сосѣдямъ всѣмъ требовать у него отпускнаго паспорта; а буде паспорта отпускнаго нѣтъ, то надлежитъ его отослать въ городъ подъ карауломъ. А буде въ паспортѣ написанъ срокъ, колико ему времени быть въ домѣ, то всѣмъ сосѣдемъ смотреть, чтобъ за срокъ и единого дня не жилъ. А буде видятъ кого безъ паспорта или и съ паспортомъ, да за срокъ будетъ жить, а они сосѣди умолчатъ, то за молчаніе сосѣдъ ближнихъ штрафовать.

А кон дворяне въ службѣ не записаны и ни въ какой службѣ не бывали, и буде какимъ пролазомъ добиваются начальства, и буде кто, какого чина ни буди, хотябъ дворянинъ, хотябъ холопъ его или чужой чей, или церковникъ, хотя и крестьянинъ, подлинно увѣдаетъ, что пожалованъ въ судьи или въ комиссары или во иное какое правленіе, или кто и безъ

начальства въ домъ своемъ живетъ и крестьянами владѣть, и Великому Государю никакихъ службы не показалъ, то у таковыхъ бы людей отнимать и отдавать тѣмъ, кои Царскому Величеству служить. И доводчику дать четвертая доля изо всего владѣнія его или половина, чтобъ лучше радѣли и о таковыхъ лежебокахъ доносили.

И аще таковыхъ указовъ напечатать множество, и разослать не то, что по городамъ токмо, но и по селамъ и по всѣмъ погостамъ, и велѣть дьячкамъ въ недѣльные дни, по отпѣніи литургіи, дня по три и по четыре прочитатъ всѣмъ въ слухъ, чтобъ всѣ въ слухъ тотъ Его Императорскаго Величества указъ въдали, и лежебоковъ бы не таили, то однимъ годомъ всѣхъ кроющихся дворянъ и дѣтей ихъ явныхъ сотворять.

Если бы Господь Богъ помощь свою низпослалъ къ намъ, ежебы изъ судей и фискаловъ и изъ прочихъ нравителей древнюю страсть неправды искоренити, то всякое бы дѣло не токмо Царское, но и мірское споробъ было.

И о семъ азъ мню: аще и самыя жесточайшія казни высшимъ и нижнимъ судьямъ чинити, а древняго уложенія не измѣнить, и всѣмъ дѣламъ новаго регула не учинить, то не можно правдѣ въ приказныхъ дѣлахъ установися.

Видимъ мы вси, какъ Великій нашъ Монархъ о семъ трудить себя, да ничего не успѣеть, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще и самъ-десять тянетъ, а подъ гору миллионы тянутъ; то како дѣло его споро будетъ? И аще кого онъ и жестоко накажетъ, ажно на то мѣсто готовы. * И того ради, не измѣня древнихъ порядковъ, колько ни бившись, покинуть будетъ.

* У Стр. сто готово.

Не токмо суда весьма застарѣлаго не разсыпавъ его и по дробну не разсмотря не исправить, но и хоромины ветхія не разсыпавъ всея, и не разсмотря всякаго бревна, всея гнилости изъ нея не очистити. А судебное дѣло не токмо одному чловѣку, но и множество умныхъ головъ надобно созвать, дабы всякая древняя гнилость и малѣйшая кривость исправить: тяжка бо есть судебная статья.

Се бо и самъ Господь Богъ Ветхаго Завета не оставя, Новаго не насадилъ. Но егда Ветхій отставилъ, то Новѣй водрузилъ. И тако онъ укоренился, еже и адовы врата одолѣти не могутъ. Тако правосудіа никто разрушить уже не можетъ, аще древнія неправды всѣ отсѣчены будутъ вконецъ.

Се бо нынѣ колико новыхъ статей издано, а немного въ нихъ дѣйства; ибо всѣхъ ихъ древностная неправда одолѣваетъ. И того ради по старому: кто съ кого сможетъ, тотъ того и забижаетъ, а суда по старому на сильнаго сыскать не можно.

На что нынѣшняго жесточае указу, иже сочиненъ о бѣглыхъ крестьянѣхъ, а немного и въ немъ исправленія будетъ, понеже тотъ указъ токмо на однихъ маломочныхъ людей. И сильнымъ людямъ онъ ничтоженъ есть: старѣхъ не отдадутъ, а вновь кто къ нимъ придетъ, принимать будутъ. Се бо и у меня чловѣкъ пять-шесть сбѣжало; однако и за тѣмъ указомъ мѣсто себѣ сыскали; и се уже другой годъ сбѣжали прошлаго 722 года Іюля 9 числа, а и понынѣ живутъ. А аще бы указу боялись, то бы никто ихъ не принялъ. О бѣглыхъ людехъ такъ надлежитъ учинить, чтобъ какъ маломочные, такъ и сильные близко къ себѣ не припускали. И мочіль не мочіль, тако укрѣпить, якоже ниже явится. А въ вышепомянутой статьѣ господа удумали сѣху достойно: ~~ни~~ ~~то~~ ~~дѣло~~,

что подлымъ людямъ уложили, еже бѣглыхъ крестьянъ отвозить къ помѣщикамъ ихъ на подводахъ, и денегъ за всѣ годы, сколько у него крестьянинъ жилъ, по двадцати рублевъ на годъ съ ними же отвозить, и отдавать прежнимъ ихъ помѣщикамъ. А о своихъ уложили легохонько: буде жили за кѣмъ бѣглые люди по приему прикащиковъ ихъ или старость, а буде приняли безъ письменнаго ихъ господскаго повелѣнія, то высѣчь того прикащика или старосту кнутомъ, а пожилыхъ на тѣхъ владѣльцахъ не имать ничего; и то сталъ наружной приводъ: * у нихъ господъ есть населено бѣглыхъ крестьянъ въ Понизовыхъ мѣстахъ и въ Украинныхъ всецѣлыя села великія, иже есть въ нихъ дворовъ ста по два и по три и больше. И сіе не самой ли ихъ разсказъ, чтобъ толикое множество населять безъ вѣдома господина своего. И мнѣся мнить: съ таковыхъ силняковъ надлежитъ предъ убогими вдвое взять. И въ тѣхъ селахъ живутъ никого бояся: хотя кой и помѣщикъ и увѣдаетъ, то развѣ изъ-подъ руки на нихъ посмотреть, а взять и помыслить нельзя; и воеводы въ такія вотчины и посельщиковъ посылать не смѣютъ; а прикащикъ и староста, кои принимали, давно умерли; и кнутомъ бить некого. И сего ради сей указъ вельми сдѣланъ прямой правдѣ противенъ.

Тобы указъ прямъ былъ, если бы написанъ былъ какъ богатому, такъ и убогому, едино равенъ, и написанъ бы онъ былъ съ подлиннымъ расположеніемъ и съ яснымъ изъясненіемъ, за какую вину брать зажилыхъ денегъ по сту рублевъ, и за какую вину брать по двадцати рублевъ, и за какую вину и не довелось брать зажилыхъ денегъ. И по нашему простолюдинскому мнѣнію, аще не измѣнится той указъ,

* У Стр. *проводъ*.

то великія пакости людемъ сочинятся: многіе бо дворяне маломочные и купецкіе весьма разорятся; понеже, аще кто и не на вѣковое житье кого приметъ, но наинметъ * на недѣлю или на мѣсяць за деньги, или въ деревню въ пастухи, не вѣдая, что онъ бѣглой, наймутъ только на лѣто, а не на вѣчное усвоеніе, то помѣщикъ его возьметъ сто рублей зажилыхъ, да на немъ же будетъ сносныхъ животовъ искать елико хочеть. И отъ такого расположенія многіе и безъ вины разорятся.

Мнѣ же ся мнитъ, сія статья надлежитъ расположить сице: аще кто бѣлаго чѣловѣка приметъ на житье къ себѣ въ сроки во крестьянство или въ дворовые люди и въ бобыли, и принялъ хотя самъ помѣщикъ, хотя прикащикъ его, хотя староста, единаче зажилыя деньги брать на помѣщикъ томъ, въ чьей деревнѣ жилъ, потому: чья земля, того и бѣда. А прикащикъ или староста невиненъ, потому что онъ не къ себѣ его принялъ, но господину своему; того ради и бѣда господину, а не прикащику его. Нестаточное, чтобъ прикащику или старостѣ безъ воли помѣщика своего принять кого на житье.

Подобне и купецкой чѣловѣкъ аще приметъ кого въ вѣковое житье, а не на время, то всячески надлежитъ на таковыхъ править по сту рублей, аще и недѣли у него не жилъ.

Аще кто станетъ насильно владѣть чьимъ чѣловѣкомъ дворовымъ или крестьяниномъ, то мнѣся мнитъ, таковыхъ и тяжчайше бѣглыхъ людей штрафовать.

А если же кто найметъ работать на годъ, а записи у крепостныхъ дѣлъ не возьметъ, то довольно и двадцати рублей съ него взять, потому что онъ не въ

* У Стр. прибавлено *поработать*.

вѣчное владѣніе его принялъ, но на время изъ-за платы денежныя.

А буде же кто найметъ на день или на недѣлю въ домъ или гдѣ и инамо (?) поработать, то на таковыхъ наемщикахъ поручныхъ записей брать никакъ, и таковыя ни малому платежу неприличны, потому что они наняты на мало время.

А аще за наемщиковъ поденныхъ и недѣльныхъ и мѣсячныхъ брать зажимыя деньги, то всенародное разореніе будетъ. Токмо то надлежитъ учинить, чтобы крестьяне всякаго званія, по прежнему просто, не токмо на годъ, но и на недѣлю, ни куды бы ни въ подводы отъ жилищъ своихъ просто не ходили, но всѣ бы Государевыхъ властей и властелинскихъ и монастырскихъ у сотскихъ своихъ брали бы отпуски за ихъ печатями. Такжеже и помѣщичьи крестьяне безъ письменныхъ отпусковъ никуды бы не исходили; а съ письмомъ таковымъ кто у кого ни найметъ изъ денежныя заплата, то нанявый отъ всякаго платежа свободенъ.

Мнѣ же ся мнить: ради самыя правды надлежитъ о бѣглыхъ крестьянехъ такъ учинить, чтобы какъ богатымъ и сильнымъ, такъ и убогимъ и маломочнымъ безобидно было. И я правѣ сего не могу предложить, еже написать сице: всякаго званія сильные и безильные послали бы во всѣ свои вотчины, кои по близности и кои и въ дальности, и въ Понизовыя новыя и старыя свои вотчины, и во Украинныя займища къ прикащикомъ своимъ и старостамъ указы, чтобы безъ отлагательства новыхъ и старыхъ пришлыхъ людей выслали за проводниками, кои лѣтъ и по пятидесять или больше жили за ними, и отдалибъ руками съ женами и съ дѣтьми и со внучаты ихъ старымъ помѣщикамъ, чьи они были. И не то, что по сту рублей

на годъ, но и по сту копѣекъ не надобно, толькобъ со всѣми ихъ животы движимыми отпустили бы; то и тому старые помѣщики вельми будутъ рады.

И во исправленіи тоя отдачи дать хотя на годъ сроку или больше, чтобы всѣ сильные и безсильные совсѣмъ исправились въ отдачу. И аще сице состоится Его Императорскаго Величества указъ, то всѣ помѣщики рады будутъ и безъ зажилыхъ денегъ будутъ благодарны; и такъ бы всѣ господа вотчины свои очистили, чтобъ нижадные души не оставили у себя пришлыхъ людей ни мужеска, ни женска полу.

А буде кто за тою отдачею оставить у себя хотя малыхъ робятъ, не то что многое число, но и хотя одного, а послѣ отдачи обличится, то на господинѣ взять за женскую голову 100 рублей, а за мужескую 200 рублей, а прикащику, да старостѣ, по 50 ударовъ кнудомъ, а крестьяномъ всѣмъ по 10 ударовъ за тое утайку, чтобъ и впредъ Государевъ указъ помнили, и чего спросать, не тавли бы.

И за сицевымъ указомъ, чаю я, что и высокія персоны не стануть старыхъ бѣглецовъ держать, а вновь, чаю, поопасутся; не то что сами господа и прикащики, и крестьяне всѣ будутъ страшны.

А буде кто не похотя отвозить пришлыхъ людей, да въ водѣ потопить или инако какимъ случасмъ умертвить, то за всякую голову по десяти человекъ повѣшено * будетъ. А кто пожиткамъ ихъ коснется, то на немъ доправлено будетъ десятирицею, и отдано будетъ тому, чьи тѣ крестьяне были. И сицевымъ образомъ чаю, что всѣ бѣглые крестьяне возвращены будутъ, и во всей Россіи пустоту всю населятъ, а во

* У Стр. *повельно* Вроятно въ моемъ спискѣ ошибка, а у Стр. пропускъ.

иныхъ мѣстахъ и со обиліемъ наполнилось бы тѣми пришлецами.

И сильнымъ персонамъ и то будетъ забѣдно, что еще и безъ зажилыхъ денегъ, но токмо съ женами и съ дѣтьми и со внучаты ихъ и съ пожитками ихъ крестьянскими отдать ихъ, то вѣдаю, что и о томъ будутъ охать; а тутъ имъ было легко приговорить, еже въ прежнемъ указѣ написано, чтобы мѣлкимъ помѣщикомъ отвозить съ женами и съ дѣтьми и съ зажилыми деньгами, а самимъ, вѣдаю, что и подводъ будетъ жаль дать. И того ради, чаю, что будутъ всячески сію статью спорить, чтобы сицевому указу не быть: любятъ они на чужой спинѣ * ѣхать.

А буде не сице сдѣлать о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, то не чаю я концу быть, ежебы бѣглыхъ всѣхъ возвратитъ на старыя мѣста и пустота бѣ наполнить. Аще нынѣ высокимъ персонамъ послабить въ дачѣ бѣглыхъ крестьянъ, то они старыхъ всѣхъ зажмутъ, а и вновь принимать будутъ, и правосудіе прямое за такою ихъ силою въ Россіи у насъ не состоится: статья видится и не вельми тяжка, что чужое отдать безъ наддачи, а высокимъ персонамъ покажется за великую бѣду. И аще сицевый Его Императорскаго Величества указъ состоится, что всѣмъ, какъ низкому, такъ и высокимъ персонамъ всѣхъ пришлыхъ людей вывестъ съ женами и дѣтьми и со внучаты, то я чаю, что однимъ годомъ вся пустота во всѣхъ деревняхъ наполнится, и чаю, что инья и порожія пустоши будутъ населять. И егда пустота вся наполнится людьми, то интересъ Царскаго Величества умножится, и егда жилѣе будетъ земля, то и купецкіе промыслы разширятся; только развѣ останутся тѣ бѣглецы, кои бѣжали за рубежи. А и тѣхъ,

* У Стр. *земль*.

если Его Императорскаго Величества указъ состоится, что послать и за рубежи къ тамошнимъ жителямъ, то и они, чаю, что ослушны Его Величеству не будутъ: вышлютъ всѣ, у кого колико ихъ есть. А буде кои на Королевское имя записались, то наипаче Короли и Курфирсты тамошніе съ Царскимъ Величествомъ о всѣхъ бѣглыхъ пришлецахъ ссориться не будутъ, и колико у кого есть, чаю, что поскорѣ нашихъ вельможъ; * а изъ Черкасскихъ маетностей мочно, чаю, и посылкою взять.

Въ старомъ Уложеніи напечатано: буде кто похотя кого изубытчить, побьетъ челомъ напрасно, и егда същется, что билъ челомъ онъ напрасно, то взять на томъ проѣсти и волокиты по гривнѣ на день; и кто въ прямомъ дѣлѣ побьетъ челомъ, проѣсти такожь гривна на день хотя въ рубль, хотя во стѣ рублехъ, хотя въ тысячѣ или въ десяти тысячахъ рублей, то числить также гривну на день. И въ томъ древнемъ расположеніи какая правда? Если прямо разсудить, то надобно всему размѣръ положить, поколику проѣсти числить на день въ рублевомъ дѣлѣ, и поколику въ десяти рублевомъ, такожде и во стѣ рубляхъ и въ тысячѣ, и вяще тысячи; надлежитъ расположить именно то, поколику проѣсти брать на день съ какого иску, и то чинить по записямъ и по инымъ случаямъ въ прямыхъ искѣхъ.

А буде кто нападетъ нагло похотя кого изубытчить, и егда допряма същется, еже напалъ онъ напрасно, то чего онъ искалъ, безъ всякаго милосердія доправить на немъ тоже число, чего онъ искалъ, и отдать тому, на кого онъ билъ челомъ, а и проѣсть по величеству иску расположа, доправить на немъ же, и отдать ему же отвѣтчику, да на немъ же допра-

* Вѣроятно въ обоихъ спискахъ пропущено слово.

вить пошлинъ вдвое, дабы впредь было ему и инымъ такъ дѣлать не повадно.

Паки, егда кого обвинять въ десяти тысячахъ, то указано стоять на правезѣ сто мѣсяцевъ, и того времени будетъ девять годовъ и два мѣсяца; а егда выстоять тѣ лѣта на правезѣ, то тотъ виноватой принесть челобитную, чтобъ ему тѣ дни собирать въ переводъ, и въ томъ переводѣ повельно дать сроку на толико жъ лѣтъ. И истецъ, волочась, волочась, да иску своему не радъ будетъ; и то стала самая явная ворами и ябедникамъ потачка.

Мнѣ же ся мнить: тыи статьи стараго Уложенія объ надлежитъ отставить, и сдѣлать такъ, чтобъ каковъ искъ ни былъ малъ или великъ, и егда кого обвинять въ иску, (то допросить его, чтобы онъ далъ сказку), * когда онъ деньги принесть; и буде неколико времени поволить ему истецъ дать во исправъ сроку, то истецъ воленъ, хотя на годъ дастъ сроку; а приказнымъ порядкомъ больше недѣль на сто рублевъ дать не мочно, а въ тысяча рублевъ на десять недѣль, а больше того иль меньше, то давать по расчисленію платежа.

А буде скажетъ, что платить нечемъ, то послать всѣ его пожитки движимые и недвижимые описать, и оцѣня, велѣть продать съ наддачею, а цѣновщикамъ велѣть цѣнить прямою настоящею цѣною. А буде цѣновщики половиною цѣною оцѣнять, то за такую неправую оцѣнку битъ ихъ кнутомъ; а буде выше настоящія цѣны оцѣнять, то отдать имъ цѣновщикамъ, а у нихъ деньги принять; и колико тѣхъ денегъ соберется, отдать истцу.

А и нынѣшній указъ о нищихъ учиненъ не весьма здраво потому: велѣно штрафовать тѣхъ, кои милос-

* Слова въ скобкахъ взяты изъ списка Стр.; въ моемъ пропускъ.

тъню подають. И тѣмъ никогда не унять, да и не возможно унять, и то положеніе и Богу не безъ противности: Богъ положилъ предѣль, что давать милостыня, а судьи наши за то штрафуютъ; а имъ штрафовать давальцовъ не надлежитъ. Но надлежало по тому указу Его Императорскаго Величества нищихъ всѣхъ перехватить и допросить, чьи они крестьяне, или посадскіе, иль какіе иные люди. И чьи они скажутся, то надлежало ихъ разсылатъ на тѣ мѣста, откуда они пришли; а они, то оставя, давальцовъ штрафуютъ.

И сію статью правильнѣебъ такъ учинить: кои хворы и увѣчны и престарѣльце, тѣмъ бы учинить покой, а кои ходятъ здоровые крестьяне и крестьянки и дѣти ихъ, и тѣхъ, если повелѣно будетъ, всякого чина людемъ хватать хотя въ городѣхъ, хотя въ деревнѣ; какой человекъ ни увидитъ нищаго здороваго, то хватя бы его, привелъ въ приказную палату, и записалъ, гдѣ его взялъ, и записавъ, отдалъ бы ихъ изъ приказу тому, кто его привелъ. А буде онъ не возьметъ, то кто его востребуетъ, отдавалъ бы вовсе, чей бы онъ ни былъ. А буде никто не возьметъ, то отсылалъ бы ихъ къ каковымъ дѣламъ Государевымъ. То дворяне лице заслышутъ, часу не будутъ мѣшкать — заберутъ къ себѣ, и по міру ходить уже не будутъ пускать. И такимъ способомъ однимъ годомъ или и меньше нищіе бродить не будутъ, и по улицамъ ходить не стануть.

А скитающисъ по міру, аще у кого буде наймется поработать, и за работу свою деньги возьметъ, а тѣ помѣщики увѣдавъ то, что нанявшисъ пожилъ мѣсяцъ мѣста иль другой, то они скажутъ, что онъ будто сбѣжалъ, и записавъ поимку, будетъ бить челомъ на того, у кого онъ изъ найму работалъ, о зажилыхъ

по указу, и тѣмъ не токмо купецкимъ людемъ, но и дворяниномъ чинять убытки великіе. А иные и посадскіе такіе люди есть лежебоки, что живутъ своими домами, а не хотя ни торговать, ни работать, ходя по міру, милостыню собирають; а иные сковавшись ходять будто тюремные сидѣльцы, и набравъ милостыни, да дома лежа ѣдятъ. А иные сами и промышляють, а дѣтей своихъ посылають милостыни просить. И таковымъ нищимъ, освидѣтельствовавъ, надлежить и наказаніе дать неоскудное, чтобы даромъ хлѣба не ѣлъ. А буде кто промысломъ своимъ прокормить себя не можетъ, то шель бы на поденную работу, или бы пошелъ въ люди жить, а дѣтей бы своихъ роздалъ мастеровымъ людемъ въ наученье, и научась мастерства, могли и отца своего кормить; а скитаясь по міру инога ничего не научатся, только что воровать и тунеядцами быть. И таковые люди уподобились червію, что ничего не дѣлають, а хлѣбъ въ свѣту губять даромъ.

Такожде и по тюрьмамъ насажено у судей множество людей, и тѣ люди тюремные сидѣльцы ничего же не дѣлають, только сидять, лежать, да хлѣбъ ѣдятъ яко червіежъ. И сія дѣла, яко нищихъ, тако и тюремщиковъ, не надобно судьямъ въ презрѣніе полагать, но и вельми надобно пещися, и не токмо однимъ судьямъ, но и подъячимъ, чтобъ дней своихъ никакіе люди даромъ не теряли, и хлѣбабъ даромъ не ѣли. Богъ не на то хлѣбъ намъ далъ, чтобы намъ его яко червію съѣвъ, да во тлю претворити. Но надобно хлѣбъ ядши дѣлать, прибытокъ Богу и Царю своему, и всей братьѣ и себѣ; дабы не уподобитися непотребному червію, иже токмо въ тлю вся претворяеть, а пользы ни малыя людемъ кромѣ пакости не содѣваетъ.

Въ Россіи, во всѣхъ городѣхъ и въ селехъ и дерев-

няхъ, нищихъ и тюремныхъ сидѣльцовъ, чаю, что наберется тысячь десятка два-три или больше, и каждой годъ хлѣба они съѣдятъ на худой конецъ что тысячь пятьдесятъ четвертей или шестьдесятъ. И если положить на челоуѣка съ хлѣбомъ и съ харчемъ и съ одеждою ихъ на самой малой окладъ по шти рублевъ на годъ коемуждо челоуѣку, то такими тунядцами казны на кійждо годъ въ тлю претворится близъ дву-сотъ тысячь рублевъ; и такая великая гибель чинится вся отъ нерадѣнія судейскаго. Въ поборьхъ за гривну изъ челоуѣка хотятъ душу вытануть, а гдѣ многія тысячи погибають напрасно, того нимало не смотрятъ, не внимають тому, какъ бы въ чемъ прокъ сдѣлать къ пополненію царственнаго интереса богатства; но токмо то считають, что на лицо принимаютъ, то и въ прибыль почитають. А что тѣмъ собираніемъ своимъ бѣдъ надѣлають людемъ, понеже самому Великому Государю надѣлають убытковъ множество, то ничего того не смотрятъ, и не радѣють о томъ.

Самое основаніе собранію то радѣтельное, еже Его Императорскому Величеству кто потщится казну собирати, а людей не разорить. А сего всѣмъ правителемъ паче собранія смотреть, чтобы ничто нигдѣ даромъ не пропадало, и никакіебъ люди даромъ хлѣба не ѣли, но вси бы трудились, и плодъ приносили.

Вси бо люди и управители нарицаются Царскому Величеству радѣтели и слугами вѣрными наричуть себя, а если здоровымъ окомъ посмотришь на нихъ, то всѣ ихъ радѣнія вопреки явятся прямому радѣтелю: не то, что чего собраннаго беречи, но и не собраннаго смотреть, пильно, чтобы ничто нигдѣ не трагилось, и дней бы своихъ никто даромъ не терлъ.

И всякія собранія вещи не токмо въ Царскихъ сокровищахъ, но и во всемъ мірѣ за богатыми и за убогими прилежно смотрѣть, чтобы нигдѣ ничто и ихъ даромъ не пропадало, и излишняго ничего нигдѣ не тратили; то такой человекъ прямой будетъ царственному богатству собиратель.

И всякому правителю во своей провинціи или канцеляріи, аще кто восхоцетъ Государю своему порадыти, не надобно ему много пить и въ прохладу жить, и по лѣсамъ зайцовъ ловить, но о томъ все свое попеченіе имѣть, како бы скоряе дѣло вершить; и чтобъ въ приказъ и въ тюрьмъ лишнихъ дней не сидѣли, и хлѣба бы напрасно безъ работы не ѣли, но всѣ бы были у дѣлъ своихъ; кои по винѣ достойны смерти, то тѣхъ не для чего томить, и даромъ хлѣбъ въ нихъ тратить, но надлежитъ ихъ вершить.

А по кабакамъ надобно смотреть, чтобы ярыжки голые безъ работы не жили тутъ; а буде кои для работы годны, то брать на нихъ крѣпости, чтобы имъ никакимъ дурнымъ не промышлять, и зернію не играть, и пристани никакимъ лишнимъ людямъ не держать, чтобы безъ работъ никакой человекъ не былъ.

А кои люди надлежатъ какого наказанія, то такихъ не надлежитъ и дня одинаго въ тюрьмѣ или въ приказѣ держать, чтобъ онъ дней своихъ даромъ не терялъ; и коихъ надлежитъ послать на рудоконные дѣла * и на инья черныя работы, то и тѣхъ долго держать не для чегожъ, но запятнать вѣчнымъ или временнымъ пятномъ, отсылать ихъ кои куды надлежатъ не мотчавъ, ** чтобъ они даромъ хлѣба не ѣли.

А кромѣ приказа всякому командиру во своей командѣ смотрѣть накрѣпко, чтобы никто нигдѣ даромъ

* У Стр. прибавлено *заводы*. ** У Стр. *не мотчавъ*.

нешатался, и робята молодые кромѣ праздничныхъ * дней отнюдь бы по улицамъ ни кознами, ни кубарями, ни иными какими играми не играли, а и въ мужествѣ сущіи никакихъ вещи напрасно не тратили, и ящамъ бѣ не билися; и никакого чина люди и дворяне безъ письменнаго указа хлѣба бы въ вино не переводили, и за крестьянами своими сами бы смотрели, и прикащикомъ и старостамъ накрѣпко бы заказали, чтобы никакой крестьянинъ гулякомъ не былъ ни лѣтомъ, ни зимою; не токмо большіе, но и малые робята даромъ не шатались бы, но оныя учились бы грамотъ, а иныя рукодѣлю, каковое водится во крестьянѣхъ, учились бы; буде кой топоромъ еще не сможетъ владѣти, тобы прятъ учились, и научась, шли бы на полотняные дворы, и тамъ бы зимою изъ найму или изъ хлѣба работали, а лѣтомъ полевую работу работали. И аще въ юности навикнетъ работать, то и подъ старость гулякомъ не будетъ.

А сіе и не безъ грѣха есть, что за самыя малыя вины да въ тюрьму сажаютъ, а иныхъ и безвинно сажаютъ: инаго посадятъ и на часъ, да забудутъ, то онъ въ забвеніи просидитъ и годъ мѣста. И ради памятованія надобно всякому судѣ безотложно навсякой день колодниковъ своихъ всѣхъ пересматривать, и всѣхъ ихъ ставить передъ себя на лицо; то нельзя будетъ подъячому или приставу посадить за хоженное свое. (?) И смотря колодниковъ всѣхъ бы новоприводныхъ самъ допрашивалъ, кто въ какомъ дѣлѣ приведенъ; и буде дѣло до кого малое, то того бы часа и рѣшеніе ему учинить; то бы онъ промышлялъ, а въ приказѣхъ сидя дней своихъ не терялъ.

И аще всѣ судьи будутъ управлять колодниковъ, повсядневно пересматривать, и рѣшеніе имъ чинить

* Эта строка дополнена изъ сп. Стр.

немедленно, то и тюремные дворы не надобны будутъ. Отъ неуправленія судейскаго вельми много въ міръ пакостей и разоренія чинится, и погибають многіе напрасно; ибо многіе въ заключеніи сидя, съ голоду и отъ всякія нужды, умирають безвременною смертію.

И о колодничьемъ сидѣньѣ, мнится, надлежитъ предѣль учинить сицевый: буде кто взять будетъ въ розыскомъ дѣль, то рѣшить его въ недѣлю и больше что въ двѣ, а въ истцовыхъ дѣлахъ держать больше сутокъ весьма отнюдь не надобно. А буде за сутки будетъ кой судья въ истцовомъ дѣль держать, то кормить того колодника судѣ своимъ хлѣбомъ, и если учинено будетъ тако, то по нынѣшнему держать долго не будутъ. А сіе весьма надлежитъ отставить, чтобы по улицамъ перекованнымъ колодникамъ ходя милостыни не собирать. Нынѣ, истинно, стыдное дѣло, что въ нищихъ, да въ колодникахъ, пройти не возможно!

Въ старомъ управленіи судебныхъ дѣль было уставлено: буде въ какомъ займѣ или иманьѣ изъ казны денегъ поручатся поручики въ тысячѣ рубляхъ чело-вѣкъ десять или двадцать, а писали въ записяхъ взять тѣ деньги на заимщикъ и на поручикахъ, кто изъ нихъ въ лицахъ будетъ, и по такому обыкновенію аще заимщикъ не исправится, то въсмотри изъ поручиковъ, которые посылтъ, да буде не умветъ за себя стать, то на одномъ на немъ и доправитъ, и совсѣмъ его разорять. А иной займодавецъ немилостивый какъ срокъ придетъ платежу, а заимщикъ не исправится, то не даетъ сроку ни на недѣлю, всѣхъ поручиковъ захватитъ въ приказъ; и егда обвинять ихъ, то всѣхъ ихъ разорять до основанія; буде денегъ не принесутъ вскорѣ, то пожитки у всѣхъ заберутъ безсрочно, и оцѣня дешевле половины, и всѣ распродадутъ за без-

цѣнокъ. И тако тѣхъ поручиковъ разорять и межъ дворъ пустять; и отъ такого порядка многое множество народа въ нищѣ пошли, и то стало быть самое царственное разорѣніе.

Аще и сдѣлать такъ, чтобы во всякія поруки ручались поручики по своей силѣ-мочи; и аще въ великомъ займѣ тысячномъ или многотысячномъ стануть ручаться, то всякой поручикъ ручайся по своей силѣ; буде кой можетъ тысячу рублей заплотити, тобы въ томъ и ручался, и въ рукъ своей именно бы написалъ, что онъ ручается въ тысячь рубляхъ. А кто тысячу рублей не сможетъ, то всякой бы по своей могутъ, кто и во сть рубляхъ, кто больше иль меньше. А буде кто больше десяти рублей заплатитъ повытку своего не сможетъ, то въ десяти рубляхъ подписалсябъ; и егда заимщикъ платежемъ не исправится, то больше десяти рублей съ него бы не было взятыя. И тако, всякой поручикъ, что въ рукъ своей написалъ, то и заплатитъ, и по такому регулу никогда бы поручики отъ порученія своего не разорялись, и ручаться бы стали охотнѣе.

Въ старомъ Уложенъ напечатано, еже сажать въ нѣкоторыхъ дѣлахъ за вину въ тюрьму годы на три, на четыре и больше, и та статья мнѣ возмилась весьма непристойна. И о чемъ посадить въ тюрьму, да морить лѣтъ пять иль шесть, то лучше приложить ему наказанія или инаго какова штрафу, а дней житія человѣческаго терять не надобно. Человѣкъ на волю будучи иной подмѣ себя и постороннихъ человѣкъ пять-шесть или больше можетъ прокормить, а въ тюрьмѣ сидячи, и себя прокормити не можетъ, но вмѣсто червя будеть хлѣбъ ѣсть и во тлю претворить безъ прибытку.

Въ Новгородѣ въ прошломъ 718-мъ году пойманъ

Ямбургскихъ стеклянныхъ заводовъ того стекляннаго дѣла ученикъ Иванъ Семеновъ въ томъ, что онъ самъ себя паспортъ написалъ своею рукою, и дважды онъ въ томъ разыскиванъ, что не писывалъ ли кому иному паспортовъ или иныхъ какихъ писемъ. И кромъ того своего паспорта не явилось, и видя, что иной вины никакой нѣтъ, то бросили его въ тюрьму; и сидѣлъ въ тюрьмѣ при Иванѣ Мякининѣ три годы, а рѣшить его не могъ. Знатное дѣло, что дать тому ученику было нечего; а онъ Мякининъ любилъ деньги, а даромъ онъ никому ничего не дѣлалъ. И буде кто больше принесетъ, то и правъ будетъ его судейскимъ разсужденіемъ: онъ будучи въ судействѣ, не смотрилъ на правду, но смотрилъ на деньги. И такимъ судейскимъ ~~гнилосудіемъ~~ пять лѣтъ безъ одного мѣсяца просидѣлъ въ тюрьмѣ, и вся та пять лѣтъ погибла. А если бы онъ Мякининъ не алтынничалъ, да по указу учиня ему наказаніе, свободилъ, то бы онъ ста дватри прибыли въ царствѣ сдѣлалъ бы, а сидя въ тюрьмѣ, хлѣбъ ѣлъ лежа, и тотъ хлѣбъ пропалъ даромъ.

И ради совершеннаго таковыхъ дѣлъ исправленія, надобно у Бога всецѣдраго милости просить, чтобы онъ челоуѣколюбивый Богъ на дѣло сіе милостивно призрѣлъ, и возложась на Его Божию волю, надлежитъ для установленія самыя правды первѣе соорудить судебную книгу съ тонкостнымъ расположеніемъ на великія и малыя дѣла, какъ кои рѣшить. И такъ надобно его устроить, чтобъ никакого дѣла наизусть не вершить, но всякимъ бы дѣламъ рѣшеніе наказанія и милости ясно означено было: за что какая жесточь, и за что какая милость, чтобы по тому расположенію и малосмысленный судья могъ прямо дѣла разсуждать.

ГЛАВА IV.

О КУПЕЧЕСТВѢ.

И купечества въ ничтожность повергать не надобно, понеже безъ купечества никакое не токмо великое, но и малое царство стоять не можеть. Купечество и воинству товарищъ: воинство воюеть, а купечество помогаетъ, и всякія потребности имъ уготовляетъ.

И того ради и о нихъ попеченіе неоскудное надлежитъ имѣть: яко бо душа безъ тѣла не можеть быти, тако и воинство безъ купечества пробыть не можеть; не можно бо ни воинству безъ купечества быть, ни купечеству безъ воинства жить. И царство воинствомъ расширяется, а купечествомъ украшается. И того ради и отъ обидниковъ вельми надлежитъ ихъ охранити, дабы не малья обиды имъ отъ служивыхъ людей не чинилось. Есть многіе несмысленные люди — купечество ни во что ставятъ, и гнушаются ими, и обидятъ ихъ напрасно. Нѣтъ на свѣтъ такого чина, коему бы купецкой человекъ не потребень былъ бы.

И такъ купечество годствуетъ блюсти, чтобъ не токмо отъ обидниковъ постороннихъ, но и они между собою другъ бы друга не обидѣли, и въ купечество

ихъ иночинные люди отнюдь бы не вступали, и помѣшательства ни малаго имъ не чинили, но дать имъ торгъ свободный, дабы отъ торговъ своихъ сами помѣшательства не чинились, и Его Императорскаго Величества интересъ умножали.

Егда бо торгъ данъ будетъ Русскому купечеству свободной чтобъ не токмо иночинцы, но и иноземцы въ торгу Русскимъ людемъ помѣшательства нимагобы не чинили, то и пошлинный сборъ будетъ не въ томъ сочисленіи. Я такъ мню, что при нынѣшнемъ сборѣ пошлыны будутъ собираться вдвое или втрое; а нынѣ отъ розночинныхъ промышленниковъ пропадетъ ея большая половина.

Буде кто коего чина нибудъ еще отъ синклита, или отъ офицеровъ, или отъ дворянства, или изъ приказныхъ людей, или церковные причетники, или и крестьяне похотятъ торговать, то надлежитъ имъ прежній свой чинъ отставить, и записаться въ купечество, и промышленять уже прямымъ лицомъ, а не пролазомъ, и всякіе торги весги купечески съ платежемъ пошлынъ, и иныхъ какихъ поборовъ съ купечества, равно со всемъ главнымъ купечествомъ, и безъ согласія купческаго командира утайкою, по прежнему, воровски ничего не дѣлать, а пошлиннаго платежа ни мало не таить.

Надобно всякому чину прямо себя вести, чтобы предъ Богомъ не грѣшить и предъ Царемъ въ винѣ не быть; и какъ жить такъ надлежитъ и слыть: аще воинъ, то воинъ и да будетъ, и аще инаго званія челоувѣкъ, то всякъ бы свое званіе и да хранилъ бы цѣло.

Самъ Господь Богъ рекъ, глаголя: (Матѣ. гл. 6, ст. 24): Единъ рабъ не можетъ дву господамъ служить. Тако и воину и инаго чина челоувѣку всякому свой чинъ прямо вести, а въ другой предѣлъ не вступати: аще бо кому къ купечеству прилпнутися, то въ военномъ

дѣлъ солгать будетъ. Самъ же Спаситель нашъ рекъ, глаголя: яко идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ. А Святый Павелъ Апостоль глаголетъ: (гл. 2, ст. 41), яко никто воинъ обязуйся куплями угодень будетъ воеводѣ. А по престонародному реченію есть глаголь приличей сему, еже глаголется: одно взять— либо воевать, либо торговать.

И посему воину и всякому иночнику отнюдь купечествовать не подобаетъ; но буде у кого желаніе къ купечеству припадетъ, то уже въ тотъ чинъ и вписаться надлежитъ.

И сего ради аще не учинить о семъ предѣла, еже постороннихъ торговцевъ изъ господъ и изъ прочихъ приказныхъ и вотчинныхъ людей и изъ крестьянъ не унять, то весьма обогатится купечеству не возможно, и собранію пошлинной казны умножится не отъ чего будетъ.

А аще Господь Богъ у насъ въ Россійскоѣ Царствѣ устроить сице: еже судьи и вси правители будутъ кійждо управлять свое дѣло съ прилежаніемъ, а въ купечество не вступати, не токмо ихъ отъ обидниковъ защищать, также и военнымъ людямъ, ни офицерамъ, ни солдатамъ, въ купечество не вступати же, и ничѣмъ ихъ не обижати, токмо пещися о своемъ дѣлѣ военномъ, такожде и приказные люди пеклись бы о своихъ приказныхъ дѣлахъ, а въ купечество отнюдь бы не вступалижъ, а и мастеровые люди питались бы своимъ рукодѣльемъ, а въ купечество и ти не вступались бы, такожде и крестьяне знали бы свою крестьянскую работу, а въ купеческое дѣло ни мало не прикасались бы. А буде кой крестьянинъ можетъ рублевъ на сто торговать, тотъ бы чей ни былъ крестьянинъ, Государевъ ли, или Царицынъ, или митрополій, или монастырскій, или сенатскій, или дворянскій, или

какого званія ни былъ, а торгу на сто рублевъ имѣть, тобы записался въ купечество. И аще и тамъ повелѣно будетъ имъ жить на сторонѣ, * а уже пахоть ему не пахать и крестьяниномъ не слыть, но слыть купеческимъ челоувкомъ, и надлежитъ уже быть подъ вѣденіемъ магистратскимъ, и съ торгу своего пошлина платятъ, въ мѣлочные сборы, или по окладу своего торгу уколomъ, то такъ тому и платитъ неизмѣнно.

А дворяне ради себя паслибы своихъ крестьянъ неотложно, и прикащикамъ своимъ и старостамъ наказалибъ накрѣпко, чтобъ крестьяне его ни мало къ торгу не прикасались бы, и никогда бы даромъ ни лѣтомъ, низимою не гуляли, но всегдабъ были въ работѣ, а къ купечеству ни малымъ торгомъ отнюдь не касались бы, такожде и сами дворяне никакому торгу не касались бы. А буде кой крестьянинъ и богатъ, то бы онъ пустоши на-нималъ, да хлѣбомъ насъваль, и тотъ излишній хлѣбъ продавалъ бы, а самъ у иныхъ крестьянъ ни малаго числа для прибыту своего не покупалъ бы; а буде купитъ хотя одну осьмину, а кто свой братъ-крестьянинъ или и тотъ, кто продалъ, пришедъ въ таможию, извѣститъ, то у того торговаша взято будетъ штрафу сто осьминъ, а кто о томъ донесетъ, дать десять минъ. А буде кто купить для продажи десять четвертей, то взято будетъ на немъ штрафу тысяча четвертей, а кто доведетъ, тому сто четвертей. А буде коему крестьянину припадеть охота къ купечеству чѣмъ бы онъ ни былъ, явился бъ въ магистратъ, и сказалъ, что могу я торговать на сто рублевъ или на двѣсти или и вящше, то указомъ Его Императорскаго Величества взять будетъ въ купечество.

Аще сіе Богъ устроить, еже всякаго званія чело-

* У Стр. на старинѣ. Впрочемъ въ обоихъ спискахъ это мѣсто не ясно.

вѣкъ будетъ пенсия о своемъ дѣлѣ, то всякія дѣла будутъ споры, а купечество такъ обогатится, что не въ примѣръ нынѣшнему богатству. А пошлины будутъ съ нихъ собираться не то что вдвое, но, чаю, что нынѣшняго сбора и втрое больше будетъ или вѣще.

Потому что нынѣ торгуютъ бояра, дворяне и люди ихъ и офицеры и солдаты и крестьяне, то всѣ тѣ торгуютъ безошлинно, а и купецкіе люди за ихъ имени множество провозятъ * безошлинно же. И я не чаю, чтобы нынѣ и половина прямо пошлинъ собиралось, да и собрать ее не мочно, аще не отставить во всемъ ** торгу отъ господъ и отъ служивыхъ людей, потому что прикоснулись торгу лица сильныя, а кои и несильны, то магистрату неподсудны.

Я о семъ всесовершенно знаю, что въ одномъ Новгородскомъ уездѣ крестьянъ, кои торгуютъ, будетъ сто-другое, а пошлинъ ни по деньгъ не даютъ. И аще кой сборщикъ, увидя ихъ похочеть пошлину взять, то дворяне за нихъ вступятся, и чуть живыхъ оставятъ, и на то смотря, никакіе цѣловальники и прикоснутся къ нимъ не смѣютъ. И есть такіе богачи, что сотъ по пяти-шти имѣютъ у себя торгу, а Великому Государю не платятъ не по деньгъ.

И если вся сія устроится, то яко отъ сна купечество возбудится.

А сей древній купецкихъ людей обычай вельми есть неправъ, еже и между собою другъ другу неправду чинять, ибо другъ друга обманываютъ.

Товары яко иноземцы, тако и Русскіе, на лице являютъ добрые, а внутрь положены или содѣланы плохи, а шные товары и самыя плохіе, да закрасивъ добрыми, продаютъ за добрые, и цѣну берутъ неправедную, и неисксныхъ людей тѣмъ обманомъ вельми

· У Стр. *производять*. ** У Стр. *воисс*.

изъянть, и въ вѣсахъ обвѣшиваютъ, и въ мѣрахъ обмѣриваютъ, а въ цѣнѣ облыгають, и тое неправду и въ грѣхъ не поставляютъ, и отъ такого неправого порядка незнающимъ людямъ великія пакости чинятся.

А кои обманываютъ, послѣди за неправду свою и сами всѣ пропадають, и въ убожество вищшее приходятъ; и тако вси отончевають.

А аще бы въ купечествѣ самая христіанская правда уставилася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средніе за средніе, а плохіе за плохіе, и цѣну брали по пристойнству товару прямую настоящую, почему коему товару цѣна положена, а излишнія бы цѣны ни у какого товара не то что взять, но и не припрашивалибъ, и ни стара, ни мала, ни несмысленнаго не обманывалибъ, и во всемъ поступалибъ самою правдою, то благодать бы Божія возсіяла на купечествѣ, и Божіе благословеніе почило бы на нихъ, и торгъ бы ихъ святой былъ.

И ради неподвижныя въ купечествѣ правды надлежитъ во всѣхъ рядахъ устроить сотскихъ и пятидесятскихъ и десятниковъ, и въ коей лавкѣ сидитъ сотской, то надъ дверьми лавочными прибить дощечка окруженная, покрытая бѣлилами, дабы всѣмъ она знатна была, и на такой дщицѣ написать сице: сотской; такожде надъ лавкою пятидесятскаго и десятскаго, чтобы купующіе, купя какой товаръ, знали гдѣ тотъ товаръ показать, прямоль отвѣсилъ или обмѣрялъ, и товаръ доброй или плохой и настоящуюль цѣну взялъ.

А буде взялъ цѣну не противно настоящія цѣны излишнюю, то за всякую излишнюю копѣйку взять на немъ штрафу по гривнѣ или по двѣ, и высѣчь батоги или плетями, чтобъ впредь такъ не дѣлалъ; а буде

въ другой разъ такъ же учинить, то доправитъ штрафъ сугубо, и наказаніе учинитъ сугубоужь.

А буде кто неправо отвѣситъ или неправо отгѣряетъ, или не такой товаръ дастъ, какого купецъ требовалъ, и вмѣсто добраго худой продастъ, то такому жесточае чинятъ наказаніе, и штрафъ противъ товарныя цѣны взять десятирично.

А буде въ такой неправости помирволитъ продавцу сотской или пятидесятской или десятской, то взять штрафъ на десятскомъ въ десять мѣръ, а на пятидесятскомъ въ 50 мѣръ, а на сотскомъ во 100 мѣръ, и наказаніе чинить кнутомъ, по колику ударовъ уложено будетъ; и дать тѣмъ сотскимъ и пятидесятникамъ инструкции съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ они за своими десятскими смотрѣли неоплошно, дабы они никакому десятнику понаровки ни малыя не чинили, и плохо бы сего не клали, но боялись бы яко огня, дабы не дошло до великихъ лицъ, и чтобы десятскіе и по лавкамъ досматривали, чтобы никакова товару худаго добрымъ не закрашивали, но каковъ кой есть, таковъ бы продавали, доброй за доброй, середній за середній, а плохой бы за плохой, и въсили бы и мѣряли самую правдою, а излишнія цѣны ни у какого товару не прибавляли бы и не прикрашивали бы. Но что чего стоитъ, того бы и просили, а и заморскіе товары, сукна и камки и прочія парчи, мѣряли бы и продавали съ перваго конца, а не съ задняго. И какой купецъ не пришелъ, богатъ или убогъ, аще разумень или ничего не смышлящъ, всѣмъ бы одиначе правдою продавали, и ни у рубля, ни у десяти рублей единыя копѣйки не имали и не приправивали бы.

(Спорить нельзя—одной цѣны уставить въсь (вър.всему) товару: имя одно, да доброта не одна; и ну пору да и

поплоше 1) * и самыя ради безпорочныя правды не худо бы всякимъ товарамъ въсовымъ и локотнымъ положить цѣна уставленная, чтобъ она какова была въ первой лавкѣ, такова бы и въ послѣдней.

А что съ кого надлежитъ за какую вину взять штрафъ, и тотъ бы штрафъ собирали сотскіе не отлагая до инаго дня, когда кто провинится, тогда бы и платили, и принявъ штрафъ, записывалибъ въ закрѣпленную книгу, и помѣсячно относили бы ихъ въ контору надлежащую, а со иноземцы пріѣзжими на ярмаркахъ безъ воли главнаго купческаго правленія командира, ни великаго, ни малаго торгу не чинили бы. А буде кто хотя на одинъ рубль дерзнетъ пріѣзжимъ иноземцамъ продать какого нибудь товару безъ воли вышняго своего командира, то взять съ него штрафъ сторично; за всякой взятой рубль по сту рублевъ, и наказаніе учинить кнутомъ, колико уложено будетъ ударовъ дать, дабы помнилъ и впредъ такъ не дѣлалъ.

И съ воли командира своего и по согласію купчества поставя цѣну товару своему, отпускали бы за моря и за прочіе рубежи Русскіе товары, какъ богатые, такъ и убогіе съ воли командира своего по общему согласію компанства, чтобы никому обиды не было.

И егда иноземець сторгуеть какова товара Русскаго многое число или малое, то всѣмъ Русскимъ людемъ, какъ богатымъ, такъ и убогимъ, комуждо изъ своихъ товаровъ поверстався по количеству товаровъ своихъ, ** чтобъ ни богатому, ни убогому обиды не было.

А буде кто не похочеть товару своего для малыя продажи расчинать, и то какъ кто похочеть, въ томъ воля мочно дать.

* Слово въ скобкахъ, впрочемъ безсвязныхъ, не достаеъ у Стр.

** Такъ не ясно въ обихъ спискахъ.

И тако творя, между всѣми купецкими людьми будетъ мирно и согласно, а цѣны никому уронить будетъ нельзя, и почему какому товару цѣну съ общаго согласія наложить, то уже иноземцы по той цѣнѣ и нехотя возьмутъ.

А буде иноземцы похотятъ нашимъ товарамъ цѣну снизить, и товаровъ по наложенной цѣнѣ брать не стануть, то надлежитъ у маломочныхъ товары всѣ богатымъ за себя снять.

А буде купецкіе люди за недостаткомъ денежнымъ не соймутъ, то выдать бы имъ деньги изъ ратуши и отпустить ихъ восвоися, и впредь до указу таковыхъ товаровъ не возили бы хотя годы два-три или больше, донележе со иноземцы торгу не будетъ, промышленяли бы инымъ каковымъ промысломъ. И пока иноземцы по наложенной цѣнѣ товаровъ нашихъ принимать не будетъ, до тѣхъ времени отнюдь нималаго числа такихъ товаровъ на иноземческіе торги не возили бы.

И буде иноземцы восхотятъ нашихъ купцовъ принудить къ своему умыслу, ежебы нашихъ Русскихъ товаровъ цѣною не взвысить, а своихъ не снизить, оставя торгъ, поѣдутъ за море безъ нашихъ товаровъ, то и свои они товары съ коими прѣехали повезли бъ всѣ съ собою назадъ; а въ амбары съ кораблей не сторговавшись отнюдь класть имъ не попускать бы, хотя за амбары вдвое или втрое наемныя деньги давать стануть, или гдѣ въ домъ похотятъ сложить, отнюдь того имъ не попускать; то когда нашихъ товаровъ не брать, то и своихъ товаровъ оставлять имъ не для чего: какъ привозили, такъ пусть и назадъ повезуть.

А въ другое лѣто буде прѣдутъ, то надлежитъ намъ на свои Русскіе товары ко уставленной прошлагодней цѣнѣ приложить на рубль по гривнѣ или по четьре алтына, или какъ о томъ указъ Великаго Госу-

даря состоится, како бы купечеству слично было, и деньги бы въ томъ товаръ даромъ не прогуляли.

А буде два года иноземцы съ торгомъ не будутъ, то на прежнюю цѣну наложить еще толико же, колико на первый годъ наложено. И такъ колико годовъ ни проволочать они упрямствомъ своимъ, то на каждой годъ по толико и тѣ накладки на всякой рубль налагать не уступая ни малымъ чѣмъ, чтобъ въ купечествѣ деньги въ тѣхъ залежалыхъ товарѣхъ не даромъ лежали, но проценты бы на всякой годъ умножались.

И аще въ тѣхъ процентахъ товарамъ нашимъ возвысится, что коему прежняя цѣна была рубль, а во упорствѣ иноземскомъ возвысится въ два рубли, то такову цѣну уже впредь за упрямство ихъ держать, не уступая ни малымъ чѣмъ.

И аще иноземцы упрямство свое и отложить, и станутъ товары свои возить къ намъ по прежнему, и нашихъ товаровъ къ себѣ востребуютъ, а уже цѣны на Русскіе товары прибавленныя отнюдь не убавлять, и въ предбудущіе годы по такой же наложенной цѣнѣ продавать, почему въ упорствѣ ихъ иноземской наложилась.

И буде двойныя цѣны за наши товары не похотятъ намъ дать, то и ихъ товары передъ ними: мы благословеніемъ Божиимъ можемъ безъ ихъ товаровъ пробыть.

Обще же я мню: хотя они и хитры въ купечествѣ и въ иныхъ гражданскихъ расправахъ, а аще увѣдаютъ нашего купечества твердое положеніе о возвышеніи цѣны, то не допустить до двойныя цѣны: будутъ торгъ имѣть повсягодно, видя бо наше твердое постоянство всячески упрямство свое прежнее и гордость свою всю и нехотя отложить: нужда пригоняетъ и къ поганой лужѣ. Для насъ хотя они вовсе товаровъ своихъ къ намъ привозить не будутъ, мню, можемъ

прожить безъ товаровъ ихъ; а они безъ нашихъ товаровъ и десяти лѣтъ прожить не могутъ. И того ради подобаетъ намъ надъ ними господствовать, а имъ рабствовать предъ нами, и во всемъ упадокъ предъ нами держать, а не гордость. Сіе странное дѣло, что къ намъ прїѣхавъ съ своими бездѣлками, да нашимъ матеріальнымъ товарамъ цѣну уставляють низкую, а своимъ цѣну ставятъ двойную, а инымъ товарамъ и выше двойныя цѣны.

И не до сего ста, но и деньги нашего Великаго Государя цѣнять, до чего было имъ нималого дѣла не надлежало: имъ надлежить деньги цѣнить своихъ государей, потому что они власть имуть надъ своими владѣльцы. А нашъ Великій Императоръ самъ собою владѣеть, и въ своемъ государствѣ аще и копѣйку повелить за гривну имать, то такъ и можетъ правитися. Мы въ своемъ царствѣ съ воли Монарха своего вольны на привезенные ихъ товары цѣну налагать. А буде имъ нелюбю, то на ту цѣну не отдавай, воленъ онъ и отдать и не отдать; намъ силою у него не отнять, а въ томъ мы можемъ стоять, несторгованному и негодному на сухомъ берегу мѣста не дать; либо назадъ вези, либо въ корабль держи.

Время было уже имъ прежняя своя гордость и отложить; плохо имъ было надъ нами ломаться, тогда, когда сами наши Монархи въ купческія дѣла не вступали, но управляли бояре. И прїѣхавъ они иноземцы засунуть сильнымъ персонамъ подарокъ рублевъ во сто-другое, то за сто рублевъ сдѣлають они иноземцы прибыли себѣ полмилліону, потому что бояре не ставили купчества ни въ личную скорлупку; бывало на грошъ все купчество промѣняютъ!

А нынѣ, слава Богу, Монархъ нашъ вся сія разсмотрѣлъ; и подлѣзть имъ уже никакъ, ежебы имъ по

прежнему своему хотѣнію оставить и на своемъ поставить.

И если они иноземцы отъ упрямства своего годы два-три и пять-шесть торговаться съ нами не будутъ, то купечеству нашему великая и неисчислимая прибыль будетъ, потому которые товары покупались у насъ въ Руси по рублю, то будетъ уже въ покупкѣ по полтинѣ или и меньше, а иноземцамъ меньше уставленныя цѣны за иноземческое упрямство сбавить отнюдь не можно. Потому что такая цѣна уставилась за ихъ непокорство; они на свои товары безъ причины наложили цѣну высокую и тѣмъ насъ вельми изневожили, а имъ изневога не отъ насъ, но отъ своего имъ упрямства. Они въ причину поставили Русскія наши деньги, до чего имъ ни малаго дѣла нѣтъ. Деньги наши когда въ ихъ землю придутъ, то хотя они нашу копѣйку и за деньгу не возьмутъ, то въ томъ они вольны; ихъ земля, ихъ и воля. А въ нашей землѣ нѣтъ имъ ни малыя власти, но воленъ нашъ Монархъ; а по его Монаршеской волѣ и мы имѣемъ нѣкую часть воли. А они, пришедъ въ нашу землю, цѣны наши деньги, да всякимъ своимъ товарамъ цѣну возвысили: червонные были безъ гривны по сроку алтынѣ, а нынѣ по два рубля, сѣмки были по осьмнадцати алтынѣ, а нынѣ по осьми гривенѣ; мѣди пудъ былъ по три, а нынѣ по семи и по восьми рублевѣ, олово было не съ большимъ по три рубля, а нынѣ выше шести рублевѣ; горячая сѣра была по полтинѣ пудъ, а нынѣ втрое выше продають. Бумага писчая, коя была стопа по восьми гривенѣ, ту нынѣ продають по два рубля; оконечныхъ стеколь ящикъ покупали по три рубля, а нынѣ продають по десяти рублевѣ. Колико ни есть заморскихъ товаровъ, на всѣ наложили они цѣну двойную, да и тройную, и тѣмъ они хотятъ Россій-

ское Царство пригнать къ оскуденію , и издѣваясь надъ нами, вмѣсто матеріальныхъ товаровъ взять къ намъ разныя питья, да похваляютъ ихъ, то питье честное и весьма похвальное, дабы слыша ихъ такую похвалу, больше у нихъ покупали, и денегъ бы имъ больше давали, а намъ бы то ихъ питье выпить, да , а иное и выблевать; да привозять къ намъ стеклянную посуду, чтобъ намъ купивъ, разбить, да бросить. И намъ если заводовъ пять шесть построить, то мы всѣ ихъ государства стеклянную посудою наполнить можемъ.

И того ради весьма надлежитъ намъ себя осмотрить: ихъ Нѣмецкихъ рассказовъ намъ не переслушать; они какую бездѣлицу не привезутъ, то надсѣдаясь хвалить, чтобы мы больше у нихъ купили, и уже чего не затѣютъ: и пиво наваря, да наливъ въ бутылки привозять, да продаютъ бутылку по десяти алтынъ; а намъ мочно та бутылка наложить на алтынъ или на двѣ копѣйки.

И аще нашимъ товарамъ высокая цѣна устанется или и не устанется, то въ воли Монарха нашего; какъ онъ поволитъ, такъ то и будетъ неизмѣнно *.

А ихъ заморскіе товары весьма надлежитъ принимать купечеству нашему по разсмотрѣнію, и по согласію общему, и съ воли командира своего, а не по прежнему, самовольно, и выбиралибъ, кои товары были прочны и самые были добрые, а плохихъ отнюдь не принимали, и тѣ принятые товары такожде дѣлили между собою по количеству своихъ товаровъ съ общаго совѣта, чтобы ни кому и малыя обиды не было.

А буде же иноземцы на тотъ отборной товаръ еще сверхъ настоящія цѣны наложить цѣну излишнюю, то

* Последний періодъ кажется нестати по объемамъ спискамъ.

и того отборнаго товара съ наложеніемъ прибавочной ихъ цѣны не брать бы у нихъ ничего, но брать по настоящей цѣнѣ, какова до того отбираниа установилась.

А буде заупрямятся, и давать тѣхъ товаровъ по настоящей цѣнѣ не похотятъ; то отказать имъ: пусть весь свой товаръ повезутъ назадъ, а плохихъ и непотребныхъ товаровъ и на полцѣны отнюдь бы не принимать ни малаго числа для того, чтобы они дураками насъ не называли, и въ товарахъ нашихъ надъ нами не издѣвались бы.

А наипаче такихъ товаровъ не принимать, которые купя выпить, да, или принявъ разбить и бросить. Стекланную посуду мочно намъ къ нимъ возить, а не имъ къ намъ; и всякіе товары, кои непрочны и портятся, якоже обшивныя ихъ иноземческія пуговицы принимать и на полцѣны не надобно; понеже пока человекъ кафтанъ носить, то обшивныя пуговицы двое или трое перемѣнить. И того ради годствуетъ принимать пуговицы мѣдныя плотныя, кои паяны не оловомъ, или кои и безъ пайки, да насажаны на деревянные болвашки, или оловячныя серебромъ посеребрены на жестяныхъ чашкахъ. Такжеде кои вмѣсто стальныхъ привозятъ визмутовыя пуговицы, то и такихъ принимать не надобножъ для того, что онѣ непрочны. А принимать самыя прочныя, съ коими бы мочно было кафтана два-три износить; буде и стеклянныя черныя, да сдѣланы на желѣзныхъ самыхъ плотныхъ ушкахъ, то таковыя мочно брать; потому что онѣ весьма потребны, платя не дерутъ, а къ носкѣ прочны, цѣна имъ не высокая; буде стануть ушки дѣлать у нихъ гораздо плотны, то онѣ партищъ пять-шесть переносить.

А и во всякихъ товарѣхъ смотреть того накрѣпко,

чтобы былъ проченъ, и парчи всякія, кои бываютъ къ носкѣ прочны, тѣ и брать, а кои на клею камчицы и атласцы и штофцы, хотя кои и цвѣтны, таковыхъ и на полцѣны принимать не надобно, и никому бы изъ такихъ парчей и платья дѣлать надлежитъ призапретить; потому что въ нихъ деньгамъ переводъ.

И не токмо шелковыхъ, но и гарусныхъ, кои неплотны и къ носкѣ непрочны, чулки и парчевыя вещи, кои скоро пропадаютъ, таковыхъ никогдажь принимать не надобно; такожде и линтовъ, кои весьма тонки и плохи, хотя самую малою цѣною не доведется жъ брать; но брать тѣ линты, кои весьма плотны, хотя и цѣною выше, только бѣ къ носкѣ были прочны; и съ мишурою битью никакихъ линтовъ не принимать; потому что въ нихъ никакого проку нѣтъ, только денежная напрасная трата.

Также и платковъ шелковыхъ Нѣмецкихъ и Персидскихъ не надлежитъ же покупать намъ; потому что и въ нихъ токмо одна денежная трата, а самыя потребности ни полу нужныя нѣтъ: дать за него рубль или полтора рубля и годомъ платка два-три истеряетъ, и на другой годъ толико жъ надобно, и лѣтъ въ десятокъ иной щеголь платковъ съ пятьдесятъ; и хотя по рублю положить платокъ, то пятьдесятъ рублей истратитъ, и на всякой годъ, и въ той бездѣлицѣ изъ царства тысячь десятка по два-три пропадутъ, а на утираніе носа и на утираніе на лицѣ пота гораздо потребнѣе платки льняные, нежели шелковые; и шелковые токмо одни хвасты, да иноземцамъ обогащеніе.

И если заказъ о шелковыхъ платкахъ будетъ, то никто ихъ не востребуетъ, и будутъ по прежнему полотноными платками утиратися.

Нѣмцы никогда насъ не поучать на то, чтобы мы бережно жили, и ничего бѣ напрасно не теряли; только

то выхваляютъ, отъ чего бѣ пожитокъ какой имъ припалъ, а не намъ. Они не токмо себя, но и прочихъ свою братію всякими вымыслы богатятъ, а насъ больше въ скудость пригоняютъ; и того ради надобно намъ разумѣя разумѣть о всякихъ ихъ дѣлахъ яко о купецкихъ, тако и о военныхъ и о художныхъ дѣлахъ: не тутъ то у нихъ правда, что на словахъ ладогостятъ; надобно смотреть ихъ на дѣлахъ, а не на словахъ, и смотреть прозрительнымъ * окомъ.

А кои у насъ въ Россіи обрѣтаются вещи, якоже соль, желѣзо, иглы, стеклянная посуда, зеркала, очки, оконечныя стекла, шляпы, скипидаръ, робячьи игрушки, вохра, черлень, прозелень, пульментъ, то всѣмъ тѣмъ надобно управляться намъ своимъ, а у иноземцовъ отнюдь бы никакихъ тѣхъ вещей ни на полцѣны не покупать.

А и суконъ солдатскихъ, мнится мнѣ, у иноземцовъ покупать не надобно жъ, потому что наши Русскія сукна еще и дороже заморскихъ стануть, обаче тыи деньги изъ царства вонъ не выйдутъ. Того ради и сукнами намъ потребно пронииматься своими жъ, что бытъ деньги у насъ въ Россіи были.

И правителемъ не токмо однихъ купецкихъ дѣлъ, но и градскихъ, надлежитъ смотреть того накрѣпко, чтобы нетребнаго и непрочнаго ничего изъ-за моря и изъ-за рубежей въ Русь не покупали, но покупали бѣ такія вещи, кои прочны, и коихъ въ Россіи у насъ не обрѣтается, или безъ коихъ пробытъ не мочно.

Намъ надобно не парчами себя украшать, но надлежитъ добрымъ нравомъ, и школьнымъ ученіемъ, и христіанскою правдою, и между себя истинною любовію и непоколебимымъ постоянствомъ, яко къ благочестивой христіанской вѣрѣ, тако во всѣхъ дѣлахъ, и

* У Стр. *прозрительнымъ*.

за такое украшеніе не токмо на земли, но и на небеси будемъ славны.

А и сіе въ купецкихъ людяхъ дѣется весьма неправильно, еже аще которой человекъ проча себя и дѣтямъ своимъ построить палаты, и аще онъ построилъ ихъ и одолжась, а сосѣды и клеветы его вси, вмѣсто ежебы его за то паче перваго любити и благодарити, что сдѣлалъ отъ бочнаго огня преграду и царственную учинилъ украсу, вознегодуютъ на него, и налягутъ на него тяжелыми податями и службами, и то стало быть діавальская ненависть: за что было надлежало ему польготить, потому, что онъ строя палаты изубытчился, а они вмѣсто льготы нападуть на него съ разореніемъ.

А мнится: не худо бы и Царскимъ указомъ сіе подтвердить, чтобы лѣтъ на пять-шесть или и больше построившимъ палаты въ Царскихъ поборахъ давать льготы, и въ тѣ льготныя лѣта въ службы никакихъ не выбирать бы; дабы онъ поправился, и на то смотря, стали бѣ иные тцатися палаты строить

Паки и сіе мнится: не весьма право посадскіе люди многіе украшаютъ себя паче мѣры своей, а женъ своихъ и дѣтей и наипаче того со излишествомъ украшеній, и въ томъ украшеніи излишнемъ себя истощеваютъ.

Паки мнѣ мнится—не худо бы расположить, чтобы всякой чинъ свое бы опредѣленіе имѣлъ: посадскіе люди все купечество собственное свое платье носили; чтобы оно ничѣмъ ни военному, ни приказному согласно не было. А нынѣ ни коими дѣлы по платью не можно познать, кто какого чина есть, посадскій или приказный или дворянинъ или холопъ чей; и не токмо съ военными людьми, но и съ царедворцы распознать не можно.

А мнится быть то самое прямое дѣло, чтобы не то

что отъ царедворцовъ или отъ солдатъ, но и между собою надлежитъ имъ различіе имѣть.

Первая статья купецкаго чина, кѣи выше тысячи рублевъ, даже до десяти тысячъ пожитки у себя имѣютъ, тѣи бо носили на верхнихъ кафтанахъ отъ сукна кармазиннаго, кой купуется выше дву рублевъ, а камзолы луданые и стофные и прочія шелковыя парчи, кои безъ золота, безъ атласа и безъ изпещренія разныхъ цвѣтовъ, а разноцвѣтныхъ парчей купечество и на малыхъ своихъ дѣтей не надѣвали бы; пуговицы носили бы серебряныя позолоченыя, а позументовъ бы и снуровъ золотыхъ и серебряныхъ, ни пуговиць обшивныхъ, отнюдь бы не было и на малыхъ ихъ дѣтяхъ; а покровъ надлежитъ, мнится, всему купечеству имѣть: верхніе кафтаны были бѣ ниже подвязки, чтобъ оно было служиваго платья длиннѣе, а церковнаго чина покороче, а штаны бы имѣли суконныя и триповыя, а камчатыхъ и парчевыхъ отнюдь бы не было у нихъ, а на ногахъ имѣли бы сапоги, а башмаковъ тотъ чинъ отнюдь не носили же бы, а на головахъ бы носили лѣтомъ шляпы, и носили бы ихъ аще и пуховыя, а полъ по служивому маниру не заворачивали бы, а зимою носили бы шапки съ околыши лисьими и разсомашными, а собольихъ бы отнюдь не носили. Соболи шапки носили бы гости, да гостинныя сотни, кѣи выше десяти тысячъ имутъ у себя пожитку. А среднія статьи, кѣи имутъ у себя пожитки ото ста рублевъ даже до тысячи, то тѣи бы носили сукна Англійскія, кѣи около рубля покупается аршинъ, а камзолы китайчатые и суконные носить, а пуговицы серебряныя бѣлыя и мѣдныя, паяныя мѣдью и серебромъ посеребренныя; а на головахъ лѣтомъ носили бы шляпы безъ заломовъ, а зимою шапки лисьи и бобровыя, а покровъ особымъ отъ первостатейнаго ку-

печества, а на ногахъ — сапоги. А нижняя статья, кинъ отъ десяти рублей въмѣютъ пожитка только до ста рублей, тѣмъ бы носили сукна Русскія крашенныя лазоревыя и иными цвѣтами, хотя валевыя, хотя невалевыя, только бы были крашенныя, а некрашенныя носили бы работные люди и крестьяна.

И по одежномъ расположеніи еще нѣмъ повидится дѣлю невеликое, мнѣ же мнится — велико оно: первое, что чинъ отъ чина явнѣ будетъ, и всякъ свою мѣрность будетъ знать; другое, что у всякаго чина денежные истраты излишнія не будутъ; третье, что царству наполненіе будетъ немалое.

И платенное расположеніе, я чаю, что иноземцы велими будутъ спорить того ради, что разходу парчамъ ихъ будетъ гораздо меньше. И о всемъ семь, какъ воля Его Императорскаго Величества произыдетъ, тако и будетъ; и расположить бы все статьи особливостно, не токмо матеріальными статьями, но и покроями, и утвердить бы накрѣпко, чтобы впредь неподвижно быти. И того ради штрафомъ подтвердить и страхъ предложить, дабы никто не дерзалъ на измѣненіе предѣла сего.

У кого пожитку на тысячу рублей есть, тотъ бы себя не ругалъ, но благодаря Бога, носилъ бы достойное платье по пристойству своему.

А нынѣ много есть, что тысячи двѣ-три имѣютъ, а ходитъ въ сѣромъ кафтанѣ; а у инаго и ста рублей нѣтъ, а онъ носитъ платье противъ тысячника; а по прямому, у кого пожитка большаго нѣтъ, тѣмъ бы не тщеславились, но всякъ бы свою мѣрность знать.

И еще у кого пожитку выше тысячи рублей, и онъ платье по своему достоинству противу своего киевретства носить не будетъ, и кто, ведая его пожитокъ, донесетъ о немъ, то все его пожитки

сать, и аще явятся тысячи на двѣ или на три, то оставитъ ему ста на два или на три; потому что онъ самъ себѣ того возжелалъ, а излишнее все, аще и выше того будетъ, взять на Великаго Государя, а доносителю изъ взятаго пожитку выдать десятая доля.

А буде у кого по смѣтѣ явится ни съ большимъ на тысячу рублевъ, тому въ пеню не ставить; аще стодругое или третіе явится излишняя, и кто доносилъ, нѣтъ ему ничего. А буде сотъ пять излишняя будетъ, то излишняя пять сотъ или и больше взять на Государя, а ему оставить тысячу рублевъ или сотъ пятьшесть.

А кто выше своей мѣры платье себѣ сдѣлаетъ, и по доношенію тое платье снять, и дать тому, кто на него о томъ непристойномъ платьѣ обличитъ его, и учинить ему наказаніе, чтобы впредѣ такъ онъ и иные не дѣлали, и себя бы не убытчили.

И аще сіе дѣло не великое, а царственному обогащенію будетъ великая помога: никто излишняго тратить не будетъ.

И аще воля Великаго нашего Монарха на сіе дѣло произыдетъ, то надлежитъ закрѣпить штрафомъ великимъ и страхомъ немалымъ, дабы не токмо въ городѣхъ, но и въ путѣхъ ѣздили бы въ опредѣленномъ своемъ платьѣ.

А буде кто одѣнется не своего чина одеждою, то наказаніе чинить ему жестокое, а по людямъ смотря, надлежитъ и разыскать, а наипаче, аще крестьяне да уберутся людьми боярскими или самыми дворянами или солдатами, то уже явно, что хочетъ идти на легкую работу — на разбой.

Во одеждахъ такъ бы хорошо устроить, что не то, чтобъ по верхнему платью или по исподнему, но и по

рубашкамъ всѣ бы были знатны, кто какого званія есть.

И по такому расположенію всѣ чины будутъ лжны, и никто волгатись во иной чинъ не можетъ; а мнѣ видится, отъ такого порядка и азарничества поубудеть; нынѣ бо многіе поубравшись посолдатски, ходя по улицамъ, чинятъ, что хотятъ, а никто пристать къ нимъ не смѣетъ: мнятъ быть ихъ прямыхъ солдатовъ, наипаче кіи убираются подобіемъ Преображенскихъ или Семеновскихъ солдатъ, и тако творя, наносятъ слово на прямыхъ солдатъ недоброе. А если бы всѣ чины были расположены, то еще бы кто и поазарничалъ, то положилъ бы порокъ на своей чинъ, а и сыскивать бы скоро мочно было, кто азарничаетъ.

И не худо бы расположить какими знаками и полки всѣ яко солдатскіе, тако и драгунскіе, чтобы всякой солдатъ и драгунъ знатенъ былъ, коего онъ полку.

И еще всѣ чины повидится расположить трудно, то хотябъ то учинить, чтобы мочно было знать, кто идетъ или ѣдетъ, господинъ ли или рабъ; обаче о всемъ семъ како воля Божія и Его Императорскаго Величества произыдетъ, тако и можетъ быть.

И сіе вельми потребно, ежебы то учинить, чтобы никто выше мѣры своей одеждъ и всякихъ украшеній не строили.

А наипаче монахомъ шелковыя одежды носить неприлично; а сіе весьма непристойно, еже носятъ они рясы луданья, атласныя и штофныя; они бо уже міра сего отреклися, и яже суть въ мірѣ, и міру подобаетъ отъ нихъ отреченну быть: они живые мертвецы, они токмо Богу живы, а міру мертвы суть; и того ради ни малаго убранія не подобаетъ имъ не токмо во одеждахъ имѣть, но и во всякихъ вещехъ украшати себя свѣтскими украшениями не надлежитъ, но подобаетъ имъ

украшати себя святымъ житіемъ и всякими добродѣтелями, пачеже смиреніемъ и изъ монастыря неисхожденіемъ. Имъ по чину своему подобаеъ носить самое простотное одѣяніе, отъ волны сотканное, а и покрой рясамъ ихъ надлежитъ быть мѣшковатой, чтобы и въ томъ украшеніи ни малаго какого не было.

А исподы носилибъ самые смиренныя овечьи, а собольихъ, и кунныхъ, ни лисьихъ, ни бѣлыхъ, отнюдь бы не носили; ибо на худой конецъ, что они по всей Россіи на всякой годъ тысячъ десятка по дватри въ томъ украшеніи истратятъ, и тая трата самая непотребная: ни она царству украшеніе, ни она міру увеселеніе, но токмо тщеславіе и къ б.... цамъ присвоеніе, и инаго ничего въ томъ украшеніи нѣсть кромѣ грѣха.

И азъ не вѣмъ, како у нихъ на сіе разсужденіе будетъ, а мое мнѣніе тако лежитъ, что отнюдь имъ не то что одеждъ, но и опушки шелковыя не подобаеъ имъ имѣть. Чернецъ — мертвецъ. И отъ пьянственнаго питья подобаеъ имъ весьма удаляться, и между мірскими людьми не шататься, и въ деревняхъ монастырскихъ управителями не подобаеъ имъ быть, но токмо знать имъ монастырь, да святую церковь, и келій своихъ никаковымъ украшеніемъ не украшати, а не худо, чтобы и стѣнь не тесати, и въ келіяхъ своихъ не токмо хлопцевъ молодыхъ при себѣ держати, но и родныхъ своихъ дѣтей отнюдь при себѣ не надлежитъ имѣти.

Уинока инако всякому дѣлу подобаеъ быть: у инока ни отца, ни матери, ни дѣтей, ни сродниковъ нѣтъ, кромѣ единого Бога. Имъ пища сладкая и приправная и масломъ гораздно усмаженная не весьма подобаеъ ясти. А егда случится торжественный день, то и тогда ради разрѣшенія маслица положить самую малую

часть, дабы не весьма уды усладило; такожде и на питіе разрѣшить отъ самыя жь малыя части, чтобъ шянства въ себѣ не почувати.

Чернецу непрестанно подобаеть быть въ молитвѣ, да въ трудѣ и въ непрестанномъ богомыслии. Имъ такъ надобно жить, что онъ весь былъ въ Бозѣ, и Богъ бы въ немъ неизходно, и нетокмо ему сладостныя яствы ясти яди по люторску мясу коснутися, но и рыбы кромѣ разрѣшенныхъ дней не подобаеть вкушати. Вся бо та въ міръ суть, а не въ монастырѣ, и егда на рыбу разрѣшено, то и рыбу не весьма усмаживать масломъ и иными приправами, но варить ее просто и кромѣ соли никакой потравы въ нее класть не весьма потребно; въ монастырѣ токмо трудъ и алканіе, а не роскошь какая. Итого ради называется равно ангельское житіе ихъ, потому что непрестанно въ церковномъ пѣніи и въ келейномъ правилѣ и въ постѣхъ и въ молитвѣ пребываютъ и въ богомыслии.

И въ монастырѣхъ каковъ трудъ и воздержаніе всей братіи, таковъ и архимандриту, и пища какова всѣ соборнымъ и работнымъ инокомъ, такова и самому архимандриту. И въ такомъ бытіи самое будетъ братство, такожде и одежда у всѣхъ бы была безукрасная и ничѣмъ одежда отъ одежды не отгѣненная; и тако бы они въ монастырѣ трудились, чтобъ никто посторонній человекъ познать не могъ, кто какого чина есть.

Христось, дая намъ образъ будучи на землѣ, платья украшеннаго и измѣннаго не имѣлъ, и яко Самъ едину ризу имѣлъ, тако и прочимъ ученикамъ своимъ повелѣлъ единоризнымъ быти.

А и пищу Христось требовалъ простую безъ приправъ (Лук. гл. 1, зач. 54): егда бо пришелъ въ весь поѣтити Лазаревыѣ сестрѣ, и Маріи сама при ногу

Исусову слышаше словесъ Его, нача про Христа припасать ядь со учрежденіемъ. Господь же похвалилъ Марію, коя о пищѣ не прекладе, но съдше, слушаше словесъ его Господнихъ, а Марѣя рѣкъ: Марео, Марео, печенія о мнозѣ, едино же есть на потребу. Явь есть, яко повелѣлъ ей припасти то, чѣмъ мочно чловѣку сыту быть. Тако и инокамъ токмо припасать, чѣмъ мочно чловѣку сыту быть, и ѣсть надобно не чрезъ сытость, чтобы не отяготить себя, и имѣнія иноку никакого не подобаеть имѣти.

И въ такомъ житіи могутъ они слыть Евангеликами, понеже они никаковыя утѣхи себѣ, кромѣ Бога, не имѣютъ; всегда пребываютъ въ постѣ и въ молитвѣ, и мѣса не вкушаютъ, и никакими сладкостями не услаждаютъ себя, и яко Христосъ жилъ, тако и они живутъ, и живутъ житіе безженное, а мнози въ нихъ обрѣтаются и дѣвственники; итого ради весьма имъ надлежитъ слыть Евангеликами.

А люторы, я невѣмъ, съ коего разума называются евангеликами: они живутъ.... а неевангельски: мясо ѣдятъ и пр. *.

И ради всенароднаго охраненія надлежитъ не однихъ иноковъ, но и купечество отъ лишняго пїянства и отъ роскошнаго житія повоздержать; наипаче надлежитъ запретить отъ заморскихъ питей, чтобы сами не пили и въ гостинцы никому бы не носили; а чаю, не худо бы и приказнымъ людямъ и служивымъ и прочимъ всякаго чина людямъ призакрыть, чтобъ и они въ заморскихъ питьяхъ не касались, и денегъ бы напрасно нетеряли. Буде кто похочеть прохладиться, то можетъ и Русскими питьи забавиться, а не тобъ что покупаючи пить, но и приносяго никакого заморскаго питья не поваживались бы

Опускаемъ нѣсколько строкъ.

пить. И буде кто учинить и пиршество, аще и про высокія персоны, а заморскихъ питей и духу бы не было, кромъ табаку, (а табакъ не худо бы въ Русижъ завести съяти и строить его позаморски, какъ у нихъ водится, чтобы и на табакъ деньги изъ Руси напрасно не тратились), но чемъ Богъ нашу страну наполнилъ, тѣмъ надлежитъ и честноватись.

И иноземцамъ то прилично питье свое заморское въ домѣхъ своихъ держать, и кого не похотятъ поить имъ хотя Рейнскимъ иль алканомъ, но хотя Венгерскимъ безденежно; а на деньги буде продасть много или мало, брать штрафъ сторичный—за копейку по рублю, а за рубль по сту рублей, а достальное питье, колико у него не същется, взять на Великаго Государя.

А буде кто и иноземцевъ позоветъ къ себѣ въ гости, то подчивалибъ своими питьи, а на заморскія питья отнюдь никакого числа денегъ не тратили бы, но токмо заморскія питья покупали бы одни сенаторы, да изъ Царскаго Сигклита, кои самые богатые люди, обаче съ разсужденіемъ же бы, чтобы деньгамъ не весьма истратно было.

Развѣ къ кому случится пришествіе Царскаго Величества, то уже тутъ нѣтъ предѣла: идеже Царское пришествіе, тутъ и законъ измѣняется.

Намъ отъ заморскихъ питей кромъ тщеты и богатству нашему Россійскому препятія и здравію поврежденія инаго нѣсть ничего, и дадимъ мы изъ Россійскаго царства за него червонные, да ефимки и иныя потребности, безъ коихъ имъ пробыть не можно, и отъ чего они богатство себѣ приобрѣтаютъ, а отъ нихъ иноземцевъ примемъ мы то, что выпити да и на землю вылить, а иное и выблсвать, и здравіе свое повредить, а и въку своему пресъченіе учинить.

А насъ Россіицъ благословляя, благословилъ Богъ

хлѣбомъ и медомъ и всякихъ питей довольствомъ: водокъ у насъ такое довольство, что и числа имъ нѣтъ; пива у насъ предорогія и меды у насъ преславныя варенныя, самыя чистыя, что ничѣмъ не хуже Рейнскаго, а плохаго Рейнскаго и гораздо лучше. Есть же у насъ и красныя питья, каразинъ и меды красныя жъ вишневые, малиновыя, смородинныя, костяничныя и яблочныя.

И аще заморскія питья оставить, а повелѣть строить меды разными видами, различными и скусны, и продавать ихъ изъ-австеріи; то такъ ихъ настроятъ, что больше заморскихъ питей ихъ будетъ.

А аще и табачныя заводы завести въ Россіи, и ради добраго въ немъ управленія, чтобъ онъ былъ ничѣмъ не хуже заморскаго, добыти мастера добраго, чтобы научился строить позаморски, то такъ намъ мочно его напасти, что и кораблями за море мочно намъ его отпускать, и если въ Руси его строить, то выше копейки фунтъ его не станеть, а заморскаго выше десяти алтынъ фунтъ покупаютъ, а сѣять его мѣста у насъ много. Намъ такъ мочно его размножить, что миллионная отъ него прибыль будетъ; а на какихъ земляхъ онъ родится, такихъ земель у насъ множество, мочно намъ или его сѣять во всѣхъ понизовыхъ городѣхъ, а наипаче въ Симбирску, на Самарѣ, на Пензѣ, на Инсарѣ, на Ломовѣ, во Мченскѣ, на Саратовѣ, на Царицынѣ, и въ Астраханѣ, и на Воронежѣ и во всей Кіевской странѣ, и въ тѣхъ городѣхъ мочно его на каждый годъ по тысячѣ тысячъ пудъ наплодить его.

И аще онъ въ Руси заведется и размножится, то тѣ всѣ деньги, кои за него за море идутъ, всѣ останутся у насъ въ Руси. А если за море будутъ отпускать, то будутъ деньги и къ намъ отъ нихъ возвращаться.

И аще и табакъ въ Руси заведется, то кто сколько какихъ питьей Русскихъ и табаку ни выпьетъ, встѣ деньги изъ царства вонъ не выйдутъ, а заморскія питья покупать ничѣмъ же лучше то, что деньги въ воду жетать.

Обаче, по моему мнѣнію, лучше въ воду деньги жетать, нежели за море за питье ихъ отдавать; изъ воды koliko ни есть либо кто и добудетъ, а изъ-за моря данныя деньги за питье никогда къ намъ не возвратятся, но тѣ деньги изъ царства уже погѣбли.

А самага ради лучшаго царственнаго пополненія надлежитъ и прочіе заморскіе товары съ разсмотрѣніемъ покупать, ибо тѣ токмо надлежитъ товары покупать, безъ которыхъ намъ пробыть не мочно, а нынѣ ихъ Нѣмецкія затейки и прихоти ихъ мочно и приостаивать, дабы, напрасно изъ Руси богатства не тащили; на ихъ мягкія лестныя басни и на всякія ихъ хвасты намъ смотрѣть не для чего. Намъ надлежитъ свой умъ держать, и что намъ къ пополненію царственному необходимо и прибыльно, то надлежитъ у нихъ покупать, а кои вещи намъ не къ прибыли, или кои и непрочны, то тѣхъ отнюдь у нихъ не покупалибъ.

И аще мочно такъ учинить, еже бы въ Санктпетербургъ и въ Ригъ и въ Нарвѣ и у Архангельскаго города, прїѣзжіе иноземцы товаровъ своихъ продавали съ кораблей, аще большими статьями, аще и малыми, обаче съ кораблей бы продавали, а въ амбары и на дворы не сторговать и пошлинъ не заплачя не выгружали бы, а кои товары ихъ за непотребность или за высокость цѣны не проданы будутъ, то тѣ товары не вынимаю изъ кораблей назадъ къ себѣ за море повезли бы, а у насъ бы отнюдь не оставляли ихъ.

И аще тако состоится, то иноземцы будутъ къ намъ ласковѣе, а прежнюю свою гордость всю отложить.

Памъ о томъ вельми крѣпко надобно стоять, чтобы прежнюю ихъ пыху въ конецъ сломить, и привести бы ихъ ихъ во смиреніе, и чтобы они за нами гонялись.

И аще въ семь мы можемъ устояти, ежебы товаровъ незапроданныхъ въ амбары наши имъ не складывать, то стануть они гораздо охотнѣе тѣ свои товары продавать, а пошлина уже будетъ со всего товара взята сполна, а на переводъ по прежнему уже переводить не стануть.

И хорошо бы въ купечествѣ и то учинить, чтобы вси другъ другу помогали, и до нищеты никого не допускали. Аще своими деньгами не могутъ его оправить, то изъ Царскія бы сборныя казны изъ ратуши давали имъ изъ процента на промыслъ, смотря по промыслу его, дабы никто промышленной челоувѣкъ во убожество великое отъ какого своего упадка не входилъ.

И аще въ купечествѣ тако будетъ строиться, то никогда они не оскудѣють, но годъ отъ года въ промыслахъ своихъ будутъ расширяться, и Богъ ихъ за такое братолюбіе, благословляя благословить, и во всемъ имъ подастъ угобженіе и душевное спасеніе.

ГЛАВА V.

О художествахъ.

Въ художникахъ еще не будетъ добраго надзира-
теля и надлежащаго имъ управленія, то имъ ни коими
дѣлами обогатиться не возможно, ниже славы себѣ доб-
рой получить, но до скончанія вѣка будутъ жити въ
скудости и безславіи. А если бы учиненъ былъ о
нихъ гражданскій указъ, ежебы имъ изъ самаго на-
чала учиться постоянно жить, давшись къ мастеру въ
наученіе, жить до уреченнаго сроку, а не доживъ не
то, что года, но и недѣли не доживъ, прочь не отхо-
дить, и не взявъ отпускнаго письма и послѣ сроку съ
двора не сходить, тобы всѣ мастера ни въ томъ без-
дѣльномъ порядкѣ были, но совершенными добрыми
мастерами бы были. А прежде такой порядокъ въ
нихъ былъ, что отдавшись въ наученіе лѣтъ на пять
или на шесть, и годъ мѣста или другой поживъ, да
мало-мало понаучась, и прочь отойдетъ, да и станеть
дѣлать собою, да и цѣну спустить, и мастера своего
оголодить, а себя не накормить, да такъ и вѣкъ свой
изволочить—ни онъ мастеръ, ни онъ работникъ.

А сказываютъ про иноземцевъ, что у нихъ учиненъ
о семъ гражданской указъ такой твердый, что буде

кто не доживъ до сроку хотя единого дня, да прочь отойдетъ, то уже тотъ человекъ не будетъ добрымъ человекомъ никогда, а буде и доживетъ до сроку, а письма отъ мастера своего не возьметъ отпускнаго, никто де его не приметъ въ наймиты, ни въ ученики, никто де его не возьметъ; и того ради у нихъ и мастера добры и похвальны.

А у насъ такого запрещенія гражданскаго нѣтъ, чтобы не доживъ до сроку и совершенно не научась, отъ мастеровъ ученики не отходили; и того ради и быть мастерамъ добрымъ у насъ не возможно.

Такожде, аще кто что вымыслить вновь отъ своего разума или и научась отъ кого, да начнетъ дѣлать, а прежде такого мастерства не бывало, то такому по иноземскимъ уставамъ надлежитъ и владѣть тѣмъ мастерствомъ до смерти своей, кто его вымыслилъ, а инымъ не попускають того мастерства дѣлать до смерти его.

И аще тако устроено будетъ у насъ въ Руси, то такожде, что у иноземцевъ, много будетъ вымышленниковъ: многіе бы острые люди и нарочно стали тшцатися, како бы что новое вымыслить, отъ чего ему поживитися.

А нынѣ у насъ за непорядочное гражданство гнѣсть добра много. Истинно надлежитъ сему гражданской уставъ учинить, чтобы за вымысль новаго какого мастерства или промысла отнюдь инымъ не попускать, дондеже живъ тотъ вымышленникъ.

То, на таковой указъ зря, много охотниковъ будетъ; а нынѣ многіе не смѣють вымысловъ своихъ объявить; понеже вымышляя и дѣючи пробу, изубытчтся, и егда достигнетъ и лишше начнетъ дѣлать, а другіе увидя у него, да и почнуть дѣлать тояжъ дѣла

и цѣну спустятъ ниже; и тако сами не найдутъ, а у вымышленника кормъ отнимають.

И тако есмь я: * а и у меня вымысловъ пять-шесть было пожиточныхъ, а покорѣнїя мнѣ не дали, и всѣ мои вымыслы пропали ни за что. Вельми бо годствуетъ о вымышленникахъ опредѣленїя учинить гражданское, твердое; то многіе вымышленники явятся.

Такожде и о художественныхъ дѣлахъ гражданской уставъ надлежитъ учинить, и ежебы надъ всякими мастерства устроить надзирателей, а наипаче надъ иконописцами, и надъ всѣми ими главнаго правителя приставить, и за всѣми мастерами и надзирательми прилежно ему смотреть, и мѣсто ему дать, гдѣ тѣ дѣла ему управлять, дабы всѣ мастера дѣла свои дѣлали самымъ тщательнымъ художествомъ безпорочно.

И во ученїи ихъ уставъ положить недвижимый: аще кто пойдетъ къ мастеру мастерства какого учиться, и аще и добръ научится, а безъ отпуску отъ мастера своего отойдетъ, то учинить ему наказанїе — отдать въ солдаты; а буде кто изъ офицеровъ или изъ иныхъ лицъ мочью своею и письмо отпускное у мастера возьметъ, а мастеръ шедъ къ командиру своему объявить, и то письмо по обличенїю будетъ отставлено, а заступника по указу оштрафовать, каковъ о такихъ людѣхъ указъ состоитъ.

А буде кой ученикъ и совершенно мастерства надлежащаго какого научится, а безъ отпуску отойдетъ, ни кому его не принимать ни къ каковымъ дѣламъ, но отослать его въ солдатство.

И за таковымъ укрѣпленїемъ не доживъ до срока, и не взявъ у мастера отпускнаго письма отходить не будутъ, и мастерству уже учиться будутъ прилежнѣе, а и мастера будутъ учить ихъ охотнѣе;

* У Ст. кто есмь я, а и пр.

и за таковымъ уставомъ и по неволѣ будутъ учиться добръ, и совершенно выучась и взявъ у мастера отпускъ высшему художественныхъ дѣлъ командиру покажетъ свое мастерство и отпускъ, то какъ ему той командиръ опредѣлитъ, ещель ему доучиваться, или у иныхъ мастеровъ изъ найма работать, или уже и самому ему мочно быть мастеромъ, то такъ тому и быть.

И аще кой ученикъ уже совершенно научился и въ разумъ уже совершенномъ, и освидѣтельствовать командиру съ товарищи и съ мастерами, и аще мастерство его чисто и честно, и порока никакого не имуще, то дать ему указъ полной, чтобы ему и дѣлать было свободно, и домъ мастерской имѣть, и учениковъ учить.

И кѣи мастера будутъ именитые, и домами мастерскими владѣть будутъ, то всѣмъ имъ, коемуждо имѣть у себя клеймо свое особенное, а и надзиратели такожде имѣли бы свои особенныяжъ клеймы.

И егда кой мастеръ сдѣлаетъ своего мастерства какую вещь, то мастеръ положилъ бы на той вещи свое мастерское клеймо. И буде кое мастерство будетъ въ свидѣтельство предъ надзирателемъ, и буде оно добро, то бы на той вещи приклеилъ и онъ своимъ надзирательскимъ клеймомъ.

И тѣ бы именитые мастера за учениками своими, за наемниками, смотрели накрѣпко, чтобы на мастерство его похулки какой не навели; потому что тѣ дѣла будутъ за его клеймомъ, и аще какая вина въ той вещи, въ матеріи или въ мастерствѣ явится, то оштрафованъ будетъ тотъ мастеръ, чье клеймо на немъ будетъ.

А штрафъ брать кромѣ оружейныхъ дѣлъ десятирично въ десять цѣнъ проданныхъ вещи. А буде кой мастеръ оружейный сдѣлаетъ какую либо пищаль изъ ломкаго желѣза или изъ мягкаго, да худо проварить, и въ стрѣльбѣ ее разорветъ, то на томъ масте-

рѣ, чѣе клеймо, взять штрафу во сто цѣнѣ тоя пицали, да ему же учинить наказаніе. А аще пицаль тверда и мастерствомъ добра, а къ стрѣльбѣ не цѣльна, то взять штрафъ десятиричной — за рубль десять рублей.

А аще кто сдѣлаеть замокъ пицальной плохъ и неогнисть, или шпагу, или палашъ, или копіе, или какое ни есть ружьё рукобитное безъ укладу, или же-льзо положить ломкое, то взять на немъ штрафъ двадцатный — за гривну два рубля.

А за прочія всякія желѣзныя мастерства, кои дѣлаются въ домовое строеніе, бѣде что сдѣлано будетъ изъ ломкаго желѣза, то за тѣ дѣла брать штрафъ десятиричной — за гривну по рублю.

А бѣде лавочникъ купить на продажу не разсмотря пороку, и будетъ продавать за доброс, то онъ заплатитъ штрафъ надлежащій купческаго регула, каковъ положенъ будетъ за продажу худыхъ товаровъ.

И аще мастеровымъ людямъ безъ свидѣтельства и безъ гражданскаго управленія не повельно будетъ своевольно дѣлать, то всѣ художники добрые обогатятся и прославятся, якоже и иноземцы; иноземцы такіе же люди, что и мы, да они гражданскимъ уставомъ тверды и въ мастерствѣ добры, а егда и у насъ гражданской уставъ будетъ твердъ, то могутъ наши художники и превыштити ихъ.

И тако годствуеть учинить, чтобы безъ вѣдома художественныхъ правителей и пришлый никакой мастеръ Русской или иноземець никакого рукодѣлія не дѣлалъ бы; но егда его освидѣтельствуютъ командиры съ товарищи, и какъ ему опредѣлять, такъ и быть.

А буде кто иноземець прїѣдетъ въ Русь художникъ добрый, мастерства именитаго и у насъ въ Россіи небывалаго, и такому надлежитъ дать домъ, и отдать ему въ наученіе челоувѣкъ десятокъ-мѣста или и больше, и учинить съ нимъ договоръ крѣпкой, чтобы онъ тѣхъ учениковъ училъ прилежно и нескрѣтно.

И буде станеть учить съ прилежаніемъ, и буде выучить противъ себя, то надлежитъ ему плата договорная дать и съ награжденіемъ за то, что онъ нескрѣтно училъ и скоро выучилъ, и отпустить его за море съ честію, чтобы на то воздаяніе зря и иные мастеровые люди выѣзжали, и всякія бы мастерства въ Руси размножали.

А буде кой иноземець, по древнему своему обыкновенію иноземческому, будетъ шмонить, о ученѣхъ учениковъ нерадѣть, но чтобы деньги выманить за море увѣхать,—и то его лукавство и правду мочно и въ полюдь узнать,—то съ чѣмъ онъ прїѣхалъ, съ тѣмъ и назадъ выслать его, нечестно, и чтобы онъ въ Руси у насъ не шатался, дабы на то зря впредъ для обману въ Русь къ намъ не прїѣзжали.

И кои ученики будутъ переимчивы, и мастерства какого совершенно научатся, еже противу заморскаго дѣлать, то учинить таковыхъ мастерами, и кормъ имъ учинить довольной, чтобъ могъ онъ обогатиться.

Въ Россійскихъ нашихъ правителяхъ есть разсужденіе на сіе дѣло самое нездоровое; ибо Русскаго челоувѣка ни во что ставятъ, и накормить его не хошутъ, чтобы онъ доволенъ былъ безъ нужды, и тѣмъ стѣсненіемъ принуждаютъ ихъ къ кражѣ и ко всякой неправдѣ и въ мастерствѣ къ нерадѣнію, но токмо учинять ему корму, чтобъ онъ токмо душу свою пропиталъ—дадутъ ему на день по пяти копеекъ,—и таковымъ кормомъ и себя одного не прокормить, а жену

и дѣтей чѣмъ ему кормить, только что по міру ходить, заневолю научать воровать, и въ мастерствѣ своемъ неправду дѣлать.

И такимъ своимъ разсужденіемъ Великому Государю дѣлають они великой убытокъ, а не прибытокъ; они мнятся тѣмъ учинить Великому Государю прибыль, что мастеровыхъ людей не кормятъ; а они тѣмъ великой убытокъ дѣлають. А и во всякихъ дѣлахъ правители наши за кроху умирають, а гдѣ тысячи рублей пропадаютъ, то ни вочто поставляють, и неданіемъ полного кормленія у Русскихъ людей охоту и къ мастерству прилежаніе тѣмъ пресѣкають, и размножиться доброму художеству не допускають. А кои ученики не весьма научились, тѣхъ бы отдавать тому, кои всесовершенно научился, доучитися, дабы и тѣ навывкали добрымъ мастерствомъ дѣла свои дѣлать.

А наипаче всѣхъ художествъ научиться надобно иконописцамъ иконнаго мастерства, чтобы имъ всесовершенную мѣру знать всякаго возраста человѣческаго и чинъ надлежащій.

А надзирателямъ надъ ними надлежитъ быть самымъ умнымъ и искуснымъ людямъ, и смотреть накрѣпко, чтобы не былъ въ нихъ ни единъ человѣкъ неумѣющій: и кои иконописатели не весьма искусны, то работалибъ они на мастеровъ, что имъ повелятъ писать, тобы и писали, а егда навывкнутъ, тогда могутъ и они мастерами быть.

И мнится мнѣ, что надлежитъ и съ великимъ запрященіемъ закрѣпить, чтобы несвидѣтельствованные иконники и неимѣющіе повелительнаго у себя указа, еже писать ему святыя иконы, отнюдь бы не писали.

Святое писаніе глаголетъ: яко проклять всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. А иконописное дѣ-

ло тому присутственно; понеже строятся онъ ради Божія чести, и тая честь восходитъ на самого Бога.

А такъ небрежительно ихъ пишутъ, что инныя иконы страшно и видѣти: инныя отъ незнанія своего пишутъ тако, что аще бы таковымъ размѣреніемъ былъ кто живой чловѣкъ, тобы онъ былъ страшилищемъ.

Въ начертаніи образа Богоматерина пишутъ: носъ долгой и весьма тонкой, и шею тонкую и долгую, у рукъ персты долги и весьма тонкіе, а концы у перстовъ острые, какихъ не видено ни у какого чловѣка, и ни въ коемъ чловѣкѣ не обрящещи, тобы было прямо противу сущаго чловѣчества. И таковое начертаніе стало быть образу святому руганіе.

Обаче кто издревль и писалъ отъ невѣденія своего неразмѣры чловѣческіе, той не погрѣшилъ; и Богъ на немъ того не взыщеть. И аще бо кой образъ написанъ по размѣру или не по размѣру, не тѣмъ онъ святъ, еже добръ написанъ или недобръ, но всякой образъ святится именемъ Господнимъ. Обаче намъ надлежитъ съ великимъ опасствомъ святыя иконы писати, дабы въ семъ не погрѣшити. И аще святаго коего либо образъ написанъ, то надлежитъ на немъ и Спасителевъ образъ написать, дабы отъ имени Иисусъ Христова той образъ святъ былъ

И аще у насъ многіе люди знаютъ размѣреніе чловѣческое, обаче надлежитъ сдѣлать азбуку Русскую, и написать ее Русскимъ манеромъ, а не Нѣмецкимъ, тобы она всякому чловѣку поемна была, и написать ее надлежитъ сицевымъ манеромъ: на первомъ листу написать чловѣка въ совершенномъ возрастѣ, стояща прямо, и руки разпростерты пряможе, и длани и персты прямо ноги (?) суща, и отъ пяты положить линею до темени; другую линею, рещи, черту, положить по-

перегъ правыя руки отъ средняго перста до средняго же перста, и на тѣхъ чертахъ размѣръ положить верхками, или по мѣрѣ головы человѣческія, или какъ надлежитъ. И на прочихъ листахъ начать азбуку: на первомъ листу написать младенца новорожденнаго, на второмъ—однолѣтнаго, на третьемъ—двулѣтнаго, и тако погодно написать до двадцати лѣтъ, а отъ двадцати до тридцатаго года прибавлять по два года, а отъ тридцати до девяностидесяти лѣтъ прибавлять по пяти лѣтъ, и всю тое азбуку написать нагими тѣлеса, а потомъ другую азбуку написать въ платьѣ стоящихъ и сѣдящихъ, и всякими разными видами, и состроя ее вырѣзать на мѣдныхъ доскахъ, и напечатать ихъ тысячу-мѣста, и во всѣ города разослать, и повелѣть всѣмъ иконникамъ писать противу тое азбуки, и сдѣлать ее во всю дѣсть.

А деревенскимъ мужикамъ и безграмотнымъ съ великимъ запрещеніемъ надлежитъ запретить, дабы отъ нынѣшняго времени не токмо деревенскіе, но и градскіе не взявъ о себѣ повелительнаго письма, отнюдь бы не писали. И какъ у насъ въ Россіи въ деревняхъ такіе мастера есть, что въ алтынъ и въ грошъ и въ копейку икону продають, и такъ плохо пишутъ, что ни рукъ, ни ногъ, только станъ, да голова; а гдѣ надлежало голову, глаза, да уста написать, то тутъ однѣ точки наткнуты, да то и образъ сталъ. И сего ради паче иныхъ художествъ надлежитъ надъ ними твердое смотрѣніе учинить.

О семъ же всячески надлежитъ потщиться, чтобы завести въ Руси дѣлати тѣ дѣла, кои дѣлаются изъ льну и изъ пеньки, то есть, трипы, бумазеи, рубки, миткали, камордки и порусинья полотна и прочія дѣла, кои изъ Русскихъ матеріаловъ дѣлаются: сіе бо вельми нужно,

еже кои матеріалы гдѣ родятся, тамо бы они и въ дѣло происходили.

Аще бы ленъ и пеньку, за моря не возя, дѣлать тутъ, гдѣ что родилось, то тыя полотна заморскаго вдвое или второе дешевле ставиться стануть, а люди бы Россійскіе богателись.

И ради размноженія таковыхъ дѣлъ учинить бы указъ, чтобъ нищихъ, по улицамъ скатающихся, и молодыхъ и средовыхъ хватать, и записавъ въ приказъ имать къ тѣмъ дѣламъ, и молодыхъ робять мужскаго полу и женска научить прядь, а подрослыхъ — ткать, а иныхъ — бѣлить и лощить; тобы они научась были бы мастерами. Я чаю, что мочно тѣхъ гуляковъ набрать тысячъ десятокъ-другой, и построя дома мастерскіе, науча тѣхъ гуляковъ-тунейдцевъ мочно ими много дѣлъ управить. Чѣмъ къ намъ возить полотна изъ нашихъ матеріаловъ сдѣланныхъ, то лучше намъ къ нимъ возить готовыя полотна.

И аще первые годы повидится оно и неприбыльно, и заморскихъ аще и дороже ставиться будетъ, и того страшитися не для чего, но поступать въ дѣлъ далѣе; и аще лѣтъ и пять-шесть совершенно не навькнуть дѣлать, то и о томъ сумнитися не надобно; потому что егда всѣхъ тѣхъ дѣлъ совершенно научатся, то годомъ-другимъ окупятся.

За моремъ хлѣбъ нашего дороже, а харчъ и наипаче дороже, а ленъ и пеньку отъ насъ покупають цѣною высокою, да страхъ морской платять, да двои пошлины и провозы многіе даютъ; обаче не лѣнятся, дѣлають изъ того льну и пеньки, аще и высокою цѣною тотъ ленъ и пеньку покупають, и пищу себѣ отъ того рукодѣнія приобрьтають, ибо сдѣлавъ полотна, паки къ намъ ихъ привозять и продають цѣною высокою; за трипъ берутъ по двадцати алтынъ и

больше за аршинъ, рубки продають алтынъ по со-року и по полтора рубли, а камордку — по двадцати алтынъ и по рублю аршинъ.

А у насъ въ Руси, я чаю, что рубокъ и въ двадцать алтынъ не станеть, и камордка аршинъ, чаю, что выше десяти алтынъ не станеть, и всякія дѣла, кои дѣлаются изъ льну и изъ пеньки, ниже половой цѣны ставиться будутъ; потому что хлѣбъ и харчъ у насъ тамошняго гораздо дешевле, а лень и пенька гораздо ниже половины тамошней ихъ цѣны купить мочно.

И егда тыи дѣла у насъ въ Руси уставятся, то чѣмъ имъ лень да пеньку продавать, лучше намъ продавать имъ готовыя полотна парусныя и канаты и камордки и рубки и миткали, и брать у нихъ за тѣ полотна ефимки и иныя потребныя намъ вещи.

Я чаю, что мочно намъ на всю Европу полотень наготовить, и предъ ихъ нынѣшнею цѣною гораздо уступнѣе продавать имъ мочно; и чѣмъ имъ отъ нашихъ матеріаловъ богатиться, то лучше намъ Росіянѣмъ отъ своихъ вещей питаться и богатиться.

Токмо трудно намъ тѣ заводы завести, да установить тѣ дѣла; а егда Русскіе научатся, и дѣла сіе установятся, то нельзя не волю имъ ставиться.

И ради царственнаго обогащенія надлежитъ на такія дѣла въ началѣ соорудить дома изъ Царскія казны на пространныхъ мѣстѣхъ въ тѣхъ городѣхъ, гдѣ хлѣбъ и харчъ дешевле, въ Заоцкихъ мѣстѣхъ, или гдѣ что пристойно дѣлать, и наложить на нихъ оброкъ, чтобы люди богатились, а Царская казна множилась. Такожде и въ прочихъ мастерствахъ, которыя царству пожиточны, а мастера маломочны, и собою имъ великихъ заводовъ завести нечѣмъ, то и таковымъ надлежитъ на созиданіе мастерскихъ домовъ давать

деньги изъ ратуши, или откуда Его Императорской Величество повелитъ, дабы всякія дѣла разширились; и не токмо на строеніе, но и на всякіе къ тѣмъ дѣламъ на надлежащіе инструменты и на всякіе припасы, чтобы въ удобное время всякихъ припасовъ припасали безъ оскуденія. И земскимъ бургомистрамъ за ними присматривать, чтобы напрасныя траты деньгамъ не чинили и не бражничалибъ, но употребляли бы въ сущее дѣло, и тѣ давныя деньги и прибыльныя по изложенію или по разсмотрѣнію исправленія ихъ погоднобъ брать. Такжеже надлежитъ достать и такихъ мастеровъ, кои могутъ дѣлать волоченное желѣзо мельницами, и жечь и кровельныя доски желѣзныя; и еще и съ трудомъ, а вельми ихъ надобно добыти, и отослать ихъ на Сибирскіе заводы, и чтобы тому мастерству и нашихъ Русскихъ людей научили.

Такжеже надлежитъ добыть мастеровъ, кои умѣютъ гладкіе и травчатые трипы дѣлать, такжеже и бумазейныхъ мастеровъ, и завести бы и такіе дворы, и учениковъ имъ дать, чтобы къ тому мастерству научить человекъ десятокъ-другой.

А буде кто изъ своея охоты заведетъ какія дѣла, царству потребныя изъ своего иждивенія, и тѣмъ людямъ такжеже указы бы дать, чтобы имъ повольно было гулящихъ робять мужеска пола и женска имать и учить, и науча, владѣти ими вѣчно, чьи бы они до поимки ни были, крестьяне или дворовые люди, быти имъ тутъ вѣчно.

И сичевымъ порядкомъ нищіе, бродяги и тунеядцы, всѣ изведутся, и вмѣсто уличнаго скитанія всѣ будутъ промышленники; и егда совершенно научатся и обогатятся, и будутъ сами мастерами, а царство отъ ихъ промыслу будетъ богатиться и славою разширяться.

Да хорошо бы добыть и красочныхъ мастеровъ,

кои умѣють дѣлать крутикъ и лавру, и киноварь и голубецъ, и баканъ Венецейской и простой, и ярь Венецейскую и простую, и шишгиль и прочія краски, иже дѣлаются отъ составленія матеріи изъ потошу, изъ малчуга, изъ мѣди, изъ олова, изъ свинцу, изъ сѣры, изъ мѣлу и изъ прочихъ и изъ иныхъ вещей, въ Руси обрѣтающихся.

А кои краски натуральныя, и тѣхъ надлежитъ съ великимъ прилежаніемъ искать Русскимъ охотникамъ и иноземцамъ, кои въ тамошнихъ своихъ краяхъ видали, въ каковыхъ мѣстахъ какія краски и потребныя матеріи, кои пригодны къ лекарственнымъ дѣламъ и къ красочнымъ и ко инымъ вещамъ, и обѣщать имъ плату хорошую за всякое обрѣтеніе.

И надлежитъ Его Императорскому Величеству призвать къ себѣ иноземцевъ, кои Ему Величеству Государю радѣтельные являются отъ военныхъ и отъ мастеровыхъ, наипаче же отъ докторовъ и аптекарей, кои выѣзжіе, то они о многихъ вещахъ знаютъ, а не худо и купецкихъ спросить, кои за моремъ бывали. Мнѣ сіе вельми дивно: земля наша Россійская, чаю, что будетъ пространствомъ не меньше Нѣмецкихъ, и мѣста всякія въ ней есть теплыя и холодныя, и гористыя, и моря разныя, морскаго берега колико подъ нами и смѣтять не возможно, — отъ Кольскаго острова если берегомъ ѣхать, то и годомъ всего его не изѣхать, — а никакія вещи у насъ потребныя не сыскалося.

Я и не большое мѣсто поѣздилъ, и хотя я и незнаючи ѣздилъ, обаче не туне моя ѣзда: сыскалъ я самородную сѣру, самую чистую, что подобна каменю янтарию, и во всей вселенной толико ея нѣтъ, колико у насъ; лекарственную матерію сыскалъ я, нарицаемую Гумъ сфальтумъ, и не вѣмъ колико ея за моремъ, а у насъ хотя пудъ сто мочно добыти; и

нефти сыскалъ я многое число; вохры и червлени, хотя и по тысячь тутъ можно добывати; и пументъ есть же у меня въ пріискъ; и я не знаю, чего бы у насъ въ Руси не сыскать; да мы не знаемъ, потому что за моремъ не бывали и въ таковыхъ мѣстахъ, что обрѣтается, не видали и не слыхали, а иноземцы, кои и знаютъ, да не хотятъ намъ объявить.

Я, истинно, отъ всего усердія своего радѣлъ, да нечего мнѣ стало дѣлать: за сѣрной пріискъ, истинно не лгу, обѣщаль Князь Борисъ Алексѣевичъ такое великое учинить награжденіе: ни дѣтямъ де твоимъ, ни внучатамъ не прожить будетъ; а сошлось мнѣ жалованья только пятьдесятъ рублевъ.

А я истинно Его Императорскому Величеству тѣмъ объявленіемъ сѣры сдѣлаль прибыль многотысячную, и въ военномъ дѣлѣ учинилъ помощь не малую. Если бы я годъ мѣста удержалъ ее за собою, тобы я рублевъ тысячу и другую ухватилъ. Въдаю я, что далъ бы мнѣ Князь Борисъ Алексѣевичъ по десяти рублевъ за пудъ, ежели бы порядкомъ мнѣ ставить: и если бы годы два-три поудержалъ ее за собою, то бы я великіе пожитки отъ нея нажилъ. И я оставя свою наживу, объявилъ ее того ради, что увидѣлъ я такую въ ней нужду, что уже по домамъ собирали не то, что фунтами, но гдѣ золотниковъ и пять-шесть сыщется, брали на пороховое дѣло. А егда я привезъ ее къ Москвѣ три бочки, и Князь Борису Алексѣевичу отдалъ, и иноземцы прѣѣхавъ къ нему, взяли по куску, и послали въ свои земли, и тѣ иноземцы видя, что удержаніемъ сѣры военнаго дѣла не остановити, повезли по прежнему къ намъ. И за помощію Божіею аще я за такое дѣло великое и ни чѣмъ и не взысканъ, обаче, слава Богу, что военное дѣло управилось.

ГЛАВА VI.

О РАЗБОЙНИКАХЪ.

О истребленіи разбойниковъ много взысканія чинится изъ давнихъ лѣтъ, и многіе сыщики жестокіе посылаемы бывали: якоже Артемій Огибаловъ, Евсигней Нееловъ, и прочіе подобныя тѣмъ. Обаче тѣмъ ничтоже успѣша; но всегда ихъ множество, и кромѣ Поморскихъ и Зоонежскихъ странъ во всѣхъ странахъ многіе разбои чинятъ, многія деревни и села великія разбиваютъ, и людей до смерти запытываютъ; и никогда тѣмъ разбойникамъ конца не будетъ, аще нынѣшняго судейскаго правленія не измѣнятъ, и отъ чего они родятся, если не пресѣчь.

Во всѣхъ государствахъ христіанскихъ и басурманскихъ разбоевъ нѣтъ такихъ, каковы у насъ въ Руси, а все отъ того, что тамъ потачки имъ ни малыя нѣтъ: въ тюрьмахъ долго не держатъ; когда кого поймутъ, тогда ему и указъ учинятъ; и того ради тамъ не смѣютъ и воровать много.

А у насъ, поймавъ вора или разбойника, не могутъ съ нимъ разстаться: посадятъ въ тюрьму, да кормятъ его будто добраго чловѣка, и держатъ въ тюрьмѣ

лѣтъ десять и двадцать, и въ такомъ долгомъ сидѣньѣ много ихъ уходятъ, а ушедъ, уже пуще стараго воровать стануть; и такого ради порядка надежно уже и воруяють.

И сыщикамъ, колико бы ихъ ни было, не истребить ихъ, аще не измѣнить о нихъ регула. Мое же мнѣніе объ истребленіи всеконечномъ воровъ и разбойниковъ лежитъ сице: буде Великій нашъ Государь повелить во всю свою державу послать указы написавъ сицевымъ подобіемъ.

Ежебы во всѣхъ городѣхъ и во всѣхъ слободахъ дворянскихъ, и у приказныхъ людей, и въ солдатскихъ, и посадскихъ, и въ ямскихъ, и въ иноземскихъ слободахъ, и въ селѣхъ, и въ деревняхъ, великихъ и малыхъ, Государевыхъ, и архіерейскихъ, и монастырскихъ, и помѣщичьихъ, и прочихъ, всякаго званія людей, яко у самѣхъ ихъ, тако и у людей ихъ и у крестьянъ, учинить сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ, и чтобы тыи десятскіе за своими десятками смотрели накрѣпко, чтобы никто и изъ высокихъ персонъ безъ вѣдома своихъ сотскихъ или пятидесятскихъ никуда не отъѣзжали, и куда кому случится вхатъ, тобы у сотскихъ или у пятидесятскихъ своихъ брали за ихъ печатями отпускныя письма, и въ тѣхъ письмахъ описывали именно, куды кто поѣхалъ и за какимъ дѣломъ, и на колікое время поѣхалъ, и людей съ собою колико взялъ и кого имяны.

Такожде и у бояръ во всѣхъ домѣхъ учинить сотскихъ, десятскихъ же и пятидесятскихъ и сотскихъ, надъ людьми изъ людей боярскихъ, а надъ господами изъ господъ же. И не то, что десятскіе, но и сами бы господа и люди между собою другъ за другомъ смотрели бы накрѣпко, чтобы отнюдь безъ вѣдома своихъ пятидесятскихъ никуда никто не ѣздили, и ночью по рою изъ домовъ своихъ не сходили бы. И аще и съ вѣдо-

ма куда поидуть, или съ отпускомъ куда поѣдутъ, то тын сотскіе и пятидесятскіе и десятскіе и рядовые крѣпко бы за ними смотрили, туды ли они поѣхали, куды просились; а буде поѣхали не туды, то надлежитъ ихъ вернуть назадъ и отослать къ суду; потому что аще кто явится на какомъ воровствѣ или на разбоѣ, и какая казнь будетъ вору, такая жъ казнь будетъ и сосѣдямъ, кои вѣдали, да молчали. А буде изъ большаго дому изъ боярскаго кто своруетъ что, то того дому всѣмъ дворовымъ, кои вѣдали да молчали, такая жъ казнь, и кои и не вѣдали, а того жъ дому, и тѣхъ кнудомъ бить, колико указано будетъ.

А буде кой сотской или пятидесятской, увѣдавъ за кѣмъ воровство, да умолчить, то горше вора приметъ муку и казнь лютейшую; а буде десятчики, какого званія ни буди, сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ будутъ непослушны, и на таковыхъ подавать имъ вышнимъ судьямъ извѣстіе, что чинятся имъ сильны: ходять и ѣздять по прежнему самовольно безъ ихъ вѣдома и судьямъ по таковыхъ ослушниковъ посылать солдатъ и приведа допрашивать накрѣпко, чево ради они сильны чинятся. И буде по свидетельству ослушаніе ихъ явится и не ради какого воровства, обаче за ослушаніе Государева указа, чинить имъ наказаніе, какъ о томъ уложено будетъ, чтобъ впредь такъ не дѣлали; а буде въ другой рядъ такожде учинятся ослушны, то уже разыскивать и въ застѣнкѣ. Изъ розыску аще явится, что они учинили не ради какого воровства, но отъ застарѣлаго своего своевольства или отъ гордости своей, ничтожа тѣхъ своихъ смотрителей, и за ту вину противу прежняго наказанія чинить сугубо, и для явнаго ихъ свидетельства по персту отсѣчь на рукѣ, или вмѣсто отсѣченія перстнаго наложить на рукѣ знакъ, чтобы значилъ сугубую ихъ вину. А буде кто явится въ таковой же

винъ въ третіе, то уже по трегубомъ наказаніи казнить его рукобъченіемъ или и вящше, какъ о томъ уложено будетъ.

А будеже ослушаніе чье явится ради какого воровства, то въ первой винъ казнить его смертию, или какое жесточайшее наказаніе чинить, съ запятнаніемъ на лицѣ и на рукахъ, дабы на то смотря всѣ впредь были Великаго Государя указу страшны.

А буде сотскаго или пятидесятскаго или и десятскаго своего чѣмъ обругаетъ руководзіемъ или и словеснымъ руганіемъ непристойнымъ, то въ десять мѣрь безчестіе имъ да запятать, увѣче же въ двадцать мѣрь.

И таковыя указы съ нарочными посльмищики разослать во всѣ города, указовъ ста по два-три или больше или меньше, смотря по количеству сель и деревень, чтобы всякому сотскому и пятидесятскому указъ былъ данъ печатный, и чтобы тѣ посльмные люди въ городѣхъ воеводамъ, или кому надлежитъ отдать (отдали?) тѣ указы именно съ росписками.

А городовымъ правителямъ тѣ присланные указы разослать немедленно во весь того города уездъ, чтобы тѣ посльмные люди всѣ села и деревни объѣхали подлинно, и пріѣхавъ въ село или деревню, изчислили бы мужескъ полъ по головамъ, и изо всякаго бы десятка мужеска пола выбрали по десятскому, а изъ пяти десятковъ — по пятидесятскому, а изъ десяти десятковъ — по сотскому, и выбрали бы тѣхъ сотскихъ и пятидесятскихъ не по дворовому числу, но по исчисленію головъ мужескаго пола. Аще и въ одномъ дворѣ будетъ мужеска пола десять человекъ, то выбирать изъ нихъ одного десятскаго; а буде въ коемъ дворѣ будетъ мужеска полу двадцать человекъ, то выбирать въ томъ дворѣ десятскихъ два человека; а въ коемъ дворѣ останется за десятниковъ человекъ

или два иль больше, то причислять ихъ къ другимъ десяткамъ, и набравъ десятскихъ, выбрать изъ нихъ, кои по просужбе, двухъ человекъ въ пятидесятскіе, а одного изъ нихъ же записать въ сотскіе. И выбравъ тѣхъ сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ, и записавъ ихъ имена въ книгу, наказать имъ накрѣпко, чтобы по тѣмъ Великаго Государя указомъ чинили неизмѣнно и неоплошно, не опасаясь никого; и тотъ Великаго Государя указъ созвавъ всю сотню и всѣмъ имъ прочесть въ слухъ дважды или трижды; дабы всѣмъ онъ былъ вѣдомъ и памятенъ, и никто бы невѣденіемъ неотымался, и при всѣхъ людѣхъ тѣ печатные указы отдать сотскому, а пятидесятскіе пятидесятскимъ обѣимъ по указу.

И отдавъ указы у старость тѣхъ жителей взять сказки съ великимъ подкрѣпленіемъ, что нѣтъ ли въ ихъ старошеньѣ какихъ воровъ или разбойниковъ или коневодовъ или татей или бѣглыхъ какихъ людей. А буде и небѣглые, да пришлецы зарубежскіе или вольные какіе люди, а нестаринные тутошніе жители, и аще изъ давнихъ лѣтъ живутъ, то всѣхъ бы тѣхъ объявляли и ни единого бы не таили; потому за ложную сказку великое и жестокое наказаніе со штрафомъ учинено будутъ; такожде и во иныхъ старощеніяхъ, не вѣдаютъ ли таковыхъ людей, или не держитъ ли кто у себя на дворѣ разбойнича стана—о всемъ бы именно объявили безъ утайки. А буде кто вѣдая о разбойникахъ, да утаитъ, тому будетъ смертная казнь.

И того ради сказывали бы не опасаясь ихъ воровъ или помѣщиковъ ихъ. А буде кто кого прикроетъ, и послѣди увѣдомится чрезъ выборныхъ, сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ, что они вѣдали про ихъ воровство, а не сказали, то тѣ сами постраждутъ, и казнь имъ будетъ такая же, какова ворами. А буде

сотскіе съ товарищи своими тѣхъ прежнихъ воровъ вѣдая не объявятъ, и объявить кто посторонній чело-вѣкъ, и нововыборнымъ сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ, тожь будетъ, что и старостамъ за утайку.

И о семь съ великимъ притуженіемъ спрашивать ихъ, чтобы паче огня боялись таковыхъ прикрывать, како-выхъ указъ требуетъ. Буде и за помѣщикомъ своимъ и за прикащикомъ вѣдаютъ какое воровство, или кто пото-енно у себя держитъ пришлыхъ какихъ людей, то и о таковыхъ отнюдь бы не таили и ихъ бы не опасались; потому что имъ уже конецъ будетъ, а свободы по прежнему уже не будетъ имъ, но что попалъ, то и пропалъ. И буде кто и потаитъ, и тому конецъ невозвратной же будетъ. И аще и свой братъ скажетъ про сосѣда своего, что онъ вѣдалъ, а не сказалъ, то тому, кто скажетъ, будетъ пожалованъ, а кто потаитъ, тому неотложная смерть. А буде кой староста или изъ рядовыхъ крестьянъ скажетъ про себя, что былъ съ помѣщикомъ своимъ или съ прикащикомъ на разбоѣ или на иномъ ка-комъ воровствѣ, то онъ въ винѣ той прощенъ будетъ; токмо на лице его пятно положить, чтобы онъ впредъ былъ знатенъ, а помѣщика или прикащика казнить смертію.

А буде на кого въ дву или въ трехъ деревняхъ скажутъ согласно, что разбои онъ держалъ, и выѣхавъ изъ тѣхъ деревень прѣѣхавъ въ иныя деревни, такожде сперва спросить у старосты, нѣтъ ли какихъ причинныхъ людей? и окончивъ его допросъ о его вѣдомствѣ такожде спросить: не вѣдаетъ ли кого и во иныхъ старощеньяхъ; и буде скажетъ про кого или и не про кого не скажетъ, обаче спросить про того именно, котораго прежде его облиховали, и хотя чуть призначить, что слухъ есть про такого чело-вѣка, а подлинно не знаетъ, и то такъ и записать.

И прїѣхавъ въ городъ тѣ сказки объявить воеводѣ, и воеводамъ по облихованныхъ людей посылать посылка большая, и прїѣхавъ посельщику у облихованныхъ людей въ домъ ихъ обыскать накрѣпко: нѣтъ ли какого излишняго ружья или платья, кое имъ неприлично, такожде, и иной всякой борошень пересмотрить, и нѣтъ ли какого потаеннаго мѣста, и нѣтъ ли тамъ какой потаенной похоронки. И буде у кого сыщется какое неприличное, то и безъ розыску будетъ онъ явенъ, что онъ таковской. Обаче въ канцелярію приведъ распросить его съ великимъ истязаніемъ. И буде не запрется, то по винѣ смотря и рѣшеніе учинить немедленно.

А буде станеть заператься, то пытатъ его жестоко, и спрашивать про товарищѣ его, и воруя, гдѣ онъ приставалъ, и гдѣ станъ имѣли, и кто про воровство его вѣдаетъ, сказалъ бы именно? Такожде и о иныхъ артеляхъ спрашивать. И буде вѣдаетъ, то сказали бы, гдѣ ихъ сыскать. И распрося, хотя кои во убійствѣ себя не оговорить, и разбойныя вины на себя не скажетъ, а окольныя сосѣды съ подкрѣпленіемъ скажутъ, что онъ виновенъ, то казнить ихъ по изложенію, чего будутъ достойны. А буде кто и самый вѣдомый и знатный разбойникъ, видя такой жестокой и твердый указъ, своєю волею явить себѣ и принесетъ повинную, то аще и челоуѣкоубійца былъ и разбойничьи станы у себя держалъ, или и атаманомъ былъ, а обѣщается впредъ того не дѣлать, и товарищѣ своихъ всѣхъ скажетъ и укажетъ, то такого челоуѣка не пытатъ, и отъ наказанія учинить свободна, а товарищѣ его всѣхъ казнить по изложенію; а у него только на щекѣ или на рукѣ положить знаки, чтобы всякъ могъ его знать, еже былъ самый явный воръ и покался, и пустить его свободна. А буде станеть онъ впредъ Ве-

ликому Государю радѣть и воровъ провѣдывать, и его раднѣемъ еще будутъ сысканы какіе разбойники и иныхъ артелей, то надлежитъ ему дать и жалованье.

А буде же тотъ воръ по показаніи своемъ да паки на тотъ же свой воровской промыслъ обратитя, то уже ему жесточайшая казнь учинить колесованная или ребро повѣшаніемъ.

И приказать всѣмъ сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ и сосѣдямъ, чтобы всѣ смотрѣли, еще къ кому прїѣдутъ ночевать или и обѣдать, а воевъ съ ними торговыхъ нѣтъ, то сошедшия, спрашивать бы у нихъ, кто они таковыя, и откуда, и куды ихъ путь? И буде скажутъ, откуда ихъ путь и куды, то спросить у нихъ отпуску отъ ихъ сотскихъ и пятидесятскихъ; и буде отпускъ безспорно покажутъ, и съ словами ихъ отпускъ будетъ сходенъ, то по та и дѣло ихъ; а буде отпускъ съ словами ихъ будетъ не сходенъ, или признають что онъ не правой, а наипаче еще стануть въ словахъ мяться или будутъ гордо говорить, то взявъ ихъ и связавъ отвозили къ суду; а буде не стануть даваться, то и за боемъ ихъ имать, и еще на той поимкѣ и до смерти кого убьютъ, и за то поимщикамъ никаковы бѣды не будетъ.

А буде гораздо ихъ людно, и призначитя, что они люди причинные, то повѣстить окольнымъ деревнямъ, чтобы пришли и помогли ихъ перехватать. А буде коя деревня по повѣсткѣ на поимку не поидеть, и старосту того или сотскаго, кой на поимку не пошелъ, казнить по указу, а рядовыхъ всѣхъ бить кнутомъ. А буде староста и сотской и десятскіе наряжали, и рядовые не послушали ихъ, и на поимку не пошли, то староста съ товарищи свободны, а рядовыхъ за ослушаніе ихъ всѣхъ казнить неотложно, какъ о томъ уложено будетъ. А буде кои люди и добрые, и отпускъ у

нихъ есть правой за печатью сотскаго или пятидесятскаго, а ради своей гордости отпуску своего не покажутъ, и сошедшимся крестьяномъ будутъ противиться, и таковыхъ людей имать къ суду, и передъ судьейо буде во упорствѣ своемъ повинятся, и скажутъ, что ничтожа крестьянъ, отпуску своего не явили, и за то скинувъ рубаху, высѣчь ихъ батоги, да на нихъ же доправить штрафу, почему уложено будетъ.

И ради таковыхъ упорныхъ людей указъ сказать сотскимъ, чтобы и окольныхъ мѣсть сотскіе понедельникно присылали изъ своихъ сотенъ чловѣка по три или по четыре въ тѣ деревни, кои стоятъ на большихъ проѣзжихъ дорогахъ; и ради озарниковъ и въ малыхъ деревняхъ, кои на большихъ дорогахъ, держать изъ разныхъ сотенъ чловѣкъ по десятку, а въ большихъ чловѣкъ и по двадцати или больше, смотря по проѣзду, чтобъ свидѣтелями были на сильныхъ азарниковъ и на упорныхъ людей, а на разбойниковъ ради поимки.

И противо вышеявленнаго предложенія аще тако состоится, то, я чаю, разбой однимъ годомъ потухнуть, а другимъ, чаю, что и слуху про нихъ не будетъ. Токмо надобно судьямъ положеніе то хранить, чтобъ ничего изъ него не изронить. А аще не нарушится тотъ указъ, то чаю, что во вѣки разбоевъ у насъ въ Руси не будетъ.

Воровъ и разбойниковъ и нынѣ не вельми было, аще бы имъ отъ судей потачки не было: тѣ бо егда увѣдаютъ, что пойманъ воръ или разбойникъ, то и спросятъ, чей онъ крестьянинъ? и егда услышатъ, что онъ сильнаго лица или не-сильнаго, да ябетоватаго или свойственнаго себѣ, или хлѣбосольца, то, догожая помѣщикамъ тѣмъ, отускаютъ и безо мзды на волю; и тѣи крестьяне или

дворовые люди, надбючись на тѣхъ своихъ помѣщиковъ, смѣло воруютъ.

А у коихъ разбойниковъ денегъ довольно, то тѣ деньгами откупаются. Въ прошломъ 719 году былъ я въ приказѣ провинціального суда: при сидѣньѣ Ивана Мякина приведенъ былъ нѣкто дворянинъ Скрыплевъ, и собою онъ человекъ, а на шеѣ у него цѣпь, а на ногахъ желѣза, и я види его спросилъ: въ какомъ дѣлѣ сидитъ? И сказали про него: дѣло де до него великое, и живу де ему не чаемъ быть. Ажно и ничего ему не доспѣлось, молитва денежная помогла ему. Господинъ судья сдѣлалъ его права и здрава. И ѣдучи я къ себѣ на заводъ на Держковъ волоку спросилъ про того Скрыплева; и тамошніе жители сказали про него, что великой де азарникъ и губитель: человекъ де пять-шесть пошло отъ его рукъ; однако судьи милостивые помиловали его.

И сицевыя ради причины мнѣ такъ, еже бы паче воровъ и разбойниковъ дать страхъ судьямъ и подьячимъ; егда бо и подьячіе не стануть ворами потакать и беречь ихъ не будутъ, то и судья трудно будетъ содѣять безъ подьяческаго письма, достойнаго смерти на волю свободить. Мнѣ мнѣтся: лучше ради всеконечнаго разбойнича истребленія древніе указы многоплодные всѣ отставить, и учинить указъ новый, краткостной. Прошлаго 719 году въ Юстицъ Коллегіи указъ о истребленіи разбойниковъ аще и съ новою поправою сочиненъ, и печатные листы напечатаны съ великимъ подкрѣпленіемъ, и по городамъ разосланы, обаче нѣсть въ немъ ни малыя пользы: ибо по старому вездѣ разбой чинятся, деревни разбиваютъ и сожигаютъ, и крестьянъ жгутъ; понеже въ томъ указѣ всѣ древніе указы собраны, и не весь онъ новый сочиненъ. А въ древнихъ указахъ уставлено

*

было, что поймавъ разбойника, пытать трижды, и на очныхъ ставкахъ съ товарищи паки пытать. И бываетъ инымъ ворахъ застѣнковъ по десяти и по двадцати; и въ таковыхъ многихъ пыткахъ держали ихъ многіе годы; и сидя въ тюрьмѣ, токмо пакости однѣ отъ нихъ чинятся.

А аще бы поймавъ вора и разбойника, привесть въ приказъ, распросить его дробненько и умненько, то онъ и въ распросѣ означится, прямой ли онъ воръ или непрямой. И аще будетъ мяться и чистой правды не скажетъ, то мочно и страхъ ему задать, чтобы онъ допросъ свой очистилъ прямо; и егда повинится, то веторопясъ надлежитъ его спросить: давно ли онъ воруетъ, и гдѣ воровалъ, и гдѣ приставалъ, и куды краденой животь дѣвалъ, или на сбережъ къ кому положилъ, и до воровства чѣмъ кормился, и чего ради настоящій свой промыслъ покинулъ, и помѣщикъ его или прикащикъ или сосѣды въдалилъ про то его воровство, и староста и сотскіе съ товарищами своими въдалилъ? Кто изъ нихъ и буде въ дробныхъ допросѣхъ будетъ запирается, а прямо очищать не будетъ, то аще и поздно, а до завтра отнюдь бы не откладывать, и тогожъ часу и пытать его, чтобы онъ ни съ кѣмъ съ прежними ворами не видался. И аще старыхъ сидѣльцовъ въ тюрьмѣ и не будетъ, единаче пытки до утра не отлагать, чтобы онъ не надумался. И аще изъ пытки ясно не скажетъ, то на иное утро паки пытать и огнемъ, жечь. И буде и съ огня ясно про воровство свое не скажетъ, а доводъ на него будетъ явной, то не отлагая вдаль, отдалибъ вершить его, какъ о томъ изложеніе будетъ повелѣвати.

А буде кой воръ въ первомъ распросѣ безъ пытки повинится во всемъ своемъ воровствѣ ясно, и о всемъ своемъ бытіи противъ вышписаннаго скажетъ, то,

миѣ мнитсѣ, такового не для чего и пытатъ, но готовитъ его къ рѣшенію. А буде помѣщикъ его или прикащикъ про воровство его, или и иной какой командиръ, вѣдалъ, то по розыску чинитъ имъ то же, что и вору, или еще жесточайшую казнь, дабы на то смотря иныя наказались, и никто бы впредъ, воровъ, вѣдая, не прикрывалъ; такожь и сосѣды его буде вѣдали за нимъ такое воровство, а не объявляли, то и имъ чинитъ указъ по изложенію. А буде у кого въ дому воры приставали, и изъ его дому вѣзли разбивать, и съ нимъ дѣлились, то тотъ становщикъ съ ними жъ да осужденъ будетъ безъ всякаго отлагательства, казненъ по указу, а домъ его весь до снованія разорить, и нѣсколько лѣтъ тому мѣсту лежать пусто, дабы всѣмъ людямъ было явно и памятно, что въ томъ дому былъ ворами станъ, и по такой признакъ и малые ребята будутъ памятовать.

Аще кой воръ съ розыску или безъ розыска скажетъ про своихъ товарищей, кои съ нимъ воровали, и дома ихъ объявитъ, то аще въ близости дома ихъ, послать по нихъ не медля, дондеже *» тотъ воръ не свершенъ, а буде верстахъ во стѣ или далѣе, то ево вершить, а по нихъ послать посель, дабы въ дальнихъ откладахъ дѣло не медлилось.

Слухъ есть про иноземцевъ, что они воровъ долго не держатъ, что лише същутъ вину ево, то тотъ часъ и казнятъ, и не токмо за разбой великой и душегубной, но и за кражу вѣшаютъ, и того ради и воровать не смѣютъ.

А у насъ древніе указы на воровъ вельми учинены милостиво ворами, а кого ограбятъ, тѣмъ уже весьма

* Следующее между «—» добавлено изъ списка Стр.; въ моемъ пропускѣ.

не милостиво: не точію за малую кражу повѣсить, но и за тысячу рублей не повѣсять, и того ради и поимки не весьма боятся.

А если бы и у насъ въ Русіи воровъ и разбойниковъ вскорѣ вершили, и по иноземски и за старыя вины смерти предавали безъ спуска и безъ отлагательства, то вельми бы страшно было воровать.

Нынѣ такъ дьяволъ ихъ умножилъ, аще кой крестьянинъ хотя десятковъ пять-шесть наживетъ, а воры ближніе то увѣдавъ, пришедъ на дворъ, да и совсѣмъ ево разорятъ, и допытываясь денегъ многихъ и до смерти замучиваютъ, а сосѣди все слышать и видать, а на выручку къ сосѣду своему нейдутъ, и ворами даютъ волю.

И ради охраненія отъ таковыя гибели всѣмъ крестьянамъ надлежитъ Великаго Государя указъ сказать новостный: буде съ нынѣшняго времени на дворъ къ кому какіе воровскіе люди придутъ, то не токмо тое деревни жители, и изъ окольныхъ сель и деревень, и дворяне изъ своихъ усадьбъ, аще услышатъ шумъ или повѣстку, а на поимку воровъ не пойдутъ, то всѣхъ сусѣдей бить кнутомъ, дальнихъ полегче, а ближнихъ поболье, да на нихъ же всѣхъ доправитъ того грабленнаго крестьянина убытокъ, колико тѣ воры взяли, сугубо, и отдать грабленному. И сіе новое о всеконечномъ * воровъ и разбойниковъ и бѣглыхъ людей изложеніе трудно токмо сперва будетъ, что безъ письменнаго отпуску изъ дому своего далѣе десяти верстъ отнюдь не ѣздить, и въ ночи и въ другую деревню, хотя въ верстѣ, не исходить, а въ городѣхъ ночьюю и въ другую свободу отнюдь неисходножъ. И аще сіе установленіе годъ мѣста и помнется, а егда обыкнутъ, тогда и легко бу-

* Существительное пропущено въ обоихъ спискахъ.

детъ. А письменными отпусками весьма разбой останавливаются; потому что разбойники не изъ воды выходятъ, но изъ тѣхъ же сель и деревень, и сосѣду про сосѣда никоими дѣлы не вѣдать не мочно, чѣмъ кто промышляеть и куды кто ѣздитъ.

А и скопляются они не на воздухъ, но въ тѣхъ же деревняхъ, и ни коими дѣлы не возможно имъ отъ сосѣдей своихъ весьма утаиться; того ради и сосѣдамъ тая жъ казнь чинить что и вору, понеже они всѣ вѣдаютъ, кто воруеть иль кто торгуеть, а не извѣщаютъ.

Аще бы сосѣды видя за сосѣдомъ своимъ худой промыслъ не молчали, то никакъ бы деревенскимъ мужикамъ на разбой ходить, а и дворяномъ трудно у крестьянъ своихъ утаиться; и за сицевымъ уставомъ никоими дѣлы разбойникамъ будетъ плодиться нельзя. И егда лѣтъ десятокъ мѣста въ таковой крѣпости побудутъ, то уже и безъ писемъ ходить и ѣздить будетъ мочно; только бы судьи въ дѣлѣхъ своихъ были бы крѣпки, и Его Императорскаго Величества новаго изложенія не нарушили; понеже всякое дѣло крѣпко постоянствомъ. Намъ нечего дивиться иноземцамъ, что у нихъ воровства мало; себо у насъ въ Россіи и самыя безхлѣбныя мѣста и Поморскія и Заонежье, и у тамошнихъ жителей ни разбоевъ, ни татей нѣтъ: буде кто въ лѣсъ пойдетъ, буде станеть ему тепло, то онъ шубу или кафтанъ верхній снявъ съ себя повѣситъ на дерево, и назадъ идучи и возьметъ; паки лошадей молодыхъ спускать въ лѣсъ весною, а сыскивають уже послѣ Покрова по заморозью. Чегожь ради такъ тамъ дѣется? явѣ есть всѣмъ, что потаенія ворами нѣтъ. Буде кто въ воровствѣ явится, то вмѣсто тюрьмы посадятъ его въ воду; и того ради и крѣпко у нихъ, и никто чужаго ина лѣсу лежащаго взять не смѣеть.

* Сотскимъ и пятидесятскимъ надлежитъ отпуски давать сице: аще кому ѣхать на иной городъ на долгое время, то давать имъ отпуски на цѣлыхъ листахъ или на полулистъ, и въ тѣхъ отпускахъ писать именно, куда онъ поѣхалъ и за какимъ дѣломъ, и къ тѣмъ отпускамъ, буде сотскій отпускъ даль одинъ, то и печать ево бы была; а буде пятидесятской отпустить, то и печать бы была пятидесятскаго; а буде оба вмѣстѣ отпустили, то и печати бы обоихъ были, которыя будутъ присланы имъ отъ воеводы; и прикладывать тѣ печати вмѣсто руки у всякаго отпуса при концѣ письма вмѣсто закрѣпы.

Всякому сотскому сдѣлать книга записная, и пятидесятому такожде своюжъ, и тѣ отпуски записывать имъ въ тѣ книги именно, куда онъ отпущенъ. И егда съ тѣмъ отпускомъ прибудетъ въ уреченное мѣсто, то тогожъ числа явиться ему тутошнему сотскому или пятидесятому, и чтобы сотской прїездъ его записалъ въ книгу, и на отпускъ подписалъ коего числа объявился. **

А егда тотъ проѣзжій человекъ дѣло свое управитъ, то на томъ же его отпускъ подписать тутошнему сотскому именно, колико дней или недѣль прожилъ, а оттуда, куда онъ поѣхалъ, и къ тое подпискѣ приложилъ бы свою печать, а сколько времени онъ тутъ былъ именно, записалъ бы бытіе его у себя въ книгу. И куды онъ съ тѣмъ паспортомъ ни прїедетъ, и колико дней гдѣ пребудетъ, всѣбъ тѣ сотскіе и пятидесятскіе бытіе его подписывали, хотя гдѣ и одинъ день пребудетъ, всебы по вышеписанному чинили, а безъ записки отнюдь бы не отпускали.

* У Стр. слѣдующее подъ заглавіемъ: о отпускимъ писмахъ.

** У Стр. одинъ левисл.

А которые люди поѣдутъ или пойдутъ на малое время только побывать за чѣмъ въ другую волость, то отпуски писать на четвертинкѣ листа или на осьмушкѣ, и написавъ такожде конецъ письма печать прикладывать, а тѣ малые отпуски, кто пойдетъ или поѣдетъ дня на три или начетыре, записывать въ записную книгу недля чего.

А буде кто поѣдетъ на недѣлю или на двѣ, то такихъ отпусковъ нельзя въ книгу не записать; потому что въ долгое время не явился бы въ какой причинѣ. А буде гдѣ кто явится безъ такого отпуску, то тѣхъ людей ловить и отсымать къ суду.

Такожде аще кто и отпускъ явить, да печать не того сотскаго, откуда онъ отпущенъ, или иная какая посторонняя печать, то такожде и тѣхъ имать и къ суду отсымать. А прѣбхавъ домой, тѣ паспорта отдавать сотскимъ назадъ, а дома ихъ не держать. И аще сперва повидится сіе дѣло и трудновато, а егда обькнеть, то и тягости никакой не будетъ.

И за такимъ укрѣпленіемъ, я невѣмъ, какъ бы разбойникамъ собиратися, и станы имѣть по деревнямъ, и на разбои по прежнему ѣздить? И аще и въ лѣсу соберутся, да въ деревнѣ нигдѣ явиться имъ безъ таковыхъ отпусковыхъ писемъ не можно.

А бѣглымъ солдатомъ и крестьяномъ вельми будетъ трудно проходить и одною головою, а съ женами и съ дѣтьми и съ мѣста своего тронутися будетъ никакъ: всѣ пути имъ будутъ заперты.

Токмо надлежить указъ жестокой сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ предложить, чтобъ они ни рядовые крестьяне, ни по коему образу никакого челоуѣка, ни бѣльца, ни чернца, ни нищаго, безъ такоуго отпуску на дворъ не токмо ночевать, но и погрѣть-

ся отнюдь не пускали, а кто понахалится, то тѣхъ бы хватили, да къ суду отсылали.

Такожде, буде какіе люди будутъ около деревни обходить, или по проселочнымъ дорогамъ прониматься, то такожде хватать и къ суду отсылатъ не мотчавъ.

И ради печатанія тѣхъ отпускныхъ писемъ всякой воевода изчислилъ бы, колико въ уѣздѣ его сотскихъ и пятидесятскихъ; и колико въ коемъ урочищѣ ихъ будетъ, велѣлъ бы *... добрымъ мастерамъ на всякаго сотскаго и пятидесятскаго по печати, чтобъ всякая печать значила, коего уѣзду и коего урочища, и чтобъ и печать съ печатью сходна не была.

И тѣ печати разослать къ тѣмъ сотскимъ и пятидесятскимъ. И егда кой сотской напишетъ отпускъ, то и печать свою, коя ему дана, въ концѣ того письма припечатать. А буде пятидесятской отпускъ напишетъ, то онъ бы и свою печать приложилъ. И егда признаются, то всѣ будутъ знать тѣ печати, и никто обманомъ пройти не можетъ; потому что хотя сотскіе погодно будутъ перемѣняться, а печати всегда однѣ будутъ.

* Глагола недостаетъ въ обоихъ спискахъ.

ГЛАВА VII.

О КРЕСТЬЯНСТВЕ.

Крестьянское житіе скудно ни отъ чего инаго, токмо отъ своея ихъ лѣности, а потомъ отъ неразсмотрѣнія правителей, и отъ помѣщичья насилія, и отъ небреженія ихъ.

Аще бы Царскаго Величества поборы были расположены по владѣнію земли ихъ, колико кой крестьянинъ на себя пашеть, и поборы собирали бы съ нихъ въ удобное время, а помѣщики ихъ излишняго ничего съ нихъ неимали, и работы бы излишнія не накладывали, но токмо и подать свою и работу налагали по владѣнію земли ихъ, и смотрѣли бы за крестьянами своими, чтобъ они кромѣ ведѣльныхъ и праздничныхъ дней не гуляли, но всегда бѣ были въ работу, то никогда крестьянинъ весьма не оскудѣетъ. А буде кой крестьянинъ станетъ лежобочить, то бы таковыхъ жестоко наказывали, понеже кой крестьянинъ изгуляется, въ томъ уже пути не будетъ, но токмо уклонится въ разбой и во инья воровства.

Крестьянину надлежитъ лѣтомъ землю управлять меоплошно, а зимою въ лѣсу работати что надле-

жить про домашній обиходъ или на люди, отъ чего бы какой себѣ прибытокъ учинить.

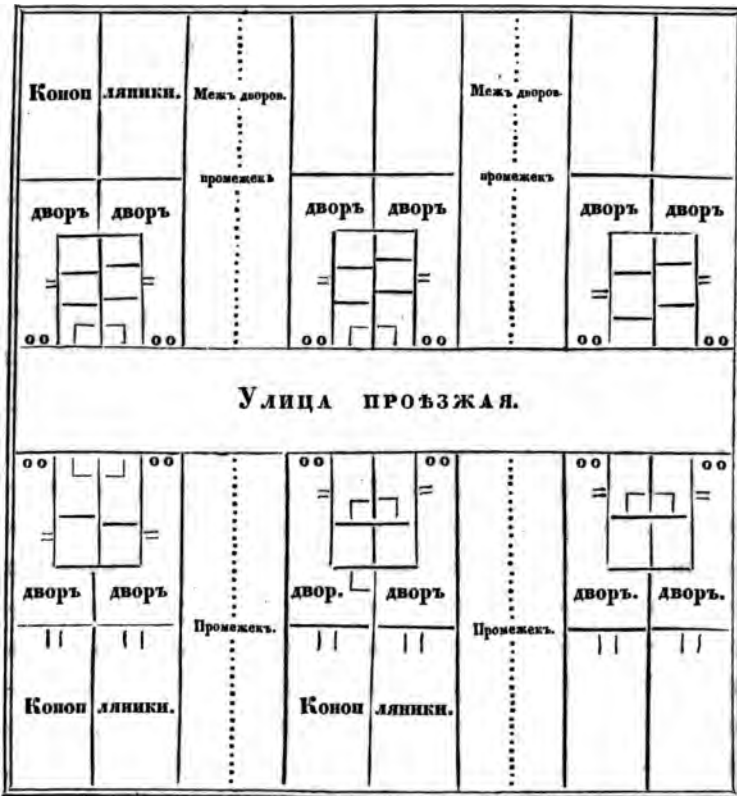
А буде при дворѣ своемъ ни какой работы пожиточной нѣтъ, то шелъ бы въ такія мѣста, гдѣ изъ найму люди работаютъ, дабы даромъ времени своего не теряли. И тако творя никакой крестьянинъ не оскудѣетъ.

И къ такому крестьянскаго житія охраненію надлежитъ приложить и сіе, ежебы и дворы ихъ перестроити, дабы имъ свободнѣе и покойнѣе было жить; понеже отъ тѣсноты крестьянство вельми разоряется: потому въ тѣснотѣ еще у кого одного загорится дворъ, то вся деревня выгоритъ, и иногда и одного двора не останется. И такъ погарають, что у инаго ни хлѣба, ни скота, не останется. И отъ того во всеконечную скудость приходятъ. Аще бы селитьбою ихъ не тѣснили, тобы гибели имъ такой не было.

И отъ такого ихъ разоренія надлежитъ имъ учинить охраненіе: дворы ихъ вельтъ строить пространнѣе, и не сплошь дворъ подлѣ двора, но съ переступкою, гнѣздами, и улицы сдѣлать широкія на пространныхъ мѣстахъ саженъ по тридцати шириною, а и гдѣ и тѣсно мѣсто, то и тутъ бы меньше двадцати саженъ улицъ не дѣлать: того ради, аще у кого загорится, то всѣ бы сосѣды бѣжали отнимать; егда межъ дворовъ будутъ промежки свободныя, то со всѣхъ сторонъ отнимать будетъ свободно, и тѣмъ двумъ дворамъ вовсе сгорѣть не дадутъ; потому что сосѣды по прежнему не кинутся за уборомъ домовъ своихъ, но всѣ будутъ отнимать у того, у кого загорѣлось. И въ нынѣшнемъ селеніи никонми дѣлы во время западенія сосѣдамъ помощи подать не можно; понеже всѣ мечутся за своими уборы; обаче не вся убраться могутъ, но у всѣхъ не безъ погибели бываетъ. И тако

вси погибають, и отъ того въ самую нищету приходять.

И аще Великій нашъ Государь сожалья о крестьянствѣ повелить дворы крестьянскіе въ селѣхъ и въ деревняхъ построи гнѣздами, то надлежитъ всѣмъ помѣщикамъ указъ сказать, чтобы они какъ мочно, хотя не вдругъ, но помаленьку, а всѣ бы дворы перестроили, по два двора вмѣстѣ, да два промежка межъ дворами порозжіе сицевымъ манеромъ:

И аще тако построено будетъ, то отнимать во время пожара со всей стороны свободно будетъ, и ни какому двору вовсе сгорѣти не дадутъ.

А егда отправлены будутъ валовые писцы или межвщики. и тогда однимъ разомъ всѣ дворы перестроить, и землю имъ разверстать надлежитъ крестьянину на цѣлый дворъ, и колико на полдвора и на четверть двора, и по той землѣ расположить имъ подати, надлежащія въ казну Царскаго Величества, и прочіе поборы по расположенію, дабы всякому крестьянину сносно было, и обиды бы убогому передъ богатымъ не было, но всѣмъ бы уравненіе было определенное по владѣнію ихъ.

Паки крестьянству чинится великое разореніе отъ разбойниковъ; ибо еще въ коей деревнѣ десятка два три или и гораздо больше, а разбойниковъ еще и не великое число придетъ къ кому на дворъ, и стануть его мучить, и огнемъ жечи, и пожитки его явно на возы класть, а сосѣды все слышать и видять, а изъ дворовъ своихъ не выдутъ, и сосѣда своего отъ разбойниковъ не выручаютъ. И такого ради порядка разбойники по своей волѣ чинять, и многихъ крестьянъ и до смерти замучиваютъ: и того ради не можно никакому крестьянину богатому быть.

И ради охраненія отъ таковаго ихъ разоренія надлежитъ во всѣхъ селахъ и деревняхъ указъ сказать крѣпкой, что если къ кому прїѣдутъ разбойники, а сосѣды того села или деревни на выручку сосѣда своего и на поимку разбойниковъ не пойдутъ, то всѣхъ тѣхъ сосѣдей бить кнутомъ; а что пограбятъ разбойники за ихъ невыручкою, то править на нихъ сосѣдяхъ сугубо.

А буде разбойниковъ прїѣдетъ много, и имъ своею деревнею не удержатъ ихъ, то тѣмъ сосѣдамъ добывать въ окольныя деревни, и повѣстять, чтобы всѣ шли поголовно мужики срослые съ ружьемъ и съ

крючемъ и съ дубьемъ на похику тѣхъ разбойниковъ. А буде изъ коей деревни не пойдуть, то и тѣхъ бить кнутомъ, и пограбленный пожитокъ въ платежъ той деревнѣ, въ коей разбой былъ, помогать.

А буде за ихъ невыручкою до смерти кого заму-чать, то за голову пятьдесятъ рублей, или и больше, колико уложено будетъ, доправить на всѣхъ тѣхъ, кои на выручку не пошли.

Аще бы крестьяне жили всѣ въ одну душу, другъ друга береглибъ, и другъ за друга стоялибъ, тобы разбойникамъ и помыслить на нихъ никакъ было, ежебы ихъ нагло прѣхавъ разбивать и огнемъ жечь. И аще бы и между собою крестьяне жили союзно, и другъ другу обидѣ не чинили, тобы всѣ крестьяне были сыты, и было житіе ихъ святое.

Паки немалая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ. Аще въ коей деревнѣ дворовъ двадцать и тридцать, а грамотнаго челоуѣка ни одинаго у нихъ нѣтъ, и какой къ нимъ не прѣдетъ съ какимъ указомъ, или и безъ указа, да скажетъ, что указъ у него есть, то тому и вѣрять, и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки; потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, ни разумѣютъ. И того ради многіе и безъ указу прѣхавъ пакости имъ чинятъ великія, а они оспорить не могутъ; а и въ поборѣхъ много съ нихъ излишнихъ денегъ емлютъ, и отъ того даровой пріемлютъ себѣ убытокъ.

И ради охраненія отъ таковыхъ напрасныхъ убытковъ, видится, не худобъ крестьянъ и поневолишь, чтобъ они дѣтей своихъ, кои десяти лѣтъ и ниже, отдавали дьячкамъ въ наученіе грамоты, и науча грамотъ и учили бы ихъ писать. Я чаю, не худобы было

такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безъ грамотнаго человѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ, и положить имъ срокъ годы на три или на четыре.

А буде въ четыре года дѣтей своихъ не научать, также кои ребята и впредь подростутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и страхованіе.

А егда грамотѣ и писать научатся, то они удобнѣе будутъ не токмо помѣщиковъ своихъ дѣла править, но и Государевымъ дѣламъ угодны будутъ, наипаче въ сотскіе и въ пятидесятскіе вельми будутъ пригодны, и никто уже ихъ не избидитъ, и ничего съ нихъ напрасно не возьметъ.

А чаю, не худо указъ послать и въ низовые города, чтобы и у Мордвы дѣтей брать и грамотѣ учить отдавать, хотя бы и насильно. А егда научатся, то и самимъ имъ слюбится; потому что къ нимъ паче Русскихъ деревень, пріѣзжая солдаты и приставы и подъячьи, овогда съ указомъ, овогдажъ и безъ указа, и чинять, что хотятъ; потому что они люди безграмотные и беззаступные. И того ради всякой ихъ избиваетъ, и чего никогда въ указъ не бывало, того на нихъ спрашиваютъ, и правежемъ правятъ.

А егда дѣти ихъ научатся грамотѣ, то грамотные будутъ у нихъ владѣтелями, и по прежнему въ обиду ихъ уже не дадутъ, и будутъ свою братью отъ всякихъ напрасныхъ нападковъ оберегать.

А иные, выучась грамотѣ, познають святую христіанскую вѣру, возжелаютъ и креститься, то тѣ грамотники мало по малу иныхъ свою братью къ христіанской вѣрѣ приводить будутъ.

И кой Мордва иль Чувапъ или Черемиса крестится, то тѣхъ уже воеводомъ и всякимъ правителямъ и приказнымъ людямъ надлежитъ почитать, и всячески ихъ утѣшать, и беречь ихъ паче некрещенныхъ, и во всемъ отъ некрещенныхъ чинить имъ милостивую отмѣну, чтобы некрещенные крещенымъ завидывали.

Да крестьяномъ же и Мордвѣ указъ Великаго Государя сказать, чтобы между собою жили любовно, другъ друга ничѣмъ не обидѣли, и лѣсу бы, кой родится въ строеніе, на дрова отнюдь бы не рубили.

А и при степныхъ мѣстахъ молодого лѣса на дрова и въ своихъ лѣсахъ отнюдь бы не рубили, а рубили то деревье, кое уросло, а въ строеніе хоромное непригодное, и кои деревье повалилось, то бы обирали, а молодой лѣсъ, когда подростетъ и будетъ толстиною въ заборину, то тогда бы рубили на всякія домовыя потребности.

А гдѣ въ степныхъ мѣстахъ засядетъ лѣсъ молодой, то осенью вышедъ тамошніе жители травы сажень на пять-шесть вкругъ того лѣса по всякъ годы окашивали, чтобы вешнею порою степной пожаръ къ нему не дошелъ, и не выжегъ бы.

Видѣлъ я по степямъ много такихъ поростниковъ, иные въ челоуѣка вышиною, а иные сажени и въ двѣ были, да всѣ погорѣли и пропали. Ащебъ не пожаръ, то при степныхъ мѣстѣхъ лѣсабъ великіе были.

Паки былъ я на Черни и во Мценскѣ, и видѣлъ тамъ, что рубятъ на дрова самой молодой лѣсъ толстиною въ гороховую тычину, и въ одинъ возъ срубятъ деревъ сто и больше; а въ томъ же лѣсу видѣлъ и валежнику лежитъ и стоячія деревье есть такое, что изъ одного дерева будетъ воевъ 10 и больше. И пока старой лѣсъ былъбъ подбирать, а тотъ бы

молодежникъ подростъ, и имъ же бы всеъ пригодился.

А кая степь гораздо гола, и лѣса удалъли, то тамошніе жители всякой бы къ своей деревнѣ занялъ десятинь десятокъ другой, и вспахавъ бы, осенью наметалъ бы сѣмень—лѣснаго, березоваго, и липоваго, и кленоваго, и осиноваго, и дубоваго, и вязаваго, и орѣховъ спѣлыхъ сырыхъ четверикъ-другой тутъ же разметать. И какъ тотъ сѣяный лѣсъ взойдетъ, отъ пожару бы берегли. И первой годъ надобно его и пополоть, чтобы степная трава не заглушила его, и сѣянные орѣхи лѣтъ въ шесть или въ семь съ плодомъ придуть, и въ десять лѣтъ орѣхами обогатѣютъ; на добрыхъ земляхъ вельми они плодovitы будутъ.

И такобы всякъ у своей деревни такъ устроить, то бы и лѣсомъ и орѣхами все довольно были; хотя сперва и скучно покажется завести, а послѣ самимъ слюбится.

И о орѣхахъ не худо бы учинить и заповѣдь, чтобы никто прежде Семенова дни ихъ не щипалъ, но дали бы имъ созрѣть, чтобы ядра наполнились; и аще гдѣ на угревинѣ, и прежде Семена дня наполнятся ядромъ, обаче прежде Семенова дни никтобъ не дерзалъ ихъ щипать, но и щипали бы послѣди Семенова дни въ то время, егда они будутъ сыпаться, и щипали бы согласясь и съ совѣту своего сотскаго, что бы какъ семейнымъ, такъ и безсемейнымъ безобидно было.

И таковыхъ спѣлыхъ орѣховъ одинъ четверикъ лучше четверти недоспѣлыхъ. Нынѣ многіе щипаютъ ихъ захватъ зеленые, а соспѣть отнюдь не дадутъ, и тѣмъ они прочихъ своихъ сосѣдей оголожаютъ, а себѣ хлѣба отъ нихъ не наживаютъ; потому что было взять

спѣлыхъ орѣховъ за четверикъ, а онъ и за четверть едва то возьметъ, и тѣмъ Царскаго Величества интересу чинять уронъ: понеже спѣлыхъ четверикъ гривны по четыре и выше продають, а зеленыхъ и за четверть того не дають. И гдѣ было за спѣлые орѣхи пошлины взять рубль, а съ зеленыхъ и гривны не придется; а кто и скупить, не обрящетъ въ нихъ пользы, потому что ни въ нихъ ѣды, ни въ нихъ масла. Только купя орѣховники мѣшаютъ ихъ съ добрыми и людей обманываютъ; закрасятъ съ лица спѣлыми, и въ томъ себѣ грѣхъ пріемлютъ.

Въ спѣлыхъ же орѣхахъ есть и царственная прибыльца; понеже идутъ они во инья земли, въ Персиду да въ Шведы и во инья мѣста, а неспѣлые не за что гинуть.

Того ради вельми надлежитъ отъ ранняго щипанія орѣхи блюсти, дабы никто ни гдѣ прежде Семена дни щипать ихъ не дерзаль, а и послѣ Семена дни безъ воли сотской и безъ общаго совѣту отнюдь бы не начинали ихъ щипать. А буде кто учинится тому изложенно противень, и прежде Семена дни нащиплетъ хотя малое число, то взять штрафу 5 рублей, да его же высъчь батогами.

А будетъ кто привезетъ орѣховъ на продажу сырыхъ или сухихъ, а щипаны будутъ недоспѣлые и ядромъ орѣхи будутъ неполные, то взять тѣ орѣхи на Государя; а кто ихъ привезъ, взять штрафу за всякой четверикъ по рублю, или какъ о томъ уложено будетъ.

А буде гораздо зелены, что и въ половину ядра нѣтъ, то взять на немъ штрафъ сугубый, а орѣхи высъпать лѣтомъ въ грязь, а зимнею порою въ прорубь.

А буде кто поймаетъ кого прежде Семена дни въ лѣсу или и на дорогѣ или и въ деревнѣ со свѣжими

щипаными орѣхи, то тѣ орѣхи отдать тому, кто поймалъ, а кто пойманъ, на томъ доправить штрафу за всякой четверикъ по рублю; а буде меньше четверика, то по количеству орѣховъ, да егожъ высъчь батогами, дабы впредь такъ не дѣлали.

А буде прикащикъ или староста или сотской понаровитъ тому, кто пойманъ, и штрафу съ него не возьметъ, или и возьметъ, а наказанія по указу не учинитъ, или того поимщика станетъ чѣмъ тѣснить хотя и послѣ того времени, то на томъ прикащикъ или старость или на сотскомъ взято будетъ за нарушеніе Его Императорскаго Величества указу штрафъ определенной по новому изложенію, и наказаніе чинитъ великое, каково и прочимъ нарушителемъ учинено будетъ.

Подобнѣ и рыбной ловлѣ надлежитъ учинить, чтобы крестьяна отъ неразумнѣя своего Царскому интересу тщеты не чинили; ибо въ коихъ озерахъ и рѣкахъ снятоваго рода нѣтъ, то въ тѣхъ водахъ отнюдь мѣлкія рыбы не годствуеетъ ловить. А крестьяне не разумѣя снятоваго рода, вмѣсто снятковъ ловятъ молодую рыбу—щученокъ, язиковъ и плотичекъ, а наипаче ловятъ недорослыхъ окуньковъ, и не токмо дать ей годъ мѣста переогодовать, но и самыя зародышки рыбныя ловятъ, еже меньше овсянаго зерна, и тѣмъ ловомъ въ рѣкахъ и въ озерахъ рыбу переводятъ.

Будучи я на Устрикѣ, зачерпнулъ на ложку тѣхъ рыбеночковъ и счелъ, ихъ было числомъ 88, а если бы зачерпнулъ погуще, то бы ста два-три зачерпнулъ.

Аще бы та маленькая рыба переогодовала, то изъ одной той ложки было бы 20 варъ. Чтожъ бы отъ тѣхъ двулѣтнихъ рыбокъ въ два годы приплоду было? И тѣхъ рыбныхъ зародышковъ налова и высуша, за четверикъ возьметъ гривны двѣ; а если бы вырос-

ла, въ два года было бы возовъ 10 или и больше изъ того четверика, и вмѣсто дву гривенъ взялъ бы 20 или и больше, а пошлины бы съ нея сошло больше рубля. И въ такомъ несмыслии крестьянскомъ не токмо Царской интересъ пропадаетъ, но и у ловцовъ тѣхъ прямая покормка пропадаетъ.

И нынѣ многіе жалуются на рыбу, глаголя: плохъ де ловъ сталъ быть рыбѣ; а отъ чего плохъ сталъ, того невыразумѣютъ: ни отъ чего инаго плохъ сталъ быть ловъ токмо отъ того, что молодую рыбу выловятъ, то не съ чего и большой быть.

Если и въ скотъ телятъ пріѣсть молодыхъ, то ни быковъ, ни коровъ не будетъ; также и у курицы аще цыплятъ всѣхъ повѣсть года два-три, то и куры всѣ переведутся. И рыба ни чемъ же отъ того разнствууетъ; всегда большая рыба вырастаетъ изъ малыя. И аще и малую выловить, то большой не откуда взяться будетъ. И по моему мнѣнію, гдѣ и снятовой родъ есть, то и тамъ надлежитъ запретить, чтобъ самыхъ мѣлкихъ рыбныхъ и снятовыхъ зародышевъ не ловили, а ловили бѣ перегодные, чтобы отъ той несмысленной ловли Великаго Государя интересу не пропадать напрасно, а и ловцы бы безпутною ловлею ни себя, ни людей не голодили.

И аще Его Императорскому Величеству poradъть и запретить накрѣпко со штрафомъ и съ наказаніемъ, чтобы отнюдь никто кромѣ самородныхъ снятковъ недорослой рыбы не ловили, то вельми рыбы во озеряхъ и въ рѣкахъ умножится. И мнится мнѣ, надлежитъ запретить сице: буде кто мѣлкихъ щученковъ или лещиковъ или плотичекъ и окуньковъ недорослыхъ, кромѣ самородныхъ снятовъ, привезъ на торгъ аще сырыхъ или и сушеныхъ, то ту рыбу взять на Го-

сударя и отдать солдатоу или нициму по богадль-
намъ; а кто привезъ, на томъ взять штрафъ за каж-
дой четверикъ, по чсму уложено будетъ; то однимъ
годомъ сія статья утвердится, и ни кто недорослой
рыбы ловить не будетъ. Обаче надлежитъ прежде во
всѣ города послать указы, чтобъ отнюдь недорослой
рыбы не ловили и неводовъ частыхъ кромъ снято-
выхъ не дѣлали; а на другое лѣто всѣхъ штрафовать
за презрѣніе того указа. А буде кто наловитъ недо-
рослой рыбы про себя аще и малое число, и аще кто
съ тою рыбоу поймасть и приведетъ къ суду, то до-
правитъ на немъ, кто ее ловилъ, штрафъ надлежащій
по наложенію; изъ того штрафа четвертую долю вы-
нявъ, отдать тому, кто его привелъ къ суду, а рыбу
ему жъ отдать: и за такимъ штрафомъ и про себя ло-
вить не будутъ.

И въ такомъ установленіи годы въ три или въ
четыре такъ рыбы умножится, что весь народъ ры-
бою насытится. И аще тотъ уставъ и впредъ не на-
рушится, то во всѣхъ вѣкахъ не оскудѣетъ.

И аще она при нынѣшней цѣнѣ вдвое или втрое
дешевле будетъ, обаче въ пошлинномъ сборѣ будетъ
десятерницею больше: потому что въ продажѣ рыбы
будетъ великое множество.

А и сіе не весьма право зрится, еже помысли
на крестьянъ своихъ налагають бремена, неудобъ во-
симамъ; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ
работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго
дня, ежебы ему на себя что сработать. И тако налит-
вую и сѣнокосную пору всю и потеряють у нихъ
или что наложено на нихъ крестьянъ оброку или сто-
ловыхъ записокъ, и то наложенное забравъ, и еще тре-
буютъ съ нихъ великаго побору, и темъ измѣни-

ствомъ крестьянство въ нищету пригоняють; и который крестьянинъ станетъ мало мало посылѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатится не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя, царство пустошатъ; понеже такъ ихъ обирають, что у инаго и козы не оставляють. Отъ таковыя нужды дома свои оставляють и бѣгутъ иные въ Позизовыя мѣста, иные жъ и во Украинныя, а иные — и въ зарубежныя; тако чужія страны населяють, а свою пуну оставляють. А чтобы до того помѣщикамъ дѣла, что крестьяне богаты, лишь бы онъ пашни не запустилъ; хотя бы у него и не одна тысяча рублей была, только бы не воровалъ, и безъ лвочно не торговалъ; что крестьяне богаты, тобы и честь помѣщику.

Крестьяномъ помѣщики невѣковыя владѣльцы; того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ Владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣють временно.

И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ Царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство—богатство Царственное.

И того ради мнитсѣ мнѣ: лучше и помѣщикамъ учинить расположеніе указное, по чему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и инаго како го сдѣльи дѣлать, чтобы имъ сносно было Государеву подати и помѣщику заплатить, и себя прокормить безъ нужды. Того судьямъ вельми надлежитъ смот-

рить, чтобы помѣщики на крестьянъ излишняго сверхъ указу ничего не накладывали, и въ нищету бы ихъ не приводили.

И о семъ яко высокимъ господамъ, тако и мѣлкимъ дворяномъ, надлежитъ между собою посовѣтовать о всякихъ крестьянскихъ поборѣхъ помѣщичьихъ и о сдѣльѣ, какъ бы ихъ обложить съ общаго совѣта и съ докладу Его Императорскаго Величества, чтобы крестьянству было не тягостно, и расположить именно, по чему съ цѣлаго двора и почему съ полу-двора или съ четверти или съ осьмья доли двора имать денегъ и столовыхъ запасовъ, и поколику съ цѣлаго и не съ цѣлаго двора пашни на помѣщика своего вспахать и хлѣбомъ засѣять и сжавъ обмолотить; такожде и подводы расположить по расположенію дворовому, чтобы всѣмъ по владѣнію земли было никому ни передъ кѣмъ необходимо, и чтобъ и Государевы поборы сносно имъ было платить сполна безъ доимки. И како о семъ съ общаго совѣта изложится и указомъ Его Императорскаго Величества утвердится, и тако аще нерушимо будетъ стоять, то крестьянство всѣ будутъ сыты, а иные изъ нихъ и обогатятся.

Я, истинно, о семъ много размышлялъ, каковы право крестьянскіе поборы съ нихъ собирать, чтобы Его Императорскому Величеству было прибыльно, а имъ бы было нетягостно, и сего здравѣе не обрѣтохъ: что прежде расположить крестьянскіе дворы по владѣнію земли имъ данныя, чѣмъ кой владѣть, и koliko онъ на той своей землѣ хлѣба высѣеть про себя.

Я не вѣмъ, чего господа дворяне смотрять: крестьянами владѣють, а что то именовать крестьянина не знаютъ, и почему числить дворъ крестьянской ничего того не разумѣють, но токмо ворота, да

городьбу числятъ; а иные дымъ избной считаютъ. И яко дымъ на воздухъ исчезаетъ, тако и исчисленіе ихъ ни во чтожность обращается. А и во счисленіи душевномъ нечаюжъ я проку быть; понеже душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны неимущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя. Въ душевномъ слѣдованіи труда много подъято, а казны, чаю, тысячъ десятка дватри истощилось на него, обаче чаю я, что она вся туне пропала, и трудъ весь ни во что; ибо поборъ ссей несостоятеленъ, а въ чесомъ надлежитъ прямо неподвижной прибыли искать, и о томъ во главѣ 9-й речется.

А о крестьянѣхъ, мнится мнѣ, лучше такъ учинить: егда кой крестьянинъ повытокъ свой сполна помѣщику своему заплатитъ, то уже бы никакой помѣщикъ сверхъ уреченнаго числа ни малаго чего не требовалъ съ него, и ни чѣмъ бы таковыхъ не тѣснилъ токмо смотреть за нимъ, чтобъ онъ даромъ не гулялъ, но какую мочно къ прокормленію своему работу бы работалъ. И отъ такового порядка, кои разумные крестьяне, могутъ себѣ и хорошіе пожитки нажить.

А буде кой крестьянинъ хлѣба напахавъ, да станетъ гулять, и впредъ ничего не станетъ запасать, и таковыхъ, не токмо помѣщикамъ иль прикащикамъ, но и сотскимъ надлежитъ за ними смотреть и жестоко наказывать, чтобы отъ дѣности своей въ скудость не приходили, и въ воровство бы, ни въ пѣянство, не уклонялись. Крестьяномъ и радѣтельнымъ разореніе чинится не малое и отъ того, что двороваго расположенія прямаго у нихъ нѣтъ: кои сильныя помѣщики, тѣ пишутъ дворовъ по пяти и по шти и по десяти въ одинъ дворъ, то тѣмъ легко и жить; а кои средніе

могуты, ть дворы по два и по три вмѣстѣ сваливають, а одними воротами ходять, а прочія ворота заборомъ забирають, то и тѣмъ крестьяномъ не весьма тягостно; а кои бѣдные и безпомощные помѣщики, то у тѣхъ крестьянъ всѣ дворы цѣлыми дворами писаны. И отъ таковаго порядка тыи крестьяне отъ несносныхъ поборовъ во всеконечную нищету приходять; а богатые и сильные бояре своихъ токмо крестьянъ оберегаютъ отъ поборовъ а о прочихъ не пекутся.

И ради основанія правды надлежитъ первѣе установить въ крестьянствѣ, что то именовать дворъ и что полдвора или четверть или осьмая доля двора.

Я сему вельми удивляюсь, что въ Россійскомъ царствѣ премногое множество помѣщиковъ богатыхъ и судействомъ владѣющихъ, а того не могутъ сдѣлать, чтобы собравшись посоветовать и уложить, что тотъ крестьянской дворъ именовать или полдвора или четверть двора, и почему бы разумѣть цѣлой дворъ или безъ четверти или съ четвертью дворъ?

Въ Москвѣ въ посадскихъ слободахъ аще и мужики живутъ, обаче у нихъ разумно учинено: кто на цѣломъ дворѣ живеть, тотъ съ цѣлаго двора и платитъ, а кто на полудворѣ или на четверти, то съ того и тягло платитъ.

А у крестьянъ писцы и переписчики ворота числятъ дворомъ, хотя одна изба на дворѣ, хотя и съ пятьшесть или и съ десять, а пишутъ дворомъ же. И то стало быть не разумъ, но самое безумство и всесовершенная неправда, и убогимъ и маломочнымъ обида и разореніе.

По здравому разсужденію надлежитъ крестьянскому двору положить разсмотрѣніе не по воротамъ, не по

дымамъ избнымъ, но по владѣнію земли и по засѣву хлѣба на томъ его владѣніи.

По моему мнѣнію еще у коего крестьянина цѣлой дворъ, то надобно ему земли дать мѣрою тоlikою, чтобы ему мочно было на всякой годъ высѣять ржи четыре четверти, а яроваго осьмъ четвертей, а сѣна накосить ему про себя двадцать копенъ.

А буде коему крестьянину отведено земли, что и четверти ржи на ней не высѣеть, то того двора не надлежитъ написать, но развѣ шестою долею двора; и тако всякому крестьянину числить дворы по количеству земли надлежитъ.

А будежъ кой крестьянинъ могутень, а земли ему отъ помѣщика отведено малое число, и онъ мочно своею найметъ земли у инаго помѣщика, и на той наемной землѣ высѣеть хотя четвертей десять, или больше, и тоя земли къ дворовому числу не причитать, и Государевой подати никакой съ той наемной земли не платить; потому что съ тоя наемныя земли будетъ платить помѣщикъ, который тою землею владѣеть; такожь помѣщику своему ничегожъ съ тоя пашни не платить же, а платить тому помѣщику по договору деньгами или снопами, у коего ту землю нанялъ.

А буде кой помѣщикъ видя коего крестьянина семьяниста и лошадиста, дастъ ему земли со удовольствомъ что высѣвать, а онъ будетъ четвертей по десяти на лѣто ржи, а яроваго по двадцати, а сѣнокосу отведеть ему на пятьдесятъ копенъ, то съ такого крестьянина мочно брать какъ Его Императорскаго Величества, такъ и помѣщику съ полутретья двора. И тако всѣ дворы расположить не по воротамъ, ни по дымамъ, но по владѣнію земли и по засѣву ихъ на отведенной имъ землѣ.

И аще тако во всей Россіи устроено будетъ, то ни богатому ни убогому обиды ни малыя не будетъ, но всякой по своей мочи, какъ Великому Государю, такъ и помѣщику своему будетъ платить.

И ради охраненія крестьянскаго отъ помѣщиковъ ихъ надлежитъ и въ помѣщичьихъ поборахъ учинить по землѣ же, и чтобъ больше положеннаго оклада отнюдь на крестьянъ своихъ не накладывали. И тако яко въ Государевыхъ поборѣхъ, тако и въ помѣщичьихъ, будетъ имъ сносно. И по такому расположенію и помѣщикамъ дворовъ крестьянъ своихъ таить по прежнему будетъ не для чего; потому, буде кто дворы свои цѣлые полудворами или четвертьми или осьмушками напишетъ, то и самъ помѣщикъ не можетъ уже съ нихъ больше того взять; ибо всякой крестьянинъ на чѣмъ будетъ жить и чѣмъ будетъ владѣть, съ того будетъ и платить какъ Царю, такъ и помѣщикомъ своимъ. И буде кой помѣщикъ напишетъ дворы цѣлые полудворами или и меньше полудворовъ, и Царскіе поборы будетъ платить противъ письма, а себѣ станетъ съ нихъ имать съ цѣлыхъ дворовъ, и кто про то увѣдомится посторонній человекъ, и донесетъ о такой его неправдѣ судьямъ, то тѣ дворы и со крестьяны отдать тому, кто извѣстилъ. А буде крестьяна нехотя лишняго помѣщикамъ своимъ платить и донесутъ судьямъ, то того крестьянина, кой доведетъ, дать волю, да за доводъ—пятьдесятъ рублей денегъ. А которые крестьяна вѣдали, что помѣщикъ ихъ беретъ съ нихъ излишніе поборы, а умолчать, то тѣхъ крестьянъ бить кнутомъ, колико ударовъ уложено будетъ.

И аще кой помѣщикъ на цѣлый дворъ или на полдвора или на четверть двора посадить двороваго че-

ловѣка или дѣловаго или бобыля или полонника, * то кто бы онъ ни былъ, а плату дворовую имать съ него по владѣнію земли неизмѣнно.

И тако какъ крестьяне, тамъ и дворовые люди, будутъ Великому Государю данники, и платежъ имъ тягостенъ не будетъ, потому что платежъ ихъ будетъ по владѣнію земли, опредѣленной при дворѣ. И такимъ порядкомъ интересъ Его Императорскаго Величества вельми будетъ множитися.

И аще по всей Россіи тако устроится, и поборы съ двороваго числа легкостнѣе будутъ; а по древнему порядку отъ побору иные въ конецъ разоряются, а иные даромъ живутъ.

По моему мнѣнію, Царю паче помѣщиковъ надлежитъ крестьянство беречи; понеже помѣщики владѣютъ ими временно, а Царю они вѣковые, и крестьянское богатство — царственное, а нищета крестьянская оскуднѣніе царственное.

И того ради Царю яко великородныхъ и военныхъ, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто въ убожество не входилъ, но всѣ бы по своей мѣрности изобильны были.

И аще по вышеписанному крестьянскіе дворы управятся, то каково за сильными лица будетъ крестьянамъ жить, таково и за самыми убогими быть, и къ прежнему бѣгать крестьянамъ будетъ уже не для чего, потому что вездѣ равно будетъ жить.

И у коего крестьянина дворъ цѣлой и меньше или больше двора, обаче въ селитьбѣ строили бы по два двора гнѣздами, и между ними по два огорода, якоже о томъ во осьмой главѣ изъяснится. И аще тако устроены будутъ деревни, то во время огненнаго запаленія никакая деревня вся не выгоритъ.

* У Стр. *положенника*.

А буде кой помѣщикъ будетъ на крестьянъ своихъ налегать, и наложить сверхъ указаннаго числа, или излишнюю работу наложить, и аще тѣ крестьяне дойдутъ до суда, и у такого помѣщика тѣхъ крестьянъ отнять на Государя и землю; то на то смотря и самый ядовитый помѣщикъ сократитъ себя, и крестьянъ разорять не станетъ.

А буде кой судья по доношенію крестьянскому о виновности помѣщиковой сыскивать не станетъ, и отошлетъ ихъ къ старому ихъ помѣщику, или и сыскивать станетъ, да будетъ во всемъ помѣщику наровить, а на крестьянина вину валить, и аще тѣ крестьяне дойдутъ до вышняго суда, и вину на помѣщика своего изьявлять, и судейскую вину предложить, то тотъ судья не токмо пожитковъ, но и живота своего лишится.

И тако злый зль погибнетъ, а праведный судья за праведный свой судъ настоящихъ благъ насладится, и грядущихъ не лишится во вѣки вѣковъ. Аминь!

ГЛАВА VIII.

О ДВОРЯННЪХЪ, О КРЕСТЬЯННЪХЪ И О ЗЕМЛЯНЫХЪ ДѢЛАХЪ. *

Сіе мнится мнѣ не токмо правильно, но и безгрѣшно, еже дворяне послѣ умершихъ своихъ сродниковъ земли жилыя и пустыя дѣлятъ на дробныя части, ибо однѣ пустоши раздѣляютъ на многія разныя владѣнія. И по такому раздѣлу бывають у одной пустоши владѣльцовъ по десяти и гораздо больше; и такая бездѣлица бываетъ, что иному владѣльцу достанется десять четвертей, инимъ же четверти по двѣ-три, а иному и по четверти и по осьминѣ и по четверику, и всякую нахотную полосу худу и добрую, все паюють; и кто изъ нихъ самъ у себя, то тотъ всѣмъ жеребьемъ и владѣть, а кто безмочень, тотъ ничѣмъ владѣть не можетъ, и въ тѣхъ дробныхъ дѣлахъ кромѣ ссоры, да бѣды инаго нѣтъ ничего, и за ссорами общія земли многія и пустѣють и дернѣють и лѣсомъ поростають. И въ томъ запустѣніи Царской интересъ малится, потому что отъ пустой земли ** никакого дохода не бываетъ.

А у кого земля собственная, то онъ ее разчищаетъ и распахиваетъ и навозомъ нанавоживаетъ; и годъ отъ года и худая земля добрѣетъ, также и сѣнные по-

* У Стр. заглавіе: *о земліиныхъ дѣлахъ*. ** У Стр. *слуста*.

косы раскашивают; и отъ того Царскаго Величества интересъ умножается.

И тыи дворяне не токмо пустыя земли тако дѣлятъ, но и жилыя села и деревни на многія доли дѣлятъ. Есть въ Новгородскомъ уездѣ погость, именуемый Устрика, и въ томъ селѣ дворовъ двадцать, а помѣщиковъ владѣютъ семеро разныхъ фамилій, а во иныхъ деревняхъ и больше того есть владѣльцовъ. И въ такихъ разновладѣльцахъ нельзя быть безъ вражды и другу отъ друга безъ обиды.

И мнѣ мнится: ради охраненія отъ обидъ и послѣ умершихъ лучше дробныя (?) оставить и дѣлить земля пустая и жилая цѣлыми пустошами и деревнями по урочищамъ.

А буде многихъ пайщиковъ раздѣлить цѣлыми не можно, то тѣ земли и деревни положить въ цѣну, и буде кто изъ тѣхъ же родственниковъ деньги въ дѣль положить, а землю жилую или и пустую возьметъ всю за себя, то и добро такъ. А буде всѣ родственники скудны, то продать ее и постороннему челоуѣку, и деньги по надлежащимъ жеребьямъ раздѣлить, то не то что уголовщинѣ быть, но и браниться будетъ не о чемъ; потому что на деньгахъ и малыя дробинки раздѣляютъ часто.

А и сіе весьма неправо дѣется: писцы и переписчики и дозорщики пустоши и жилыя деревни, какъ коя слыветъ именно, пишутъ,* и колико въ коемъ урочищѣ четверныя пашни и сѣнные покосы, пишутъ же, и пишучи, не тобъ, чтобъ ее смѣрять, но и глазами не видавъ, пишутъ все по крестьянскимъ сказкамъ, и въ иной пустоши напишутъ четвертей 50 въ полѣ, а въ дву потому жъ. И егда кто станетъ сѣять, ажно во всѣхъ трехъ поляхъ толико не высѣетъ.

* Такъ у Стр. а у меня, кажется, неправильно, не пишутъ.

А въ иной пустоши, видѣль я, написано 6 четвертей, а высвается ржи въ одномъ полѣ по 20 четвертей, а лѣсу будетъ больше трехъ верстѣ. И въ такомъ расположеніи только одна смута. И всякой деревнѣ и пустошамъ мѣра, да прозваніе, а при какой признакъ та земля, или съ какою землею смежна, ничего того не пишутъ, и раздѣленія межамъ совершеннаго не чинятъ. И отъ того многое множество ссоръ и убійства чинится. И иные, забывъ страхъ Божій, взявъ въ руки святую икону, и на голову свою положи дернину, да отводятъ землю, и въ такомъ отводѣ смертне грѣшатъ; и много и того случается, еже отводя землю и неправдою межу полагая, и умирали на межѣ.

А по прямому разсужденію надлежитъ всѣмъ жителямъ землямъ и пустошамъ учинить межи недвижима, а буде съ кѣмъ нераздѣлила ни рѣка, ни ручей, ни иная какая недвижная признака, то присмотритъ какую ни есть признаку, коея бы нарушить нельзя было; а буде нѣтъ таковыя признаки, то и на чистомъ мѣстѣ мочно дѣлать недвижная признака, либо выкопать яма глубокая аршина въ три или въ четыре, и широтою такожде, и навозити ее полу камня большаго, и накласть бугромъ, чтобъ матерья земли выше было, и на то камень насыпать земли аршина на два или больше, и тотъ бугоръ въковыи утиномъ и будетъ. И отъ того утину протянуть вверхъ по межѣ прямо до поворотки; и подъ ту вервь поставить мореходной компасъ, и куды укажетъ компасовая стрѣлка сѣверная, такъ именно и записать, и смѣрять по верви, колико отъ того утину до поворотки сажень, то такъ и записать.

И буде у поворотки признаки никакой недвижной

нѣтъ, то выкопать яма глубиною аршина въ полтора или въ два, и шириною такожде аршина въ два, и накласть въ нее каменя или уголья, и насыпать надъ нею холмъ аршина въ три, и утоптанъ, накласть дерномъ, и на томъ холму посадить деревецъ молодыхъ пять-шесть, кои бѣ были годковъ трехъ или четырехъ. И колико около той земли не будетъ холмовъ, на всѣхъ садить одного рода деревцовъ; каково на первомъ холму, тако и на послѣднемъ.

А егда стануть другую землю мѣрять, то по холмамъ другаго рода и деревье садить; около коей земли сажаны березки, то березыбъ тутъ и были, а около коей землѣ сосенки или елки или дубъ или вязы и осины, то около тоя земли одни бы они и были.

А съ коею землею та будетъ смежна, и приткнется * она къ обмежеванной землѣ, а на той межѣ по холмамъ сажено не того рода деревье, то тѣ готовые холмы именно записать, колько ихъ къ той землѣ пришло, и деревье, кое и на нихъ сажено, такъ и записать, а другаго рода къ тѣмъ дерсвьямъ не присаживать.

И егда тоя сумежныя земли межа отворотится, то буде сгодится отъ холма, то такъ и записать; а буде отворотить она межъ холмовъ, то подлѣ старыя межи учинить холмъ не на самой межѣ, но сажень-мѣста уступя отъ межи, чтобъ старой межѣ поврежденія не было, и деревца посадить на немъ такое, какое около всея тоя земли начали садить.

И буде кое деревье посаженное подсохнетъ, то паки посадить такоежъ, и егда деревцы примутся, и годы два-три или пять-шесть перемешкавъ, паки всякому межеванію межевщику межъ своихъ всѣхъ осматривать, нѣтъ ли межамъ какого поврежденія. И буде гдѣ и мало осмотрить межу попорчену, то сыскать

* У Стр. кажется неправильно *прикинется*.

того, кто попортилъ, и учинить ему наказаніе жестокое, какъ о томъ уложено будетъ; и деревья по холмамъ осмотрить, и кое изъ нихъ принялось, и бѣжко почало рости, то то дерево и оставить, а прочія подсѣчь. А буде на коемъ холму дерева два или три бѣжко почали рости, по разсмотрѣнію оставить и два и три деревца, только бы они одного рода. А излишнія всѣ подсѣчь и приказать накрѣпко, чтобыг тѣхъ деревецъ оставленныхъ берегли накрѣпко, и ни въ чемъ бы имъ не вредили. И буде на томъ же холму какое дерево и новаго роду собою израстетъ, и таковое подсѣкать, и рости имъ не давать, чтобы они признаки не повредили.

И во время межеванія въ какую сторону отъ утиную вервь * натянется, то подъ ту вервь ставить вышешепоманутой компасъ, и по компасу смотря писать именно, на какую сторону протянулася вервь, и коел четверти на который градусъ, и колико градусовъ поступило отъ востока къ полудни, или отъ полудни къ востоку, и прочая.

А межа отъ признаки до признаки, или отъ поворотки до поворотки, и колико коел прямизны будетъ мѣрою, сажени писать именно, и въ кую сторону она поворотила направо или налево, и на колико градусовъ она поворотилась, такъ именно и писать.

А буде гдѣ приидеть межа излучиною, и буде сосѣдъ сосѣду не уступитъ, то протянуть вервь отъ холма на холмъ прямо, и смѣрять по верви, колико мѣры межъ тѣми холмами будетъ, и отъ той верви смѣрять поперегъ, что тоя излучины будетъ, и записать именно. И гдѣ старая межа по рѣкѣжъ или къ ручью,

* У Стр. почти вездѣ *верфи*; въ моемъ спискѣ часто ошибкою *вѣтръ*, а въ некоторыхъ мѣстахъ правильно *вервь*.

и та старая межею и да будетъ. Обаче вервь надлежитъ натянуть прямо и записать именно, колико тоя прямизны отъ холма до холма, и гдѣ старыя межи излучинами, такъ имъ и быть; а куды вервь была ради смѣтку земли, сохою тутъ не проѣзжать, но токмо то писать, на кой градусъ та вервь была протянута. А кромѣ излучинъ, куда вервь ни протянется, съ обѣ стороны проѣхать сохою раза по два-три, и свалить къ верви вмѣсто (?), и та межа, съ коими землями дѣлится между, писать именно, чья она есть, и какъ она нарицается. И буде чрезъ межу случится какая рѣка иль ручей или вражекъ или сухой доль или болото, все то писать именно, на коей верви случилась, и въ какихъ саженьяхъ отъ коего холма. И буде дорога чрезъ нее лежитъ, то откуда, куда, и при какой признакъ та земля, при рѣкѣль великой, или при малой, или при озерѣ великомъ, или маломъ, или при болотѣ какомъ. И всякая межа писать съ подлинною очисткою, чтобъ она во вѣки неподвижна была, «и проку бы» (?) * въ ней ни малаго не было.

Аще и съ трудностію потрудиться о семъ, обаче въ роды родовъ бескорнобъ было житіе. И егда Богъ и сіе благо дѣло совершить, то мнится мнѣ, не худо бы и напечатать ихъ книгъ (?) сотницу другую и по городамъ разослать. И аще гдѣ пожаръ учинится, то въ другомъ мѣстѣ она будетъ, и межевалной трудъ не погибнетъ, и смятенія о землѣ нигдѣ и ни у кого не будетъ: она будто въ зеркаль всѣмъ зрима.

И обмежевывать кіюждо землю сице: отъ утину до того пошла межа прямо на востокъ или на полдень, или своротила на право иль на лѣво отъ коея четверти, и многоль градусовъ вправо иль влѣво

* Слово между запятыми, впрочемъ непонятныхъ, въ моемъ спискѣ нѣтъ. Не ошибка ли вмѣсто *и пороку бы*.

поступило, и отъ утину до перваго холма земля того-то села или деревни или пустоши какой, съ правыя стороны а съ лѣвыя стороны такожде такая то именуемая земля, и съ коликими землями та пустошь, кою межуесть, ни сошлася, все писать именно. То уже той межъ измѣниться не можно будетъ, ни въ какія лѣта она не смѣшается; ибо по недвижнымъ признакамъ, и по компасу, и по мѣрѣ отъ поворотки до поворотки, и отъ холма до холма, всякую межу разобрать будетъ мочно.

И когда кое урочище все вкругъ обмежуется, и послѣдняя вервь егда придетъ къ утину, съ коего утину началъ межу вести, написать именно по компасу, на которую четверть и на который градусъ той четверти утину пришла.

А буде о косой межѣ споръ будетъ, та тѣ земли вымѣрять первѣе по писцовымъ книгамъ, четвертную мѣру, и сѣнокосныя угодыя такожде, и около той земли межа повести выщеписаннымъ же порядкомъ, и межа положить около нея недвижимая.

И егда кою всю землю обмежуютъ, то посреди той земли вдоль протянуть вервь отъ писменны и недвижныя признаки на недвижимую жъ признаку, и смѣрять по ней, что тая земли длиннику будетъ; такожде протянуть и поперекъ, взявъ начало отъ коего холму, и тянуть вервь на призначной же холмъ, или на недвижимую какую признаку, чрезъ длинную вервь, и на перекрестье подложить квадратъ, и куды та перекрестье покосилось, такъ именно и писать, и какъ длинникъ, такъ и поперечникъ смѣрять, что его будетъ, и на томъ же перекрестьѣ поставить компасъ, и куды того компаса сѣверная стрѣлка укажетъ, такъ и записать, и на чертежъ стрѣлка означить.

И на цѣломъ листѣ сдѣлать той обмежеванной зем-

лъ чертежъ по размѣру; какъ межа ведена, такъ именно и написать, и по колику отъ холма до холма, и отъ поворотки мѣры, такожде и отъ иныхъ признаковъ до признаковъ, цифирными словами всякую мѣру особливо подписать; и около нея какія земли прилегли, всѣ именно подписать, и коликою мѣрою коя земля приткнулась; и на срединѣ того чертежа означить длинникъ и поперечникъ точками на тѣхъ признаки, на которыя вервь была протянута, и подлѣ точекъ написать мѣра длиннику и поперечнику, колико сажень. И егда чертежъ правильно написанъ будетъ, то по чертежу мочно будетъ всякому человѣку, кто въ размѣръ силу знаетъ, и не бывъ на землѣ, скажетъ, колико въ ней десятинъ и коликія четвертныя пашни.

И того ради всякой межевщикъ, колико какихъ земель не отмежуетъ, написалъ бы именно всякой земли особливые чертежи, и всякая пустошь обмежеванная написана бѣ была на особливомъ листу; и на тѣхъ же чертежахъ надобно написать, колико по писцовымъ книгамъ написано въ ней четвертей въ полѣ и колико сѣна копень. И егда кой межевщикъ свою долю всю измежуетъ, то тѣ чертежи переплести въ книгу, и положить ее въ помѣстномъ приказѣ въ сохранное мѣсто впредь для утвержденія правды.

И аще тако вся Россійская земля размежуется, то упокоится всѣ земляныя ссоры: нельзя будетъ ни сажень кому чужой земли присвоить, но всякой будетъ, аще убогъ, и аще кто и ябедовать и нахаловать, а будетъ своимъ владѣть; и сильнымъ безмочныхъ тѣснить по прежнему будетъ не мочно, развѣ отнять все; и то будетъ явно всѣмъ, что чужимъ завладѣль.

И буде кто и покусится между заровнять, или

холмъ на чужую землю перенести, то всякой человекъ будетъ вѣдать: потому что однимъ днемъ того не сдѣлать, а и сдѣлать не одному человеку; и того ради будетъ славно и явно. И буде бы кто и сдѣлалъ, то и послѣди сыскать мочно, развѣ чертежи и книги все пропадутъ, то тогда мочно обидачинить. Итого ради книги надлежитъ сдѣлать печатныя, а и чертежей по два-три мочно сдѣлать и положить ихъ одну книгу чертежную въ Москву, а другую въ Санктпетербургъ, а третью въ томъ городѣ, кому та земля присудна.

И такъ надобно твердо заказать подѣ великимъ штрафомъ, чтобы той межи хотя у кого въ одномъ владѣннн будеть, а тѣхъ межъ отнюдь бы не перепихивали, и ни межи, ни холма, съ мѣста на мѣсто не переносили бы, но всякая межа была бы въ роды родовъ на своемъ мѣстѣ нерушима.

А и въ степныхъ мѣстѣхъ такожде надлежитъ учинить недвижныя межъ, отобрить по дачѣ вымѣрять десятинами, и намѣривъ всю чью дачу вышеписаннымъ же образомъ, сдѣлать утинъ, и отъ утину протянуть вервь прямо, аще и верста мѣсто будеть до поворотки или и больше, и пока прямизна идетъ, по та считать лицише сажени, а на повороткѣ сдѣлать холмъ по вышеписанному жъ, и поворотки писать по компасу, и чертежи дѣлать по вышеписанному жъ.

И буде близко лѣсъ есть, то по вышеписанному жъ садить на холмахъ деревцы жъ, а буде лѣсу молодаго добыть гдѣ немочно, то набрать дубовыхъ желудей, и по десятку мѣста на холму посадить, а на иномъ урочищѣ наметать сѣмянъ вязовыхъ, и на иномъ березовыхъ или кленовыхъ или иныхъ какихъ. Токмо ка-

кія сѣмена на коихъ холмахъ пометаны будутъ, такъ и въ книги записать, и всю межу устрою по вышесписанному жъ протянуть вервь съ угла на уголь, потому что въ степныхъ мѣстахъ будутъ многія земли межеваться четверугольно, и, кромѣ угловыхъ, холмовъ не будетъ; и на чертежѣ на срединѣ написать стрѣлка сѣверная, и на томъ чертежѣ и мѣра, какъ межъ, такъ и срединѣ, личба (?) написать.

И тако всѣхъ господъ, великихъ и мѣлкихъ дворянъ, дачи обмѣрить подлинною правдивою мѣрою, а не по прежнему глазомѣромъ, чтобы ни лишку и ни недомѣру противъ дачъ не было.

Вельми надлежитъ во всѣхъ межеваньяхъ мѣра четвертной пашнѣ полагать самая правдивая, да аще Его Императорское Величество повелитъ вмѣсто душевредства душевныхъ поборовъ брать съ земли, по чему съ четверти положено будетъ, то чтобы ни убогому, ни богатому, обиды не было.

А въ прежнихъ глазомѣрныхъ мѣрахъ у инаго написано пять четвертей, а владѣть на пятьдесятъ четвертей, а у инаго написано двадцать четвертей, и пять не высѣть; а егда мѣра прямая будетъ во всѣхъ земляхъ положена, то никому обиды не будетъ.

И межи учиня, такъ надлежитъ твердо блюсти, чтобы ни каковой обмежеванной земли, ни жилой, ни пустой пустоши, не токмо по прежнему на многія части, но и на двое не дѣлить бы, но кому случится продать, или заложить, или и кому и отдать, то отдавать бы и продать всю, какова коя земля есть по обмежеванію безъ раздѣлу.

И сиевое межеваніе аще и не скоро окончится, да уже прочно оно будетъ, и помѣщикомъ всѣмъ покой великой учинить. И того межеванья межи такъ надле-

жить хранить, чтобы не то, что межа повредить, но и прозванія стараго отнюдь бы не измѣнять, но какъ кое урочище изстари названо, такъ бы оно и слыло до окончанія вѣка. И буде чье владѣніе случится по смерти или и по иному какому въ раздѣль или въ раздачу по указу, то дѣлить бы цѣлыми пустошами и урочищами по межевымъ книгамъ, а всѣхъ бы тѣхъ межъ ни прибавливали бы, ни убавливали.

А буде кто не токмо межу испортить, но аще и имя коей пустоши или урочищу какому измѣнить, то обложить его штрафомъ; а буде чрезъ кую землю лежитъ дорога, то объѣхать дорогу съ объ стороны сохою, такожде какъ и пограничную межу; и учинить ее шириною, буде проселочная тележная, то пустить ее трехъ сажень, а буде проѣзжая дорога городова, то пустить ее шести сажень; а буде дорога Московская, то надлежитъ пустить двѣнадцати сажень или больше.

И тѣ дорѣги въ десятины и въ четвертное число не числить, но изъ настоящія мѣры и изъ владѣнія вычислить вонъ; понеже на чьей землѣ дорога ни бываетъ, слыветъ она Государева, а не помѣщичья; того ради тоя земли и въ окладъ ни кому не класть, и хлѣба на ней никакого не съять.

И аще Великій нашъ Императоръ въ сіе дѣло совершенно вступить, и Богъ свѣше призреть, и помощь свою святую низпошлетъ на ней, то мочно всему сему дѣлу состоятися и совершитися не весьма многими лѣты.

И измѣривъ помѣстныя и вотчинныя земли, обложить ихъ платежемъ съ земли, по чему онъ Великій нашъ Государь укажетъ имать съ четверти или съ десятины на годъ, со всѣхъ владѣтелей земли Россій-

скія, которая останется за раздачею къ крестьянскимъ дворамъ подъ пашню ихъ и подъ сѣнокосъ, въ помѣщичьихъ поляхъ и въ пустошахъ и въ лѣсахъ и въ болотахъ; потому что всякая земля, коя отдѣлена будетъ къ крестьянскимъ дворамъ, съ тоя земли будутъ платить крестьяне по дворовому своему окладу, яко же въ седьмой главѣ речеся; и того ради ту землю за помѣщиками и числить не надлежитъ.

И буде положить мѣра десятинѣ длиннику 80 сажень, а поперечнику 40 сажень, и съ такой десятины, мнится мнѣ, что мочно съ пахотныя земли по осьми копеекъ взять на годъ, а съ сѣнокосной по шти копеекъ, а съ лѣсныя по четыре копейки, а съ болотныя по двѣ копейки. И я чаю, что на каждой годъ денежнаго сбора тысячъ ста по два-три рублевъ будетъ приходить, или и гораздо больше, и тотъ земляной сборъ будетъ прочень, и никогда онъ не умалится, токмо годъ отъ году прибывать будетъ.

Буде кто лѣса расчислитъ и пахотными полями устроить, то у того дачи прибудеть, а буде кто лѣсъ вырубя, да хлѣбъ снявъ паки запуститъ, и на ту землю прибавливать дачи не для чего; потому что она паки подъ лѣснымъ угодемъ будетъ.

И аще кто и болото обсушить и устроить сѣнокосъ, то и тамо прибудеть же сбору. И того ради земскимъ комиссарамъ на всякой годъ надлежитъ осматривать, буде кто прибавитъ пашни или сѣнокосу, то и окладу на него надлежитъ прибавить.

И по такому расположенію никто даромъ землею владѣть не будетъ, но всѣ будутъ плательщики.

А нынѣ есть много таковыхъ, что за инымъ помѣщикомъ земли пустошей десятка два-три есть, и по окладу въ нихъ четвертей тысяча-мѣста будетъ, и тѣ

пустоши отдають подь пахоту и подь сѣнокосъ изъ найма, и на кійждо годъ десятковъ по пяти-шти берутъ, а Великому Государю не дасть онъ ни деньги. Кто есть я? и за мною съ полтораста четвертей есть, а платежу моего нѣтъ съ нихъ Великому Государю ни малаго. И буде въ Руси вся земля измѣрить прямо и исчислить десятинами, то, я чаю, десятинъ миллионовъ десятка два-три и больше будетъ; и аще обложить кругомъ алтына по два съ десятины, тысячь сотъ пять шесть будетъ того сбора, и того платежа никому потаить или въ платежъ похитрить будетъ не возможно; потому что ни единыя десятины утаить будетъ не возможно.

Землю сотвори Богъ недвижиму, и владѣніе земли аще и переходитъ изъ рукъ въ руки, обаче она стоитъ недвижимо; того ради и поборъ аще съ нея учинить, можетъ онъ недвижимымъ быть, и состоятеленъ онъ будетъ.

И аще Богъ на ней призритъ и помощь свою низпошлетъ, то можетъ оно не весьма долгимъ временемъ состроится. Трудно только первой годъ потрудиться; а егда навикнуть, какъ межевать по компасу, и какъ мѣру полагать, и чертежи скоро навикнуть по размѣру рисовать.

И первый годъ еще и по одному человѣку смѣшленному послать то дѣло управлять въ куюждо губернію, а на другой годъ мочно и по десяти послать, а на третій годъ хотя и по сту человѣкъ то мочно послать; потому что лихо сперва обстановить, какъ то межеванье отправлять, то и однимъ мѣсяцемъ многимъ мочно научиться.

Ибо посѣпшность сего дѣла въ руцѣ суть Царстей: аще онъ восхощетъ, то немногими лѣты можетъ тое дѣло управить, и того землянаго сбора, чаю, что бу-

детъ со всякія губерніи тысячъ по сту. Только чаю, сильныя лица будутъ всячески сіе дѣло препинать, понеже они обыкли по своей воли жить, и не такъ они любятъ дать, какъ себѣ взять.

Я чаю, что и дворовому расположенію какъ ни есть, а будутъ препятіе чинить, а если Великій Государь переломить ихъ древнее упрямство, то я чаю что вполомъ будутъ дворовые поборы; нынѣ съ двора сходитъ рублевъ по осьми или малымъ чѣмъ меньше, а тогда, чаю, что и по четыре рубли не сойдеть.

И аще по земленому владѣнію всѣ крестьянскіе платежи, такожде и съ дворянъ по владѣнію жъ земленому установитъ, то тверже онъ подушнаго сбора будетъ, и вельми онъ постояненъ и прибыленъ будетъ.

Земля трудно токмо управити еже ее всю по вышеписанному размежевать, и измѣривъ въ десятины положить право, то послѣди всѣмъ оно любезно и покойно будетъ.

И тако надлежитъ въ земленомъ дѣлѣ потрудиться, чтобъ не токмо едина земля пахотная и сѣнокосная и лѣсныя угоды измѣрять, но и болоты всѣ бы великія и малыя измѣрять, и описать ихъ именно, въ коихъ они урочищахъ, и къ чьимъ землямъ прилегли, и большимъ болотамъ чертежи нарисовать особливые; и спросить сумежныхъ помѣщиковъ, кому кое болото во владѣніе угодно, на немъ его и записать.

А буде сумежные помѣщики отъ болотъ откажутъ, то отписать ихъ за Государемъ, и отдавать ихъ изъ Приказу на оброкъ охочимъ людямъ; а кои болота малыя земли чья (?) случатся, и тѣ болота писать за ними, въ чьей они землѣ прилучились. И отъ коего болота помѣщики откажутъ, то тѣ болота подобіемъ пустошнымъ вокругъ всего межею обвести, и на повороткахъ

ставить холмы такожде, какъ и кругомъ пустошей, и вокругъ всего болота объехать сохою, и сдѣлать валь; а гдѣ придуть иныхъ земель межи помѣщичьи, то такъ и записать. И кои люди отъ тѣхъ болотъ откажутся, то уже ни на какую потребу въ нихъ не ходилибъ, и скота своего не пущалибъ, но владѣль бы тотъ, кому оно отдано или продано будетъ.

Такожде и дворы всѣ яко крестьянскіе, тако и дворянскіе и всякихъ чиновъ у людей, и въ городѣхъ у купецкихъ людей, и прочихъ у градскихъ жителей, и у приказныхъ канцеляристовъ, и у прочихъ служителей приказныхъ, и у самыхъ судей, дворы измѣрять и платежомъ обложить; дабы на земль Его Императорскаго Величества никто даромъ не жилъ.

Я чаю подъ державою Его Императорскаго Величества подъ всѣми жителями, кромѣ дикихъ полъ и глухихъ лѣсовъ, которые ни къ кому во владѣніе не отданы, будетъ добрыхъ верстъ милліона два-три и больше, и толикое величество земли и исчислить въ конецъ не возможно, а платежу съ нея Государю ея нейдетъ ни малаго числа: помѣщики, кои участками своими отдаютъ въ наймы, и берутъ за нее деньги многія, а Великому Государю не платятъ ни малаго числа.

А во всякой круглой верстѣ пятисотной будетъ со-
роковыхъ десятинъ 78 съ осьмою долею десятины.

И аще кругомъ съ пахатныя и съ сѣнокосныя и съ болотныя земли положить по грошу съ десятины имать на годъ, то того поземельнаго недвижимаго сбора будетъ милліонъ-мѣста другой во всякой годъ, и тотъ сборъ никогда не оскудѣетъ, но токмо мало по малу отъ расчистки лѣсовъ будетъ приполниться.

И если сіе Богъ состроить, еже Великій нашъ Мо-

нархъ обложить со владѣнія имать платежъ, то никто но нынѣшнему туежителемъ не будетъ, но всѣ будутъ платежники по количеству владѣнія своего.

И дворамъ крестьянскимъ надлежитъ положить мѣра подлинная, и неизмѣнная; аще на коемъ крестьянинѣ дворъ тяглый, то прямой бы уже и былъ дворъ.

И мнится мнѣ: надлежитъ крестьянскому двору быть мѣрою въ долготу и съ гуменникомъ пятьдесятъ сажень или штидесять, а шириною цѣлому двору быть двѣнадцать сажень, а полудвору восемь сажень, а четверть двору шесть сажень, а осьмушечному четыре сажени, а длина всѣмъ одинаковая. Чтобы овины у всѣхъ въ далекости отъ двороваго строенія были.

И платежъ, мнится мнѣ, мочно положить съ цѣлаго крестьянскаго двора во всѣ поборы въ годъ рубля по три или по четыре, или какъ удобнѣе будетъ по прямому разсмотрѣнью, а съ полудвора вполъ, и съ четверти двора четвертая доля изъ платежа, и прочіе платежи по мѣрѣ дворовъ располагать; то никому будетъ не обидно и всѣмъ будетъ легко.

И на цѣлой дворъ надлежитъ, по моему мнѣнію, дать пахатной земли четыре четверти въ полѣ, а въ дву-потому же, а пол двора — двѣ четверти, а кто на четверти двора будетъ жить, тому одна четверть земли въ полѣ, а и въ другихъ поляхъ по толику же числу, чтобъ ему по вся годы по цѣлой четверти ржи высѣвать, а яроваго по двѣ четверти. И аще кто будетъ жить на шестой домъ двора или на осьмой, то по тому и земли имъ отводить неизмѣнно. А буде кто похочетъ на себя тягла прибавить, толико и земли ему подъ пашню и сѣнокосу прибавить; и по такому расположенію все чинить неизмѣнно.

Такожде и помѣщикамъ брать съ нихъ всякіе свои поборы по томужъ расчисленію, такожде и въ работѣ по землѣ расчисленіе чинить, то всякая и работа будетъ имъ сносна. И сверхъ бы того расположенія никакой помѣщикъ излишняго ничего бѣ не накладывали, чтобъ отъ излишнихъ поборовъ крестьянство во оскуднѣе не приходило. И аще тако расположено и устроено будетъ, то помѣщики душѣвредить не стануть, ежебы по три и по два двора въ мѣсто спаливати (?). И ради лучшаго отъ неправды помѣщичьей удаленія и ради отъ огненнаго запаменія охраненія надлежитъ во всѣхъ селахъ и деревняхъ дворы строить гнѣздами, а несплошь по прежнему, но токмо по двѣ селитьбы крестьянскія, якоже въ седьмой главѣ назначено, семо же пространнѣе изъясвится съ размѣреніемъ длинника и поперечника.

И аще тако устроено будетъ, то никоими дѣлы по прежнему спалить трехъ или четырехъ дворовъ въ одинъ дворъ не возможно будетъ, да и не для чего тако чинить.

И крестьянскіе дворы управа надлежитъ и градскіе дворы измѣрять, и такожде обложить платежемъ земли дворовые, колико подъ кѣмъ есть.

И мнится мнѣ: съ дворовыя земли яко съ купецкихъ, тако и съ приказныхъ людей, и съ бѣломѣсцовъ всякаго званія, съ сильныхъ и съ безсильныхъ лицъ, у коихъ въ городѣхъ и на посадѣхъ дворы есть, кромѣ духовнаго чина и причетниковъ церковныхъ, съ дробныя сажени кажется можно по полушкѣ на годъ имать или по полуполушкѣ.

А съ огородныя земли и съ подгородныя, на которыхъ земляхъ овощи садятъ и сѣютъ, и сады загородныя разведены, такожде измѣрять въ дробныя сажени,

и мнится, съ тѣхъ загородныхъ огородовъ съ десяти сажень по копейкѣ можно имать.

И съ тѣхъ огородныхъ овощей на одnogородномъ торгу пошлина имать, кажется, не надлежитъ; токмо развѣ куда на иной городъ повезуть, то отвозная пошлина надлежитъ взять; а егда состоится новая пошлина, то тогда такъ будетъ и управлятися.

И ради таковаго великаго землянаго дѣла надлежитъ, чаю, особная и канцелярія учинить, понеже всѣмъ дѣла много будетъ, и сборъ въ ней будетъ миллионный и самой основательный. И сей земляный сборъ трудно токмо его основати, а егда оснуется и утвердится, то онъ яко рѣка имать пищи неизмѣнно. Земля сотворена отъ Бога недвижима, тако и сборъ земляный аще Богъ его совершитъ и утвердитъ, то будетъ онъ неподвиженъ во вѣки. Аминь.

ГЛАВА IX.

О ЦАРСКОМЪ ИНТЕРЕСѢ.

Въ собраніи Царскаго сокровища надлежитъ прямо и здраво собирать, чтобъ никакихъ обиды ни на кого не навести; казна бы Царская собирать, а Царства бы его не разоряти. Худой тотъ сборъ аще кто казну Царю собираетъ, а людей разоряетъ; ибо аще кто Государю своему тщится служить, то паче собранія надлежитъ ему людей отъ разоренія соблюдать, то то собраніе и спору и прочно будетъ; къ сему же и собраннаго надобно блюсти, дабы даромъ ничто нигдѣ не гинуло. Охраненіе доброй товарищъ собранія: аще бо охраненія гдѣ не будетъ, трудно тутъ собирателю собирать.

Якобо утлаго сосуда не можно наполнити, тако и собранія казны: аще собраннаго не будутъ блюсти, неспоръ тотъ сборъ будетъ.

Азь бо въ 710 году будучи въ Новгородѣ, видѣль: на гостинномъ дворѣ двѣ палаты накладены были конской сбруи и иныхъ полковыхъ принасовъ, и что тамъ ни было, все то сгнило и пропало, и весь тотъ припасъ вырвали изъ палатъ лопатами, и на колико сотъ рублевъ того было, Богъ вѣсть.

И по такому небреженію чають, что и во всѣхъ городѣхъ и во арміяхъ отъ такого жъ комиссарскаго недозрѣнія въ припасѣхъ и въ хлѣбныхъ запасѣхъ казны много съ сего свѣта погибаетъ.

На что сего ближе и страшнѣе, еже въ Санктпетербургѣ на корабельныя дѣла готовятъ лѣса дубовые, да и тутъ пакости великія чинятся. Въ прошломъ 717 году ѣхалъ я Ладожскимъ озеромъ, и видѣлъ по берегамъ и по островамъ лежитъ дубовыхъ лѣсовъ множество, и въ томъ числѣ есть такое брусье великое, что, чаю, иной брусъ рублевъ по сту и сталъ, и иное брусье уже и замыло пескомъ, иное чуть и видѣть изъ песка.

И чають то и по инымъ берегамъ и островамъ не безъ того, и аще оно до-днесъ лежитъ, то много чають и погнило, и по такому небреженію Богъ вѣсть колико отъ такого небреженія казны погибаетъ напрасно.

И тое небреженіе, аще зрится, и велико, обаче не таково яко отъ лѣсныхъ припасателей шкоды содѣвается; ибо лѣсные припасатели великую и неизчислимую гибель чинять кораблямъ, понеже лѣса готовятъ трапореховатыя; и аще и одинъ брусъ въ коемъ корабль въ причинномъ мѣствѣ изгодится трапореховатый, то корабль весь погубить; а если въ коемъ корабль брусоевъ десятокъ - другой трапорехихъ случится, то такого корабля и почитать кораблемъ нельзя. Корабль добрый и здоровый подобенъ городу, а изъ тропореховатаго лѣсу состроенный хуже хворостинаго плетня. Плетень аще собою и некрѣпокъ, обаче егда военные люди будутъ въ немъ сидѣть, то непріятель его даромъ не возьметъ, а корабль, изъ драблага дуба сдѣланный, и безъ бою отъ трясенія воднаго пропадетъ, и людей въ себѣ и безъ непріятели всѣхъ погубить.

На такое великое и нужное корабельное дѣло надобно бы выбирать лѣсъ самой добрый и здоровый зеленецъ, а кое дерево, видится аще и здорово, а отъ древности оно покраснѣло, и такого дерева отнюдь въ корабельное строеніе не надлежитъ класть того ради что и оно непрочное; а которое дерево почало уже трапорешить, то такое, кромѣ дровъ, никуда негодно.

А видѣлъ я въ Санктпетербургѣ такіе лѣса, привезенные къ корабельному дѣлу, что и расколоть прямо неумѣть, но ломится кусьемъ, а и тесать станешь, то и щепы не отщепишь, чтобъ ей не разломаться на двое или и трое; и такого дерева ни близко къ корабельному дѣлу не потребно привозить.

И по моему мнѣнію: въ корабельномъ дѣлѣ паче огня трапореховатаго того дерева подобаетъ бояться; потому что корабль со всемъ уборомъ станетъ, чаю, тысячь въ сотницу, а отъ небольшихъ трапореховатыхъ деревъ пропадетъ, и коя казна въ немъ и будетъ, вся погибнетъ, къ томужь еще и людей въ себѣ множество погубить.

Въ корабельное дѣло дубъ надлежитъ выбирать самый добрый зеленецъ за добрымъ свидѣтельствомъ, и видомъ бы онъ просинь а не красень былъ. И аще изъ такого дуба корабль будетъ сдѣланъ, то онъ уподобится желѣзному: ибо и пуля фузейная не весьма его возьметъ; егда бо такой дубъ засохнетъ, то пуля и полувершка не проѣстъ; а въ красной дубъ пуля далече уйдетъ, а трапореховой и того глубочае проѣстъ.

И того ради который корабль изъ такого здороваго дуба сдѣланъ будетъ, то онъ трапореховатыхъ лучше двадцати кораблей; понеже онъ, первое, что пули не весьма боится; второе, что отъ трясенія

*

волнъ не трутится, третье, что онъ не гниётъ, но паче отъ воды жесточаетъ, и можетъ онъ жить лѣтъ пятьдесятъ или больше, а изъ трапореховатаго дерева сдѣланный корабль не переживетъ и пяти лѣтъ; и работа и казна вся въ немъ посоренная даромъ пропадетъ.

И мнѣ ся мнить, лучше корабли дѣлать изъ здороваго сосноваго лѣса, нежели изъ дряблага дуба: дряблый дубъ въ сыромъ мѣстѣ и пяти лѣтъ не переживетъ, но весь изотлѣетъ и пропадетъ.

Я, на денежномъ дворѣ будучи, ставилъ станы денежные, въ коихъ деньги и монеты печатаются въ большихъ стулахъ дубовыхъ, и были они только по половинѣ стула вконаны въ землю, и тѣ стулы въ три годы всѣ пропали, и я по двѣ дубины здороваго сплотилъ, и станы въ нихъ поставилъ, то и донныя стоять не вредны.

И вышеобъявленная въ дубовыхъ припасѣхъ дѣется пакость и отъ недознанія лѣсныхъ управителей; а иноземцы аще и видятъ, что лѣсъ худой, да они о томъ не пекутся, но токмо о томъ пекутся, чтобы имъ дѣлать, мастерскія деньги взять за работу со удовольствомъ; а добрый человекъ не сталъ бы изъ худаго лѣса и дѣлать.

Они какъ художники, такъ и служивые, ничимъ же разнствуютъ и торговые, паче пекутся о своеземцахъ, нежели объ насъ. Я чаю, что и всѣ Европскіе жители нерады нашимъ коряблямъ: имъ то надобно, чтобъ они одни славились и богатыли бѣ, а мы бѣ отъ нихъ изъ рукъ глядѣли.

И о семъ моемъ изъявленіи, чаю, что будутъ на меня гнѣваться, и если увѣдають о мнѣ, что не на похвальбу имъ написалъ, всячески будутъ тщатися, како бы меня опровержи.

Я ихъ множицею видалъ, что они самолюбы, а намъ во всякомъ дѣлѣ лестять, деньги манять, а насъ всякими вымыслами пригоняють къ скудости и безславію.

Егда Царскаго Величества состоялся указъ, еже дѣлать круглыя деньги мѣдныя, то никто ни изъ Русскихъ людей, ни изъ иноземцевъ, не сыскался такой человекъ, чтобы тѣ инструменты къ такому дѣлу соорудить; только иноземецъ Юрья Фробусъ имался, что добыть таковыхъ мастеровъ изъ за моря.

И я, видя въ томъ дѣлѣ протяжность великую, вступилъ въ то дикое время, и все то денежное дѣло установилъ, и я имъ иноземцамъ въ томъ еще и учинилъ пакость, обаче мнѣ шкоды никакой не было, а нынѣ нельзя ихъ не опасаться, понеже ихъ множество, и за поносное на нихъ слово не учинили бы мнѣ какой пакости.

И о непотребномъ лѣсу, къ корабельнымъ дѣламъ привозимомъ, исправить невозможно, аще нынѣшняго порядка въ припасеніи лѣсномъ неизмѣнить, и штрафа на припасателей и на отправителей не наложить.

И по моему мнѣнію видится, надлежитъ учинить, аще которые люди готовятъ тотъ припасъ въ лѣсу, то повелѣть бы съкачамъ, вошедъ въ лѣсъ, первое осмотрѣть дерево, на корнѣ стоящее, здорово ли оно есть, и буде стоитъ оно весело, и признаки въ немъ къ хворости и къ старости никакой нѣтъ, то отъ земли саженьхъ въ двухъ или выше вырубить иверень, и тотъ иверень высуша, освидѣтельствовать; и буде дерево здорово и зелено, и къ рубленью жестоко, и къ тесанью вязко, то свалить его съ корня и тесать по образцу, и вытесавъ, осмотрѣть его, все ли оно здорово, и буде нѣтъ въ немъ ни зяблины, ни иной никакой признаки хворостной, то заклеить его тому

съкачу. А кто у него приметъ, тому такожде осмотрить его накрѣпко, нѣтъ ли въ немъ какого пороку; и буде во всемъ оно здорово, то и тому пріемщику положить на немъ свое клеймо, а безъ клейма никакого дерева, ни доски, къ кораблямъ не отпускать.

А буде кое дерево съ корня свалить, и стануть его тесать, и тогда аще означится въ немъ зяблина, или дряблина, или къ тесанію будетъ кропко, и такія дерева отдавать на бочки и на иныя потребы, кромѣ корабельнаго дѣла, или тѣ лѣса жечь на смальчугу. А буде на какую потребу такой выметной лѣсъ къ корабельному украшенію, кромѣ основательныхъ дѣлъ, годенъ будетъ, то тотъ лѣсъ отпускать безъ клейма.

Подкрѣпленіе же о отправленіи корабельныхъ лѣсовъ учинить бы сице: буде кое дерево корабельное великое или малое явится у корабельнаго дѣла въ привозѣ нездоровое, и то дерево бросить не въ чотку, а чѣе на немъ клеймо, тому такое жъ дерево одно, или два за одно, у корабельнаго дѣла на своихъ проторяхъ поставить, а съкачей, кои тесали и заклеива отдали пріемщику негодное, высѣчь батоги или и кнутомъ, дабы впредъ такихъ негодныхъ деревъ не рубили и не тесали.

И за такимъ штрафомъ впредъ уже такихъ негодныхъ ни рубить и ни тесать не будутъ, и къ корабельнымъ дѣламъ отпускать не стануть. А буде зеленаго дуба на корабельное дѣло набрать будетъ невозможно, то, мнѣ мнится, не почто и тратить казна въ дубовые лѣса; потому что плохой дубъ ни малымъ чѣмъ не лучше сосны, а казны въ нихъ преизлищше идетъ много. Я чаю, что тою казною, колико изойдетъ на корабль дубу, сосновыхъ мочно три или четыре сдѣлать, а служить лише бы онъ не лучше дубоваго сталъ. Дубъ трапореховой егда напьется воды, то онъ подобенъ

будеть глинь, и на ходу вельми будеть онъ тягостень; а сосновый и еловый гораздо будеть легче, а и отъ трясенія волнь лучше дряблага дуба устоять.

Я чаю, что многіе люди будуть о сёмъ спорить глаголя: никогда де соснѣ не быть крѣпостію противъ дуба, то и я того не пререкую, что добрый и здоровый дубъ зеленець пять и десятя лучше сосны, а красный едва будеть ли лучше, а которой истрапорешиль, то тотъ хуже и ели.

Страшенъ ми сей глаголь, что дерзнулъ о такомъ дѣлѣ великомъ писати, но презельная моя горячьсть понудила мя на сіе дѣло: Богъ бо ми свидѣтель, что не ради какого поисканія, или прибытка желая себѣ, но токмо самыя ради любви, юже имѣю къ Его Императорскаго Величества самодержанію. * Ибо я отъ юности своея бѣхъ таковъ, и лучше ми каковую либо пакость на себя понести, нежели видя что не полезно, умолчати. И что во изъявленіи моемъ явится неимовѣрно, то можетъ свидѣтельствомъ или пробою разрѣшиться во всѣхъ девяти главахъ; паче же всѣхъ свидѣтельствъ правдолюбивое сердце да разсудить вся.

Еще же будучи въ Новѣгородѣ въ 710 году видѣлъ я: къ тѣмъ кораблямъ вьютъ канаты, и вьютъ ихъ изъ такой скаредной пеньки, что коя уже никуды не годится, и свивъ, смолою засмолять, возятъ въ Санктпетербургъ, и отдають на корабли, и въ такихъ канатѣхъ вящшая погибель, а не надежда.

И ради таковыя пакости, мнитсѣ мнѣ: лучше во адмиралтейство принимать канаты несмоленные, то несмоленого осмотрѣть, какова въ немъ пенька, и колико въ ней кострики, и здороваяль она или гнилая, развить все то, что мочно познать, а въ смоленомъ ничего того

* Въ моемъ спискѣ этого слова вѣтъ.

не знать, и смолить бы ихъ уже освидѣтельствовавъ; то такіе канаты будутъ надежны.

Канаты корабельные, становые, дѣло великое и страшное: дѣлать ихъ надлежитъ изъ самой доброй и здоровой пеньки, потому аще канатъ надеженъ, то кораблю спасеніе; а аще канатъ худъ, то кораблю и людемъ въ немъ сущимъ явная погибель.

И буде мынѣ канаты изъ такой же плохой пеньки дѣлають, то не по что якорей и метать въ воду, но лучше пускаться по вѣтру.

Еще же надлежитъ ми донести и изъяснити о пошоной работѣ: которые присылаются съ городовъ въ Санктпетербургъ на тримѣсячную работу, такожде и во инья мѣста пришедъ, работаютъ по три мѣсяца, а работы ихъ видѣть нечего, и смотрѣть ихъ на ту работу маркотно: потому что гонять день къ вечеру, а не работу къ отдѣлкѣ.

И аще бы и то исправить и сицевымъ порядкомъ: выбрать къ тѣмъ дѣламъ правителей добрыхъ, кои бы не алтынники были, и приказать имъ осмотрѣть разумно, и смѣтить колико на коей работѣ тримѣсячные работники въ бытность свою сдѣлали, и ново-пришедшимъ работникамъ ту работу изъяснить, и не-коликую часть къ тому приложить по дѣлу смотря, и сказать имъ такъ: аще толикое число сдѣлаете хотя въ одинъ мѣсяць, то и отпущены съ тримѣсячныя работы будете. И сдѣлавъ урокъ хотя на Государеву же работу наймутся, хотя по мірскимъ работамъ будутъ наниматься, а буде не похотятъ наниматься, то шли бы въ дома свои.

И тѣмъ управителемъ сказать указъ за жестокимъ штрафомъ и съ наказаніемъ, чтобы аще и въ одинъ мѣсяць ту тримѣсячную работу отработаютъ, то ничего бы съ нихъ не брали, и не волоча ихъ ни дня,

и отпускъ бы имъ чинили. И аще такъ уставится, то крѣпко можно надѣяться, что многіе будутъ трехмѣсячную работу въ одинъ мѣсяць обрабатывать.

И кои работники урокъ свой обработаютъ хотя скорая мѣсяца, а отпуска давать имъ тримѣсячные, потому что они трехмѣсячную свою работу сработали. А если въ отпускъ трехмѣсячныя работы не написать, то откуда они посланы, стануть на нихъ данныхъ денегъ спрашивать назадъ.

И буде и не весь коего города работники, но отберутся артелью трехмѣсячную уреченную имъ работу отдѣлають, то тое артель и отпустили бы безъ задержанія; и на то смотря будутъ и другіе работники поспѣшать. А кои не похотятъ уроками дѣлать, и тѣ пусть весь три мѣсяцы работаютъ; и аще тако устроится, всякія дѣла поспѣшнѣе будутъ отправляться.

И буде впроки тако устоитъ, то всемъ работникамъ охотнѣе будетъ на работу ходить, и дѣла будутъ отправляться поспѣшнѣе; потому что отдѣлавъ свой урокъ, будутъ хотя на той же работѣ изъ найму работать.

И не токмо въ однихъ черныхъ работахъ надлежитъ учинить, но и въ художныхъ дѣлахъ, какъ въ Русскихъ, такъ и въ иноземцахъ, такожде надобно учинить, чтобы всякая работа давать имъ уроками же.

А мѣсячное имъ жалованье надлежитъ отставить, и давать по задѣлю коекождо ихъ, то всякія дѣла скорѣе будутъ дѣлаться.

Видѣлъ я въ оружейной палатѣ при сидѣньѣ Алексѣя Александровича Курбатова: иноземецъ принесъ фузею, къ которой онъ дѣлалъ деревянное ложе гладкое, ни рѣзей, ни костей въ него не сажено, а дѣлалъ онъ тое ложе четыре мѣсяца, и на всякой мѣсяць шло тому иноземцу едва не выше ли десяти рублей на мѣсяць. А если-

бы отдать тое ложе съ договоромъ, взяли бы отъ него рубля полтора или бы сорокъ алтынъ, и сдѣлали бы дня въ два или въ три, а не въ четыре мѣсяца; и Алексѣй Александровичъ вельми на него кричалъ и говорилъ: ложе де больше двухъ рублей не стоитъ, а пришло де оно близъ шти-десяти рублей.

Иноземцы всѣ не пекутся, чтобъ ему по скорѣе сдѣлать, но паче о томъ пекутся, како бы имъ по доле протянуть. Иноземцы всѣ ни о чемъ такъ не пекутся, какъ о мѣсячныхъ деньгахъ.

А и въ сборѣ царскаго интереса не весьма право дѣется: ибо покушаются съ одного вола по двѣ и по три кожи сдирать, а по истинней правдѣ не могутъ и единыя кожи цѣлыя содрати, и елико ни нудятся, токмо лоскутье содираютъ, и въ томъ Царскаго Величества интересу поврежденіе чинится великое; понеже хочутъ излишнюю пошлину взять, да въ томъ и истинную свою истеряли.

Ибо по торговому уставу въ которомъ городѣ товаръ какой собирается, то повелѣно съ крестьянъ пошлинъ брать по пяти копеекъ съ рубля; а кто собираетъ, то съ тѣхъ вельно явочныхъ денегъ по пяти денегъ съ рубля, да отвозныхъ по пяти денегъ съ рубля; итого станеть по гривнѣ съ рубля; и куды тотъ товаръ отвезутъ и продадутъ, то паки съ продажи берутъ по пяти копеекъ съ рубля; итого станеть по пятнадцати копеекъ съ рубля. Нынѣ вмѣсто тѣхъ пятнадцати копѣекъ съ иныхъ товаровъ ни по деньгъ съ рубля не сойдется; потому что многіе покушаютъ у себя на дому, а иные покупаютъ отъѣхавъ.

И тако первая пять копеекъ, кое было надлежало взять съ крестьянина, и пропадаетъ, а тотъ купецъ продаетъ тайно же, то и другая пять копеекъ пропадаетъ, и тотъ вторій купецъ привезши въ свой

городъ тайно, въ свою лавку или и по инымъ раскладеть. И тако въ мѣлкую продажу онъ изойдетъ, то и третья пять копеекъ пропадетъ.

А буде кто какого товара не можетъ тако тайно учинить, то онъ возьметъ выпись на свое имя, и кто у него купить, и тотъ по той чужой выписи повезеть, и буде удастся продать безошлинно, то тое выпись назадъ отвозить, и какъ ни есть съ тѣмъ бурмистромъ сладятся, да и выпись о земь. И того ради многіе отпускныхъ выписей и въ книги не записываютъ.

А буде кто тайно товару своего продати не можетъ, то токмо одну пошлину заплатитъ по пяти копеекъ съ продажи, а та вся пропама; а буде кто и тайно избудеть, а откуда тотъ товаръ поднять нельзя платежной выписи не лививъ, то возьметъ платежную выпись гдѣ въ маломъ городѣ или въ сель, гдѣ тотъ товаръ никогда не бывалъ, и цѣну напишетъ малую, и съ той малой цѣны возьмутъ у него по договору съ рубля по двѣ копейки, а съ правдивыя продажи едва и по копейки съ рубля сойдется ли.

И тако вмѣсто многихъ разныхъ пошлинъ пятикопеечныхъ никому одной пятикопеечной пошлины не сойдется; и вмѣсто пятиалтынныхъ едва сойдется ли и по копейкѣ съ рубля. Итого ради нельзя и быть сборамъ пошлиннымъ великимъ потому, что вся пошлина на переводъ идетъ.

И нынѣ многіе вымышленники, хотя сборы пополнить, вымыслили поземельныя, подушныя, хомутейныя, прикольные, съ судовъ водяныхъ, посаженныя, мостовыя, пчельныя, банныя, кожныя, покосовщинныя и съ подводчиковъ десятыя, и называютъ то собраніе мелочными сборами: «обаче ни тѣми поторжными сборами» *

* У Стр. слова между злѣтыми пропущены.

наполниться казна можетъ, токмо людемъ трубацыя великая: мѣлочной сборъ мѣлокъ онъ и есть.

Еще же къ тѣмъ мѣлочнымъ сборамъ приложимъ и иной сборъ иже Царскому Величеству весьма неприличный: такому Великому Монарху, и на весь свѣтъ славному, и Великому Императору, собираютъ ему на нужные расходы со всякаго сбора по деньгъ на рубль, и сей сборъ паче всѣхъ сборовъ моему мнѣнію противенъ; понеже Царь нашъ всесовершенный самодержецъ, и не токмо отъ своихъ рабовъ, но и отъ иныхъ своихъ сосѣдей зазрѣнъ быти не можетъ. Онъ нашъ Государь подобенъ Богу, еже восхоцетъ можетъ сотворити, и казну свою можетъ со излишествомъ наполнити, и никакая нужда денежная коснутися его не можетъ.

По моему мнѣнію вышепомянутые древняго устава пошлинные многоплодные сборы и нововымышленные мѣлочные сборы отставить, да уставить единъ самый Государственный правдивый сборъ, иже съ Христова воплощенія уставленный, т. е. десятинный еже имать пошлыны по гривнѣ съ рубля, а не по пяти алтынъ.

И учинить бы тотъ сборъ постоянный и недвижимый и никогда ненарушимый, чтобъ со всякаго товара взять пошлыны единожды по гривнѣ съ рубля, и уже бы съ того товара въ другой рядъ или въ третій отнюдь бы ничего никогда нигдѣ не имать.

Аще кой товаръ того года и не продается, но продается въ другой годъ и въ третій, то уже съ того товара другаго платежа съ той цѣны, съ коея прежде заплачено, никогда бы ничего не имати.

И аще такъ Богъ устроить, то людемъ будетъ покойно, а Царскому Величеству собранія пошлиннаго, не могу надежно рещи втрое, а вдвое гораздо настоящагобору будетъ больше.

Нынѣ отъ такихъ многихъ сборовъ люди приходятъ во оскудѣніе; потому что колико разныхъ сборовъ есть, толико и бурмистровъ, а у всякаго бурмистра цѣловальники и ходоки особливые; и кои люди въ службу выбраны, тѣ уже отъ промысловъ своихъ отбыли, и кормятся тѣми жъ Государевыми деньгами. И того ради никакіе сборы и не споры, а люди всѣ тонѣютъ: ово отъ множества служебъ, ово же за преступленіе крестнаго цѣлованія и чрезъ присягу дѣлаютъ нетвердо, деньги сборныя крадутъ, тѣмъ себя и питаютъ, и ради клятвopеступленія не спорится имъ.

А егда службу свою отслужать, то приказные люди стануть ихъ считать, да щипать, а въ томъ отчетъ годъ или два проволочать, и тою волокитою и до конца разоряютъ ихъ.

И мнѣ мнится: лучше всякимъ служителемъ учинить указное опредѣленіе, чѣмъ имъ питаться, дабы имъ въ клятву не впадати, и питатися бы благословеннымъ кусомъ; такожде и приказнымъ людямъ надлежитъ указъ учинить, почему съ какогo служителя имать, дабы всякой челоувѣкъ своимъ благословеннымъ кусомъ питался.

Сіе моему мнѣнію вельми прикро (?) что бурмистровъ и цѣловальниковъ выбрать въ службу, да ко кресту принуждаютъ и клятвами великими заклинаютъ, чтобъ не малому чему Государеву не коснулся, а выбираютъ въ цѣловальники самыхъ бѣдняковъ,* то какъ ему правда дѣлать, что если ему не украсть, то и кляба добыть ему негдѣ. И тако вси въ грѣхъ впадаютъ, тѣ служители отъ нужды касаются кражъ, а другіе вѣдаютъ, что и перваго дня безъ кражи не пробудутъ, а ко кресту принуждаютъ. А егда увидятъ чье похищеніе,

* У Стр. лбедниковъ.

то пытаются и кнутомъ бьютъ, и дома ихъ разоряютъ, и за преступленіе клятвы и на томъ свѣтъ будеть мучиться.

По моему мнѣнію: буде за всѣми служителями смотреть и наказаніе чинить имъ, то лучше клятва оставить, а буде клятвы оставить не мочно, то наказаніе оставить, и дать его на Божій судъ.

И буде крестнаго цѣлованія не отставитъ, то надлежитъ у крестнаго цѣлованія спросить его съ запискою, чѣмъ онъ у того дѣла будучи будеть питаться, можетъ ли онъ своимъ прокормиться. И буде скажетъ, что прокормится ему нечѣмъ; то опредѣлить его кормомъ, чтобы ему было чѣмъ питаться. И буде кто за опредѣленнымъ питаніемъ сборнымъ деньгамъ коснется, то уже жестоко надлежитъ его наказать. И того ради весьма потребнѣе крестное цѣлованіе и всю клятву уставленную оставить, и учинить яко бурмистрамъ тако и цѣловальникамъ указное хлѣбопитаніе.

И по всему сему лучше мнится крестное цѣлованіе и клятву всю оставить и учинить одно наказаніе; ибо полно ему и того, что за вину свою на семъ свѣтъ отлучится, а на ономъ свѣтъ будеть уже отъ тамошняго мученія свободенъ.

А въ пошлинныхъ,* видится, вельми пристойнѣе съ продаемаго товара имать единожды, ибо и съ вола одина кожа содирается; подобне и наказаніе человеку за вину надлежитъ учинить единожь, либо чловѣче, либо Божіе.

А и о соляной продажѣ мнится мнѣ быти не весьма дѣльно учинено, еже быти ей въ продажѣ Царскаго Величества, но вельми пристойнѣе быти ей въ свободномъ торгу, а вмѣсто продажныя прибыли поло-

* У Стр. *Въ пошлинныхъ.*

жить на всякой пудъ, коя пойдетъ въ продажу, пошлины по гривнѣ на пудъ, а не съ денегъ, и гдѣ въ какову цѣну ни купится, хотя гдѣ въ алтынѣ или въ грошѣ пудъ, обаче имать съ нее по гривнѣ съ пуда или больше или меньше, по колику Его Императорское Величество поволить имать съ пуда. И братъ бы ту пошлина на кормлю, * откуда она въ развозку пойдетъ. То со всякія ладьи (?) сойдетъ пошлины по десяти тысячъ рублевъ или больше, такожде и съ бузуну и съ поморки. И гдѣ бы былъ ся пудъ по копейкѣ, а пошлину единаче имать съ пуда по опредѣленію уставленному, и всякому купцу давать изъ таможни ярлыки свободные, чтобъ ему не токмо въ городѣхъ, но и въ деревняхъ Рускихъ, и иноземскихъ, и въ зарубезныхъ, продавать свободно, и пошлины съ нея нигдѣ никакой не имать. Тотъ сборъ всегда будетъ цѣль: ни вода его не потопить, ни огонь пакости томубору не учинить; и буде гдѣ соль потонетъ или сгорить, а Царской казнѣ ни малаго помѣшательства не учинить.

И аще соли свободный торгъ будетъ, то многія тысячи людей будутъ отъ нея кормиться благословеннымъ кусомъ, а не проклятымъ; понеже безъ кражи будутъ прямымъ своимъ трудомъ питатися. И аще соль нынѣшняго и дешевле будетъ; обаче многіе люди и разбогатыють отъ нея; люди отъ бессолицы цынжаты и безвременно умирать не будутъ.

А нынѣ въ деревняхъ такую нужду подъемлють, что многіе безъ соли ѣдятъ, и оцынжаты и умирають; и отъ задержанія соли во иныхъ мѣстѣхъ выше рубля пудъ покупають, да и то не всегда, и отъ такой бессолицы напрасно люди помирають.

* У Стр. вмѣсто этого слова пробль. Я думаю надо на кореню.

Аще бы она не заперта была, и былъ бы торгъ ей свободный, то нигдѣ бы безъ соли не было, а въ казну бы Его Императорскаго Величества деньги бы шли чистыя съ тысячи пудъ по сту рублей, а ни бурмистровъ, ни цѣловальниковъ, ни надзирателей къ той соли не надобныбъ были, ни водяные суды, ни кладовые анбары, ни работники, ни проводники, ни канаты, ни якоря, ни иные какіе припасы, «и подводы подъ нее ненадобны бы были, но одна бы таможня управила, и то токмо въ тѣхъ городѣхъ, гдѣ тое соль, купцы рознимать будутъ.

А гдѣ ее купцы въ рознавѣску продавать будутъ, то тамъ нималаго збору не надлежитъ съ нее имать и записки уже никакой ей ненадобно кромѣ тое, откуда она поднята и въ розвозъ повезена.

А наипаче тамъ ее надлежитъ записывать на кореню, гдѣ она сварена; тамо надлежитъ двѣ записки имѣть, едина выварная а другая развозная — и о самосадкѣ тожъ чинить.

И торговые промышленники, купя ее, куды похотять, туды и повезутъ, и хотя гдѣ какая и шкода ей будетъ, то все ихъ, а Государевъ зборъ всегда будетъ цѣль. А люди по нынѣшнему отъ безсолицы цынжать и безвременно умирать не будутъ, потому что торговые люди по деревнямъ сами возятъ, и не токмо на деньги продаютъ, но и на хлѣбъ и на скотину и на всячину мѣняють, и въ долгъ отдають.

А Государевы купчины и бурмистры безъ денегъ ни на одну копейку не дадутъ, а се не вездѣ ее и продають, и кому купить ее ѣхать верстъ сто иль другое иль и больши, и того ради крестьяня, кои маломочны всѣ пропадають, и аще и многіе отъ безсолицы помирають, да никто о томъ Великому Государю не доносить,

а судьи хотя и вѣдаютъ, да о томъ они не пекутся, чтобъ люди всѣ цѣлы и здоровы были.

И въ тѣхъ соляныхъ зборѣхъ въ бурмистрахъ и въ цѣловальникахъ, и въ управителяхъ, и въ работникахъ, и въ надзирателяхъ, тысячъ пять шесть или больше есть, а вси они будто черви точатъ тое жъ соль, и пищу себѣ приобрѣтаютъ отъ тояжъ соли.

А если бѣ та соль въ свободномъ торгу была, тобъ всѣ тѣ люди были промышленниками, и питались бы отъ своихъ трудовъ.

И о семъ мочно и сличиться, колико отъ соляной продажи приходитъ прибыли, и колико на всякія расходы расходится, и за всѣми расходы, колико чистыхъ денегъ прибыльныхъ останется, и колико пудъ въ-сомъ въ годъ ее въ продажу исходить; и если со всей продажи обложитъ* по гривнѣ съ пуда имать пош-лины, то по исчисленію пудовъ явно будетъ, колико тѣхъ гривенныхъ денегъ будетъ. Я чаю, что не меньше продажныя прибыли будетъ, а встани гораздо меньше будетъ, а люди сытѣе будутъ.

И вышеявленной съ соли пошлинный сборъ и съ прочихъ товаровъ по вышепредложенному регулу надлежитъ оставить уже неподвижнымъ.

Ежебы брать пошлина всякая по вышеписанному на кореню, то всѣ тѣ сборы управить одна таможня. И откуда какой товаръ кто ни станеть поднимать, и по чему онъ будетъ тутъ на торгу купленъ, или на дому у себя, или въ деревню отъѣхавъ, обаче по прежнему уже пошрины утаить нельзя будетъ; почему онъ ни купить, а пошлину дать полную по гривнѣ съ рубля; и уже ни коими дѣлы и отбыть отъ платежа не возможно будетъ; потому что безъ платежныя выписи нельзя ему никогда того

* Все мѣсто между «—» въ моемъ спискѣ пропущено.

товару повезти. Того ради что аще безъ платежныхъ выписи куды ни поѣдетъ, то взять будетъ тотъ товаръ на Великаго Государя безповоротно. А буде кто и кромъ таможенныхъ бурмистровъ и цѣловальниковъ кой не есть человекъ увѣдаетъ, что везетъ кто товаръ какой безъ пошлинныхъ выписи, и поймаетъ его, то ему изъ того товару за поимку надлежитъ десятая доля. И такого ради страхованія никто, не объявляя своего товара, ни куды не повезетъ.

И егда кто товаръ будетъ ладить ко отпуску, то гдѣбъ онъ ни былъ купленъ, то объявить его тутошнему бурмистру, и бурмистру тотъ товаръ осмотрить именно; и весь тотъ товаръ въсомъ и счетомъ и съ цѣною написать въ выпись подлинно, такожде и у себя въ закрѣпленную тетрадь записать подлинножъ, колько коего товару, и на сколько цѣною, и колико числомъ денегъ пошлинныхъ съ него взято. Такожде и въ выписи писать именножъ, колико пошлинныхъ денегъ взято. А по прежнему отнюдь не писать, что взято по указу, но не токмо рубли и денга взятая писать именно, чтобъ всякому взятыю прямое извѣстіе было.

А буде у коего купца въ то время пошлины заплатить нечѣмъ, то въ платежъ взять порука добрая и знатная, и вмѣсто записи руки поручникамъ прикладывать въ закрѣпленной книгѣ. И кто выпись возьметъ подъ запискою, расписывались бы иманцы именно, а безъ зависки и безъ росписки отнюдь бы не давали выписей.

И буде кой купецъ у подъему своего товару пошлинныхъ товаровъ и не заплатитъ, обаче въ выписяхъ того долгу недоимокъ не писать, но писать, что пошлина, толико то числомъ, взята, а долги и доимки и поручиковъ въ платежъ писать у себя имъ въ таможенныхъ книгахъ; или и закладъ брать для того

чтобъ по прежнему пошлинныхъ денегъ на переводъ не переводили.

И отпуская товаръ, кой можно пятнать, то весь тотъ товаръ перепятнать таможеннымъ пятномъ. А буде кто собереть скота быковъ или коровъ, то на всякой скотинѣ на правой бедрѣ выжигать цифирными словами число рублямъ, колико за кую скотину дано рублевъ, а колико за рублями копеекъ лишку, то тѣмижъ цифирными словами выжигать на правой лопаткѣ, а коя скотина куплена ниже рубля, то личить копейками, и выжигать такожде на правой лопаткѣ.

И у лошадей такожде цѣну выжигать рубли на правой бедрѣ, а копейки на правой лопаткѣ.

И за такимъ порядкомъ нельзя будетъ ни единыя скотины, ни лошади, не заплатя пошлины и не запятнанной, ни продать, ни купить; и отпуская ту скотину бурмистрамъ писать въ книги, и именно колько какой скотины, и коей что цѣна, а лошадямъ и годы писать и примѣты.

А буде кто накупя скота, погонить не запятнавъ, то аще и съ выписью погонить, взять всю та скотина на Государя. И гдѣ тое скотину запятнанную на городъ или въ деревнѣ продасть, и что возьметъ сверхъ помянутой покупной цѣны, и съ того перекупу взять пошлины съ рубли по гривнѣ, а съ покупной цѣны отнюдь не имать ничего. И буде кто и купить, и купя продасть иному, хотя вскорѣ или годъ два-три спустя, то брать пошлина съ перекупки жъ, а съ первыя плаченныя цѣны отнюдь никогда не брать ничего.

И съ тѣмъ товаромъ или скотомъ въ кой городъ прїѣдутъ, и платежную выпись объявлять, и тѣмъ бурмистрамъ ту выпись вписать въ закрѣпленную книгу подлинникомъ, и товаръ осмотрить, и буде сходенъ

вельтъ продавать, и что возьметъ сверхъ покупной цѣны лишку, и съ того перскупу брать пошлыны по гривнѣ съ рубля; и буде по той же цѣнѣ продасть, по чему онъ самъ купилъ, или меньше покупной цѣны продасть, то не имать съ него ничего, токмо подъячему отъ записки дать копейку.

А буде явится у вѣсчаго товару у ста пудъ лишка пуда два-три, то съ того излишняго товара взять пошлына по указу гривенная. Такожде и въ мѣрѣ, буде у ста мѣрѣ явится примѣру мѣры двѣ или три или меньше, и съ того товара излишняго взять по гривнѣжъ съ рубля.

А буде привѣсу или примѣру или причету явится больше тѣхъ мѣрѣ, то взять на Государя. А буде кто купить что тайнымъ обычаемъ безошлынно, то у купца товаръ, у продавца деньги, кои онъ взялъ за неявственной товаръ, взять на Государя, да скиня рубаху, бить ихъ обоихъ батоги нещадно, и вину ихъ, за что биты, записать въ книгу. А буде кто изъ нихъ въ другой рядъ явится въ такой же винѣ, то взять у купца товаръ, да штрафу толикоежъ число, колико за товаръ дано, а у продавца сугубо взять, да обонхъ кнутомъ бить, по скольку ударовъ уложено будетъ.

А буде продавецъ, продавъ безошлынно да принесеть свою вину, и объявить, что купецъ купилъ у него безошлынно вѣдая, то продавецъ свободенъ будетъ отъ вины, а у купца взять тотъ товаръ на Великаго Государя со штрафомъ.

А буде же купецъ о такомъ дѣлѣ на продавца извѣститъ, то у продавца взять взятыя деньги со штрафомъ, а купецъ свободенъ.

А буде ни купецъ, ни продавецъ, не объявятъ, что у нихъ торгъ состоялся тайно, а со стороны кто доведеть на нихъ, то потомужъ взять деньги и товаръ

со штрафомъ, а доводчику дать изъ того товару десятая доля, а продавцу и купцу наказанье чинить выше объявленное, да на нихъ же доправить тѣ деньги, что доводчику даны будутъ.

А буде кто накупя товаръ, или и свой домашній повезетъ на продажу не записавъ въ таможнѣ, и выпиши не взявъ, и пошлины не заплатя, или пошлину заплатилъ и выпись взята, а товаръ не запятнаной, или и запятнаной, да не весь, то запятнанный продавать, а незапятнанный взять весь на Государя.

И гдѣ на городѣ или въ селѣ таможенные цѣловальники спросятъ выпиши, а у него выпиши нѣтъ, или и есть, да товаръ или скоть не запятнаны, то тотъ товаръ кой не записанъ, или не запятнанъ, взять на Великаго Государя безповоротно, и колико его будетъ, записавъ, продать охочимъ людямъ, а деньги записать въ таможенный сборъ.

А буде кои бурмистры или цѣловальники, видя товаръ какой или хлѣбъ какой везутъ безъ выпиши или незапятнанный, а онъ не возьметъ того товара на Государя, то на тѣхъ бурмистрахъ или на цѣловальникахъ взять штрафъ сугубый, и наказаніе чинить сугубое жъ.

А которые товары собираются къ отпуску за море и въ Китай и во иныя зарубежныя страны, то и съ тѣхъ товаровъ такожде пошлина брать по гривнѣ съ рубля, на кореню жъ, откуда тому товару отпускъ будетъ, и та пошлина брать вся же сполна, а выпиши давать имъ платежныя жъ, чтобъ и на порубежныхъ торгахъ съ той цѣны, съ каковыя платилъ на кореню, не брать бы ничего жъ.

А егда кой товаръ сторгуютъ иноземцы въ отвозъ за море или не за море, да за рубежъ, то вмѣсто всякихъ поборовъ взять пошлина отпускная съ кора-

белыхъ мачтъ по прежнему городскому окладу: по десяти рублевъ съ дерева, съ пеньки трепаной и со льну съ берковца по три рубли, смолы и сала по четыре рубли, съ юхоти съ берковца жъ по пяти рублевъ, или по чему мочно положить, а съ хлеба по рублю или по полтинъ съ берковца жъ. Такожде и на прочіе товары, что ни будетъ разныхъ матеріаловъ, по разсмотрѣнію наложить за всякіе мѣлочныя поборы особливая отпускная пошлина, кромѣ той, что при подъемъ того товару на кореню платили съ покупныя цѣны, а съ желѣза связнаго, кромѣ настоящія пошлины, накладныя не накладывать.

И по чему съ какого товара обложено будетъ накладныя пошлины имать, то надлежитъ всѣмъ купецкимъ людямъ объявить, чтобы они про ту накладную пошлину вѣдали, и торгуясь со иноземцы прикладывалибъ ту накладную пошлину къ истинной своей цѣнѣ, чтобы имъ въ томъ пошлинномъ платежѣ изъяну не было. А буде кто продасть товаръ свой безъ приставки той накладныя пошлины, то та пошлина направлена будетъ на продавцѣ сполна.

Такожде кои товары прежде сего иноземцы покупали въ городѣхъ, или токмо съ тамошними жителями о цѣнѣ сошлись, и съ тѣхъ товаровъ по уставу брать настоящая пошлина — съ рубля по гривнѣ при отпускѣ жъ на кореню сполна.

А съ отпуску за море и за прочіе рубежи накладная пошлина имать со всѣхъ товаровъ сполна жъ по окладу безъ уятія неизменно жъ. А буде кто Русской человекъ или иноземецъ какинъ вышлюкъ привезеть изъ Русскихъ городовъ какой нибудь товаръ безъ платежна выписки, то тотъ товаръ безъ всякія отговорки зять на него Великаго Государа безповоротно, и продать охочимъ людямъ, а на немъ за вину

взять протаможное на толикое жъ число, чего тотъ товаръ стоитъ, или какъ о томъ уложено будетъ.

А буде у кого отъ зарубежныя продажи останется какого товара, и похочетъ онъ тотъ товаръ продать Русскимъ людемъ, то взять съ того товару токмо съ перекупу, а накладныя пошлины уже не брать. А буде кто купивъ про себя, продасть иноземцамъ въ отпускъ за рубежи, то неотложно взять накладная пошлина по указу сполна сверхъ настоящія гривенныя пошлины съ продавца того, кой купил, продалъ за рубежъ.

А буде кои и Русскіе люди похотятъ какой-либо товаръ везти за рубежъ сами, то и съ тѣхъ товаровъ также брать пошлина накладная неизмѣнно сполна.

А и питейный сборъ, по моему мнѣнію, весьма неисправно дѣется, и отъ того Царскаго интересу много тратится: первое, что бурмистры живутъ въ тѣхъ службахъ непрочныя, но на каждый годъ переменныя; другое, что уборъ питейныхъ покоевъ плохъ, и питья держать самыя плохія; третіе, что цѣна питью одному обрѣтается разная: вину—имя одно, а цѣною продають разною, и каждый городъ особливую цѣну имѣеть; обаче и та цѣна непостоянная, но на каждый годъ измѣняютъ, а иное и дважды въ году измѣняютъ, и то стало быть непостоянство.

Нашъ Царь не купецъ, но Самодержавный Повелитель: какъ чему повелить быть, тако и подобаетъ тому быть неизмѣнно, и нимало ни на право, ни на лѣво неподвижно; яко Богъ всемъ свѣтомъ владѣтъ, такъ и Царь въ своей державѣ имѣеть власть, и по Его Царской власти надлежитъ всякой власти вѣщше быть постоянной и похвальной, и чтобы, яко мѣры вездѣ равныя, и цѣны подобаетъ быти равной, никогда

неизмѣнной; како въ хлѣбородномъ году, тако и въ недородномъ; и какова цѣна въ безхлѣбномъ мѣствѣ, тако подобаетъ продавать и въ самомъ въ хлѣбномъ мѣствѣ; ни питья не измѣнять, ни мѣры, ни цѣны не нарушивать, но имѣть все невредно.

А бурмистры переменные весьма неправо потому, аще коему бурмистру прилучится и не впервые на кабакъ быть, то онъ буде извѣдаетъ, что ему надобно, обаче исправитися прямо не можетъ.

А кой бурмистръ впервые сядетъ, то вездѣ потеряетъ: не знаетъ колько чего ему надобно припасти, и купить все въ передачу; и гдѣ было найтить, а онъ тутъ потерять.

И аще бы бурмистры были въковые, тобы ни гдѣ онъ не потерялъ, и лишку бы ни у какой покупки не передалъ, всякіе бѣ припасы покупалъ во время дешевости; а медъ кой годъ случится дешевле, то могъ бы онъ и на другой годъ или и на третій заласти; такожде и посуду, какая къ тому дѣлу потребна, припасъ бы ее въ удобное время, и ни у какихъ бы припасовъ лишку не передалъ бы; зналъ бы онъ, что куды ему надобно.

А для такого исправленія надлежитъ въ бурмистры выбирать людей не весьма богатыхъ, но среднія статьи, токмо разумныхъ и правдолюбивыхъ, и въ дѣлахъ праведныхъ, кои бы были не пьяницы, и чтобы всѣмъ городомъ положили на нихъ свидѣтельство, что они люди добрые и радѣтельные и правдивые, и со управленіе такова дѣла ихъ будетъ.

А выбравъ таковыхъ людей учинить имъ жалованья годовое, и буде сверхъ настоящаго сбора неусыпнымъ своимъ радѣніемъ приберетъ излишнее, то за тотъ приборъ дать ему сверхъ его окладу со всякаго приборнаго рубля по гривнѣ, и тѣ деньги за из-

лишніе приборы по гривнѣ съ рубля вычитать имъ изъ своихъ сборовъ, и тотъ свой сборъ именно записывать бы въ книгу; и что кому выпидеть гривенныхъ денегъ, записывать бы прямо. Такожде буде и цѣловальникъ кой у отмѣряннаго ему на продажу питья сверхъ продажныя цѣны принесетъ излишнее, и изъ того лишняго числа давать имъ за ихъ радѣніе половина, и тѣ излишнія примѣрныя деньги въ настоящей книгѣ записывать подлинно, и что изъ нихъ дано цѣловальникамъ, тутъ же подъ статьею записывать неотложно.

И бурмистрамъ настоящее свое жалованье, кому какво обложено будетъ, имать бы имъ по вся годы самимъ изъ своихъ сборовъ, и записывать въ расходную книгу именно.

А буде имъ за жалованьемъ своимъ ходить за судьями и за расходчиками по нынѣшнему, то уже правдѣ быть нельзя: для излишнихъ расходовъ будутъ лгать.

И въ такомъ управленіи вельми питейные сборы будутъ споры, потому что и ни у чего передачи не будетъ, и истери излишнія никакой не будетъ же, и ничего онъ не прямо дѣлать не будетъ. И что имъ въ жалованье дастся возвратится съ лихвою; я чаю, что изъ одного припѣну выберутъ свое жалованье, а настоящія питейныя деньги всѣ будутъ цѣлы, и всякое дѣло будетъ у нихъ споро и прочно.

Паки и отъ сего интереса Царскаго Величества гніеть много, что помѣщикибору казны Его Императорскаго Величества не помогаютъ, но еще и препятіе чинять: въ коихъ пристойныхъ мѣстѣхъ по Его Императорскаго Величества указу повельно кабаки построить, и собирать бурмистрамъ и цѣловальникамъ питейную прибыль, и гдѣ уже построены быми, помѣ-

щики разорили и сборы остановили. Василій Дмитріевичъ Корчминъ, еще добрый человекъ и Великому Государю вѣрный слуга, обаче и онъ въ сіемъ вельми погрѣшилъ: ибо въ Болонецкомъ погостѣ до его владѣнія была питейная стойка построена, и рублевъ по сту и больше на каждой годъ на ней собиралось, а нынѣ приказной его человекъ съ питьемъ въ ту стойку не пускаетъ, и въ Государевъ погребу ставитъ свое питье. И отъ того у Великаго Государя рублевъ по сту и больше пропадаетъ. А нынѣ помѣщики и такіе есть, что и цѣловальниковъ бьютъ, и питья отымаютъ, и посуду разбиваютъ, и по такому ихъ озарничеству стали они быть Государю своему противники, а не слуги. Чемъ было имъ Государю своему радѣть, и въ собраніи казны чинить вспоможеніе, а не остановку, то они бѣдные (?) забыли, что самая истинная земля, коя и подъ нимъ самимъ, не его, но Великаго Государя, а и самъ онъ не свой, а его жъ Величества, а страха на себѣ ни малаго не имѣютъ. И такое препятствіе чинится въ мѣлкихъ помѣщикахъ, а о сильныхъ лицахъ и спрашивать нечего! Тѣ и ногою на ту землю, коя подъ временнымъ его владѣніемъ, съ питьемъ Государевымъ не пускаютъ. И въ большихъ своихъ вотчинахъ построены у нихъ свои кабаки, и называютъ ихъ кваснями, а подъ именемъ квасня продаютъ явно пиво, а вино потаенно. А питейная прибыль самый древній интересъ Царскаго Величества, а не помѣщичій. И еще все совершенно у всѣхъ помѣщиковъ самовольство ихъ отнять, и во всѣхъ вотчинахъ по пристойнымъ мѣстамъ построить кабаки, то прибыли питейныя тысячъ по сотницѣ или больше въ годъ прибудеть.

А буде же по прежнему Его Императорскаго Величества указу вино дворянамъ курить запретить, и клейменные кубы и котлы оставить, то, чаю, что по

двѣсти или по триста тысячъ рублей на каждый годъ прибудеть у питейной продажи.

А буде кто самый сильный человекъ просить будеть, чтобы квасни ихъ не разорить, и торговать бы по прежнему пивомъ имъ на себя, то повелѣть года на два-три посадить за питьемъ вѣрныхъ цѣловальниковъ или бурмистровъ. И что они соберутъ, то впредь мочно изъ наддачи и имъ на откупъ отдать, и брать съ нихъ откупныя деньги по договору съ торгу, а чтобы по прежнему самовольствомъ имъ своимъ владѣть отнюдь не давать; понеже подъ всѣми ими земля вѣковая Царева, а помѣщикамъ дается ради пропитанія на время. Того ради Царю и воля въ ней большая и вѣковая, а имъ меньшая и временная, и не токмо имъ питейной продажсю самовольно владѣть, но и землю безъ платы не можно имъ владѣть. А буде кто похочетъ питьемъ владѣть, то тотъ да даетъ съ питейныя продажи окупъ съ вольнаго торгу, понеже прибыли суть Царскаго интереса, и того ради никому вступатись въ нее не надлежитъ. А дворяне и мѣлкя статьи многія накуря вина, въ деревняхъ своихъ продають, а иные и въ города привозятъ, продають, и тѣмъ питейный сборъ вельми повреждають. А если клейменье оставлено будетъ, то и продажи дворянъ винной не будетъ.

А чаю, что не худо бы и таможенныхъ бурмистровъ жалованныхъ же учинить, то чаю, что и у нихъ прибыльнѣе сборы будутъ; и всякое попеченіе положить уже на нихъ, да на магистратовъ и на земскихъ бурмистровъ; и чтобъ земскіе бурмистры надъ тѣми сборами надзирали, по окончаніи года оныхъ таможенныхъ и питейныхъ бурмистровъ, цѣловальниковъ, и считали, и расходы бы ихъ всѣ сличали, чтобы тѣмъ вѣко-

вымъ бурмистрамъ по нынѣшнему отъ приказныхъ людей и излишнія трубаціи не было.

А цѣловальниковъ земскіе бурмистры ко всякимъ сборамъ бы выбирали бѣ погодно, а буде кой цѣловальникъ радѣтеленъ явится, и въ дѣлѣ своемъ правовѣренъ будетъ, то и цѣловальника того мочно жалованьемъ опредѣлить.

И аще годы три-четыре въ цѣловальникахъ послужить, то уже можетъ и бурмистрскую службу служить.

И какъ что тѣмъ бурмистрамъ управлять, дать пункты съ полнымъ наставленіемъ; и о вѣдомостяхъ опредѣленіе учинить имъ прямое, безъ чего быти имъ не мочно, писать въ вѣдомостяхъ надобно, колико въ коемъ мѣсяцѣ собрано казны какой, и колико въ расходѣ, и сколько на лицо.

А колико отъ мѣсяца въ мѣсяцъ осталого питья, и что тому осталому питью истинная или продажная цѣна, то самая излишняя турбація бурмистрамъ, и прямому дѣлу помѣшательство. И нынѣ и о недѣлѣ въ недѣлю пишутъ остатки, и отъ того инаго ничего нѣтъ, токмо питью въ перемѣрянь истрата и писцамъ лишняя плата; а все идетъ отъ Государевы жѣ казны.

По моему мнѣнію, въ вѣдомостяхъ надлежитъ писать мѣсячные одни перечни комиссарамъ, чтобъ имъ извѣстно было, колико въ коемъ опредѣленіи казны собрано, и колико въ расходѣ, и колико на лице, и таковыми вѣдомостями мочно управиться на трехъ строкахъ, а не на трехъ листахъ.

А камерирамъ надлежитъ тѣмъ перечни собравъ отсылать въ вѣденіе въ камерь-коллегію, и вмѣсто ста вѣдомостей послать только одну вѣдомость на одномъ листу, и въ таковыхъ вѣдомостяхъ яснѣе будетъ зрѣться, колико гдѣ собрано, и колико въ расходѣ, и

колико на лице; только три статьи нужно въ ведомостяхъ писать.

И въ нынѣшнихъ ведомостяхъ бурмистры паче сбору пекутся о ведомостяхъ, да и нельзя имъ не такъ дѣлать; потому что приказные люди приступленіемъ на нихъ съ того спрашиваютъ, чтобы въ ведомостяхъ писали именно, колико въ недѣлю какого питья продано, и колико какого питья въ другую недѣлю осталось, и на сколько цѣною? А егда мѣсяць пройдетъ, то паки всѣ водки сличаютъ, и въ таковыхъ ведомостяхъ бурмистры оставя дѣло, да за ведомостями трудятся. Такія ведомости надлежитъ писать годовыя, ради подлиннаго извѣстія счету послѣ года, а не по недѣлю. Надобно то писать, въ чемъ Ему Великому Государю прибыль умножалась, а собранная казна даромъ бы не тратилась.

А буде кой бурмистръ не противъ даннаго ему инструкціи учинить что, и то учинити ему штрафованіе великое и съ наказаніемъ и съ запятнаніемъ, какъ о томъ уложено будетъ.

Буде же учивить похищеніе Государевы казны, то аще и не смерть, а по наказанію положить ему на лице клеймо, еже быть ему при арміи вѣчно въ черной работѣ.

А и земскимъ бурмистрамъ нельзя быть безъ штрафа, дабы впредъ таковыхъ не выбирали.

А кои люди въ купечествѣ богатые, тѣхъ бы къ сборамъ въ бурмистры отнюдь не выбирали бы; но надлежитъ имъ торговать, и съ торговъ своихъ пошлины платить.

А буде у коихъ людей есть промыслы большіе, а деньгами недовольны, и ради разширенія того своего промысла востребуютъ денегъ взять изъ прибыли, то

смотря по промыслу давать сотъ по пяти-шти и по тысячъ и больше, чтобъ промыслы купецкихъ людей разширялись, и промышленники богателись.

И о таковыхъ дачахъ послать во всея города указы, чтобы торговымъ людямъ, у коихъ заводы промышленные есть, земскіе бурмистры изъ ратушъ своегородныхъ людямъ на промыслъ давали бы деньги, по промыслу ихъ, смотря ста по два-три.

А буде у коихъ людей заведены заводы большіе суконные или полотняные или бумажные или стеклянные или желѣзные или иные, подобныя симъ, то таковымъ, буде они люди добрые, а не замоты, и промышленники прямые усердные, то для разширенія промысловъ давать и по тысячъ рублей и больше.

И въ тѣхъ дачахъ крѣпостей у крѣпостныхъ дѣлъ не писалибъ, но записывалибъ въ закрѣпленную книгу, чтобъ никакогобъ излишняго расхода емлющимъ деньги не было, потому что онъ на деньги дастъ на всякой годъ процентъ по опредѣленію установленному; и въ тѣхъ деньгахъ иманецъ бы росписался, и подъ его рукою подписались бы поручики.

А буде дадутъ безъ разсмотрѣнія того иманца, и взятыя деньги онъ изгубить, то гибель тѣхъ денегъ взыщется не токмо на поручикахъ, но и на всемъ городѣ.

И мнитсѣ, съ большихъ промысловъ больше шести рублей на годъ не надлежитъ имать; потому что у большаго промыслу множество людей питатисѣ будеть, и то станеть быти пополненіе царственное.

А буде кто похочеть взять на перехватку для покупки товара на мѣсяцъ или на два или на три, то надлежитъ имать со ста рублей и по рублю на мѣсяцъ.

И тѣхъ прибыльныхъ денегъ ни куды бы не отсылать, только отсылать вѣдомости, въ коемъ году въ

которомъ городъ колико тѣхъ денегъ собрано будетъ, и тѣхъ прибыльныхъ денегъ безъ подлиннаго указу изъ камеръ коллегіи присланнаго, никуда не отдавать, но токмо отдавать ихъ на перехватку на малые мѣсяцы.

И аще изволеніе Царскаго Величества произыдетъ, что бурмистромъ быть жалованнымъ, то надлежитъ выбирать ихъ изъ средня статьи; богатому аще дать на годъ и пять сотъ рублей, то онъ такъ не услужитъ, какъ молотчій и изо ста рублей.

Богатый аще и у сбору какого будетъ, то онъ больше попеченія будетъ имѣть о своихъ собственныхъ промыслахъ. А у кого большихъ промысловъ нѣтъ, то онъ весь тутъ будетъ, и о иномъ не будетъ много мыслить, но токмо то у него и на умъ будетъ, како бы ему управить врученное ему дѣло.

А о снисканіи питейныхъ прибыли мое мнѣніе тако жъ, ежебы во всѣхъ порядкахъ новостно учинить. Подрядчикамъ велѣть вино ставить во всѣ города неизменно самое доброе, чтобы изъ трехъ золотниковъ выгоралъ цѣлый золотникъ, а просто молвить, чтобъ въ отвѣсъ третья доля выгорала а двѣ доли въ вѣскѣ оставались; а жечь однимъ запаломъ изъ вѣсовой чашки не выливая; и чтобы то вино было самое чистое, чтобъ въ хрустальномъ сосудѣ свѣтлости не замутило, и запаху бѣ пригарнаго въ немъ не было.

А и винное ведро лучше поправить и сдѣлать его пространнѣе, чтобъ вина добраго входило въ него тридцать фунтовъ. И егда подрядчики къ отлачь вино привезутъ, и коя бочка по пробѣ будетъ годна, то прикинуть ее на вѣсъ, и послѣ порозжую бочку вывѣсить, и за вывѣскою явно будетъ, колико въ коей бочкѣ вина было, и въ такомъ порядкѣ у отдачи

не будетъ вину никакой расточки, и принимать будетъ поспѣшно и неработно: однимъ днемъ мочно бочекъ сто принять, и отдатчику будетъ спорѣе; потому что ни чановъ, ни ушатовъ, ни ковшей мазать виномъ не станеть, и никакой расточки не будетъ.

А и продажная вину цѣна положить бы не по подрядной цѣнѣ смотря, но по самому изволенію Царскаго Величества. Древній обычай былъ вельми неправиленъ, что буде подрядчики дорогую цѣну вину поставлять, то дороже продавали; а буде подрядчики возьмутъ дешевле, то дешевле и продавали. И по такому уставу стали быти уставщики цѣны мужики, а не судьи; а по здравому разсужденію надлежитъ вину цѣну уставить Царскимъ указомъ, а не мужичьимъ уставомъ.

И ради такого порядка во всѣхъ городѣхъ цѣна несогласная, и тотъ уставъ, по моему мнѣнію, былъ вельми противенъ Царскаго Величества самовластію.

Вину надлежитъ въ продажѣ цѣнѣ быть единоравной и неизмѣнной, чтобъ она была во всѣхъ городѣхъ равна; и аще во всѣхъ городѣхъ цѣна вину будетъ одина, и вино вездѣ будетъ равное, то и сборъ питейный весьма будетъ прибыленъ; потому что изъ города въ городъ вина по прежнему возить не стануть; но куда прїѣдетъ, тутъ и купить будетъ.

А по самодержавной власти. Его Императорскаго Величества надлежитъ во всѣхъ Россійскихъ городѣхъ и въ селѣхъ и деревняхъ, кромѣ Сибири, цѣна имѣть продажѣ неизмѣнная, яко какова въ Санктпетербургѣ, такова и въ Москвѣ, такъ и во всѣхъ городѣхъ и урочищахъ. А буде у Черкасѣ цѣны поднять немочно, то надлежитъ укрѣпить накрѣпко, чтобы тамъ никто не токмо изъ купецкихъ людей, но и изъ дво-

ряиъ и офицеровъ отнодь, купя у нихъ вина и табаку, безъ указу въ Великороссійскіе города, ни въ села, ни въ деревни не провозили; и буде кто повезетъ вина больше ведра съ собою, то тѣхъ штрафовать великимъ штрафомъ и съ наказаніемъ.

А буде какой бурмистръ или цѣловальникъ испортитъ продажное вино, и учинитъ его ниже уставленныя пробы, или у подрядчика ниже пробы приметъ, то оштрафовать его великимъ штрафомъ и жестокимъ наказаніемъ.

И аще тако уставится, и нерушимо будетъ стояти, то никто ни куда вина возить съ собою не будутъ, потому что вездѣ будетъ вино равно и цѣна одна; и того ради и сборы питейныя во всѣхъ городѣхъ вельми угодятся, и людемъ провознаго расхода будетъ меньше.

А о продажной цѣнѣ вину какъ воля Его Императорскаго Величества произыдетъ, тому никто не извѣстны; а мнится, простаго вина ведру цѣну мочно положить, ежебы въ продажѣ быть ему по три рубля, а въ разницу по четыре алтына фунтъ; и аще гдѣ будетъ подрядъ и по полтинѣ ведро, а въ продажѣ отнодь цѣны не сбавливать.

А для совершенныя вѣрности въ винѣ, чтобы воды не примѣшивали, у самыхъ бурмистровъ и цѣловальниковъ во всѣхъ городѣхъ и въ селѣхъ и деревняхъ во всѣхъ стойкахъ учинитъ маленькіе вѣсочки на желѣзныхъ цѣпочкахъ, чтобъ мочно было въ нихъ вина или водки, одинъ золотникъ отвѣся, выжечь, да у нихъ же бы были Ямбургскаго дѣлу хрустальныя фунтовыя или полуфунтовыя сткляночки, самыя чистыя, одна съ пробой за камерскою печатью, а другая така жъ простая. И буде коему купцу повидится вино или водка плоха, то вить спорное вино въ по-

рожною стеклянку, и поставить ихъ съ тою запечатанною стеклянкою, и къ свѣту посмотреть. И буде съ тою пробною стеклянкою будетъ сходно, то нѣтъ въ ней примѣсу; а буде свѣтъ съ пробною стеклянкою не сходенъ, то примѣсъ есть.

И буде тою пробною невѣрно купцу или цѣловальнику явится, то для совершеннаго вѣроятія въ выше-помянутыя вѣсочки влить того спорнаго питья вѣсомъ противъ трехъ пробъ, и буде у вина выгоритъ одна проба, то нѣтъ примѣсу; а у водки буде выгоритъ двѣ пробы, а отъ выгару останется одна проба, то въ водкѣ той примѣсу нѣтъ же; а буде вѣсъ такъ не придетъ, то есть въ немъ порча.

И тако освидѣтельствованное вино или водку запечатавъ, отнести къ камериру, и за тотъ примѣсъ чинить наказаніе жестокое, какое о томъ уложено будетъ. И за такимъ порядкомъ никакими дѣлы ни въ вино, ни водку воды или чего инаго будетъ не возможно примѣсять.

И аще тако устроено будетъ, то, я чаю, что тысячь ста по два-три и больше въ годъ при нынѣшнихъ сборахъ излишнія прибыли будетъ, и тоя прибыль и въ первомъ году означится, а впредь, чаю, что и гораздо больше будетъ. А люди трезвѣе будутъ.

Я знаю, * что многіе судьи стараются о томъ, чтобъ питье было дешевле, и чтобъ пили больше, а того не рассудятъ, что у трезвыхъ людей во всѣхъ чинѣхъ и во всякихъ дѣлахъ всякаго исправленія больше, а у промышленныхъ промыслы гораздо будутъ больше, а пьанныхъ людей и у при казныхъ все неспоро, а у мастеровыхъ людей и спрашивать нечего: токмо отъ питья люди, а наипаче отъ заморскаго, въ великое оскудѣніе приходятъ, и Царь-

* У Стр. я не знаю, т. е. я исполняю, для чего и проч.

скому интересу препятіе немалое отъ излишняго питья чинится.

А что сдѣлали дворяне, еже бы имъ котлы клеймить и пошлина съ нихъ брать съ четыреведернаго котла по рублю на годъ, и довели Его Царскому Величеству, будто отъ того приходу будетъ сбору пополненіе въ казнѣ, и тѣмъ они Государя своего обоглали. Сіе мочно и всякому разумѣть, что тутъ будетъ прибыли больше, если имъ вина некурить, и судовъ винокурныхъ не было бы у нихъ и слѣду.

И тѣмъ клейменьемъ оныя дворяне вмѣсто прибыли сдѣлали Ему Великому Государю убытку тысячъ по десятку въ годъ и больше, а себѣ къ свободному винному куренію ворота отворили; ибо кто изъ нихъ заклеивив котель дастъ съ него въ годъ рубль, а годомъ выкурить вина ведръ ста три или четыре, и буде продастъ, то возьметъ за него четыре ста рублей, и тою продажею Великому Государю учинить за тотъ данный съ котла рубль убытку въ питейной продажѣ рублей сто или больше въ годъ.

И за тѣмъ клейменіемъ свободно стало быть и не заклеянными котлами курить вино. Въ Устрицкомъ стану дворянъ сотня-мѣсто, чаю, есть; а слышалъ я отъ Устрицкаго комиссара, что въ вѣдомствѣ его клейменныхъ только три котла, а вино всѣ рядомъ курятъ по лѣсамъ, да по доламъ; а иные и по домамъ за именемъ клейменныхъ котловъ курятъ, ничего опасаясь; и отъ тоя свободности питейные сборы весьма стали быть плохи.

А если клейменье отставить, и всякому воеводѣ послать изъ города подъячаго съ солдаты и расходчика съ деньгами, и велѣть у всѣхъ дворянъ котлы и трубы обратъ на Государя, и по настоящей цѣнѣ за мѣдь деньги заплатить, а олово и свинець и всякую грязь

★

на огнѣ выжечь, чтобъ Великому Государю въ томъ изъяну напраснаго не было.

И взять у всѣхъ дворянъ сказки съ подкрѣпленіемъ, чтобы имъ впредь посуды винокуренной у себя отнюдь не имѣть, и созвавъ людей и крестьянъ сказать имъ явно, чтобъ люди ихъ и крестьяне всѣ въдали. А еже аще послѣ отбору у кого явится винокуренный кубъ или труба, то та посуда взята будетъ на Государя, да на немъ же доправлено будетъ штрафу двадцать пять рублей или что уложено будетъ, а на дворовыхъ его людяхъ, колико въ домѣ его ни есть, за неизвѣтъ взято будетъ по пяти рублей на человека, а на крестьянѣхъ по два рубля съ полтиною на каждомъ человекѣ.

А буде коего дворянина дворовый человекъ или крестьянинъ, увидя у помѣщика своего винокурную посуду или трубу винокурную, да шедъ извѣстить, то дано ему будетъ дворовому человеку пять рублей, а крестьянину полтретья рубля, да отъ помѣщика—свобода.

А для нуждъ ихъ дворянскихъ надлежитъ имъ учинить указъ, ежебы имъ брать вина ведра по два или по три на годъ, смотря по пожиткамъ или по чинамъ, по подрядной цѣнѣ, а для утечки и усышки приложить на ведро къ подрядной цѣнѣ по гривнѣ или какъ о томъ уложено будетъ.

Аще бо у дворянъ вина своего не будетъ, то и пить будутъ меньше, и по городамъ и по корчмамъ развозить не стануть, и приказнымъ людямъ или мастеровымъ за работу виномъ давать не будутъ.

Я не знаю, что въ томъ благодати или что добра, что много пить или до пьяна и людей поить? По моему мнѣнію, ради здравія тѣлеснаго полно человеку чарки по три или по четыре на день пить, то онъ

будеть добръ и здравъ, а буде ради веселія, мочно и еще толкое жъ число приложить.

А безмърное питіе ничего добраго не приноситъ, но токмо приноситъ ума порушеніе и здравія поврежденіе, пожитковъ лишеніе и безвременную смерть. А аще кто непременно будетъ пить безвоздержанно, то всего себя погубить; и того ради всячески надобно потщатисѧ, како бы пїянства изъ народа побавить.

И аще Великаго Государя изволеніе будетъ, что дворянамъ городовымъ брать вино съ кабаковъ по подрядной цѣнѣ, то надлежитъ сдѣлать имъ окладъ, по колику ведръ коимъ чинамъ въ годъ вина брать по подрядной цѣнѣ, и тотъ окладъ написавъ, разослать по городамъ, описавъ именно, коего города въ уѣздѣ кой дворяне живутъ, и въ тѣхъ городѣхъ и по тѣмъ окладнымъ книгамъ винобы имъ по всягодъ отпускали по подрядной цѣнѣ; и буде кто похощеть сверхъ того указнаго числа, то уже брать ему по подрядной цѣнѣ.

И ради раздачи дворянамъ вина учинить во всѣхъ городѣхъ на большихъ кабакахъ бурмистрамъ особыя записки книги, и тое дачу записывать именно съ распискою, и со свидѣтельствомъ другихъ дворянъ, и тѣ свидѣтели къ той запискѣ во свидѣльствѣ рукибъ прикладывали того ради, чтобы одинъ человекъ дважды не взял. И по окончаніи года въ концѣ той книги написать всѣхъ и прозванія по чину азбучному, чтобъ всякаго дворянина сыскать мочно было безъ замедленія, колико кой дворянинъ вина взялъ, и кто у кого были свидѣтели. И тѣ подлинныя книги отсылать въ Камеръ-Колегію. И буде явится кой дворянинъ сверхъ указнаго числа вино излишнее, * то взять на немъ штрафъ—за всякое

* Недостаетъ глагола въ обонхъ спискахъ.

ведро излишнее по двадцати по пяти рублевъ; а съ свидѣтелей по пяти рублевъ на человѣкъ, или какъ о томъ уложено будетъ.

А буде кой дворянинъ или и офицеръ, взявъ указное вино и нелишнее, да кому продасть, то взять съ него штрафъ надлежащій, а кто купилъ, и на томъ такой же штрафъ имать неотмѣнно.

А буде кто купя вино, да донесетъ вышнему того дѣла командиру, то взять штрафъ на продавца, а купившій отъ штрафа свободенъ, и вино за доношеніе ему жъ отдать.

А буде подрядчикъ винный дворянинъ или купецкой человѣкъ продасть кому вина, или въ почестъ дать хотя приказнымъ людямъ, или въ займы ссудитъ кого, или приметъ у кого хлѣбъ, да высидитъ ему вина, то за всякое ведро взять штрафу на немъ по двадцати по пяти рублевъ, да ему жъ учинить наказаніе, какъ о томъ опредѣлено будетъ.

А водки продавать самыя низкія цѣны по шти рублевъ ведро, а фунтъ по двѣ гривны, а среднія по полуполтинѣ фунтъ, а крѣпкія аптекарскія водки, цефаликовой и апоплетиковой, коя строятся въ двадцать пробрь, по полтинѣ фунтъ, а съ сахарною приправою рессолись спиртъ минли елексиръ ветерегисъ (?) и крѣпительная мастехинизя (?) по двадцати алтынъ фунтъ, которая строятся въ шест надцать пробрь.

А меды вареные, чистые, кои подобны Рейнскому, продавать ведро по тридцати алтынъ фунтъ, а фунтъ по алтыну.

А малиновые меды и смородинные и прочіе, кои строятся изъ ягодъ безъ вина, продавать ведро по со року алтынъ а фунтъ по четыре копѣйки.

А кои съ виномъ строены такіе жъ ягодные меды,

продавать по штидесять алтынъ, а фунтъ по два алтына.

А ставленныхъ бѣлыхъ медовъ продавать ведро по двадцати алтынъ, а фунтъ по двѣ копейки.

А пива самаго добраго и густаго продавать ведро по двадцати алтынъ а фунтъ по грошу.

А расхожаго пива ведро по пятнадцати алтынъ, а фунтъ по три деньги.

А явку пивную и медовую и бражную, мню я, что ее отставить для того, что брать ее моташливо, а варельщикамъ не безъ грѣха; потому что сварить кто четверть, и объявить только одну осьмину, а кто сварить осьмину, а явить полуосьмину. И то, стало быть, неправда и грѣхъ, и всякой человекъ колико ни явить, а варить вдвое или втрое, а явится развѣ половина; а иные и не знаютъ, чтобъ ему когда явиться.

А въ явочной запискѣ только однимъ подъячимъ покоряка, а Великому Государю вельми не великъ доходить.

А если явку отставить, то всѣ чины пиво варить и меды ставить будутъ безопасно, потому что вынимать у нихъ того питья никто не станетъ, и сваривъ, не станутъ торопиться, чтобъ скоряе выпить, но будутъ прочнѣе держать, и ради своего здравія станутъ по малому числу пить, и грѣхъ тотъ минется, что лгать будетъ уже не для чего, и клятвы въ неправдѣ не будутъ чинить.

А вмѣсто тѣхъ поторжныхъ явокъ и пивныхъ пошлинъ наложить пошлину на хмѣль, на пудъ хмѣля по четыре рубля, а на фунтъ по гривнѣ; то уже ни богатый, ни убогий, ни самый Сенать не избудеть того платежа: захочетъ пива, купитъ и хмѣль.

И за такимъ поведеніемъ всякаго званія человекъ

будутъ Великому Государю плательщики, и домашняго своего варенья даромъ не будутъ пить.

И аще тако уставлено будетъ, то сторичный прибытокъ при явочныхъ пошлинахъ будетъ; потому что хотя кто четверикъ сварить, а платежъ по варению своему положить.

И во всѣ города послать Его Императорскаго Величества указы, чтобы въ городѣхъ и въ деревняхъ бурмистры таможенные и цѣловальники указъ Его Величества въдали: буде кто везеть хмѣль хотя и боярской безъ выписи, то тотъ взять на Государя безповоротно.

А буде кто привезъ хмѣль къ запискѣ, то записать его въ книгу именно, чей онъ есть, и буде продажный, то осмотрить сго накрѣпко, нѣтъ ли въ немъ песку и инаго какого примѣсу, потаеннаго или худаго хмѣля нѣтъ ли внутри, и не сыръ ли онъ; и буде есть какая винность, то взять его на Великаго Государя безденежно.

А буде пороку никакого въ немъ нѣтъ, то взять съ него пошлину торговую съ цѣны по гривнѣ съ рубля, да накладныхъ почетыре рубля съ пуда. А буде не продажный, но везуть его на обиходъ барской, и съ того хмѣля взять только одну пошлину накладную по четыре рубля съ пуда; а хмѣля, добръ ли или плохъ, не досматривать, но каковъ онъ есть, таковъ и отпуетить; только на всѣхъ привѣсить сколько его будетъ, и записавъ въ книгу дать ему для проѣзду выпись, и въ выписи писать именно, что тотъ хмѣль не продажной, а и накладная пошлина взята сполна. И буде кой хмѣль у нихъ за обиходомъ, будетъ и похотять его продать, тогда взять съ него одну торговую пошлину съ настоящія цѣны по гривнѣ съ рубля, кромѣ накладныхъ пошлинъ; и колико у кого бурмистра тѣхъ

накладныхъ пошлинъ соберется, записать особою статьею.

А который порочной хмѣль взять будетъ на Государя, и то взяты записывать въ закрѣпленную книгу именно, и отдавать тѣ хмѣли на кабаки по настоящей цѣнѣ безъ накладныхъ пошлинъ.

Такожде и съ меда продажнаго брать пошлина торговая съ настоящія цѣны погривнѣ съ рубля; а да накладныхъ пошлинъ по сороку алтынъ съ пуда, кто везетъ про себя или про боярской обиходъ, а не на продажу, и съ того меда брать пошлина одна накладная по сороку алтынъ съ пуда, и записывать такожде въ закрѣпленную книгу, и та книга имѣть отъ купецкихъ особливая. И колико съ хмѣля и съ меда непродажнаго накладныхъ пошлинъ у коего бурмистра ни соберется, писать особливо статьею, и что соберется тѣхъ же накладныхъ пошлинъ съ купечества, и тѣ писать особливожь статьею, чтобъ было извѣстно, колико въ годъ тѣхъ накладныхъ пошлинъ съ хмѣля и съ меда соберется. И весь тотъ сборъ десятинный и накладный управлять будутъ одни таможенные бурмистры.

А буде кой господинъ не похочетъ накладныхъ пошлинъ съ хмѣля или съ меда платить, то тотъ хмѣль и медъ имать на Государя, и имъ изъ сборныхъ денегъ тѣмъ же бурмистрамъ выдать имъ деньги по настоящей цѣнѣ, по чему въ запискѣ; у купечества только вычитать изъ тѣхъ денегъ за торговую пошлину гривенную. А буде подрядится подъ хмѣль или подъ медъ еже поставить ему про Государской обиходъ на дворець или и на кабаки, то тѣмъ подричкамъ дворцовымъ брать указы изъ дворца, а кабацкимъ отъ камерировъ.

И гдѣ что купить они, тамошнимъ бурмистрамъ о-

смотреть тотъ хмѣль, не сырѣ ли онѣ, и нѣтъ ли въ немѣ подмѣси какой или стебелья и листу; и буде нѣтъ никакого порока, то привѣситъ его, и съ покупной цѣны взять торговая пошлина гривенную, а накладной пошлины не брать и давать ему выписъ. Такожде и медь осматривать, нѣтъ ли въ немѣ худаго подмѣсу или мерлины; и буде добръ, то по тому же взять съ цѣны по гривнѣ съ рубля, а накладной пошлины не имать же, и привѣся и справяся, отпустить съ выписью; а въ выписяхъ писать именно, что оно куплено не на продажу, но на обиходъ дворцовой или кабацкой. А буде кой хмѣль или медь съ подмѣсомъ, и тотъ хмѣль или медь имать на Государя безповоротно; да на немъ же доправить штрафу толикое число, чего тотъ товаръ стоитъ. А буде кой хмѣль или медь въ таможнѣ былъ, и бурмистръ выписъ далъ, а послѣ осмотрать лавочникъ или кто ни есть, что есть подмѣсъ, то взять штрафъ, кто выписъ далъ за то, что тому продавцу помирволилъ.

Въ Россіи изъначала при Великихъ Князѣхъ и при первомъ Россійскомъ Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ были дѣланы деньги изъ самаго чистаго серебра, на кости плавленнаго; чему явное свидѣтельство тыи старыя деньги, и нынѣ въ мѣрѣ обрѣтающіяся.

А при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ начали дѣлать изъ ефимочнаго серебра на кости не переплавлявая. А нынѣ иноземцы приглашаютъ, чтобы и въ ефимочное серебро на дробныя деньги прилагать мѣди большую часть.

И я, аще и самый мизирный человекъ, усмотря то начинаніе, не могъ утерпѣть, ежебѣ не объявить объ оныхъ что въ нихъ проку будетъ. Въ 718 году написалъ я доношеніе Его Императорскому Величеству о тѣхъ новоначинающихся деньгахъ, изъявивъ, что

такія деньги вельми къ воровству способны, и самое денежнымъ ворами предводительство будетъ, и для поданія приходилъ къ Господину Алексѣю Васильевичу Макарову, и за жестокими караульщиками не могъ получить, ежебы то доношеніе его милости вручить, и побхалъ онъ къ лекарственнымъ водамъ. И тако то доношеніе мое и осталось у меня, и я послѣди того времени отдалъ кучеру Куріеву * Егору Сергѣеву, который въ домъ его Алексѣя Васильевича пребываетъ, и просилъ его, дабы по времени вручилъ ему. И вручилъ ли онъ то мое доношеніе ему Алексѣю Васильевичу, или нѣтъ, про то не вѣмъ, ** «или самъ прочелъ, не вѣмъ.» И того ради въ сей главѣ Царскаго интереса умыслихъ изъяснити и предъявихъ о той самой Царской прибыли, которая не изъ чего родится, токмо отъ изволенія Царскаго

И о семъ мнѣніе мое тако лежитъ, еже бы о денежномъ дѣлѣ тѣцаніе великое приложить, отъ чего Царская сокровища могутъ наполниться, и народъ пользу не малу воспріиметь.

И управить его годствуетъ твердымъ разумомъ, дабы пороку въ нихъ во вѣки не было, и чтобы никто воровски сдѣлать ихъ не могъ, и во уставленіи о томъ ни малыя бѣ измѣны не чинить, но яко столпу быть неподвижиму. И о семъ не единымъ умомъ, но острыми и твердыми умы, а не вѣтренными, помыслить о нихъ, како бы ихъ устроить, дабы онъ прочвы и непорочны и похвальны были.

И по моему мнѣнію зрится: лучше, еже бы серебряныя деньги привести серебромъ въ древнюю чистоту, или паче, чтобъ денежнаго серебра ни въ какихъ вещахъ лучше не было.

* У Стр. только *кучеру* верно *курьеву*.

** Слово въ скобкахъ у Стр. вѣтъ.

Яко у насъ въ Россіи вѣра содержится Христіанская самая чистая, никакого примѣса еретическаго немущая, тако требъ и деньгамъ Россійскимъ быть самымъ чистымъ безъ всякаго примѣса, и еже бы имъ ото всѣхъ иностранныхъ отмынымъ и отъ всѣхъ похвальнымъ быть, яко въ мастерствѣ, тако и въ чистотѣ серебра.

И аще Великій нашъ Монархъ Всероссійскій Императоръ изволитъ противу древнихъ нашихъ Россійскихъ денегъ чистотою или и чище дѣлать, то паки въ вѣчные роды онъ будутъ похвальны.

Иноземцы въ своихъ иноземскихъ деньгахъ сличаютъ цѣну по положенію въ нихъ матеріалу, а не по власти королевской: они паче почитаютъ серебро и мѣдь. Мы же Монарха своего почитаемъ яко Бога, и честь его опасно хранимъ, и волю его всеусердно исполняемъ. И того ради, идѣже узримъ имъ Его Царскаго Величества назначено, то мы честно и опасно хранимъ. И подъ именемъ Его Императорскаго Величества аще мѣдь, то и мѣдь подобаетъ полагати самую чистую безъ всякаго примѣса; буде же серебро, то и серебро самое жъ чистое и безпорочное и было бъ; буде золото, то уже бы золото оно и было самое чистое и честное, чтобъ оно всѣхъ земель превозвышало. Мое желаніе къ сему тако лежитъ, чтобъ такъ въ червонцы золото учредить, что выше солтанемъ его поставитъ, дабы на весь свѣтъ не токмо при животѣ сего, но и по смерти нашего Монарха имя славилось; то бы добро во всѣхъ земляхъ паче салтаніи за нихъ хватались, понеже червонцы не ради торгу или пріобрѣтенія богатства, но ради самыя сильныя и прочныя славы Его Величества.

Видѣлъ я: Россійскіе червонцы состроены маниромъ и мастерствомъ самыя честныя, а существомъ уронены; ибо въ иныхъ золото плохо и въ запарку нейдетъ, а

надобно, чтобъ и въ сусальное золото годны были безъ прожиганія.

А и серебряныя деньги аще и не надлежить во инныя земли отпускать, обаче лучше ихъ изъ самого жъ чистаго серебра, чтобъ они противъ Царе-Ивановскихъ денежекъ чистотою были и лучше, дабы въ роды родовъ имя его и межъ поселяны славился чистотою сребра въ деньгахъ.

И таковыя деньги надлежить въ торгахъ Русскихъ имѣть, за рубежи жъ отнюдь ихъ не отпускать: за рубежъ токмо одни червонцы отпускать.

Подобны и мѣдныя деньги надлежить дѣлать изъ чистыя мѣди безъ примѣсу серебра и безъ закрасы временной, ежебы ей снова являтися яко серебряной, послѣдизъ яко мѣдной; но надобно ихъ устроить, якова коя изъ дѣла выдетъ, такова бъ и во вѣки вѣковъ была неизмѣнна.

А дѣлать бы не по иноземчески по цѣнѣ мѣди, но по изволенію Императорскаго Величества. Мнѣ мнится, что мѣдныя деньги мочно дѣлать гривенники вѣсомъ по золотнику, алтынники по полузолотнику, а копейки по четверти золотника.

И аще кто речетъ ми: для чего въ добрыхъ копейкахъ золотникъ къ мѣди пойдетъ по четыре копейки, а въ алтынникахъ по шти копеекъ, а въ гривенникахъ по десяти копѣекъ?

Отвѣтствую: мы не иноземцы, не мѣди цѣну исчисляемъ, но имя Царя своего величаемъ; намъ не мѣдь дорога, но дорого Его Царское именованіе. Того ради мы не вѣсь въ нихъ числимъ, но счисляемъ начертаніе на ней.

Есть перваго выхода денежки вѣсомъ по полтора золотника; то она аще вѣсомъ и тяжела, обаче и за копейку никогда не пойдетъ. А на коей цать золотниковой начертаніе будетъ гривенное, то она и за

гривну ходить будетъ. И по сему разумѣй, еже у насъ не всѣ имѣеть силу, но Царская воля.

У иноземцовъ короли такой власти не имѣють яко народъ; и того ради короли ихъ не могутъ по своей воли что сотворити, но самовластны у нихъ подданные ихъ, а паче купецкіе люди. И тыи купцы по купечеству своему товары въ деньгахъ числятъ, а королевскую персону полагають на нихъ вмѣсто свидѣтеля, что та цата имѣеть въ себѣ толико товару, за что она идетъ. А по нашему простому разумѣнію, то стало быть королю безчестье, а не честь, что не по имени его деньги въ себѣ силу имѣють, но по купеческой цѣнѣ.

И тыи иноземцы хошуть то учинить, чтобъ и у насъ въ Россіи деньги были по цѣнѣ въ нихъ положеннаго товара, того ради прилагають въ мѣдныя деньги часть серебра, дабы стоила матеріаломъ своимъ того, за колико ей ходить. И мнѣ ся думитъ, той ихъ советъ вельми намъ непріятенъ, непристойенъ; понеже у насъ самый властительный и всецѣльный Монархъ, и не аристократъ, ниже демократъ. И того ради мы не серебро почитаемъ ниже мѣдъ цѣнимъ, но намъ честно и сильно именованіе Его Императорскаго Величества; у насъ тодѣ сильно Его Пресвѣтлаго Величества слово, ащебъ повсѣль на мѣдной золотниковой цатѣ положить рублевое начертаніе, тобы она за рубль и въ торгахъ ходить стала во вѣки вѣковъ неизмѣнно.

А въ тѣхъ сумѣсныхъ деньгахъ первый главный и несносный намъ вѣрнымъ Его Императорскаго Величества рабомъ порокъ, еже по цѣнѣ въ деньгахъ товару снизитъ Его Величества именованіе.

Другой въ нихъ будетъ, еже вложенное въ нихъ серебро ни за что погибнетъ.

Третій порожъ, что воровскимъ деньгамъ будетъ великое предводительство, еже уже и явилося.

Въ деньгахъ такъ надобно ухитрить, чтобъ онѣ не токмо Царскому Величеству, но и всему бѣ народу полезны были, и чтобъ никто воровски сдѣлать ихъ не могъ. Намъ всѣмъ надобно вымышлять и старатися о томъ, како бы воровство и всякія неправды изъ народу истребити, и правда насадить, и всякое поречение отъ Россійскаго народа отлучить.

И тѣ вышепомянутыя деньги съ примѣсомъ серебра не успѣли начатися, ажно и воровскія появились. И я * ихъ въ томъ году двѣ копейки, да алтынникъ воровской, увидѣлъ, и, взявъ ихъ къ себѣ, доношеніе о нихъ написалъ, и по два дня ходилъ я къ Господину Алексію Васильевичу Макарову и получить не могъ, еже бы то доношеніе вручить ему; понеже въ то время походъ былъ Царскаго Величества въ Заонежье къ лекарственнымъ водамъ. И я видя то, съѣхалъ въ Новгородъ, и за тѣмъ то доношеніе замотчалосъ.

И аще тѣ съ примѣсомъ серебра деньги неизмѣнятся, то весьма воровства много въ народѣ будетъ; а если отъ воровства убѣжать и прибыли въ деньгахъ поискать, то мочно дѣлать изъ самыя чистыя мѣди легкія.

И аще Его Императорскаго Величества изволеніе сицевое будетъ, ежебѣ ради пополненія казны и ради всенародныя пользы дѣлать изъ золотника мѣди по 4 копейки, то изъ фунта будетъ ихъ три рубля 28 алтынъ, а изъ пуда 153 рубля 20 алтынъ; а алтынниковъ по два изъ золотника дѣлать, то изъ фунта ихъ будетъ 5 рублей 25 алтынъ съ копейкой, а изъ пуда выйдеть ихъ 230 рублей 4 гривны; а гривенниковъ по одному изъ золотника, то изъ фун-

* У Стр. *присмотря.*

та будетъ ихъ 9 рублей 20 алтынъ, а изъ пуда будетъ ихъ 384 рубля.

И потому развѣсу еще пудъ мѣди передѣлать въ копейки, то прибыли у пуда будетъ 140 рублей.

А алтынниковъ у пуда будетъ прибыли 220 рублей, а у пуда же гривенниковъ прибыли будетъ 370 рублей; и въ годъ если мѣди передѣлать 15000 пудъ и въ томъ числѣ 5000 пудъ передѣлать въ копейки, то прибыли у нихъ въ годъ будетъ 70000 рублей.

А алтынники если передѣлать 3000 пудъ, то прибыли будетъ 66000 пудъ.

А въ гривенники если передѣлать 2000 пудъ, то будетъ у нихъ прибыли 37000 рублей, и всего у 10000 пудъ мѣди за всѣми расходы будетъ прибыли 184000 рублей.

И ради истребленія воровства прежнія мѣдныя деньги надлежитъ всѣ передѣлать въ такіяжъ деньги, то сверхъ прежнія прибыли будетъ и отъ нихъ приплоду милліона три-четыре или больше. А если старыя не передѣлать, то и воровства изъ нихъ не искоренить; понеже много явилось въ нихъ отливныхъ.

И буде ихъ не окончить, то и впредь отливать ихъ будутъ, а сихъ новыхъ денегъ ни отлить, ни запечатать воровски будетъ невозможно.

Къ сему же еще и сребренныя всѣ старыя дробныя копейки переплавить на костяхъ на сухо, и передѣлать ихъ въ полтины и рублевыя монеты, то и у нихъ прибыли будетъ не малое число.

И мое мнѣніе лежитъ не о однѣхъ токмо деньгахъ, но всякая вещь, коя носить на себѣ Царя нашего имя, то надлежитъ ей быть самой чистой и честной.

Того бо ради и о винѣ предъивить, еже бы держать и продавать на кружечныхъ дворѣхъ самое чи-

стое и честное вино, чтобы въ домѣхъ мало такого обрѣталось. Такжеже и прочія питья, кои подъ именемъ Царскимъ, были бѣ самыя добрыя, несравненно съ домовыми питьями вкусомъ и чистотою, и свѣтлицы бы питейныя были свѣтлыя и уборныя, и ни малыя бы гнусности въ нихъ бы не было; потому что весь питейный продажи носятъ на себѣ имя Царское. И по такому наименованію надлежитъ ему быть честну, а не безчестну, и людямъ упившимся было бы въ нихъ охраненіе, а грабленія при нихъ не было бы. А у насъ все сіе противно дѣется. И при кабакахъ зерщиковъ отнюдь не надобно, кромѣ караульщиковъ и охранителей. И посуда бы была добрая и чистая. А буде кой офицеръ или солдатъ, выпивъ питье, да сосудъ бросить о землю и разобьетъ, то такихъ надлежитъ штрафовать съ нескуднымъ наказаніемъ, чтобы такого дому питейному руганія и обиды не чинили.

Такъ надобно кабаки устроить: буде кто путемъ идучи днемъ или ночью, что до кабака дошелъ, то уже бы безпечалень былъ.

И аще и товаръ какой случится Царской, то и товару тому надлежитъ быть лучше прочихъ товаровъ; и аще кой товаръ лучше простомудиннаго не будетъ, то не надобно его и нарицать Царскимъ, но такіе товары держать имъ купецкимъ людямъ, а не Царю.

Царь-судья и подобенъ онъ Богу. Того бо ради и всякой вещи за имя Царское отъ мірскихъ нельзя быть неотмѣннѣе; ибо и въ судъ у Царя, яко у Бога, нѣтъ лица ни богату, ни убогу, ни сильну, ни маломочну—всѣмъ судъ единый; и то сталъ быть судъ Божій.

И аще денежное дѣло серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ обновится, ктомуужь и таможенные сборы и питейная продажа измѣнится, то, я чаю, что на самую малую мѣру милліона по три и по четыре на годъ

сверхъ нынѣшнихъ настоящихъ сборовъ. приходитъ
будеть.

А еще вся вышесказанная дѣла исправятся, и утвердятся, то я крѣпко на Божію милость надеженъ, что Его Императорскому Величеству на каждой годъ миллионовъ по пяти-шти и больше сверхъ нынѣшнихъ сборовъ приходитъ будетъ.

И еще Его Царскаго Величества изволеніе будетъ, еже вся предложенная сія моя мнѣнія въ дѣло произвести, елико предрекохъ о духовныхъ дѣлахъ, и о воинскихъ, и о судейскихъ, и о купеческихъ, и о художныхъ, и о истребленіи разбойниковъ, и о удержаніи бѣглыхъ людей, и о земляныхъ дѣлахъ, и о крестьянствѣ, и о не трудномъ умноженіи и собраніи казны Его Царскаго Величества, то я, за помощію Божіею, безъ сумнѣнія могу рещи, еже вся наша великая Россія обновится какъ въ духовности, тако и въ гражданствѣ; и не токмо Царская сокровища наполнятся, но и вси жители Россійстии обогатятся и прославятся; и еще и военное дѣло возобновится, то не токмо единою славою прославятся, но и страшны всѣмъ окрестнымъ государствомъ будутъ. Аминь.

И сія мнѣнія моего изъяснительная писанія о истребленіи всякія великія и малыя неправды, и несправностей, и о насажденіи прямая правды и правостей, елико ми Богъ помощи своей ниспослалъ, вся написахъ не обинуясь, и предлагаю на разсужденіе единого высокопарнаго блага орла, явнаго правдолюбца, Императора Всероссийскаго, Петра Великаго, истиннаго Самодержца, и столпа незыблемаго. О семъ же свидѣтель

ми есть Богъ, еже азъ не себя ради сіе писахъ, но токмо ревность моя понудила мя на сіе дѣло. И тако пламень любви къ Его Царскому Величеству воспалися во мнѣ, еже никакая нужда пресѣщи не могла. Ибо аще и невелика сіа книжица, обаче сдва отъ многосуетій своихъ въ три лѣта ю совершихъ; аще и многократно переписывалъ ю, обаче ни отъ кого не видѣна бысть, всячески бо сокрывахся, дабы въ народъ не произнеслося сіе мое предложеніе.

И нынѣ всеусердно твоего милосердія прошу, дабы имя мое сокровенно отъ сильныхъ лицъ было, паче же отъ нелюбящихъ правды; понеже писахъ, не слагая имъ.

Паче же да будетъ воля Божія и твоя превысокая Царская воля во мнѣ. Аминь.

Яко аще кто восхощетъ Богу угодить, тотъ не можетъ мамонъ услужить. Ничимъ же разнствуеть, аще кто и Царю вѣрно потщится услужить, то всему міру имать ненавистенъ быть.

*Всенижайшій и мизирнѣйшій рабичицъ,
правды же всеусердный желатель, **ИВАНЪ**
ПОСОШКОВЪ, утаенно отъ зрѣнія людска-
го трилѣтнимъ трудомъ восписавъ Тво-
ему Царскому Величеству предлагаю. Аминь.*

Февраля 24.

1721.

О РАТНОМЪ ПОВЕДЕНИИ.

ДОНЕСЕНІЕ

БОЯРИНУ ФЕДОРУ АЛЕКСѢВИЧУ

ГОЛОВИНУ.

ПОДАЛЪ ИВАНЪ ПОСОШКОВЪ.

1701 ГОДА.

Это сочиненіе Посошкова напечатано было г. Розановымъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

«Россіянинъ прошедшаго вѣка, или предложеніе Ивана Посошкова, поданное боярину Федору Алексѣевичу Головину. 1701 года, съ присовокупленіемъ Отеческаго завѣщательнаго поученія посланному для ученія въ дальнія страны, юному сыну, писанное въ 1708 году. Издвеніемъ Ѳ. Розанова. Въ Москвѣ, 1793» въ 16 лю, 123 стр.

Съ слѣдующимъ предувѣдомленіемъ:

«Сіе старинное сочиненіе найдено мною между бумагами, подаренными мнѣ отъ одного изъ моихъ знакомыхъ. Оно любопытно: ибо показываетъ образъ мыслей, какой имѣли Русскіе минувшаго столѣтія о новыхъ въ Государствѣ нашемъ Европейскихъ заведеніяхъ Петра Великаго, и чрезъ то обнаруживаетъ затрудненія, встрѣчавшіяся преобразователю Россіи при каждомъ шагѣ отъ укоренившихся между подданными его предразсудковъ. Нѣкоторыя примѣчанія Посошкова, до тактики касающіяся, несмотря на странность его заключеній, заслуживаютъ вниманіе военнослужащихъ. Расчисленія его также для многихъ могутъ быть интересны, въ разсужденіи тогдашней цѣны хлѣбу, всякимъ припасамъ и военнымъ снарядамъ. Въ похвалу сочинителя служитъ то, что онъ писалъ отъ добраго

★

сердца и изъ любви къ отечеству, а отнюдь не для того, чтобъ снискать себѣ какія выгоды. Онъ ощущалъ пользу, отъ Государскихъ назначеній происходившую, но не въ силахъ былъ, по непросвѣщенію своему, проникать далѣе.»

«Родительское наставленіе отправленному въ Голландію юному сыну открываетъ главнѣя правила въ воспитаніи соотчичей нашихъ прошедшаго вѣка; оно наполнено ученіемъ никогда не старѣющей истины.»

Въ Тройць славимаго Бога прошу о подаиіи вразумленія; твоюжь милость, Государь Бояринь Федоръ Алексѣевичъ, прошу о прощеніи въ моихъ погрѣшеніяхъ, яже отъ дерзновенія написахъ о дѣлѣхъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ; елико ми Богъ въ мысль вложилъ не восхотѣхъ умолчати. Писаніе возвыщаетъ тако, что Богъ изводитъ честное и отъ недостойнаго, * якоже и древле бысть: отъ челюсти скверныя извелъ Богъ Сампсону въ жажду его источникъ чистыя воды. И сему примѣняющися, аще и худши осла челюсти, обаче на волю Божию надѣющися, ** дерзнухъ и азъ нѣчто изнести о воинскомъ дѣлѣ, понеже есть жажда Великому Государю о воинскомъ дѣлѣ. И якоже Сампсону Богъ утолилъ жажду чрезъ осла челюсть, и нынѣ той же Богъ, яко чрезъ сухую кость, негли и чрезъ мое непристойство и сухомысліе учинить ему Великому Государю нѣчто полезное и прохладительное; аще и младенчески въщю, но Богъ можетъ.

Амалики *** копіями, и бердыщами, и пожами, славы себе достушили, а огненнымъ ружьемъ и не хвалились, понеже владѣть имъ не умѣли. А нынѣшняя пѣхота наипаче прежней пѣхоты тщаніемъ и раченіемъ Великаго Государя многократно лутши изучена суть всякому шеренежному строю и скорообращательному бою. И та вышереченная прежніе пѣхоты похвала, по нашему простому разумѣнію, малая похвала; по тобъ самая добрая похвала, ежебѣ

* Такъ въ моемъ спискѣ; у Роз. неправильно: и не отъ недостойнаго.

** У Роз. надѣющійся.

** Въ моемъ спискѣ ошибка: и м.м.м.м.м.м.м.

непріятеля не допуская до рукъ своихъ поразить. И если бы, Государь, научить * хотя одинъ полкъ Преображенской, или Семеновской, или новой какой охотниковъ изъ стариковъ и изъ новиковъ выбрать изволилъ, тысячь пять-шесть или десятокъ собрать, и научить ихъ такимъ твердымъ стрѣліемъ, чтобъ ни одинъ пули даромъ не потерялъ, но почемубъ ни похотѣлъ стрѣлить, потому бѣ и попалъ.

А напорнаго ради непріятеля, нужда есть и до копей, а потомъ и до бердышей, или до обоюдниковъ, а потомъ нужда надлежитъ и до ножей.

И если воля Великаго Государя на сицвое дѣло по тшанию твоему произыдетъ, то ружье ужъ надобно доброе, чтобы въ немъ оборона была; порохъ надобно доброй же; пищамя бѣ цѣльныя были, чтобъ трудъ воинской не тунѣ погибалъ; и чтобъ пуля въ послушаніи у нихъ была, куды бѣ похотѣлъ воинъ послать ее, туды бѣ она дошла; такожде и коніи были бѣ острия, яко ножи, чтобъ никакое густое платье не одержало ихъ; и дrevки бѣ у нихъ были твердыя; и присадка бѣ у нихъ была твердаяжъ, чтобъ въ присадѣ конь съ древокъ не ломались; такожде и бердыши и обоюдники были бѣ острые, а не якожъ прежде бывшіе, что и одного кафтана просъчь не могли; такожде и ножи были бѣ самыя острые, и концы самыя жъ у нихъ острые были, и въ черенахъ бы они были твердые, и черенье бы у нихъ было толстое съ костьюями или съ какимъ инымъ препятіемъ, чтобъ во время нужды руки у себя не обрывать.

Худъ тотъ холопъ, кой воли господа своего не творить; такожде худо то и ружье, въ коемъ обороны нѣтъ. По нашему зрится въ воинскомъ дѣлѣ то и первое дѣло, чтобъ ружье было доброе, а къ ружью ужъ надоб-

* У Роз. *если бы Государь научилъ.*

но и воинъ доброй; а если ружье недействительно, то воину нечего храбростию своею безъ ружья дѣлать.

Сіе, Государь, всѣмъ зримо, что въ нынѣшней Ругодѣвскую * войну, сказываютъ, Преображенскіе и Семеновскіе солдаты что выстрѣлили зарядовъ по 20 и больши, а убитыхъ Шведовъ мало явилось. Хотя бѣ они въ 50 выстрѣлахъ по одному человѣку убили, то бѣ славно побѣда была; а то, Богъ вѣсть, работы людской и истраты казнь много было, а дѣла мало.

А если бы и по одному заряду выстрѣлили, да всякой бы убилъ, то бы и всѣхъ на голову побили; а мнѣ, Государь Федоръ Алексѣевичъ, въ разумъ вмѣстить немочно, что въ томъ за польза, что много огня, а убою ничего нѣтъ, лише свинцу и пороху истеря даровая, а солдатамъ лишняя работа.

По моему, Государь, мнѣнію, дружная стрѣльба только что красиво смотреть, ** а непріятелю нестрашна она; а цѣльная стрѣльба хотя некрасива стрѣльбою, только непріятелю страшна будетъ, и казна Великаго Государя спорабъ была. а солдатомъ покойно.

И естли сіе мое изреченіе Великому Государю будетъ угодно, и быть сему поволить, то мнится мнѣ, что и жалованье умбющимъ солдатамъ учинить разное. Кой умѣть будутъ съ руки стрѣлять по шапкѣ стоящей и никогда не грѣшить, и такому, чаю, что мочно бѣ по рублю. или по два, при прежнемъ жаловань прибавить. А кой по шапкѣ жъ будетъ бить, не на одномъ мѣстѣ стоящей, но подвижимой, и никогда жъ не грѣшить, и такому и передъ тѣмъ прибавка жъ бы учинить; а кой по малой цѣли, якобъ по яйцу, будетъ бить безоблыжно, и тому наипаче вящее жалованье учинить; а кой удалецъ будетъ такой, что въ малую

* Въ Рос. сп. не правильно: *Ругодѣльскую*.

** Въ моемъ сп. кажется неправильно: *смотритъ*.

цѣль въ подвижную будеть бить безызмѣнно, и таковому и гораздо доведется лишнее дать, чтобъ на то зря, другъ предъ другомъ ревновали и въ наученіи подвижались.

И если Великій Государь изволитъ сицевымъ подобіемъ жалованье расположить, то многіе будутъ учиться стрѣлять и своимъ порохомъ; и начальнымъ людямъ по дружбѣ нельзя никого въ большой окладъ справить; всякому будеть достойное жалованье по его умѣнію; и если довольное жалованье добрымъ мастерамъ учинено будеть, то, чаю, что и съ воли многіе, кои ружьемъ владѣютъ, въ солдатской чинѣ и изъ добрыхъ домовъ пойдутъ.

И если такихъ удалыхъ стрѣльцовъ тысячь десятковъ человекъ собрать, и научить ихъ скорообращательному строю, то чаю, что та 10 тысячь лучше 50 тысячь уѣдѣла будутъ: тобъ нашему Великому Государю самая достохвальная слава и радостная война была, что малыми людьми многолюднаго непріятеля побѣждалъ.

Дружное, Государь, стрѣляніе хотя и живо зритца, а какъ строй непріятель сомнеть, то и умѣніе дружные стрѣльбы бросить; а цѣльнаго стрѣлянія никогда непріятель отнять не можетъ, потому, хотя человекъ пять-шесть гдѣ захватятъ, и тѣхъ даромъ взять не возмогутъ.

А кои стрѣлять въ цѣль не умѣютъ, и тѣмъ лучшимъ владѣть копьями и инымъ студенымъ ружьемъ: кто чему гораздъ, тому тѣмъ хорошо и владѣть.

Такожде если бы Великій Государь изволил и конницу учинить огнестрѣльную такую, чтобъ скачучи на кони прыткостію, по цѣли били изъ длиннаго ружья саженьхъ въ 20, а изъ пистолей въ 5 саженьхъ. И если Великій Государь наградить довольнымъ жало-

ваньемъ, по разсмотрѣнію коегождо умѣнія, то многіе изъ домовъ боярскихъ и сытые люди пойдутъ въ конской строй, и изъ иныхъ изо всякихъ чиновъ тшатися въ такіе драгуны будутъ. И если такихъ удалцовъ собрать хотя одна тысяча, чтобъ ни одинъ изъ длиннаго ружья и изъ пистолей никогда не грѣшилъ, и такаябъ тысяча замѣнила паче 10 тысячъ.

А у насъ, Государь, въ Руси обрѣтаются такіе стрѣльцы въ Низовыхъ городѣхъ и въ Сибирскихъ странахъ, что скачючи на кони, изъ длиннаго ружья въ цѣль бьютъ и заряжаютъ; только пистольнаго стрѣлянія не знаютъ. И если такихъ стрѣльцовъ конныхъ научить и пистольной стрѣльбѣ и шереношному стрѣнію, то комубъ такая конница нестрашна быма!

И если бы Богъ изволилъ и Великій Государь съ сицевымъ умѣніемъ пѣхотные и конные полки построилъ, то Богъ вѣсть, ктобъ могъ противъ его Велико-го Государя стоять.

Да къ тому если бы еще научились и изъ пушекъ стрѣлять въ цѣль же, чтобъ почему захотѣли, потому бѣ и били безъ погрѣшенія, тобъ страшны Русскіе люди всѣмъ окрестнымъ Государствамъ были. А буде Государь, въ Руси такова челоувка не изыщется, кой бы могъ пушечную стрѣльбу устроить, чтобъ даромъ пули не пропадали, инъ хотябъ великою цѣною изъ тѣхъ земель мастеровъ добыть, въ конхъ таковыя обрѣтаются, что по одному челоувку умѣютъ убить, и пушкѣ въ дуло вбиваютъ. (?)

Да къ тому, если бѣ Великій Государь изволилъ рогатки подымать на колесахъ съ огненнымъ боемъ, чтобъ мочно съ ними наступать и отводомъ итти безъ трудности. И если рогаточную стрѣльбу управить по намѣренію моему, то чаямъ бы я, за помощію Божією, защитить въ нихъ отъ неприятели великой бытъ, пото-

му, если по слову Великаго Государя, якожь ми прошлаго году въ Преображенскомъ на сержантскомъ дворѣ изъ своихъ Царскихъ усть изрекъ, чтобъ здѣлать рогатки огнестрѣльные въ три ряда, а на нихъ устроить по затинной пищаль, обращающейся на всѣ стороны, самыя цѣльныя съ замками, чтобъ непріятеля встрѣтить мочно было сажень за сто и больши, или въ погоню занима стрѣлить. И потому его Государскому словеси нынѣ для примѣру маленькую деревянную рогатку я сдѣлалъ. И буде поволишь тотъ образчикъ Великому Государю объявить, и если тѣмъ образцомъ Великій Государь укажетъ рогатки двѣ-три сдѣлать совершенные, какъ имъ доведется быть, и на тѣ рогатки, зря, мочно всю силу въ нихъ познать, коль онѣ скоропоспѣшны къ стрѣльбѣ, и коль тяжелы на походѣ, и что за ними дѣла, то всѣмъ будетъ явно.

Дѣложъ въ тѣхъ рогаткахъ сіе есть заправить стволы пулями или желѣзными жеребьями, и поставить ихъ на причинныхъ мѣстѣхъ и устроить ихъ, чтобъ стояли стволы въ груди чловѣку, и запалить верхней рядъ въ то время, какъ непріятель будетъ въ 30 или въ 40 саженяхъ отъ рогатокъ, чтобъ ружью мочно взять, * и пулибъ даромъ не пропадали.

И буде непріятель будетъ напорень, и черезъ побитыхъ передовыхъ людей станетъ выправливаться, и въ то время запалить другой запасъ.

И буде заупрямятся и начнутъ еще справливаться, и тогда запалить изъ третьяго ряду; а въ то время поспѣють первой рядъ паки заправить, и къ стрѣльбѣ уготовить.

И буде и еще непріятель будетъ нартитца, то хотя до десяти разовъ, или и больше, то мочно од-

* Въ моемъ сп: *«тобъ ружье мочно взяло»*.

ною рогаточною стрельбою непріятеля отъ обозу отбивать.

А буде непріятелю рогаточная стрельба не понравится и поворотить прочь, и того ради доведетца изъ затинныхъ пищалей въ погоню за ними стрѣлять: и како я мышлю, и если бы тако и на дѣль было, тобъ отъ однихъ рогатокъ велико на непріятеля поражение было.

И если бы вся сія тако устроишася, да къ томужь если бы Богъ способъ далъ доброй, тобъ дивная война была, и на весь свѣтъ славна бѣ Русь была.

Еще же и сіе изреку, егда лучитца на приступѣ градскомъ быть и изъ шанцовъ стрѣлять, то что поможетъ дружное стрѣляніе? Съ тѣмъ множествомъ стрѣлянія ни чесо же вредить; но въ шанцахъ нужда мнитца быти до самага умѣнія стрѣляльнаго. Такіе надобно умѣльцы, чтобъ человекъ лишь бы въ окошко глянулъ, или межъ зубцовъ мелькнулъ, анъ его надобно и убить, и какъ кто въ цѣль стрѣлять не умѣетъ, тому въ шанцы и ходить не для чего.

Зачто въ шанцахъ вылазные непріятели много побиваются? Явѣ за то, что стрѣлять въ цѣль ошанцовавшіеся не умѣютъ; и хотя и много стрѣляютъ, да не попадаютъ и лише себѣ трудъ чинять, а непріятель съчетъ и рубить даромъ.

А если бы такіе были умѣльцы, чтобъ всякая пуля въ человека посажена была, а мимоъ ни кто никогда не могъ стрѣлять, то чтобъ вылазка шкоды сидящимъ въ шанцахъ починила! Только бѣ сами пропали, чтобъ и назадъ ихъ не упустили.

Такожде и на отводныхъ караулѣхъ что пользуетъ пищаль, аще не умѣетъ цѣльно въ человека изъ нее попасть? Развѣ только вѣсть полку подастъ, а самъ пропадетъ даромъ, а умѣющій стрѣлецъ и на отвод-

номъ караулъ хотящаго его скрасть убьетъ, и даромъ не пропадетъ, но голову на голову смѣняетъ.

Еще же и сего нужнѣе умнѣе стрѣляльное на водномъ бою: по тому корабль на морѣ покойно стоять никогда не можетъ, но всегда онъ шатается; такожде и мѣлкія суды за колебаніе морское стояти неподвижно не могутъ; и въ морскомъ воеваніи что успѣтъ дружная, а не цѣльная стрѣльба? Мнѣ, Государь, сіе тако размышляется, что на морѣ надобно самыя удалыя стрѣльцы, чтобъ могли съ руки въ подвижную цѣль бить безъ облышки; а естли не такъ, то не какъ на морѣ воевать. Я истинно, Государь, не помалу дивлюся и недоумѣваюся, что сказываются Цѣмцы люди мудры и правдивы, а учатъ все насъ неправдою.

Мнѣ, Государь, вельми сумнительно въ иноземцахъ; * а праведноль я сумняюся или блазняюся, про то Богъ вѣсть, только то я совершенно знаю, что они всѣхъ земель торгуютъ торгами и всякими промыслами промышляютъ компанствами единодушно, и во всякихъ дѣлѣхъ себя они и свою братію хранятъ, и возносятся, а насъ ни вочто вмѣняютъ.

И тому ихъ торговому содружію примѣняяся, мнѣни ми приходитъ такое, что диво тако, да не компанствами лижъ они и войну чинятъ, будто намъ помогаютъ, а все блазнятъ насъ; а самою истинною, чаю, ради тому, чтобъ ихъ однихъ рука высока была, а наши всегдабъ въ поношеніи были, и всегдабъ ихъ за господъ себѣ имѣли.

И естли, Государь, война правится компанствамижъ ихъ, то вельми надобно ихъ боятися, дабы горшки прошлогодняго вреду впредь сего не починили. Вѣ-

* Въ моемъ сп. о иноземцахъ.

рять имъ вельми опасно: не прямые они намъ доброты, того ради и ученью ихъ не вельми надобно вѣрять. Мню, что во всякомъ дѣлѣ насъ обманываютъ и ставятъ насъ въ совершенные дураки.

А за благодатию Божіею у Великаго Государа есть всякихъ людей разумныхъ. Много Иѣмцы насъ умнѣе * науками, а наши острою, по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно.

Да пожаловали они прорубили изъ нашего государства во всѣ свои земли диру, что вся наша государственная и промышленная дѣла ясно зрять. Диражъ есть сія: здѣлали почту, а что въ ней Великому Государю прибыли, про то Богъ вѣсть. а колько гибели отъ той почты во все царство чинитца, того и исчислить не возможно. Что въ нашемъ государствѣ ни здѣлается, то во всѣ земли рознесетца; однѣ иноземцы отъ нее богатятся, а Рускіе люди нищаютъ. Потому товары, кои у насъ въ Руси готовятца къ городу, а здѣшніе иноземцы въ свои земли неперестанно пишутъ, почему кои товары купятца, и каковы товары, добры или плохи, и коихъ много, и коихъ мало. ** Такожде пишутъ и о своихъ товарахъ, кои здѣсь подобрались и коихъ залишкомъ. И кои ихъ товары подобрались, тѣхъ они и вывезутъ; а коихъ слишкомъ, тѣхъ и не везутъ, и цѣну какову похотятъ, такову и поставятъ.

А наши бѣдные къ городу прїѣдутъ съ товарами, и прїѣзжіе иноземцы цѣну ихъ и знаютъ, по чему кои товары куплены и коихъ колько есть; и станеть у него торговать самою цѣною малою, потому что про цѣну подлинно знаютъ, и многоль коихъ товаровъ пасено, знаютъ же.

* Въ моемъ сп. *ушлое*. ** У Роз. *ниже*.

И почты ради иноземцы торгуютъ издѣваючися, а Русскіе люди жилы изъ себя изрываютъ.

А естли бы почты иноземской не было, тобъ и торгъ ровной былъ: какъ наши Русскіе люди о ихъ товарѣхъ не знаютъ, такожде бы и они о нашихъ товарѣхъ не зналижъ бы, и торгъ бы былъ безъ обиды.

Идетъ на годъ отъ почты въ казну по сту рублевъ, и то почитаютъ Великому Государю въ прибыль, а въ то мѣсто изъяну чинятъ на многія тысячи.

Наипачежъ того, что, чаю, вслѣкія вѣсти выносятся на весь свѣтъ, и естли совершенно вѣсти всякія, кромѣ торговыхъ статей, во всѣ земли разносятца, то не то что по сту рублевъ, ни по сту тысячъ не доведетца за почту брать.

Мнѣ, Государь, мнитца, что лучшибъ та дыра загородить накрѣпко; а крѣпче того не лязя, что почта, буде мочно, то отставить ее вовсе, а не худо, чаю, чтобъ и ѣздакомъ заповѣдь положить крѣпкая, чтобъ грамотокъ въ иныя земли безъ приказнаго свидѣтельства отнюдь не возили. Такъ бы вѣсти никакія не разносимись.

Еще, Государь, предлагаю предъ очи твои примѣръ о ратныхъ дѣлахъ на пополненіе вышеписанныхъ рѣчей, со исчисленіемъ жалованья денежнаго и хлѣбнаго и оружейнаго расходу.

Простой, Государь, пѣхотѣ денежнаго жалованья, на примѣръ, положить хотя по 10 рублевъ на годъ, хлѣба по 10 четвертей на челоуѣка, подъемныхъ по 3 рубли; если собрать той статьи пѣхоты 50 тысячъ, то надобно имъ денегъ на жалованье 500 тысячъ рублевъ; хлѣбъ, если положить по полтинѣ четверть, и того будетъ 250 тысячъ рублевъ; подъемныхъ 150 тысячъ рублевъ.

И всего имется имъ денежного и хлѣбнаго жалованья годового 750 тысячъ рублей, да подъемныхъ 150 тысячъ рублей; обоего 900 тысячъ рублей.

Имъ же ружья надобно всякому солдату: по пищаль — и если всякая пищаль положить по два рубли, и того будетъ 100 тысячъ рублей; богинеты хотя по полтинъ, и того 25 тысячъ рублей; пороху по 5 фунтовъ на человѣка, а фунтъ если положить по гривнѣ, и того 25 тысячъ рублей; пулекъ по 5 же фунтовъ на человѣка, а фунтъ если положить по алтыну, и того будетъ 7500 рублей, всего на ружья и на порохъ надобно 157,500 рублей.

Ихъ же естли кормить на службѣ Государевымъ кормомъ, и если на мѣсяць положить корму по рублю на человѣка, и на 3 мѣсяца на кормъ изойдетъ казны 150 тысячъ рублей.

И всего 50 тысячъ человѣкомъ жалованья и ружья и пороху и на 3 мѣсяца корму имется 1,207,500 рублей.

А естли, Государь, собрать самыхъ умѣтельныхъ стрѣльцовъ, чтобъ ни одинъ и въ самомъ скоростномъ стрѣляніи пули даромъ не бросилъ, и по моему, Государь, мнѣнію такихъ умѣющихъ стрѣльцовъ полно и 40 тысячъ человѣкъ, нежели вышечисанныхъ 50 тысячъ человѣкъ; и жалованья хотя по 30 рублей будетъ имъ учинено на годъ, и хлѣба хотя по 20 четвертей на человѣка, подъемныхъ хотя по 5 рублей, то Великому Государю валовыхъ вышечисанныхъ 50-ти тысячъ человѣкъ гораздо бѣ они прибыльнѣе были: потому изойдетъ имъ на годовое жалованье только 300 тысячъ рублей, на хлѣбъ 100 тысячъ рублей, на подъемъ 50 тысячъ рублей, и всего жалованья годового-денежного и хлѣбнаго и подъемныхъ противъ сего примѣру бу-

дсть 450 тысячъ рублей. Ружье надобно имъ доброе и цѣльное; и хотя купить пищаль по 6 рублей, и того будетъ 60 тысячъ рублей. Бердыши добрые или обоюдники, или по прежнему богинеты, положить по 20 алтынъ, и того 6 тысячъ рублей. Ножи добрые купить хотя по 2 гривны, и того будетъ 2 тысячи рублей; пороху добраго фунта по 3 на челоуька, и купить хотя по 2 гривны фунтъ и того будетъ 6 тысячъ рублей; пулей хотя по 3 фунта на челоуька, и того будетъ 900 рублей.

И того всего будетъ 74,900 рублей, а на службъ для ради ихъ удамства и для отмѣны отъ рядовыхъ солдатъ, хотя по полтора рубли на мѣсяць корму имъ учинить, и того на 3 мѣсяца имѣется 45 тысячъ рублей.

И всего жалованья, и ружья, и пороху, и на 3 мѣсяца корму, иметца 569,900 руб.

И какая казна довелась была дать 50 тыс. прежде бывшимъ солдатомъ, и тою казною новыхъ солдатъ, самыхъ удалыхъ, кои въ подвижную двувершковую цѣль безъ погрѣшенія будутъ бить, мочно пожаловать 20 тысячъ челоуькъ и слишкомъ. И тѣ, Государь, 20 тысячъ замѣнилибъ у дѣла за 100 тысячъ немѣющихся, или и за 200 тысячъ.

И естли, Государь, подлинно такихъ добрыхъ стрѣльныхъ мастеровъ 50 тысячъ собрать, да естлибъ къ нимъ прибрать самыхъ смѣлыхъ и зарывныхъ молодцовъ тысячъ съ 10 и 20, по размотрѣнню полководца хъ копейной службѣ, да конныхъ огнестрѣльныхъ бойцовъ естлибы набралось тысячъ съ 10, лучныхъ и копейныхъ добрыхъ наѣздниковъ тысячъ съ 10 же бы, то хотя числомъ при прежнихъ наря-

дахъ и не многобъ ихъ было, а надежнѣебъ прежнихъ 300 тысячъ было съ ними воевать.

Я чаялъ бы, что за помощію Божіею Великій Государь могъ бы многія государства подъ руку свою толикимъ числомъ подклонить; только надобно къ такимъ удалцамъ удалые и полководцы и въ воинскомъ дѣлѣ искусные, чтобъ умѣли ихъ вести, и отъ лукавства непріятельскаго зналибъ ихъ блости, чтобъ какихъ обманомъ ихъ не погубили, и за незнаніемъ * «полководца умѣніе ихъ стрѣльное даромъ бы не пропало.

А кои прежніе солдаты не годятся ни къ огненной стрѣльбѣ, ни къ копейной войнѣ, и тѣмъ бы хорошо быть въ черной работѣ и у рогаточнаго наряду; а буде такихъ работныхъ солдатъ будетъ мало, то доведется, чаю, для земляной работы нарочныхъ даточныхъ изъ крестьянства взять, по работѣ смотря, на время, по коихъ мѣсть будетъ служба.

А какъ служба минется и тѣхъ крестьянъ отослать на прежніе ихъ жеребьи; а умѣющіе солдаты всегдабъ у ружья своего управлялись: чтобъ они никогда въ земляной работѣ не утрудились и томныбъ не были, но всегдабъ они были бодры и опасны, и къ бою готовы на всякой часъ.

А если утомится въ черной работѣ, то онъ день другой будетъ не воинъ; а стрѣляльному, Государь, мастеру надобно на всякой недѣль разъ другой всякому изъ пищали своей по цѣли выстрѣлить, чтобъ рука у него къ стрѣльбѣ всегда тверда была, и ружьесбъ не залеживалось;» а если, Государь, и доброй мастеръ, да утрудится въ земляной работѣ, или и безъ работы, да долго не будетъ изъ ружья своего стрѣ-

* Въ моемъ спискѣ недостаетъ осьмушки съ словами, означенными «—».

лять, то рука у него въ стрѣльбѣ дрогнетъ, и съ руки ужъ не таково цѣльно стрѣлять будетъ

И естли бы всему сему Господь Богъ изволилъ быть, и Великій Государь приказалъ такихъ прямыхъ вонновъ себѣ избрать и научить якожь выше реклось, то хотябъ ихъ на полѣ и не казисто было, обачежь не пріятелю страшныбъ были наче прежнихъ многочисленныхъ полковъ.

Я истинно, Государь, сего не могу разумѣть, что въ томъ силы или что похвалы, что многочисленны наши полки на брань изходятъ, а непріятель малыми людьми побиваетъ и въ полонъ беретъ. И сіе, Государь, не бесчестіель наше, что во множествѣ нашемъ отъ малыхъ людей стоять не можемъ

И аще кто речеть: нынѣшняя де Ругодевская служба учинилась злощаствна отъ воли Божіей, да отъ измѣны, а не отъ плохости какой; и сіе всѣ мы разумемъ, что безъ воли Божіей и маленькой птички убить никому не возможно: однакожь всегда надобно человѣку опасну и осторожну и къ ратоборству готову быть, и уборъ ополчительной надобно всегда доброй имѣть. Естли же мы обороны себѣ не умѣемъ держать, то нѣчего намъ на Бога и пѣнять. Егда и самъ Богъ полководствовалъ Израильскому люду, обачежь и тогда тыи Израильтине оружія не отлагали, но острыхъ мечей на непріятеля своего употребляли, и на защищеніе отъ непріятеля щиты себѣ имѣли; кольмижь нынѣ намъ подобаетъ пещися о добромъ ружьѣ, и о добромъ умѣнѣ полководномъ и ратоборномъ и о всякомъ ратномъ управленнѣ, потому что самъ Богъ не снидетъ намъ тако помогать, яко же древѣмъ помогалъ Іисусу Навину Іерихонъ градъ разрушить ношеніемъ кіота Господня и множествомъ

трубнаго гласа, или Гедеону едиными трубами, да огненными лучами, Мадіама утратить; а на поражение Мадіамлянъ и Іерихонитянъ единаче употребилъ оружіе, кое тогда въ ратномъ дѣлѣ обрѣталось.

И по сему разумно никогда безъ оружія воевать не возможно.

Къ сему жъ и Псаломникъ вопіетъ: препояши оружіе твое по бедръ твоей силне; и не просто сіе пророческое слово речено, еже препояши по бедръ твоей силне: бедра значить осторожность, а сила значить умѣніе. И по сему, явно, что воину всегда достоинъ оруженосу * и умѣтельному быть, такожде и ружье доброе и острое имѣть; и во многихъ мѣстахъ воспоминаются въ писаніи мечи обоюдные и изощренныя, а не тупыя: тупаго оружія ни въ каковыхъ писаніяхъ не обрѣтается, якоже прежде у насъ обрѣтались бердыши, остриемъ подобны косарю тупому, и кованы изъ простаго желѣза безъ укладки, сабли желѣзныя жъ и тупыя, что ни бердышемъ, ни саблею и платье прорубить не возможно было. А ружье, Государь, тупое непріятелю не страшно, потому что если по голому тѣлу, то обранить; обаче жъ и рана отъ тупаго ружья невелика бываетъ; а если по платью ударить имъ, то лишь зашибеть. а и обранить сквозь платье невозможно. А острое ружье весьма страшитъ всякаго челоуѣка, потому что рана отъ него тяжела, и платье не защититъ отъ раны. Такожде и нищаль цѣльная страшна непріятелю. И по сему, Государь, о ружьѣ первое попеченіе надобно имѣть, чтобъ оно было добро и остро, и къ оборонѣ надежно; а за тѣмъ уже и безъ умвнія нельзя быть.

И кузнецамъ указъ сказать крѣпкой, чтобъ отнюдь изъ худого желѣза ружья никакого не ковали, а на

* У Роз. *вооруженному.*

остріе клалибъ сталь или укладъ самой доброй, и остріебъ ставили на бердышахъ, и на обоюдникахъ, и на копьяхъ, противъ добраго ножеваго острія; и всякой бы мастеръ сдѣлалъ по имени своему и по прозванію клеймо, и тѣмъ бы клеймомъ всякой мастеръ свою работу и клеймилъ впредь для вѣдома, чтобъ мочно было разобрать, кое коего мастера ружье, и буде кое ружье будетъ огненное ковано не изъ самага мягкаго желѣза, и худо проварить, * или худыя мѣста мѣдью запоеть, и отъ стрѣльбы ес разорветъ, и по клейму, хотя въ 10 лѣтъ, сыскать будетъ мочно виноватаго мастера.

А чаю, Государь, доведетца того мастера жестоко наказать, чьей работы ружье разорветъ, потому что онъ будетъ челоуѣкоубійца. Такожде кой кузнецъ скуеть саблю, или бердышъ, или обоюдникъ, или копье, или богинеть, или ножъ безъ укладку, или и съ укладомъ, да желѣзо положить не мягкое, и отъ того онъ переломитца, или въ присадѣ не твердо будетъ, и съ ратовища сломитца, или изъ черена выломитца, и тому доведетца запрещеніе какое положить, чтобъ всѣ того опасны были.

А принимать бы всякое ружье съ опыту и за върнымъ свидѣтельствомъ И кой дозорщикъ кое ружье будетъ досматривать, и на томъ бы ружьѣ положилъ онъ свое дозорное клеймо, чтобъ знать было, коего ружья кой дозорщикъ достовѣривалъ. И если въ чьемъ дозорѣ явится какая виновность, и за то и дозорщику запрещеніежъ бы какое положить.

Намъ, Государь, не то что нынѣшняя Ругодевская служба не полезна, но и предками своими похвалитца намъ не возможно: и всѣмъ сіе вѣдомо, какъ Князь

* У Роз. *пропарить*.

Василей Васильевичъ Голицынъ подъ Перекопъ ходилъ, и съ нимъ, сказывають, было больши 300 тыс. служилаго люду, а Татаръ выгхало тысячъ всего съ пятнадцать; а наши отъ великаго своего множества, бою съ такими малыми людьми не смѣли длить. И сіе, Государь, не явноеъ наше безчестіе, что тѣ Татары одною конницею и однимъ лучнымъ боемъ полкъ Думнаго дьяка Емельяна Украинцова порубили, и пушекъ, сказывають, съ 20 отбили, и въ полонъ взяли; а наши изъ большаго и изъ меньшихъ полковъ и изъ обозу выгги и выручить ихъ не смѣли, всѣ устращились отъ малыя горсти. Истинно право слово Божіе: еже страшливому на брань изходити не подобаетъ, подобіи и неумбющему не почто на бой ходить; потому страшливой или неумбющій смѣлому и умбющему мѣшать и страхъ наводитъ будетъ. Страшливому и неумбющему лучши дома сидѣть; а на бой надобно забитыя * головы — какъ полководцы, такъ и полчане.

И сіе, Государь, мнози вѣдаютъ, что Татары, приѣзжая къ рогаткамъ, хватають крюками за рогатки и разволакиваютъ, а иные и саблями ихъ рубягъ, а наши изъ ружья стучагъ да гремягъ, ** а Татары и не глядятъ; потому что всѣ стрѣляютъ мимо, а ихъ убить не могутъ.

А естли бы, Государь, да такіе были наши стрѣльцы, чтобъ ни одинъ даромъ не стрѣлялъ, или бы огнестрѣльные рогатки были, то нѣкогда бѣ къ обозу близко подѣбжаты и за рогатки хвататы: а естли бы кони и понартачились, инѣ бы прочь не отѣхали. Плохо намъ воевать, когда не умбемъ мы въ нихъ стрѣлять.

* Въ моемъ сп. *забитыя*. ** У Ряз. *звѣлтъ*.

У нашихъ, Государь, Русскихъ людей руки есть такія жъ, что и у иноземцовъ, и отъ непріятелей мочно бы оборонь держать, лише бы ружье было доброе, да и умніе твердое. И иноземцы не отъ небеси пришли, но такіе жъ люди, яко и мы: всему тому привычка, да добрая расправа. Сіе, Государь, многимъ извѣстнѣю, что Низовые люди Татарь и Калмыковъ всегда отъ жилищъ своихъ отгоняють и побивають.

Наипаче жъ Сибирскіе жители малыми людьми многихъ Татарь прогоняють и побивають и въ полонъ берутъ; и никогда Татары и многимъ числомъ противъ тамошнихъ нашихъ малыхъ людей стоять не могутъ. И за что не могутъ стоять? Явь за то, что тамошніе жители изъ ружья стрѣляютъ горазды—и пуль даромъ не теряють, а къ тому смѣло поступаютъ; и за то наши и страшны Татарамъ бывають. Такожде, я чаю, и съ Иъцами, если наши будутъ Московскіе солдаты изъ ружья все цѣльно стрѣлятъ, и пуль не стануть даромъ терять, то будутъ имъ, якоже и Татарамъ, Русскіе люди страшны.

Истинно, Государь, надобно намъ Бога призвать въ помощь, и о рогатномъ дѣлѣ самое истинное и прилежное ко всему ратному убору радѣніе и разсмотрѣніе приложить.

Аще бо Великій Государь и великое прилежаніе о ратныхъ дѣлахъ имѣеть, обаче безъ извѣстія примѣрныхъ статей трудно въ тонкость все познать, понеже человекъ есть, и сего ради потребно ему Государю помощь подавать, елико кто можетъ, и всякіе примѣры на разсудокъ предъ очи его Государскіе предлагать, и о всякомъ дѣлѣ самую истинну доносить; а безъ вѣрныхъ помощниковъ трудно ратное дѣло управить.

Истинно, Государь, мочно на Бога надежду имѣть, что возвыситца рука Великаго Государя; только нужда надлежитъ до добраго оружейнаго убору и до ратнаго умѣнія въ стрѣляніи и во управленіи. Того ради я тебѣ Государю и докучаю съ великимъ прошеніемъ, Господа ради не возгнушайся моего неразумія и многословія, и разсмотри вся моя изреченія съ приисканіемъ, и коя дѣла полезна узриши, то пожалуй о тѣхъ дѣлахъ, какъ тебѣ Богъ наставитъ, расположи, и Великому Государю доложи.

Истинно, Государь, отъ самыя ревности о семъ я подвизаюся, а не ради какихъ своихъ прихотей, или поисканія какова. Мою, Государь, намѣреніе то, чтобы мнѣ тунядцу у Великаго Государя не быть, и за тебѣ мнѣ отвѣту Богу не дать.

Еще жь, Государь, доношу милости твоей, и сіе видѣлъ я, да въ Инженеръ мѣру лить на заводъ Болрина Льва Кириловича девяти-пудныя бомбы, и тѣ, Государь, бомбы, Богъ вѣсть, годятся ли къ дѣлу; потому пущены онѣ вельми стѣнисты. И по тому его мѣру льются иныя бомбы и по 10 пудъ, и больши, и по моему, Государь, мнѣнію развѣ ихъ набивать добрымъ порохомъ; а если плохимъ порохомъ, или и среднимъ, да къ тому еще отсырѣлымъ ихъ набивать, то не чаю я вѣсьмъ имъ разрываться, потому что онѣ стѣнисты.

И сіе, Государь, вельми нужно, чтобы ихъ искусити такимъ порохомъ отсырѣлымъ, каковъ бываетъ на службѣ; и если ихъ разрывать не станетъ, то лучше ихъ на службу не возить и здѣсь ихъ бросить.

И если, Государь, изволишь тѣ бомбы оныгать, то пожалуй не прогнѣвайся на меня о словеси моемъ, еже реку; истинно вѣмъ, еже стократнѣе моего рѣчи вся разумѣеніи совершенно, но забвеніе надъ всякими

человѣкомъ хвалитца, или какое многодѣліе и многомысліе препинаніе творить: и того ради припомянуя пишу, ежебѣ спросить пороху средняго не для бомбнаго наряду, но для каковыя ни есть иныя потребности, чтобѣ взять его сплота кой полежалой, и чтобѣ его не подсушивая принесли. А естли, Государь, увѣдаютъ то, что набивати имѣ бомбы, то либо изъ лучшаго пороху возьмутъ, либо подсушатъ.

А сіе, Государь, всѣмъ извѣстно, что на службѣ всегда порохъ сыръ бываетъ отъ дождей, и отъ подмочки, и отъ росы, и отъ воздушныя сырости.

И въ семъ, Государь, вельми нужно поостерегисяс, нѣтъ ли какой прозяби отъ того Инженера. Ей, Государь! надобно отъ нихъ опасатисяс; потому что свой своему по неволѣ другъ, и никогда иноземецъ не сверстаецъ съ собою Русскаго человѣка. Хотя они и разныхъ земель, только не надежно имѣ во все * ввѣриватисяс: всегда онѣ своеплеменнымъ лучши порадебѣтъ, и того ради надобно за ними гораздо смотрѣть. И буде кой скажетъ, что отъ недознанія худо учинилъ, а не отъ хитрости, а то ему самое безчестіе, на что онѣ въ то дѣло и вступаетъ, въ чемъ силы не знаетъ, а жалованье великое беретъ. По моему, Государь, расположенію, надобно у пороховыя казны и у бомбнаго наряду быть изъ Русскихъ людей самому доброму и вѣрному человѣку, и въ пороху ему доведетца сила знать. И такое дѣло великое и закрытое вельми опасно въ иноземскія руки ввѣривать.

Еще, Государь, видѣлъ я и другую прозябу: инженеръ ли или полковникъ, кой далъ образцы киркамъ, каковы ковать для земляныя работы, и въ тѣхъ, Государь, киркахъ великая и явная понаровка учинена

* Въ моемъ сп. о все.

непріятелю. Гдѣ было копать Русскую киркою день, а тою Нѣмецкою киркою прокопаетца два дни, а естли зимнею порою, то и три дни тою киркою противъ нашея прокопаетъ. И естли бѣ, Государь, зимнею порою, то мочно бѣ ихъ здѣсь и опытать, и по свидѣтельству опытному мочно бѣ иноземца и спросить, для чего онъ такія негожія кирки велѣлъ дѣлать.

Кирка, Государь, надобно такъ сдѣлать, чтобъ она въ черену была крѣпка: то хорошо, чтобъ насади на черень, годъ мѣсто мочно было ею работать; а Нѣмецкой образецъ данъ такой, что и сутокъ на черену не устоитъ. Другая сила въ киркахъ то, чтобъ она въ землю лънула, а не скользывала, и въ глазабъ работнику не брызгало: а Нѣмецкія, Государь, кирки здѣланы такъ, что какъ лучитца зимнею порою ею копать, то работнику и глаза всѣ выбьеть; и нивѣсь ему копать, нивѣсь глаза продирать, и череня на нихъ на службѣ не напастися; гдѣ было копать, ажно въ то время за насадкою ходи. А на службѣ, Государь, бываетъ и часъ нужнѣе сутокъ.

И естли, Государь, онъ иноземецъ сіе учинилъ отъ вымыслу, то доведетца ему и указъ учинить.

А естли же отъ неразумія, то доведетца, чаю, отъ того дѣла его отставить и жалованья убавить, чтобъ на то зря, иные такъ не дѣлали: и буде чего онъ совершенно не знаетъ, почто онъ въ то дѣло и вступаетца.

Буде жъ тебѣ Государю и сіе мое расположеніе о уборѣ ратнаго дѣла изнесено; аще и вся многократнѣе тебѣ Государю извѣстна суть, обаче да зришь и мое предложеніе. Мнѣ, Государь, тако ся мнить, что въ началѣ за помощію Божіею надобно ружье огнестрѣльное доброе и ковано изъ мягкова желѣза, якоже и вы-

ше рекохъ, и чтобъ они были нутромъ чисты и цѣльны; такожде и пушки нутромъ прямы и чисты, то будутъ онѣ и къ стрѣльбѣ цѣльны; и ядрабъ были круглы и гладки, и въ пушку бѣ съ понужденіемъ ихъ забивать, а не на закатъ пускать; порохъ бы пороховщики дѣлали доброй и яркой, и селитру бѣ въ него клали литрованную, чтобъ онѣ на службѣ не отсыривалъ и гущею не становился; и солдаты бѣ были смѣлые, изъ ружья стрѣлять умѣлые; и пушкарни бѣ могли хотя по аршинной цѣли убивать; и весь служивой людъ пищею и одеждою и всякимъ довольствомъ былъ бы награжденъ, чтобъ онѣ съ радостію за Великаго Государя готовы были умереть; и никогда бѣ они своихъ Рускихъ людей не грабили и не обижали; чтобъ всякъ за нихъ Богу молилъ, а не клалъ; чтобъ они были по Евангельски, своими оброки довольны, чѣмъ пожалованы.

Также и у конницы надобно, чтобъ были въ началѣ кони добрые и кормомъ довольныя, и ружье бѣ у нихъ было доброе и цѣльное; и скачучи на кони заряжать и въ цѣль стрѣлять умѣли бѣ; сабли были бѣ стальныя, а не изъ простаго желѣза кованы; чтобъ онѣ были остриемъ противъ добраго ножа; копьа бѣ были подобно бритвѣ, а древки бѣ твердыя; и присадка бѣ была твердая жѣ; и кто съ нимъ ѣздитъ, владѣть бы имъ умѣлъ; и сами бѣ они пищею и одеждою и всякими потребами довольны; и полководцы бѣ у пѣшихъ и у конныхъ были самыя добрыя и свидѣтельствоваыя люди, и къ смерти нестрашныя.

А естли, Государь, прежнія службы вспомнать, и тѣ службы, Богъ вѣсть, какъ они и управлялися: людей на службу нагонять множество, а если посмот-

ринишь на нихъ внимательнымъ окомъ, то ей кромѣ зазору, ничего не узришь. У пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли; только боронились ручнымъ боемъ, копіями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ на непріятельскую голову по 5 и 4, и гораздо больше; а хорошо бѣ то, чтобъ свою голову хотя головы на три непріятельскія мѣнять. А если на конницу посмотреть, то не то, что иностраннымъ, но и самимъ намъ на нихъ смотреть зазорно; въ началѣ у нихъ клячи худыя, сабли тупыя, сами нужны и безодежны, и ружьемъ владѣть ни какимъ неумѣлые. Истинно, Государь, я видалъ, что иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣетъ, а не то, что ему стрѣлить по цѣли хорошенько. И такіе, Государь, многочисленныя полки къ чему примѣнить? Истинно, Государь, еще и страшно имъ рещи, а иначе нельзя примѣнить, что не къ скоту; и егда бывало убить Татаринновъ дву или трехъ, то все смотрять на нихъ, дивуютца и ставятъ себя то въ удачу; а своихъ хотя человекъ сотню положили, то ни вочто не мѣняють.

Истинно, Государь, слыхалъ я отъ достовѣрныхъ и не отъ голыхъ дворянъ, что попеченія о томъ не имѣють, чтобъ непріятеля убить; о томъ лишь печетца, какъ бы домой быть; а о томъ еще молятца и Богу, чтобъ и рана нажить легкая, чтобъ не гораздо отъ нее поболеть, а отъ Великаго Государя пожаловану бѣ за нее быть; и на службѣ того и смотрять, чтобъ гдѣ во время бою за кустомъ притулиться; а иные такіе прокураты живутъ, что и цѣлыми ротами притуляются въ мѣсь или въ долу, да того и смотрять, какъ пойдуть ратныя люди съ бою, и они также будто съ бою въ таборъ пріѣдутъ. А то я у многихъ дворянъ слыхалъ: «дай де Богъ Великому Государю

служить, а сабли бѣ изъ ноженъ не вынимать; и по такимъ ихъ словамъ и по всѣмъ ихъ поступкамъ, не воинны они! Лучши имъ дома сидѣть, а то нѣчего и славы чинить, что на службу ходить.

А естли, Государь, по твоему радѣнію Великій Государь избереть себѣ прямыхъ воиновъ бранныхъ, и научить, якожь я въ примѣрномъ своемъ письмѣ выше изрекохъ, или и вѣщше того, какъ о томъ Господь Богъ его наставитъ, то весь прежде бывшей зазоръ отыметца отъ насъ, и будутъ и насъ въ люди почитать, и на войнахъ стануть нашихъ страшитися.

Какъ, Государь, воинство бранное избретца и всякому дѣлу служивому изучитца, то хорошобъ, Государь, и главному ихъ дѣлу научить, чтобъ они всегда въ сердцахъ своихъ страхъ Божій имѣли; понеже и Писаніе повелѣваетъ воину быти свѣту и житіе имѣть чистое, паче инокое, потому что всегда воинъ готовитца къ смерти и предъ нелицепріятнаго Судію стать.

А въ Кормчей книгѣ, въ законѣ Царя Константина написано: воину исходящу на брань подобаетъ хранитися и отъ всѣхъ непріязненныхъ словесъ и вещей, мысль же свою къ Богу имѣти и молитву творити, и обътъ * творити о брани, а не то что всячески сквернословить и неправда чинить.

И естли, Государь, къ доброму ружью, и къ доброму убору, и доброму воинскому ученію, и духовное сѣцвое устроеніе будетъ, то явѣ, что Богъ призритъ нань наипаче милостивнымъ своимъ окомъ; а за прирѣніемъ и вспоможеніемъ Божиимъ наши Русскіе вои-

* У Ров. *совѣтъ*.

ны прославятся паче окрестныхъ Государствъ, и малыми людьми проженуть враговъ своихъ многихъ.

Исчисленіе казны, что иметца противъ вышеписаннаго расположенія.

Если Великій Государь укажетъ самымъ удалымъ солдатамъ огнестрѣльнымъ на годъ жалованья учинить противъ вышеписанной росписи, и дватцати тысячамъ иметца 1,049,800 рублей.

А если годоваго жалованья имъ по 25 рублей, подъемныхъ по 4 рубли, и того будетъ 929,800 рублей.

Копейныхъ солдатъ если учинить 20 тысячъ, и если имъ въ прежнее жалованье быть въ 16 рубляхъ, и того будетъ 320 тыс. рублей; хлѣба по 16 четв. на челоуѣка, и если положить по полтинъ четверть, и того 160 тыс. рублей; подъемныхъ по 3 рубли, и того 60 тыс. рублей; копы съ дровками и съ бердышами и съ ножами хотя положить по рублю на челоуѣка, и того будетъ 20 тыс. рублей и всего имъ иметца жалованья и ружья на 20 тыс. челоуѣкъ, 560 тысячъ рублей.

Работнымъ людямъ если положить годоваго жалованья по 8 рублей на челоуѣка, хлѣба по 8 четв. подъемныхъ по 2 рубля, и того будетъ на 20 тыс. челоуѣкъ жалованья 280 тыс.; имъ же на кирки и на топоры и на иныя снасти если положить по полтинъ на челоуѣка и того будетъ 10 тыс. рублей; имъ же дать для нужной обороны хотя по рогатинъ, и рогатина положить по 10 алтынъ, и того будетъ 6 тыс. рублей, и всего чернымъ работникамъ 20 тысячамъ иметца жалованья и снастей 296 тыс. рублей.

Конницы естли наберетца самыхъ удалыхъ огне-
стрѣльныхъ бойцовъ тысячъ десять, и имъ естли Вели-
кій Государь учинить жалованья годоваго хотя по 60
рублевъ, хлѣба ему и коню по 40 чет. на коня
по 10 рублевъ, и того 100 тысячъ рублевъ; ружья
длиннаго купить, добрая пищаль хотя по 8 рублевъ,
пистолей пару по 4 рубл.и, на остръ по рублю, и то-
го будетъ 150 тысячъ рублевъ; пороху добраго по 5
фунтовъ на челоувка, и того 30 тыс. рублевъ; пулекъ
по пятижь фунтовъ, и того 1500 рублевъ; и всего
имъ иметца жалованья и ружья 1,141,500 рублевъ.

А конейщиковъ и лучныхъ стрѣльцовъ естлибъ на-
брать 10 тыс., и жалованья имъ естли учинено будетъ
годоваго по 40 рублевъ, хлѣба по 40 четвертей, на
коня по 8 рублевъ, на подъемъ по 8 же рублевъ, и
того 760 тыс. рублевъ; имъ же на ружье, и на сай-
даки, и на стрѣлы, и на копья, естли дать имъ по 5
рублевъ на челоувка, и того 50 тысячъ рублевъ; и
всего будетъ 810 тыс. рублевъ.

И по сей, Государь, примѣрной росписи боеваго
люду будетъ 60 тыс. челоувкъ; и естли имъ по вы-
шеписанной выкладкѣ положить жалованья противъ
большей статьи, и всѣмъ имъ иметца денежнаго и
хлѣбнаго жалованья и ружья 5,561,300 рублевъ.

И въ томъ числѣ естли хлѣбное жалованье поло-
жить въ цѣну по полтинъ за четверть, и того хлѣб-
наго жалованья будетъ деньгами 800 тыс. рублевъ.

А естли хлѣбнаго жалованья въ цѣну не класть, по тому
что хлѣбъ собирается со крестьянъ безъ купли, и кромѣ
хлѣба, денежнаго расходу иметца 2,761,300 рублей.

И естли положить на службѣ тѣмъ вышеписаннымъ
60 тыс. челоувкомъ корму на мѣсяць, по полтора
рубл.и на челоувка, и того на мѣсяць иметца 90 тыс.

рублевъ, и по сему положенію на 3 мѣсяца корму будетъ 270 тыс. рублевъ. Всего штидесять тысячамъ годоваго, и оружейнаго, и съ полковымъ трехъ-мѣсяцовъ кормомъ, иметца 3,051,300 рублевъ.

И естли бы Великій Государь указалъ денежному дѣлу быть противъ прежняго моего письма, то чаялъ бы я у Бога милости, что одною денежною прибылью вышеписанное число исполнилось бы.

И буде Великій Государь совершенно укажетъ денежное дѣло управить съ мѣлкою дробью, якожь прежде явихъ въ денежномъ письмѣ, то доведетца и пошлинной зборъ поправить. «А естли пошлинной зборъ поправитца,» * то за помощію Божіею и въ пошлинномъ зборѣ, чаю, что не меньше денежнаго числа доходовъ собрать на каждой годъ мочно будетъ. И тѣ, Государь, доходы міру будутъ не тягостны, а Великому Государю были бь прибыльны и прочны, и оставились бы они въ вѣчные доходы; а десятые деньги и поворотныхъ денегъ гораздо они легчебы были. А что подлинно тѣхъ пошлинныхъ сборовъ будетъ, и того, не взявъ изъ ратуши вѣдомости, по чему съ какихъ товаровъ собираетца пошлинъ, написать и расположить имяно не возможно.

Наки прошу твою преблагую и всещедрую милость, Государь Федоръ Алексѣевичъ, Господа ради благоволи сіе мое писаніе прочесть и рассмотретьъ, и буде что узришь угодно, то пожалуй Великому Государю объяви отъ своего лица; о мнѣ жь пожалуй умолчи. А что написахъ отъ недознанія своего, и въ чемъ погрѣшихъ, пожалуй отставъ. Истинно не лгу, что отъ самаго желанія сердечнаго писахъ сіе, а не отъ доствовѣрства, понеже земледѣлецъ есмь, а не воинъ, и

* Слово между запятыми у Рос. нѣтъ.

сего ради слико могохъ, толико и написахъ. Ещежь
прошу милость твою и о семъ, да не всякъ зреть
сего моего письма трудъ, но да будетъ оно въ сохра-
неніи для потребныхъ статей.

*Писавый Ивашико Посошковъ, главу свою подъ
ноги твоя подноситъ.*

*И о вѣсхъ погрѣшеніяхъ недознанныхъ и су-
мнителныхъ, прощенія проситъ.*

*И жселаеъ подъ кровомъ твоимъ благопри-
кровеннымъ жити.*

*И за то вѣрне предъ вѣсми людъми достойнѣ
тя блажити.*

ОТЕЧЕСКОЕ
ЗАВЪЩАТЕЛЬНОЕ
ПОУЧЕНИЕ

ПОСЛАННОМУ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ВЪ ДАЛЬНІЕ СТРАНЫ ЮНОМУ СЫНУ.

Въ прошедшемъ 1708 году высокою державною властію Великаго нашего Россійскаго Государя Монарха посланъ ты, любезный и точію мой едине сыне и наслѣдникъ, во Уропскія страны, ради обученія; въ какихъ дѣлѣхъ и наукахъ, о томъ повелѣніемъ Самодержца и милостивѣйшаго нашего Великаго Государя еще прежде твоего отпуску тебѣ сказано. Однако азъ яко союзомъ естественнаго родительскаго сожалѣнія зря тя, яко суща плоть отъ плоти и кровь отъ крови моя, еще въ лѣтѣхъ юныхъ, кромѣ обученія приличныхъ наукъ, и яко бы еще браздныя бумаги, на ней же ни что не писано, хочу отъ могущихъ случиться тебѣ лукавыхъ прелестей и подлоговъ непристойныхъ тя предварити, яко да всякое зло отвратиши, и во благихъ поучатися потщишися. Ты, мой возжеленно любезный сыне и чадо! на время вижу я отъ очей моихъ ты отлучна, о спасеніи жъ твоёмъ временномъ, пачежъ вѣчномъ имѣя попеченіе, сія послѣдующія поучительныя главизны въ пользу души твоя, тоже и для временныя твоя славы написахъ, и посылаю тебѣ, яко да такую же любовію, ею же ты единого чада возлюбихъ, отца и мать свою покорною сыновнею любовію насъ учествуеши. И, сыне мой! егда отъ сердца произшедшія вѣрныя завѣщанія по часту будеши прочитати, подщишися по нихъ ходи-

*

ти, да тѣмъ своимъ благочестивымъ теченіемъ шествуеши ко Владыцѣ и Создателю своему Господу Богу; потомъ и Державнѣйшему нашему премилостивому Царю и Государю, таже и намъ родителемъ твоимъ угодная сотвориши, себѣ же сокровища паче всѣхъ тѣнныхъ и привременныхъ богатствъ пріобрѣтѣши.

Представляю ти должность твою, юже долженствуеши поминати вся дни временныя твоя жизни, како и на что Господь Богъ тя изъ ничтожества въ чловѣкахъ бытна сотвори, украси тя по душѣ твоей умна, словесна, безсмертна. Подобіе Божіе въ чловѣчской душѣ се суть, правда, любовь, милосердіе, незлобіе, кротость, чистота, душевныя добродѣтели. Аще ли же сего подобна чловѣкъ не будетъ имѣти, пріиметъ подобіе врага Божія.

Азь родитель твой тебѣ дахъ точію тѣло а не душу, ея же сотворитель есть Господь иже отецъ духовъ нарицается; сотворенна же есть на небесѣхъ, идѣже и отечество наше, отнюду же по безсмертію души вси чловѣцы начало имѣють; на земли же есьмы странницы и временныя пришельцы: тѣло бо землено есть, а чловѣкъ несть тѣло, но душа въ тѣлѣ.

*По семъ слѣдовали многіе тексты изъ Священнаго писанія, зля утвержденія въ православной вѣрѣ, и для убѣжденія юнаго странствователя въ временныхъ и вѣчныхъ выгодахъ, которыя сопряжены съ послѣдованіемъ добродѣтели, и въ несчастіяхъ, неразлучныхъ съ безпорочною жизнію *.*

* Жаль, что г. Розановъ заблагоразсудилъ ихъ исключить.

Представляю ти, о сыне мой любезный! путь жизни и благодати, таже и путь смерти, исполненный всякихъ золь; но завѣщая, повелѣваю ти избрати путь благій, и бѣгати пути погибели.

Къ сему долженъ еси выну въ памяти блюсти, какое ти подобаетъ имѣти почитаніе къ милостивѣйшему нашему Великому Государю, Царю и Монарху, его же прирожденный еси рабъ; и его Государскою повелительною властію нынѣшняя посылка тебѣ сотворится не во оскорбленіе или какую тебѣ тягость, но да обучишися въ такихъ наукахъ обученіямъ, въ которыхъ тебѣ упражнитися довлѣетъ, да во грядущія лѣта, аще воля Божія восхоцетъ, и благодатию жизнь его продлится, достойна себя сотвориши ему Великому Государю нашему, въ какихъ себѣ услугахъ тя изволить употребити. Понеже великая есть и трудная преграда между въденіемъ и невѣденіемъ; сего ради дражайшее время твоихъ юныхъ лѣтъ попеченіемъ родительскимъ ти совѣтую ни единого часа во тщетныхъ и непотребныхъ дѣлахъ или играхъ туне погубляти, разсуждая, яко ни что же драгоценнѣе есть времени, его же часть, день или часъ, къ тому во вѣки не возвратится, и тѣмъ временемъ не точію вся красная мира сего получимъ, но и грядущую блаженнѣйшую вѣчность вѣрою и благими дѣлы достигаемъ. Того ради всякій день и часъ, не съ насаднымъ утружденіемъ, но, по возможности, чинно и благоговѣнно въ наукахъ провождати да потщишися. Скорѣйшаго же ради и удобнаго полученія наукъ, совѣтую ти Нѣмецкой, или наипаче чистой Французской языкъ учити, и въ началѣ въ томъ языкъ, его же изберешъ, учити ариметику, яже всѣмъ математическимъ наукамъ дверь и основаніе есть; потомъ сокращенную Матема-

тику яже въ себѣ содержитъ Геометрію, Архитектуру, и Фортификацію, еже въдѣніе земнаго глобуса, таже искусство земныхъ и морскихъ чертежей, компаса, теченіе солнца и знамяныхъ звѣздъ, не ради того, дабы ты сотворити инженеромъ, или корабельникомъ; но егда изволеніемъ Самодержавнѣйшаго Монарха нашего по случаю къ такимъ дѣламъ будешь приставленъ, егда по нуждѣ тебѣ востребуется то; инъ иноземець Инженеръ въ случаѣ укрѣпленія коего града или мѣста, или во облежаніи непріятельской крѣпости тотъ дѣла свои учнетъ исправлять, или въ вѣденіе науки, или недостатка ради твердаго искусства, или какого ради пристрастія, не право учнетъ къ шкодѣ или поврежденію цѣлости Великаго Государя градовъ или дѣлъ творить; тогда ты самъ, вѣденіемъ тѣхъ наукъ исполненъ, и окомъ ума своего и наукъ искусствомъ возможешь познати правду, или лукаво тотъ иноземець поступаетъ, и тѣмъ примешь отъ Великаго Государя и Монарха своего похвалу, отъ братіижъ своихъ честь, а такіе иноземцы, не право учиня, къ тебѣ будутъ имѣти страхъ.

Не возбраняюжь тебѣ между упражненіемъ въ наукахъ, ради обновленія жизненныхъ въ тебѣ духовъ и честныхъ рекреаций имѣти въ бесѣдахъ своихъ товарищей отъ лицъ благоцѣнныхъ, честныхъ; овогда же въ комедіяхъ, операхъ, кавалерскихъ обученіяхъ, какъ со шнагою и пистолетомъ владѣти, на конѣ благочинно и твердо сидѣть, съ коня различнымъ ружьемъ владѣть, и въ протчихъ подобныхъ тѣмъ честнымъ и похвальныхъ обученіяхъ забаву имѣть.

Да будутъ же тебѣ въ текущемъ времени всѣ 24 часа на различныя послѣдующія потребности сице раздѣ

лены; употребляй оныя часы каждаго дня отъ утра и до вечера по сему предписанію.

Во утріе отъ сна пробудяся, ознамени лице свое святымъ крестомъ, и абіе возставъ, облачися, умой руце и лице свое. На се тебѣ 1 часъ.

Ставь на молитву, во еже тебѣ бесѣдовати съ Царемъ небеснымъ и Господемъ Богомъ, отъ него же всякія благодати Духомъ Святымъ изливаются, со вниманіемъ глаголи обычныя утреннія молитвы. На семь тебѣ повелѣваю изнурятися 1 часъ.

Языку, его же избереши учиться, и граматическія его правила, на се 2 часа.

Въ наукахъ другихъ обучатися даже до полудни, 3 часа.

Ожидая стола, погуляй, и на прочія честныя забавы 1 часъ.

Ясти не больше 1 часъ.

Потомъ паки погуляй, да не отяготятся духи чрезмѣрными ученія трудами, 2 часа.

Паки по полудни въ языкъ или въ наукъ учиться 3 часа.

Въ вечеру паки ясти, за столомъ сидѣть не больше 1 часъ.

На вечернія молитвы 1 часъ.

Спати, мною, довѣсть, аще не 7, то небольши часовъ 8.

Всего имѣется всѣхъ часовъ 24.

Но во дни воскресные и торжествъ, по уставу православныя Церкви, егда наукъ ученія не бываетъ, повелѣваю въ тѣ дни, яко господу Богу посвященные, въ вечеру вечерню, поутру воставъ, по обычныхъ утреннихъ молитвахъ, слушати полунощницу и прочюю церковную службу; потомъ часъ обучатися во чтеніи святаго письма и кафиземъ, дабы ти твердо основатися въ артикулѣхъ святыя Восточныя вѣры, воеже непріати тебѣ иностранныхъ тамо много различныхъ вѣрь. Некако вредительныя признанныя, но зело полезныя прочитай правоучительныя книги, приличествующія юнымъ отрокамъ, Царя и Пророка Соломона книги притчей, премудрости, Еклезіаста, таже и книги Исуса Сирахова. Паче же внимай писанное въ третей той книги главизнѣ, и въ тѣхъ всѣхъ многую пользу, наставляющую тя на истинный и правый путь Христіанскаго жительствова, обрящешь. Еще же обучатися и прочитати полезныя и правоучительныя Восточныя Церкви святыхъ учителей сладостныя словеса. Прочія же тщетныя глумительныя упражненія, наипаче пїянства тебѣ удалятися твердо завѣщаю, и сію страсть, яко врага, ведуща на путь широкій пагубы, весьма бѣгай: ибо сіе пристрастіе яко душевная смерть есть, и въ коего чловека сія страсть внидетъ, въ томъ никакимъ наукамъ, ниже учению благому вселитися не можно. Еще долженъ еси, наипаче въ тѣ праздничныя дни, памятовати о нищихъ, имъ же въ нарочной ковчезецъ нѣчто отложи, и по времени какова плѣтника, или инаго убогаго, голодомъ или наготою страждуща, не взирая, какова той породы и вѣры, произволеніемъ благимъ милостину подождь, и всяко потщися тѣ освященные дни въ дѣлѣхъ благихъ, Господу Богу угодныхъ проводить. Къ тому храни себе, воеже какими непристойными или грѣховными забавы

онные святые дни не осквернити, и за то гнѣвъ Божій на ся навести.

Не забывай благодати къ себѣ Божіей. Возри вспять и размысли, какое великое пространство морскихъ путей, разбіенія, запаленія и отъ разбойникъ невредна и цѣла ты Господь ангелы своими святыми сохрани, въ Голандію приведе, и паки коликой его всеможной сохрнительной благодати еще себѣ и впредь потребуеши, дондеже по многихъ дняхъ возвращенія твоего возможеши во отчину свою притти, и насъ родителей и сродниковъ своихъ видѣти. И сей благодати, развѣ единого точію Всесильнаго Господа Бога, его же недреманное око непрестанно зреть на чловѣческія дѣла и начинанія, ни кто отъ смертныхъ чловѣкъ тебѣ подати никакоже можетъ. Во вседневномъ же твоёмъ обхожденіи съ людьми повелѣваю ко всѣмъ быть учтыву, ласкову и уклонну, смотря по чловѣку, смотря обаче да ни малыхъ знаковъ киченія, ниже неприличныхъ высокостей покажешь.

Егда въ службу себѣ случится тебѣ принять какова чловѣка ради ученія языка, гораздо оберегайся и острегайся, чтобъ тебя чѣмъ прельстивъ и подмѣтя, не обокрали, и того для, кромѣ при тебѣ Рускихъ сущихъ, кои съ тобою отпущены, ни какой бы иноземецъ о деньгахъ, при тебѣ обрѣтавшихся, не въдалъ. И тѣмъ деньгамъ приходъ и расходъ у себя вели записывать.

Въ денежной раздачѣ поступай такъ посредственно, чтобъ не была чрезмѣрная. И непотребная издержка, дабы въ случаѣ замѣшканія отъ меня, или какимъ препинаніемъ до тебе не дойдутъ деньги, не постиглабъ

тебя, будучи въ чужихъ дальнихъ странахъ, кая денежная нужда. А хотя изобильство денежное у тебя явится, держи расходъ свой такимъ поведеніемъ, дабы не въ жестокою скупость тебѣ склонитися; но еще можно, и съ людьми на мѣсяцъ въ одномъ мѣстѣ живучи, тебѣ пробыть по 100 ефимковъ, или гульдень по 150 Голландскихъ; и тѣмъ бы по нынѣшнимъ дорогимъ векселямъ мнѣ было сносно и благопріемно, для того что сто ефимковъ нашими Русскими деньгами 90 рублевъ, и того въ годъ будетъ больше 1000 рублевъ.

А тѣ 100 ефимковъ въ мѣсяцъ расположить въ сичевой расходъ:

На пищу общей честной столъ въ полдень за 3 человека по 15, а въ вечеру по 10 стиверовъ; и того имѣется въ день 75 стиверовъ, въ мѣсяцъ 2287.

На питье для гостей, иногда случающихся, въ мѣсяцъ стиверовъ 390.

На одежды, шляпы, перуки, чулки, башмаки, рукавицы, бѣлье и прочія мелочи всѣмъ на мѣсяцъ по 50 гульдснъ, всѣмъ 600.

За Іюнныя различныя при рекреациі честныя забавы имѣется всего стиверовъ 5000, или гульденовъ 150, то есть 100 ефимковъ добрыхъ.

И въ семь усмотря повремени, можно въ иномъ убавить, а въ иномъ прибавить, на иные расходы нужныя: на покунку книгъ, инструментовъ и иныя потребности держать оставляется, что по сей смѣтѣ удовольится. Трѣмъ человекомъ тѣми 100 ефимками на мѣсяцъ, а на весь годъ 1200 ефимками жити мочно.

Сей же предѣль азъ полагаю не ради обрѣзаннаго твоего расходу, но да научишия посреди преизобильства имѣти правила честнаго удержанія, еже тебѣ будучи господиномъ, дома научиться како въ семь поступати. Да приходъ твой всегда больше расходу съ остаткомъ, безъ трудныхъ и безчестныхъ долговъ, какъ многимъ случается, будетъ сравненъ; аще же и прилучится приходу въ высшее состояніе, и честно и всѣмъ удивительно прострѣшься. Паче же внемли, аще ти можно, отъ преизлишняго расходу твоего и ненужнаго сберечись: тогда ти подастся способъ нѣчто убогимъ подати; тогда просвѣтитя свѣтъ твой и дивенъ будещи иноземцамъ, и великую милость Господню къ себѣ привлечеши, еже ты не точію во временномъ житіи, но во грядущей вѣчности неизреченнымъ воздаяніемъ нескончаемыхъ благъ срящеть.

И аще въ сехъ, много тебѣ предписанныхъ, правилахъ каждое съ достойнымъ вниманіемъ, при житіи воздержномъ и чистомъ, честію вся исправляти потщишься, тогда великое себѣ сокровище, его же ни кто отъ смертныхъ человекъ; ниже кая стихія отъ тебѣ отлучити возможетъ, но присно даже до самыя кончины твоея вѣрно и неотлучно съ тобою пребудеть.

Сія собранныя сокровища ти будутъ твердыя оружія ими же можешь себѣ отъ всѣхъ лукавыхъ видимыхъ и невидимыхъ стрѣлъ невредна сохранить.

Сими благими науками всю естественну грубость отлучиши; ибо натуральный человекъ, произшедшій отъ отца и матери, въ міръ сей ничто же имать. И къ тому да подасть Господь Богъ тебѣ моему прелюбезному чаду духъ премудрости, духъ разума, духъ со-

вѣта, духъ вѣденія и страха Божія, еже азъ отецъ твой и мати и вси сродники твои тебѣ отъ всего сердца своего пріяти желаемъ, и Господа Бога молимъ, да въ пріобрѣтенныхъ ти вболишися наукахъ и правахъ благочестивыхъ, въ радость и веселіе наше, яко древле въ чистотѣ преславный отрокъ Іосифъ, во старости отца своего Іакова зря, возвеселися, сего же и мы да сподобимся. Аминь.

ДОНОШЕНІЕ
ИВАНА ПОСОШКОВА
МИТРОПОЛИТУ
СТЕФАНУ ЯВОРСКОМУ.

К. Θ. Калайдовичъ напечаталъ сіе донесеніе въ Русскихъ Достопамятностяхъ съ слѣдующимъ предувѣдомленіемъ:

«Подлинникъ, писанный на столбцѣ скорописью, рукою самаго сочинителя, найденъ между рукописями типографской Синодальной библіотеки въ Москвѣ. Безъ сомнѣнія, Доношеніе сіе писано къ извѣстному въ ученомъ свѣтъ Стефану Яворскому, славному тогдашнему Іерарху и Блюстителю Патріаршаго престола, ибо сочинитель ясно говоритъ объ извѣстной его книгѣ: Знаменія пришествія Антихрестова; справедливо также и то, что оно относится къ началу прошедшаго вѣка, потому что о помянутой книгѣ Посошковъ упоминаетъ какъ уже объ извѣстной, а она появилась не прежде 1703 года. Имя Посошкова нѣкоторые изъ читателей, можетъ быть, знаютъ по одному его предложенію, поданному Боярину Федору Алексѣевичу Головину, относящемуся къ военной наукѣ. Должно дивиться изыществу мыслей, не весьма обыкновенныхъ, а особливо въ тогдашнее время, и чистотѣ слога, потому болѣе, что сочинитель былъ простой крестьянинъ, не имѣвшій случая образовать своихъ врожденныхъ способностей.»

Великій Архипастырю восточные Христовы церкви и нашъ великій свѣтильниче Всероссійскій! благоволи сіе писаніе пріяти, и изъявленному въ немъ нужную

нуждоу всенародную разсмотрити. Въмъ бо, яко не вся наша Христіанская нужда суть ти извѣстна; того бо ради и дерзнуохъ ти тоу нашоу доуховную нуждоу чрезъ сіе писаніе изъявити. О семъ ты, Государь! извѣстно вѣси, что мы люди малоученые, а отъ настоятелей нашихъ ни о какомъ исправленіи доуховномъ ученія на доуховности не бываетъ; потому что и самъ онъ ничего не разумѣеть, да и разумѣть емоу непочему; и самъ онъ отъ отца своего доуховнаго тому не наученъ есть, а въ книгахъ нашихъ Славенскихъ многихъ нашихъ Христіанскихъ нуждъ не напечатано, и всеконечно знать имъ непочему. Толь мы просты, что не токмо бъ кто ученой иновѣрецъ, но хотя бъ самой послѣдней земледѣлецъ иновѣрной о чесомъ воспросилъ насъ Москвичъ, то не знаемъ какъ имъ отвѣди дать; и не до того ста, но аще и отъ бесурманъ кто воспроситъ насъ, то и имъ отвѣтоу дать не умѣемъ, а что и станемъ говорить, лише самимъ себѣ намъ на стыдъ и всему православію на пороуганіе; и за то имя наше Христіанское вельми во иновѣрныхъ хоулится. А наипаче мы, Россіане, носимъ на себѣ зазоръ, понеже ни вѣры своя какова она есть, ни благочинія доуховнаго, ниже естественнаго добровравія, ни гражданства добраго, какъ надлѣжитъ жить, не разумѣемъ же, но живемъ чоуть не подобны безсловеснымъ.

И того ради вельми нужно вашей святости о семъ потщатися, дабы намъ дать знать, какъ намъ доуховное и естественное и гражданское благочиніе управлять, наипаче жъ того, какъ намъ Бога знать, и какъ честныя иконы почитать, и какъ доушепользно жить.

Я мню, что и на Москвѣ развѣ согой человекъ знаетъ, что то есть православная Христіанская вѣра, или кто Богъ, или что есть воля его, или какъ ему моли-

тиса, и какъ молитва приносить, и какъ воля его творить? или какъ Пресвятую Богородицу почитать, и какъ Ангеловъ и угодниковъ Божіихъ чтить, и какъ ихъ въ помощь себѣ призывать, или о ходатайствѣ молить, и какъ Ангела хранителя, также и тезоименнаго святаго, какъ чтить, и какъ на помощь себѣ призывать, или какъ честныя иконы почитать? А естли въ посѣлянехъ посмотрить, то истинно не чаю изъ десяти тысящъ обрѣсти чловѣка, еже бѣ хотя малое что о сицѣвыхъ вещехъ что зналъ. И того ради вельми, вельми надлежитъ о семъ дать знать чрезъ ново-выданное вашему благоразуміемъ изъясненіе и распосланіемъ во вся концы Россійскіе.

Нынѣ Государь видѣлъ я на печатномъ дворѣ строящіяся новыя требники, и зря ихъ возбудилась ми мысль, еже донести святости твоей о сіихъ статьяхъ, и дабы твоимъ Архипастырскимъ раченіемъ и многотруднымъ тшаніемъ вмѣстить, о изъясненіи сіихъ здѣ означенныхъ статьяхъ, въ послѣдованіе ко исповѣди, аще же уже въ самую исповѣдь вмѣстить невозможно, то хотябъ на концѣ требника; и положить бы такое всѣмъ презвитерамъ повелѣніе, дабы вначалѣ исповѣди уготовляя хотящаго исповѣдаться ко исповѣди, сперва спросилъ его, какъ онъ въ вѣре благочестивой пребываетъ, и нѣтъ ли у него о вѣре какова блазвнія? И буде въ вѣре колеблетца, тобъ его направилъ на истинное благовѣріе и о вѣре утвердя спросилъ бы, како онъ почитаетъ Бога, и како Богородицу, и како Ангеловъ Господнихъ и святыхъ Божіихъ угодниковъ? и како почитаетъ святыя иконы, и не называетъ ли написаннаго или изваяннаго образа Христова Богомъ? и с каковымъ намѣреніемъ предъ иконами молится, мысль свою ко образу имѣеть, или къ самому Богу? подобнъ и предъ

инными образы, и какъ моленіе свое простираеть? та-кожде с каковымъ намѣреніемъ і свѣщи предъ иконы поставляеть, иконе ль той честь творя, или самому изображенному на той иконѣ, предъ нею же свѣцоу поставляеть? И буде въ чемъ неправо управляетъ, о томъ бы ему далъ знать, и научилъ какъ что чинить, и научилъ бы его и тому съ каковымъ намѣреніемъ въ церковь входить и въ ней стоять, и о всемъ доуховномъ управленіи наказавъ и утвердя, начать по обычаю исправлять исповѣдь. По окончаніи же исповѣди приложить правоученіе житейское о любви доуховной и о естественныхъ добродѣтеляхъ и о гражданствѣ, чтобъ былъ во всякомъ дѣлѣ постояненъ и въ словѣ своемъ неизмѣненъ, и чего себѣ не хоцеть, тогобъ людемъ отнюдъ не чинилъ; и никого бѣ, ни стараго, ни малаго, а наипаче же простоумныхъ и малосмысленныхъ и клосныхъ не пересмѣхалъ, ни осуждалъ, и усть своихъ браннымъ и кощоуннымъ сквернословіемъ не сквернилъ бы. Аще убогъ, богатыхъ бы не поносилъ, но почиталъ бы ихъ яко отъ Бога почтенныхъ, такождебъ и величестныхъ почиталъ же бы, и вездѣ бѣ имъ давалъ мѣсто честиѣйшее, понеже всякая честь и начальство дается отъ Бога; а кш соуть убози или малочинни, и тѣми бѣ не гнушался, и принималъ бы ихъ во всякихъ порядкахъ яко братію, и противъ ихъ поклона отдавалъ бы поклонъ удобнѣи, дабы той убогій о поклонѣ гордостномъ не оскорбился; и во всемъ бы ихъ утѣшалъ, а того бѣ вельми остерегался, дабы убогаго или и богатаго какимъ дѣломъ или словомъ не оскорбить. Къ сему же еще приложилъ бы и сіе, какъ мужу з женою жить и какъ женѣ с моужемъ, чтобъ любовь междуу ими была заимная. И о прочіихъ Христіанскихъ добродѣтеляхъ

всякаго сына доуховнаго, богатаго и убогаго, наказываль бы с великимъ прилъжаніемъ, не торопясь. Да и о семъ всѣмъ священникамъ заповѣдать, чтобъ дѣтямъ своимъ доуховнымъ крѣпко заказывали, дабы всякой человекъ въ домѣхъ своихъ дѣтей своихъ, и пріимышевъ, и племянниковъ и рабовъ со младенчества учили всякому благочинію, и чтобъ отнюдь по улицамъ играть и сквернословить и буесловить и въ празности быть не попускали, и ко святѣй церкви ходитъ понуждали бѣ. Подобно егда станетъ пресвитеръ и своего брата пресвитера жъ исповѣдывать, то в началѣ о сихъ же бы статьяхъ спросилъ его, всяль управляетъ тако, якоже ему повелѣно, и не прикрываетъ ли онъ раскольниковъ? и кѣи отъ святѣй церкви отщепились, и ни на исповѣдь, ни к тѣлу Христоу не приступаютъ, не называетъ ли таковыхъ дѣтьми своими доуховными? И буде въ чемъ явится неисправенъ, то бѣ отложитъ иные всякіе нужды, и церковныя службы, того бѣ исправилъ, и на вся правыя стези направилъ; и о всемъ его утвердилъ и о вышесказанномъ нравоученіи. искуся, запрѣтилъ бы запрѣщеніемъ великимъ, дабы онъ о сихъ предложенныхъ статьяхъ на исповѣди о дѣтяхъ своихъ доуховныхъ неоплошное попеченіе имѣлъ, и на путь спасенія всю свою паству наставлялъ, временно и безвременно, не токмо в годъ или въ два или въ три сына своего доуховнаго видѣлъ у себя на исповѣди, но ко всякому своему сыноу доуховному и кромѣ исповѣди въ дома ихъ приходилъ, и житія его смотрилъ, и на всякое бѣ благонравіе наставлялъ; то и малое бѣ дѣло что на годъ трикраты, а коего видя неисправна въ чемъ, то надобно и многократно приходитъ и на всякое дѣло благое его наставлять. А егда станетъ во время поста пресвитеръ дѣтей своихъ доуховныхъ

исповѣдывать, то ради совершеннаго управленія не во единъ бы день всѣхъ исповѣдывалъ, яко прежніи обычай имѣли, но хотя бъ токмо по десяти человекъ на день исповѣдывалъ, токмо бъ со всякимъ испытаніемъ; и того бъ ради хотя с понедѣльника начиналъ, и тако бъ во всю недѣлю исповѣдывалъ, дабы совершенно ихъ могъ управить. И егда коему сыноу доуховному, наипаче же священнику, естли какой на исповѣди приказаніе скажетъ, и тобъ приказаніе записывалъ въ особую, на то учиненную книгу; и егда въ предгрядущее время той ко исповѣди придетъ, и о томъ приказаніи своемъ спрашивали бъ имянно, управиль ли то, еже ему было приказано?

И сицѣвымъ образомъ, естли ты, великій Архіерею Божій! благоволишь потрудитися, и издаси со исполненіемъ твоего благоразумія полная расположенія, чаю я, что мочно намъ не въ большіе годы всякаго благонравія научатися. А аще же не сицѣвымъ образомъ, то Богъ вѣсть, мочноль намъ научитися. Естли намъ токмо въ школахъ учиться всякаго вышеозначеннаго благоразумія, то чаю, что ни во сто лѣтъ намъ не научитися будетъ. А сицѣвымъ порядкомъ не въ долзъ научимся; развѣ у коего священника сицѣваго требника, или и кромъ требника особаго вашего святительскаго повелѣнія не будетъ, той токмо дѣтей своихъ доуховныхъ учить не станетъ, и самъ знать не будетъ. И мнится, Государь, мнѣ, что надлежитъ и великимъ клятвеннымъ запрещеніемъ презвитерамъ запрѣтить, чтобъ они отнюдъ не искуся и не утвердя въ новоположенныхъ отъ высокоразумія твоего статьяхъ дѣтей своихъ доуховныхъ не исповѣдывали.

Ей, Государь! вамъ непочесому знать, какое въ народѣ нашемъ обыклое и застарѣлое безумство содѣвается. Я аще и не бывалъ во иныхъ окрестныхъ

Государствахъ, обаче не чаю нигдѣ такому безумству обрѣстися. Не скаредное ль сіе есть дѣло, яко еще младенецъ не научится какъ и хлѣба назвать, или чего иного нареци, или попросить до чего ему нужда какая есть, а родителіе въ началѣ научаютъ его сквернословить и грѣхотворить? чемъ было въ началѣ младенца учить какъ Бога назвать и указывать на небо съ рѣченіемъ, что тамъ Богъ. И тако младенецъ бы отъ самыхъ пеленъ научился Бога знать, а родителіе вмѣсто такова ученія отецъ учить мать бранить сицъ; мама кака, мама бя бя; а мать учить отца бранить подобнѣ: тятя бя бя; и какъ младенецъ станеть блякать, то отецъ и мать тому радуются и понуждаютъ младенца, дабы онъ непрестанно ихъ и постороннихъ людей блякалъ. Къ сему же злоу и еще злоу поущаютъ младенца: отецъ учить матку по щекамъ бить, а мать такожде учить отца бить, а иныя и такіе отцы есть, что и сами себя поущаютъ бить и за бороды драть; и егда младенецъ за бородоу приметца, и тому отецъ вельми радуется. А когда мало повозмужаетъ младенецъ, и говорить станеть яснѣе, то уже учать ево и совершенному сквернословію и всякому неистовствоу. И естли кто зря младенца неистовищаго речеть отцу или матери, чтобъ ево отъ таковаго безчинія унимали, и они отрицають, что де на него смотритъ, онъ де еще малъ, а егда возмужаетъ, и самъ де онъ того творить не станеть; что де ево учить, онъ де ничего не смыслить. И тако родителіе токмо плоть смертную раждаютъ, а бессмертную душу погоублюють: и за самую свою хоудоую и мало-временную утѣхоу дѣтей своихъ вѣчно смерти придаютъ; понеже егда кой отрочищъ изъ младенчества своего чесому навькнеть, то съ тѣмъ нравомъ и до смерти пребудеть. Слышелъ я, что Крымскіе Татаро-

ве дѣтей своихъ ни за какіе вины не бьютъ, дабы они были буявы и безстрашны; и сему вѣрить мочно, что сіе есть правда. Бude кой младенецъ въ грозѣ возрастетъ, той будетъ и до старости боязливъ, понеже страхъ въ немъ заростетъ и не изыдетъ, изъ него даже и до старости, и тако чего ни навькнетъ изъ младенчества, съ тѣмъ и пребудетъ. И по сему явно, что отъ сего въ насъ всякое безстрашіе и безуміе рождается, что изъ младенчества намъ ученія доушепользнаго не бываетъ. Гдѣ то слыхано, что у насъ на путехъ, и на торжищахъ и при трапезахъ, наипаче же того бываетъ и во церквахъ, всякая сквернословія и кощунства и всякая непотребная разглагольствованія? другъ друга роугаетъ, другъ друга осуждаетъ и просмѣхаетъ; и не обрѣтается въ насъ ни знака Христіанскаго, кромѣ того, что токмо мы имянемъ словомъ Христіанъ; а чего ради и Христіанами нарицаемся, и что въ томъ рицаніи сила, того отнюдь не знаемъ же. Откудау же вся сія прозябоша, явѣ яко отъ ненаученія младенческаго. Всему же тому начало, еже священники у насъ въ Роуси не ученые: естли бы они были всѣ ученые, или и не ученые, да вся бѣ сія разумѣли, то всячески бѣ дѣтей своихъ доуховныхъ на всякое благо наставляли, а о непотребствахъ бы запрещали; а то ни сами разумѣютъ, ни насъ учатъ. А се и знать имъ и самимъ непочему, понеже въ книгахъ о семъ изъясненія полнаго и явнаго нѣтъ. И сего ради вельми, вельми надобно о семъ потщатися, дабы отъ неразумія люди Божіи напрасно не погибали. И аще воля ваша святительская къ сему моему доношенію низходительна будетъ, то молю, да благоразуміемъ своимъ даси намъ разумѣть, какъ Бога знать, и какъ его чтить, и какъ его молить, и какъ Пресвятую Богородицу, и

какъ Ангеловъ Господнихъ, и прочихъ святыхъ чтить и молить, и какъ образы ихъ почитать, и свѣщи съ каковымъ намѣреніемъ предъ кои иконы поставлять, и кои свѣщи идутъ въ честь самому Богу, и кои токмо единому изображенію. Мнѣ, Государь! сіе зритца вельми неправо, что во церквахъ свѣщи поставляютъ всякой челоуѣкъ предъ свою собину, кои у него иконы принесены изъ дому, а предъ церковныя иконы и двадцатые доли свѣчь не поставляютъ; а кои свѣчи и подають предъ церковныя иконы, и тѣ наипаче поставляютъ предъ образъ святаго Николая и прочихъ святыхъ, кто коего паче чтить, а предъ Спасителевою и предъ Богородичною иконами вельми мало свѣчь является, а въ иное время и безъ свѣчь бываютъ. И сіе зритца вельми есть безмѣстно, а сіе и того безмѣстнѣйши, и вельми ми забольно, что въ праздничныя дни свѣщами церковь предъ мѣлкими иконы домовными наполняютъ, отъ части и предъ мѣстные поставляютъ, и отъ множества свѣчь во церкви и въ трапезѣ возженныхъ свѣтъ велий возсіеваетъ, а во алтарь яко въ темницѣ темность великая бываетъ, и не токмо бѣ свѣща какая горѣла предъ престоломъ, но и предъ самымъ животворящимъ тѣломъ Христовымъ никакіе свѣчки не бываетъ. И естли, Государь, сіе мое изрѣченіе добро, что у престола Божія быть свѣщамъ и предъ ковчегомъ, идѣже тѣло Христово лежитъ, то мнѣ ся мнить, что тѣ свѣщи пріятнѣе бѣ Богу были. И естли сія тако, то не хоудо бы туже ко исповѣди приписать и о семъ, дабы отцы доуховныя на исповѣди дѣтямъ своимъ доуховнымъ и о семъ имянно наказывали, дабы паче тщалися свѣщи подавать во алтарь, а потомъ уже въ церковь предъ иконы. А на праздники и воскресныя дни всякой бы челоуѣкъ могоутно подалъ во алтарь свѣщюу

алтынную, или грошовую, или копѣечную, а маломочно денежную, или и полоуденежную, а безъ того бѣ никто не былъ, еже по силѣ своей свѣчки во алтарь не подать.

И отъ всея свося души святость твою молю, Господа ради невѣжество мое презри, а на усердіе мое призри, и сіе назнаменанное древо въ нынѣ совершающіяся требники водрузи. Въмъ бо, вмъ, яко Богъ не обидникъ, не избидитъ тя во трудѣхъ твоихъ воздающе, но воздастъ и со излишествомъ за насажденіе сего малаго лѣторасльнаго древа; сподобитъ тя отъ многолѣтнаго и многоплоднаго древа жизни посреде рая насажденнаго прекраснаго и пресладкаго овошья вкусити, и въ некончаемыя вѣки насладитися! Аминь, аминь, аминь.

Молю же тя великаго Архіерея Божіи паки, Господа ради не отрини сего моего доношенія, за необычное мое дерзновеніе, или за несложность письма. Ей неученый есмь человекъ, къ сему же еще и земледѣлецъ есмь, токмо отъ вложенныя ми отъ Бога ревности возжелахъ о сіихъ статьяхъ донести; понеже вижоу, что отвсюдоу погибаемъ, а помощи и спасенія ни откудоу не знаемъ. Хорошо бѣ по имянованію нашему и житіе наше было, и чтобъ имя Христово въ насъ не хоуилось, но всячески бѣ прославлялось; тобы наша пользная честь, еже бы намъ всѣхъ окрестныхъ государствъ всякими добродѣтелями и добронравіемъ превзыти. И надеждоу о семъ имью на Бога несоумнѣнную, аще той водрузитъ во твое святительское сердце о сіемъ предложеніи прилѣжное тщаніе, то будетъ тако, яко надлежитъ быть. О Антихристѣ и вельми многотрудно въ изъясненіе учинить, обаче егда

потыщался еси, и Богъ помогъ ти объяснить явно яко въ зеркаль. И естли, Государь! изволишь ради все-народные пользы означенные статьи по благоразоумію своему состроить, то многіе люди спасутся, вси бо яко отъ сна пробудятся.

Писавый убогій мирянинъ
села Покровскаго крестьянинъ } Иванъ Посошковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе съ изслѣдованіемъ о жизни Посошкова.	1
КНИГА О СКУДОСТИ И О БОГАТСТВѢ.	
ВСТУПЛЕНІЕ. Что есть скудость и богатство народное. Отъ чего онѣ происходятъ. Раздѣленіе на 9 главъ. Причины и общія понятія о каждой изъ нихъ порознь.	1
ГЛАВА I. <i>О духовности.</i> Состояніе духовенства. Отношеніе къ народу. Невѣжество. Необходимость въ руководствѣ, въ школахъ, испытаніяхъ, учени, книгахъ. О церковной службѣ, объ ересяхъ. О качествахъ нужныхъ для священника, монаха. Какъ и чему священники должны учить мірянъ на духу и въ жизни. Содержаніе духовенства. О десятинахъ. Невыгоды и неудобства ругъ и содержанія работою. Объ обезпеченіи духовенства. Больницы и богадѣльни. Состояніе Богослуженія. Какъ должно жить священникамъ. Объ ихъ одеждѣ и образѣ жизни.....	9
ГЛАВА II. <i>О воинскихъ дѣлахъ.</i> Недостатокъ жалованья. Дурное содержаніе. Самовольство. Недостатокъ въ управѣ. Необходимость въ равномъ судѣ, въ усиленіи ученія, въ добромъ оружіи. О прибавкѣ жалованья за успѣхъ. Объ ученіи стрѣлять въ цѣль. Доказательства неумвнія. Пѣхота и конница. Преимущества хорошо обученнаго войска. Морской экипажъ. Наказанія. Противъ суда равнаго равными.....	32
ГЛАВА III. <i>О правосудіи.</i> Важность правосудія. Что долженъ дѣлать судья по полученіи сего званія. О молитвѣ. Пересмотръ колодниковъ. Прииѣтры беззаконныхъ поступковъ. Списки колодниковъ. Необходимость въ скоромъ рѣшеніи. Списки дѣлъ и средства къ ихъ скорѣйшему оковчанію. Дѣтельность судейская. Выписки изъ дѣлъ. Рѣшеніе подъячихъ. Рѣшеніе судей. Сравненія, и награды, наказанія подъячимъ. Пред-	

варительныя увѣщанія итцу и челобитчику порознь.	
Средства къ примиренію. Распросы и прочія мѣры.	
Очныя ставки. О лбедникахъ. Нелицепріятіе.	
О повальныхъ обыскахъ. О свидѣтеляхъ. Допросы, наказанія для нихъ. О повинныхъ. Какъ судья долженъ рѣшать дѣла.	
Судъ надъ богохульцами и разбойниками. Противъ волокиты. О гостинцахъ. Какъ слушать дѣла.	
Собраніе мѣвнѣй. Пренія. О скрѣпахъ. О забраніи справокъ. Неудобства. О счетныхъ дѣлахъ и пріемахъ казенныхъ. Конфискаціи. Собраніе податей. О казенныхъ земляхъ. Необходимость въ новомъ уложеніи.	
Разпредѣленіе дѣлъ. Нужно созвать выборныхъ людей изъ всѣхъ сословій. Почему. Общее разсужденіе о всѣхъ статьяхъ, и поднесеніе Государю Императору на утвержденіе. Предварительныя опыты. Ровной судъ. Учрежденіе особой высшей канцеляріи надъ судопроизводствомъ. Жалованье судьямъ съ дѣлъ.	
Раздѣленіе дѣлъ и такса. Мѣры противъ взятокъ. Наказанія. Судьи изъ низкаго рода. Упадокъ правосудія въ Россіи. Вызовы дворянъ на службу. Отговорки. Мѣры противъ тунеядцевъ. О бѣглыхъ крестьянахъ. Переманиванья. Недостатокъ новыхъ мѣръ, и необходимость въ иныхъ. О напрасныхъ челобитьяхъ. О нищихъ и о тюрьмахъ. Государственные чиновники. Ихъ образъ жизни по городамъ. Необходимость въ большой дѣятельности. Надзоръ за общественною праздностью. Беззаконныя наказанія. О ссудахъ и взысканіяхъ.....	45
ГЛАВА IV. О купечествѣ. Важность купечества. Должно поддерживать и защищать оное. Свобода торговли. Должно запретить торговлю всѣмъ, кромѣ купечества. Противъ обмановъ купеческихъ. Мѣры. О сотскихъ и десятскихъ. О цѣнахъ. Какъ должно поступать съ иностранцами, и какъ опредѣлять цѣну нашихъ товаровъ. Чѣмъ принудить иностранцевъ къ согласію. Проценты за промедленіе. Необходимость	

- въ нашихъ товарахъ. Описаніе товаровъ иностранныхъ и ихъ негодности. О тарифѣ. О цѣнѣ денегъ. Чѣмъ должны мы украшать себя. Противъ роскоши. Необходимость раздѣленій одежды по званіямъ. О щегольствѣ монашескомъ. Объ употребленіи иностранныхъ винъ. О табакѣ. О торговыхъ товариществахъ. 112
- ГЛАВА V. О художествѣ.** Должно ученикамъ выживать годы ученія у мастеровъ сполна. Объ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ. Привилегіи и ихъ необходимость. Начальники надъ мастеровыми. Отвѣтственность. Дурное обращеніе съ мастеровыми. Объ иконописи. Заводы изъ домашнихъ произведеній. Какъ ихъ вести и усовершенствовать. Казенныя фабрики. Иностраные мастера. Занятія для нищихъ. Обзоръ разныхъ мѣстъ Россійскаго Государства для отысканія нужныхъ припасовъ и снадобьевъ..... 140
- ГЛАВА VI. О разбойникахъ.** Множество ихъ. Причины въ медленности суда. Мѣры противъ нихъ. Раздѣленіе народа — крестьянъ, господскихъ людей, и проч., для надзора въ полицейскомъ отношеніи. Начальники. Паспорты. Явка. Отвѣтственность. Наказанія за укрывательства, недонесеніе. О поимкѣ. Наказанія. Допросы. Рѣшенія..... 154
- ГЛАВА VII. О крестьянствѣ.** Причины дурнаго положенія крестьянъ. О ихъ праздности. Какъ строить деревни. Охраненія отъ разбойниковъ. Взаимная помощь. Должны учить дѣтей своихъ грамотъ. Противъ истребленія лѣсовъ. Объ орѣхахъ. О рыбной ловлѣ. Отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ. Тяжелые налоги. Необходимость въ указномъ положеніи, почему помѣщикамъ брать въ крестьянъ. Должно помѣщикамъ собраться и опредѣлить всѣ поборы. Всего справедливѣе съ земли. Противъ подушнаго сбора. Свобода крестьянъ по выплатѣ оброка. Противъ лѣности. Что такое дворъ крестьянскій, какъ платящая единица. Мѣры противъ излишнихъ поборовъ. Принад-

	стр.
лежность крестьянъ Государю. Объ отбрании крестьянъ за излишніе поборы. Наказанія судей противъ потворства помѣщикамъ.....	171
ГЛАВА VIII. О дворянъхъ, крестьянъхъ и о земляныхъ дѣлахъ. Противъ дѣленія земель жилыхъ и пустыхъ. Опѣнка. Дѣлежъ деньгами. Общее межеваніе и установленіе неподвижныхъ межей. Какимъ образомъ. Наказанія противъ ослушниковъ. Опрежденіе общаго поземельнаго сбора послѣ межеванья. Преимущества поземельнаго сбора. Учрежденіе для того особой Канцеляріи.....	191
ГЛАВА IX. О Царскомъ интересѣ. О бережливости. О корабельныхъ лѣсахъ. Важность. Освидѣтельствованіе. Клейма. Канатные фабрики. Надзоръ. О сборѣ пошлинъ во внутренней торговлѣ. Мѣры. О соляной продажѣ. Свободная торговля. О питейномъ сборѣ. Освободномъ винокурениі. Вѣдомости. Средства. О таможенныхъ. Содѣйствіе промышленности. Необходимость въ одной повсемѣстной цѣнѣ на вино. Мѣры противъ злоупотребленія. О хмѣль. О чеканеніи денегъ. О власти Государя въ отношеніи къ достоинству денегъ. 209	209
Заключеніе. Обращеніе и просьба къ Императору Петру I. 258	258
—————	
ВОЯРИНУ БЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ ГОЛОВИНУ О РАТНОМЪ ПОВЕДЕНІИ.....	261
—————	
ОТЕЧЕСКОЕ ЗАВѢЩАТЕЛЬНОЕ ПОУЧЕНІЕ ПОСЛАННОМУ ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ВЪ ДАЛЬНІЯ СТРАНЫ ЮНОМУ СЫНУ.....	293
—————	
ДОНОШЕНІЕ ИВАНА ПОСОШКОВА МЕТРОПОЛИТУ СТЕФАНУ ЯВОРСКОМУ.....	305
Къ сочиненіямъ Посошкова приложены три страницы снимковъ.	

Инвентаризировано в 191.

2283
Институтъ Здравоохраненія
и Исторіи Медицины
А М Н
БИБЛИОТ